

БИБЛИОТЕКА БОМ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

БИБЛИОТЕКА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ДЖЕФРИ КОНВИЦ

Страх

ДЖОН РУССО

Полночь

ДЖЕФРИ КОНВИЦ
Страйс

ДЖОН РУССО
Полночь

Москва
Компания «Ключ-С»
1993

847 США

К 64

Переводы с английского

Иллюстрации

В. Лосева

4703040100—10
К $\frac{\quad}{\text{И 38(03)—93}}$ 10—93

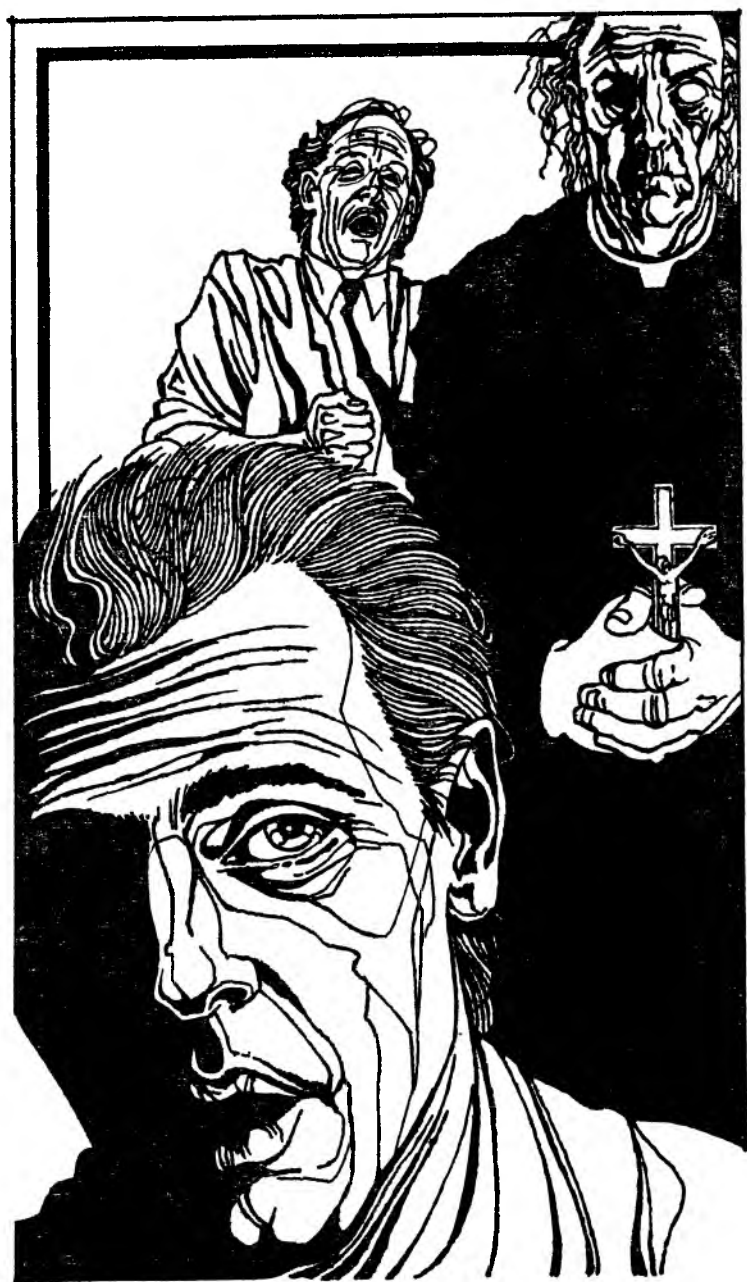
ISBN 5—253—00752—0

- © Чичина Т.
Составление. 1993.
- © Севастьянова Е.
«Страж».
Перевод. 1993.
- © Алукард С.
Терещенко В.
«Полночь».
Перевод. 1993.
- © Лосев В.
Иллюстрации. 1993
- © Брылев Л.
Оформление. 1993

ДЖЕФРИ КОНВИЦ

Страж

ПРОЛОГ

На столе лежала папка, в правом верхнем углу которой печатными буквами было выведено: ЭЛИСОН ПАРКЕР. Холодная рука, державшая листок бумаги с подробным жизнеописанием Элисон Паркер, открыла папку и вложила туда листок.

Поверх папки Паркер легла еще одна — с надписью ТЕРЕЗА. Настольная лампа погасла.

Такси катилось по 1-й авеню мимо здания ООН, мимо моста на 59-й улице, мимо многочисленных баров.

Погруженная в свои мысли, она склонила голову на стекло. Неужели это действительно произошло? Или сейчас раздастся звонок будильника, она проснется, щурясь от солнечных бликов на закопченных окнах, и в тот момент, когда будет сбрасывать в себя одеяло и вытирать испарину со лба, осознает, что все четыре последних месяца были лишь кошмарным сном. Все, что она перенесла и увидела за это время — больница, похороны, страдание и отчаяние, ожидание, а порой и желание смерти отца, — все рассеется, подобно миражу. Это было уже однажды, семь лет назад, когда она ушла из дома, как ей казалось, навсегда. Она усмехнулась. Нет, как ни тяжело в это поверить, все произошло в действительности. Закрыв глаза, она размышляла о Нью-Йорке. Не такое уж и плохое место, если привыкнуть. Здесь она была счастлива. Если на то пошло, она и помыслить не могла о возвращении в Индиану тогда, в июле. Выскочив из душа, задыхаясь, она сняла телефонную трубку и услышала умоляющий, плачущий мамин голос: «Он умирает. Приезжай». Можно было отказаться? Наверное. Каждая клеточка ее тела противилась этой поездке. Но если бы она тогда оставила маму одну, она в жизни бы себе этого не простила. Она должна была вернуться, плюнув на все. Даже на Майкла. И нечего часами перебирать в памяти все последующие события. Она выжила — физически и духовно — и это главное. Все позади.

Такси свернуло на 74-ю улицу и подъехало к современному тридцатипятиэтажному зданию.

Дверь распахнулась, появился привратник.

— Мисс Паркер! — радостно воскликнул он.

— Здравствуйте, Джордж, — сказала Элисон, улыбаясь.

Она была красива. Высокая и стройная. С шелковистой кожей и длинными темными волосами, струящимися по плечам до середины спины. С изящным носиком и необычайно синими глазами. Элисон выглядела моложе своих двадцати шести лет.

— Как вас долго не было, — сказал Джордж.

— Да, долго, — улыбнулась она. Джордж всегда так любезен и искренне внимателен. Он нравился ей. — Почти четыре месяца. — Элисон вышла из машины и пошла по направлению к дому. — Ну, как вы здесь поживаете? — спросила она.

— Прекрасно, — ответил привратник, наклоняясь над багажником.

— Как ваша семья?

— Хорошо, очень хорошо. — Он принялся вынимать ее багаж. — Я часто спрашивал мистера Фармера о вас.

— Надеюсь, он говорил только хорошее?

— Самое что ни на есть лучшее, — улыбнулся Джордж; его мощные мускулы напряглись под тяжестью багажа.

«Надо не забыть дать ему хорошие чаевые, — подумала Элисон, — просто в знак дружеского расположения. И поблагодарить Майкла за столь несвойственное ему проявление нежности и благоразумия».

— Мистер Фармер дома? — спросила она. Конечно же, он дома. Ждет. Ведь сегодня день ее возвращения.

— Нет, он вчера уехал из города.

— Как? — Когда они в последний раз разговаривали по телефону, он даже не упоминал об этом.

— Он оставил для вас записку. И велел передать, что вы можете жить в его квартире.

Они вошли в дом. Джордж опустил багаж на пол, вернулся к машине, принес два оставшихся чемодана, поставил их рядом с предыдущими и скрылся за дверью в маленькой комнатке. Мгновение спустя он появился с конвертом в руках.

— Мистер Фармер велел, чтобы я лично передал это вам. — Он поклонился, явно довольный своей исполнительностью.

Элисон с благодарностью улыбнулась и взяла конверт. Быстро надорвала его, вынула записку и прочла:

Элисон!

Прости, что не смог встретить себя. Вынужден был в пятницу уехать в Олбани. Дела. Буду во вторник. Увидимся.

Майкл.

P. S. Позвоню вечером в субботу.

Она сложила листок и спрятала в сумочку.

Да, это в духе Майкла — исчезнуть именно тогда, когда она больше всего нуждается в нем. И оставить записку, больше напоминающую телеграмму. Коротко. Ясно. Без малейших эмоций. В этом он весь. Пытаться изменить его бесполезно, да и не нужно. Если бы Элисон задумалась на эту тему, то скорей всего пришла бы к выводу, что именно в этой манере общения — деловой, лаконичной — и заключен секрет обаяния Майкла. И как приятно порой заставлять его сбрасывать маску и обнажать свои столь тщательно скрываемые чувства. Помолчав с минуту, Элисон обернулась к Джорджу.

— Поможете мне с багажом?

— Конечно, мэм, — ответил он, легко подхватил чемоданы и пошел по направлению к лифту. — Мистер Фармер говорил, вы съехали со своей квартиры.

— Да, ведь я не знала, на сколько уезжаю. Так было удобнее. — Помолчав, Элисон добавила: — Завтра утром собираюсь начать искать новую. Хорошо бы, в каком-нибудь старом доме.

Она нажала кнопку лифта и наблюдала, как огонек перемещается по шкале вниз от цифры «7».

— Погода стояла плохая, — сказал Джордж. — Дожди лили, и холод как на Северном полюсе.

— Я знаю.

— Вам повезло, что вас здесь не было.

— Да, — согласилась Элисон, хотя дома было, пожалуй, еще дождливее и холоднее.

Они вошли в подъехавший лифт. Кабина мягко поднялась на десятый этаж. Джордж отпер дверь квартиры 10-Е.

Элисон щелкнула выключателем.

— Положите все просто на пол. Я разберусь.

Он поставил багаж и принял от нее пятидолларовую бумажку.

— Спасибо. Если что-нибудь понадобится, позвоните.

Джордж вышел, Элисон заперла за ним дверь и тяжело вздохнула. Она устала. Сегодня был долгий день: прощание, полет, унылый путь до Манхэттена. Опершись ногой о чемодан, Элисон огляделась. Прямо перед ней располагалась гостиная. Справа — столовая. В мебелировке чувствовалась милая небрежность, присущая холостяку. Никак он не выбросит свой линейный диван, и этот коврик, и дурацкий портрет Наполеона Бонапарта. Надо непременно поговорить с ним об этом.

Элисон сняла жакет и туфли, повесила одежду в стеной шкаф. С удовлетворением отметила про себя, что к ее вещам, аккуратно сложенным несколько месяцев назад, никто не прикасался. Затем повернулась, ухватилась за два чемодана, проволочила их по коридору, мимо кухни, в спальню и поставила на черный мохнатый коврик перед ночным столиком. Включила настольную лампу и скинула с кровати белое меховое покрывало. Оно красиво свернулось на полу.

Кровать выглядела пустой без него. Но что поделаешь? В записке сказано, что он не вернется до вторника.

Элисон разделась, приняла душ, залезла в постель и лежала, глядя на мерцающие в окне огни, заставив себя не думать о Майкле. Выключила лампу и стиснула пальцами висящее у нее на шее распятие. Она прижала крест к губам и погрузилась в воспоминания.

Элисон решила не идти с похоронной процессией на кладбище и возвратилась в старый дом. Она неважно себя чувствовала. Это началось еще в больнице, за час до того, как он умер. И ей становилось все хуже и хуже. Головная боль переросла в мигрень; казалось, будто внутри ее черепа молот бьет по наковальне. Головокружение привело к полной потере ориентации в пространстве. Она пропустила похороны. Так же, как когда-то давно пропустила церковную службу, категорически отказавшись идти в церковь. Никакие правила приличия сейчас не имели значения. Все поймут. История семьи ни

для кого не была секретом. Элисон нуждалась в отдыхе. К тому же это был удобный случай для того, чтобы вернуть себе распятие. Дом будет пуст. Она беспрепятственно нарушит владения своего прошлого, повинаясь этому странному порыву к искуплению, преследовавшему ее с самого возвращения домой, все мучительные дни, наполненные ожиданием смерти отца.

Она молча постояла на крыльце, прежде чем открыть дверь. Затем вошла внутрь и, поднявшись по лестнице, очутилась в тускло освещенном коридоре, упиравшемся в глухую серую стену. Справа от нее находилась тяжелая дверь. Когда-то это была спальня родителей. В течение семи лет дверь оставалась наглухо запертой.

Вставив в замочную скважину ржавый ключ, Элисон повернула его и, слегка надавив, открыла дверь. Скрип несмазанных петель разнесся по всему дому. Охваченная ужасом, Элисон шагнула внутрь и огляделась.

Обстановка в спальне была самой простой. В центре располагалась старая деревянная кровать. Над ней — распятие. Слева — старинный туалетный столик. Справа — шкаф. На всем лежал толстый слой пыли, мебель была затянута паутиной.

Элисон шла, еле передвигая ноги. Слабея при воспоминании о своем бегстве через эту комнату много лет назад.

В памяти оживали мертвые голоса.

Их смятение.

Полиция.

— Элисон, скажи нам, что случилось.

Мама плачет.

— Что случилось? — Мама спрашивала снова и снова, пока слова не превращались в полную бессмыслицу.

— Я не знаю.

— Скажи мне.

Слезы.

— Пожалуйста, скажи мне.

И, наконец, — правда.

Доктора.

— Почему ты выбросила распятие, Элисон?

— Потому что.

— Потому что... что?

— Оно было грязным. Все было грязным.

— Но это не так, Элисон.

Молчание.

— Ты же знаешь, что это не так. Давай еще раз поговорим об этом. Поговорим обо всем этом еще раз.

— Нет.

— Да.

— Я не могу. Я хочу умереть.

Элисон услышала свой собственный плач в тот момент, когда лезвие разрезало запястье. Дальше — ничего. Она огляделась. В комнате было тихо, голоса смолкли, на мгновение возродившееся прошлое умерло снова.

Она подошла к туалетному столику, уставленному фотографиями в рамках. Взяла несколько, быстро просмотрела и поставила на место. Шаря по столу, Элисон наткнулась на какую-то коробочку за фотографией Баг-ля, их черного ньюфаундленда, который умер много лет назад. Открыв ее, она увидела лежавшее на кусочке ткани распятие размером с серебряный доллар. Охваченная дрожью, Элисон осторожно достала его. Как давно она держала его в руках в последний раз! Распятие выглядело таким же. Фигурка Христа не повреждена, цепочка цела. Немного, быть может, потускнело, но это неумудрено, ведь семь лет прошло.

Шаря глазами по пустой комнате, Элисон повесила цепочку на шею и принялась было застегивать ее, но помедлила.

«Отец мертв», — сердито сказала она самой себе.

Затем щелкнула застежкой и посмотрелась в зеркало. Распятие легло именно так, как нужно. Приятно было ощущать его на себе.

Сейчас, в безопасных пределах спальни Майкла, это было еще приятнее.

Элисон повернулась на бок, зарывшись лицом в мягкие, манящие подушки. Чувство неотвратимости искупления не покидало ее. Оно — отчасти подсознательно — возвращало Элисон в прошлое. Смерть избавила ее от самого страшного позорного клейма. Остались другие. Попытка самоубийства. Гибель жены Майкла Карен со всем ее невыразимым ужасом. Реальность, от которой она стремилась убежать. Пришло время примирить свое прошлое с будущим? Да. Это должно случиться. Пусть не сразу. Но это неизбежно. Независимо от нее самой.

Намеренно или случайно. Сейчас, в тиши спальни, или совсем скоро, когда-нибудь и где-нибудь...

Сжимая в руке распятие, она провалилась в сон.

2

Объявление, расположенное в самом низу страницы под рубрикой «Чердаки и складские помещения», гласило:

Сдается уютная квартира в частично реконструированном старом особняке. Занимает весь этаж 5 комнат с мебелью. Телефон агентства по операциям с недвижимостью — 986-1452. Спросить мисс Логан насчет квартиры 3-А.

Странно, почему объявление поместили на этой странице, а не под рубрикой «Жилье». Если бы его напечатали там, где нужно, Элисон не пришлось бы терять целый день, мотаясь от дома к дому, от агента к агенту. Доставая из сумочки десятицентовик для телефона-автомата, она убеждала себя не обольщаться. Квартиру могли уже сдать. Или она не подойдет ей, как и прочие сегодняшние «прекрасные» варианты.

День начался неудачно: она слишком поздно проснулась. Хотя спала не так уж много. Ночью Элисон два раза вставала: один раз, чтобы сходить в туалет, другой — поискать что-нибудь от изнурительной тяжести в висках. Нервное напряжение, явившееся причиной жутких мигреней и головокружения, только лишь начинало ослабевать, и Элисон была готова к тому, что время от времени будет плохо себя чувствовать. Как ни странно, аспирин почти не помог. Боль преследовала ее во сне, усилилась к утру и немного успокоилась, лишь когда она вышла на улицу. К полудню боль исчезла, и от нее осталось лишь воспоминание к тому моменту, когда Элисон, найдя в аптеке телефон-автомат, набрала указанный в объявлении номер и после краткой беседы с мисс Логан пошла по направлению к 74-й улице, где располагалось ее агентство. Она открыла входную дверь, прочла табличку — других контор тут не было — и поднялась

по покосившейся лестнице на второй этаж. Увидев раскрытую дверь кабинета, заглянула внутрь. За столом сидела женщина, погрузившаяся в изучение стопки документов.

— Мисс Ло-ан? — спросила Элисон.

— А вы — мисс Паркер, — отозвалась та глубоким контральто. Одета она была опрятно, но старомодно. Как и подобает почтенной старой деве. Прямая осанка; прическа, каких давно уже не носят; пресное лицо, лишнее всякого выражения. — Садитесь, пожалуйста, — пригласила она. Наклонилась вперед, убрала со стоящего рядом стула какие-то бумаги и положила их на уже заваленный стол.

— Спасибо, — поблагодарила Элисон, входя и присаживаясь.

Мисс Ло-ан торопливо раскладывала документы по стопкам.

— Я уже собиралась уходить, когда вы позвонили. Не люблю засиживаться здесь по воскресеньям, так что хочу поскорее навести порядок. Надеюсь, вы не возражаете?

— Разумеется, нет. Я не слишком...

— Что вы, что вы, все в порядке.

— Все равно, спасибо, что задержались ради меня. Описание квартиры в объявлении выглядит заманчиво. Я не хотела ждать до понедельника из-за боязни упустить ее.

— Понимаю.

— По телефону ваш голос звучал неуверенно. Квартира действительно неплохая?

— Надеюсь.

— Надеетесь? — изумилась Элисон.

Мисс Ло-ан пожевала губами.

— Хозяин собирался прекратить печатать объявление. Ни один из претендентов ему не понравился. Мы уверяли, что сумеем найти подходящих жильцов, но он заупрямился и решил вовсе отказаться от сдачи квартиры.

— Может, он передумал?

— Позвольте мне взглянуть на объявление.

Элисон протянула мисс Ло-ан газету.

Та прочла объявление и кивнула.

— Значит, можно взглянуть на квартиру?

Мисс Логан пристально посмотрела на Элисон.

— Почему бы и нет? — Помолчав, она добавила: — Дом находится в западной части города, на 89-й улице. Довольно старый, но все еще в хорошем состоянии. — Она пошарила среди бумаг на столе, извлекла какой-то документ и торжествующе улыбнулась: — Вот вопросник. Мы хотим знать ваши анкетные данные — надеюсь на ваше снисхождение. А вот условия договора, который вы должны будете подписать. — Она подала Элисон бумаги с едва заметным поклоном. — Заранее вас благодарю. А когда вы закончите, мы поймем такси.

Элисон достала из сумочки ручку и погрузилась в изучение вопросов.

Мисс Логан продолжала наводить порядок на столе. Несколько минут в комнате царила тишина, затем она повернулась на стуле, откинулась на спинку и заявила:

— Вы со Среднего Запада.

— Да, — подняла голову Элисон.

— Чувствуется по вашему выговору.

— Не думала, что так заметно растягиваю слова.

— Совсем нет, но что-то такое есть, не всякий сможет уловить. Я сама из Пеории, это в Иллинойсе, но я уже утратила акцент. Пятнадцать лет здесь живу.

Элисон улыбнулась и вновь принялась писать.

— Вы только приехали в Нью-Йорк?

— Нет.

— Не похоже. — Мисс Логан вытягивала шею, стараясь прочитать ответы на вопросы анкеты. — Будете жить одна?

— Да, — ответила Элисон, раздражаясь, что ее постоянно отвлекают. — Ко мне будут приходить.

— Я живу одна.

Элисон подняла глаза.

— Это чудесно, — заметила она.

— Мне нравится. Свободы больше. Делаю, что пожелаю. Одиночество — хорошая штука, когда шесть дней в неделю общаешься с людьми по десять часов подряд.

Элисон безразлично кивнула, затем закончила заполнять анкету и прочла условия договора.

— Где я должна расписаться?

Мисс Логан показала. Элисон поставила свою подпись и вернула ей бланки. Та принялась просматривать их.

— Фотомодель,— читала она вслух.— Очень интересная профессия. Слава, блеск. Двадцать шесть лет. Не замужем. Родственников в городе нет, зато имеются хорошие рекомендации.— Она ободряюще улыбнулась.— Уверена, хозяин дома останется доволен.— Она взглянула на часы.— Ну что, идем?

Элисон встала и проследовала за хозяйкой кабинета к двери, где та сняла с ржавого крючка старомодное твидовое пальто.

— Вы уверены, что ходить по этой лестнице безопасно? — поинтересовалась Элисон лишь наполовину в шутку.

— Абсолютно,— ответила мисс Логан, надевая пальто.— Разве что страшновато немного. Но без риска жизнь скучна.— Она вышла вместе с Элисон и захлопнула дверь.— Я здесь уже пять лет, и хотя частенько кажется, что лестница эта вот-вот развалится, она достаточно крепкая.— Ступени заскрипели у нее под ногами, и она ухватилась за перила.— Я подумывала о ремонте второго этажа, и лестницы тоже, но это слишком дорого. Скорее всего я когда-нибудь перееду отсюда, но, знаете, как трудно покидать насиженные места. Ведь контора — это второй дом.

— Понимаю,— сказала Элисон,— я сама такая.

— Все мы такие, со Среднего Запада. У нас сильно развито чувство дома, мы сентиментальнее ньюйоркцев. Их, по-моему, вообще ничего, кроме секса и денег, не интересует.

— Ну, без этого тоже нельзя обойтись.

— Каждому свое,— уклончиво ответила мисс Логан, распахивая входную дверь.

Они вышли на улицу, испещренную пятнами солнечного света, проникающего сквозь редящую листву деревьев.

Это был типичный нью-йоркский особняк. Пятиэтажный. Очень старый. Изрядно потрепанный временем и непогодой, что придавало ему особое очарование.

Элисон расплатилась с водителем, и они вышли из такси.

— Это один из красивейших и зеленых кварталов Нью-Йорка,— сообщила мисс Логан, приступая к своим профессиональным обязанностям.

Элисон окинула взглядом узенькую улочку, вдоль которой выстроился ряд особняков.

— И к тому же весьма удобно расположенный,— добавила мисс Логан.— На 96-й улице есть станция подземки, еще одна — на Бродвее. Здесь ходит много автобусов и легко поймать такси. И, как видите, парк рядом.

Они начали подниматься по каменным ступеням крыльца.

— Вон там, за углом — супермаркет. Неподалеку — химчистка и хозяйственный магазин.

Элисон прилежно внимала уроку географии, и мисс Логан широко улыбалась: судя по всему, сделка состоится.

— Мы становимся рабами удобств,— вставила Элисон.

— Нью-Йорк вынуждает.

— К сожалению.

— Зайдем? — Мисс Логан распахнула дверь.

Элисон шагнула вслед за ней внутрь. Стены прямоугольного холма были обиты деревянными панелями. На одной из них висело большое зеркало. В центре располагалась подставка для велосипедов.

— Можете оставлять здесь велосипед,— сказала мисс Логан,— хотя, возможно, удобнее делать это в подвале.

Элисон рассеянно кивнула. Чем больше она здесь оглядывалась, тем больше нравился ей этот милый старый дом.

Они начали подниматься по деревянной лестнице. На полнуги Элисон остановилась, схватилась за перила и энергично потрясла их. Ничего, крепкие. Удовлетворенная, она преодолела оставшиеся до первой лестничной площадки сорок две ступеньки.

Второй этаж, точно так же, как и первый, был обит панелями из старой грязноватой древесины. Тем не менее в углу был участок, абсолютно лишенный полировки. Начинаясь на высоте примерно четырех футов от пола, он тянулся до самого потолка, высота которого была футов восемь. Элисон внимательно осмотрела абсолютно новую древесину, потрогала ее и отошла, не за-

бивая себе голову мыслями о происхождении светлого пятна среди однообразно обшарпанных стен.

Освещение здесь было необычайно тусклым, в туманно-волокнутом воздухе мало что можно было разглядеть. Элисон продолжала следовать за мисс Логан, полагаясь на нее больше, нежели на свои глаза. Они пересекли холл, миновали квартиру 2-А и поднялись по лестнице на третий этаж, столь же темный и неприветливый, сколь и предыдущий. Все освещение состояло из двух маленьких желтых лампочек — по одной в каждом конце холла. Мисс Логан достала из кармана связку ключей и вставила один из них в дверь с табличкой 3-А. Они вошли внутрь.

Квартира, как и было сказано в объявлении, занимала весь этаж. Сразу после входа располагалась большая прямоугольная гостиная, обставленная роскошной старинной мебелью в викторианском стиле и больше напоминавшая лавку древностей. Здесь все было необыкновенным: от самой крошечной пепельницы до внушительных размеров напольных часов по обеим сторонам камина. Особенно понравилась Элисон софа, стоявшая между двумя тяжелыми антикварными лампами перед низеньким книжным шкафом. Мраморный камин был чист, видимо, им давно не пользовались. Повсюду стояли изящные резные кресла с выгнутыми спинками. Про себя Элисон отметила, что кресло у окна составляет пару с креслом у стены. Если удастся купить к ним подходящий кофейный столик, получится необычайно уютный уголок. Она улыбнулась про себя, идя по пушистому восточному ковру, разглядывая замысловатый узор обоев на стенах и зеркала в рамах ручной работы.

Подошла мисс Логан и забубнила:

— Старинная мебель смотрится здесь великолепно, я надеюсь, вы согласны со мной.

Еще бы не согласна! Но вслух Элисон ничего не сказала, а продолжала бродить по комнате, разглядывая всякие мелочи. До чего же много здесь безделушек!

— Как я понимаю, все это прилагается к квартире?

— Думаю, да. Но могу уточнить прежде, чем мы придем к окончательному решению.

— Я была бы вам очень признательна.

Элисон раздвинула шторы на окнах, впустив в комнату мягкий свет позднего дня. Выглянув из окна, она

едва заметно кивнула с одобрением, задвинула шторы и, обернувшись к нетерпеливо ожидающей мисс Логан, спросила, можно ли осмотреть спальню.

— Разумеется, — ответила та.

Они прошли по узкому коридору, футов пятнадцать длиной. Располагавшиеся друг против друга двери вели на кухню и в ванную. Элисон заглянула туда — здесь все было стандартно — слушая бесполезные объяснения мисс Логан об отделке и предназначении каждого предмета, включая унитаз. Затем они вошли в спальню. Элисон присела на кровать с пологом и огляделась. Обшитые полированным деревом стены. Золоченные металлические ручки. Потолок, украшенный ручной резьбой.

— Кто это сделал? — недоуменно спросила Элисон, глядя наверх.

— Предыдущий жилец.

Было странно видеть такой потолок в помещении, сдающемся внаем. Вряд ли кто будет подобным образом улучшать свое жилище, не собираясь задерживаться в нем надолго.

— Вы были знакомы с ним?

— Нет.

Элисон пожала плечами и хлопнула рукой по покрывалу. В воздух поднялась пыль, танцуя в бледном луче света и исчезая в темноте. Она встала и пошла обратно вдоль по коридору. Мисс Логан заспешила следом.

— Мне подходит эта квартира, — заявила Элисон, едва они достигли светлой гостиной. Напольные часы пробили и продолжили мерное свое тиканье. — Это именно то, что мне нужно. Именно то.

— Я в этом не сомневалась.

— Сколько, вы сказали, это стоит?

— Я ничего пока не говорила. — Голос старой девы дрогнул, она, похоже, занервничала. — Четыреста пятьдесят долларов в месяц. Нормально, по-моему.

— Интересно, — произнесла Элисон после продолжительной паузы. — Но, боюсь, у меня другие представления насчет того, что нормально, а что — нет.

Мисс Логан улыбнулась.

— Квартира большая, с мебелью.

— И в районе восьмидесятых улиц, — вставила Элисон. — Не самый лучший район города.

— Я бы не сказала.

— А я бы сказала. Четыреста пятьдесят — это немыслимо! Если вы не сбавите хотя бы сотню, нам останется лишь поблагодарить друг друга за компанию и распрощаться.

Мисс Логан нервно покусывала губу.

— Вам подходит эта квартира?

Элисон кивнула.

— Честно говоря, триста семьдесят пять в месяц — не так уж много для Нью-Йорка.

— Вы сказали — четыреста пятьдесят.

Мисс Логан подняла брови.

— Неужели? Я ошиблась. Это со мной часто бывает.

— Не сомневаюсь, — усмехнулась Элисон. — У вас не найдется ручки? — спросила она.

Мисс Логан вытащила из кармана пальто дорогую шариковую ручку и положила на раскрытую ладонь Элисон. — Пятьдесят долларов задатка будет вполне достаточно.

Элисон нацарапала цифры и передала ей чек.

— Вы сделали прекрасный выбор, — заявила мисс Логан.

— Надеюсь, — отозвалась Элисон, выходя следом за ней. Через несколько мгновений они уже ступили из дома в свет клонящегося к закату солнца.

Мисс Логан прислонилась к пилястре.

— Посмотрю, что можно сделать, чтобы улучшить освещение на лестнице и в холлах. Не хочу, чтобы вы упали и сломали себе что-нибудь. Надеюсь, что хозяин позаботится об этом.

— Спасибо.

— Кстати, о хозяине, не забывайте, он должен еще одобрить вашу кандидатуру. Пока он отвергал всех желающих, но, кто знает, может, ему надоест привередничать. Что толку от пустующей квартиры?

— Надеюсь, что вы скоро дадите мне знать об этом. Я хочу как можно раньше начать устраиваться.

— Понимаю. В любом случае до завтрашнего вечера я с вами свяжусь.

Женщины пожали друг другу руки и вышли на улицу.

— Подбросить вас до Ист-Сайда? — предложила мисс Логан.

— Нет, спасибо, — отказалась Элисон. — Я немного пройду.

Мисс Логан улыбнулась и пошла прочь.

Элисон отступила на несколько шагов и еще раз окинула дом оценивающим взглядом.

— Мисс Логан,—позвала она через несколько секунд.

— Да,—обернулась та.

Элисон продолжала смотреть на окна.

— Да,—нетерпеливо повторила старая дева.

— Если я не ошибаюсь,—начала Элисон,—кто-то смотрит на меня сквозь шторы из окна пятого этажа.

— Полагаю, на вас смотрят нередко,—хохотнула мисс Логан.

— Да,—ответила Элисон,—но...

— Это отец Галлиран,—не дала ей договорить мисс Логан.—Мэтью Галлиран. Он священник. Живет здесь уже много лет. Насколько я знаю, он не выходит из своей комнаты, слишком дряхл, да к тому же слеп. Но он совершенно безобиден. Все время сидит у окна.

— Звучит довольно зловеще,—заметила Элисон, все еще находясь под впечатлением от смутного видения, промелькнувшего в окне.

— Я вам завтра позвоню.—Махнув рукой на прощание, мисс Логан заспешила прочь.

Элисон проследила, как та скрывается за углом, затем снова задрала голову. Может быть, ей удастся лучше разглядеть священника. Нет, шторы были слишком плотными, а освещение слишком слабым. Она перешла улицу в надежде, что оттуда будет видно получше. Но не тут-то было. Свет предзакатного солнца отражался в стекле, делая невидимым лицо за окном.

Еще мгновение Элисон простояла на месте, силясь различить хоть какое-то движение, но ничего не увидела. Тогда она поймала такси и укатила, довольная с пользой проведенным днем.

3

Проникавшее в комнату солнце еле-еле освещало ее. Элисон кивнула на окно.

— И что вы скажете? —спросила она, отхлебнув из чашки растворимого кофе.

Электрик медленно пересек спальню и выглянул из окна. Никакого вида ему не открылось; задняя стена

соседнего здания располагалась не далее чем в шести — восьми футах. А нависающие крыши обоих домов образовывали узкий колодец, куда с трудом проникал солнечный свет.

— Я могу установить еще одну розетку в стене, — сказал он с сильным немецким акцентом, — и протянуть провод по потолку — для верхнего освещения. — Электрик помолчал, почесал лысеющую голову и окинул взглядом стены. — А возможно, там уже есть провод. Это намного облегчит мою задачу.

— Делайте все, что считаете нужным, — заявила Элисон, — но, пожалуйста, поосторожнее с резным потолком. — Она надела поверх блузки кожаный пиджак и отнесла на кухню пустую чашку. — Я не привыкла, что в спальне так темно. В моей старой квартире окна выходили и на запад, и на восток. Там всегда было много солнца. Я даже могла определять, который час, следя за перемещением солнечных лучей по узору ковра.

Электрик хмыкнул.

— Купите часы, — сказал он без тени иронии в голосе, — а Томас Эдисон позаботится об освещении.

Она тихонько рассмеялась, вытряхивая в ведро мусор.

Электрик прошел мимо кухни в гостиную. Элисон проследовала за ним.

— Вы проведете свет в стенные шкафы?

Он кивнул.

— И установлю розетки там, где вы пометили.

— Прекрасно. — Элисон надела отороченную мехом куртку и взяла свою черную папку.

— Захлопните дверь, когда будете уходить. И спасибо вам.

Электрик вернулся к работе, а Элисон, улыбаясь, вышла из квартиры и принялась спускаться по знакомой уже теперь лестнице.

Напротив квартиры 2-Б она неожиданно остановилась. Оттуда доносились женские голоса. Две женщины о чем-то спорили. Элисон подошла ближе, прислушиваясь. За дверью шел спор насчет десерта. Одна из женщин хотела испечь к обеду ванильный торт с шоколадной глазурью, в то время как другая настаивала на печенье, мотивируя это тем, что от него меньше толстеют. Похоже, первая меньше заботилась о размере своей та-

лин и, судя по всему, в споре должна была победить она.

Это было первое знакомство Элисон с соседями. Как ни странно, до сих пор ей не довелось никого встретить, хотя пару дней назад она слышала, как кто-то поднимается по лестнице. Но, по правде сказать, ей и самой не хотелось ни с кем знакомиться, так что в собственной изоляции она была повинна сама. Все что от нее требовалось — это нажать кнопку звонка и объявить о своем присутствии. Но пока еще она не пришла в надлежащее расположение духа. Может, немного погодя. Наверное, лучше всего положиться на случай.

Элисон вышла из подъезда и пошла вдоль особняков по направлению ко входу в парк. Было холодно и пасмурно. Самая подходящая погода для прогулок. Элисон пребывала в чудесном настроении: она возвращалась к работе. Всю неделю она жила в ожидании щелканья фотокамеры; но была настолько занята, что успела лишь заскочить в агентство, сообщить о своем возвращении и забрать папку с фотографиями. За час до этого ей позвонила мисс Логан и сообщила, что все улажено. А еще через час Элисон уже погрузила все свои вещи в два такси и назвала им адрес своего нового жилища. И началась неделя (сегодня снова был понедельник) суматохи и хлопот. Элисон надеялась на помощь Майкла, но он позвонил вечером в воскресенье и виноватым голосом сообщил, что дела займут больше времени, нежели он предполагал, — возможно, еще несколько дней. После чего он захотел знать, с какой стати ей понадобилось снимать квартиру, когда она спокойно может жить у него. Элисон, конечно, расстроилась, и у нее не было ни малейшего желания в очередной раз обсуждать вопрос о замужестве. Затем он позвонил в четверг — лишь для того, чтобы сообщить, что не вернется до следующего четверга.

Вопреки ожиданиям его отсутствие сказалось на делах Элисон весьма благотворно. Без него она сумела полностью сосредоточиться на квартире. Нельзя сказать, что ей не нравилась мебель или еще что-то. Но здесь перед ней открывался такой широкий творческий простор, что она не могла удержаться от применения своих дизайнерских способностей. Первым делом она заменила — без согласования с мисс Логан — стоявшие в столовой стол со стульями на тяжелый дубовый гарни-

тур. Следующей ее покупкой явилась картина в тяжелой деревянной раме. Как ни странно, рама заинтересовала ее куда больше, нежели сама живопись. А принеся картину домой, Элисон обнаружила, что она сильно напоминает Наполеона Бонапарта Майкла. Только не это! В панике она немедленно решила заменить холст, но до тех пор самым подходящим местом для картины явился стенной шкаф в спальне. После покупки картины Элисон стала поосторожнее. Она купила часы в спальню, несколько безделушек, две новые «старинные» лампы, «пиратский» сундучок и множество разнообразных приспособлений для кухни и ванной.

Хотела она купить и еще кое-что, например, кофейный столик в гостиную, но решила как следует обдумать этот вопрос. Это должно стать самой важной ее покупкой, а впопыхах можно и ошибиться. Надо подождать, пока вернется Майкл, и маляры закончат окраску кухни, ванной и дверей.

Другим важным событием недели было известие о предстоящей ей новой работе. Элисон узнала об этом в пятницу вечером. Она будет работать со своим любимым фотографом Джеком Туччи. И со своей лучшей подругой Дженнифер Лирсон. Она пыталась дозвониться до Дженнифер всю неделю, но лишь в четверг сообразила спросить о ее местонахождении в агентстве. Оказывается, Дженнифер на неделю уехала из города на съемки и вернется лишь в воскресенье вечером. Создавалось впечатление, будто все ее близкие друзья улетучились из Нью-Йорка к ее возвращению. В воскресенье вечером она снова позвонила Дженнифер. Они проболтали около часа и условились на завтра пообедать вместе перед тем, как идти в студию.

Так что вполне понятно, почему у Элисон было такое хорошее настроение, когда она покинула парк у отеля «Плаза» и вошла в ресторан на 3-й авеню, где Дженнифер уже поджидала ее за столиком у двери, который они заказали накануне.

— Элисон! — закричала Дженнифер, не обращая ни на кого внимания и давя сигарету в пепельнице.

Элисон пробралась сквозь толпу, обняла подругу и села.

— Слишком много куришь, — заметила она с укоризной, кивая на переполненную пепельницу.

— Слишком много для туберкулеза, — улыбнулась Дженнифер, — но вполне достаточно для рака и инфаркта. — Она рассмеялась, откинулась на спинку стула и заинтересовалась, рада ли Элисон своему возвращению.

— Необычайно, — отозвалась та, снимая пальто.

Дженнифер достала еще одну сигарету из лежащей на столе пачки.

— Даю тебе две недели — и ты начнешь жаловаться, что перегружена работой, что тебе не доплачивают, что все фотографии — бабники, а руководители агентства — болваны, и ты непременно найдешь себе более интересное и полезное занятие. — Она рассмеялась. — Ни разу еще не видела фотомодели, чье чувство долга не напоминало бы траекторию полета лопнувшего воздушного шарика.

— Я не спорю с тобой, — согласилась Элисон, — но пока позволь мне потешиться иллюзиями.

— А я вовсе не собираюсь возвращать тебя на грешную землю. У тебя есть полное право заблуждаться ровно столько, сколько ты пожелаешь. — Дженнифер подняла глаза на официанта, склонившегося над покрытым красно-белой клетчатой скатертью столом. — Две Блади-Мэри, — заказала она, бросив взгляд на Элисон, которая согласно кивнула.

Элисон взяла папку с фотографиями Дженнифер и принялась листать ее.

— Новые снимки? — спросила она после паузы.

— Так, продукт истерии межсезонья.

— А ты неплохо потрудилась.

— Такова моя тяжкая доля.

— А чего бы ты хотела? — Элисон улыбнулась. — Все трудятся в поте лица.

— Да. Портной, сапожник и пирожник.

— Именно так.

— И даже Майкл?

— Так мне по крайней мере говорили.

— Кто?

— Он сам.

Элисон покачала головой.

— Он ищет сочувствия.

— А у тебя он его не находит.

— Все как-то не было удобного случая. Я уезжала, если ты помнишь.

- Ну а сейчас он дождется от тебя сочувствия?
- Посмотрим.
- Что «посмотрим»?
- Просто — посмотрим.
- А он тебе сочувствует?
- Мне это не нужно.
- Дженнифер кивнула.
- Очень романтично.
- Что именно?
- Разлука. Она воспламеняет сердца любовью.
- Другое место она воспламеняет.
- Какое? Печень?
- Они рассмеялись.

Вскоре принесли напитки, которые стояли нетронутыми, пока подруги обсуждали некоторые подробности вчерашнего телефонного разговора. Затем они быстро пообедали, поймали, выйдя из ресторана, такси и направились в Вест-Сайд. На 26-й улице такси остановилось, и девушки вошли в обшарпанное здание. Еще одна фотомодель дождалась в вестибюле лифта. Они познакомились — ее звали Луиз — и поднялись на седьмой этаж, где располагалась студия Джека Туччи.

Съемка длилась несколько часов.

— Еще чуть-чуть, — объявил, наконец, Туччи с легким европейским акцентом.

Камера защелкала — раз, два, три.

Перейдя в другое место, Джек поменял ракурс, стряхнул капли пота со своей аккуратной бородки, снова поменял ракурс. Его гибкое тело перемещалось по студии быстро и элегантно. Опытный. Уверенный в себе. Самолюбивый.

— Чуть левее, — скомандовал он, для наглядности махнув рукой. — Выше подбородки! Слишком высоко! Вот так!

Камера защелкала.

— О'кей. Объявляется перерыв на обед. Затем займемся черно-белыми снимками.

Щурясь от яркого света, девушки сошли с подиума и осторожно пробрались через провода и прожекторы к креслам в дальнем углу студии.

Джек установил камеру на треногу и присоединился к ним.

— Сигареты есть? — спросила Дженнифер.

Джек достал пачку из кармана рубашки и бросил ее на стойку бара.

Элисон уютно устроилась в старом кресле.

— Кому еще? — предложил Джек, протягивая сигареты. Не получив ответа, спрятал пачку обратно в карман, пошарил в шкафу и извлек оттуда стопку фотографий.

— Хочу знать ваше мнение. — Он передал снимки Дженнифер перед тем, как исчезнуть за дверью.

Спустя мгновение он появился с подносом, на котором лежало несколько сэндвичей, стояли банки «Кока-Кола» и бутылка белого вина.

— Черный хлеб — с языком, — объяснил Джек, — белый — с ростбифом. — Он улыбнулся и принялся раздавать еду. — Элисон? — спросил он, когда две другие девушки взяли себе по сэндвичу.

— Чуть попозже, — отозвалась она, безвольно свесив руки с подлокотников, и вытянув усталые ноги.

— Ну и как? — Джек кивнул на снимки.

— Ничего, — ответила Дженнифер. Она достала из сумочки очки и водрузила их на свой изящный носик. — Что это за девушка?

— Ты ее не знаешь.

— Фотомодель?

— Нет. Так, одна знакомая. — Он хитро подмигнул.

— Качество потрясающее.

— А до чего все естественно!

— Весьма. Как тебе это удалось?

— Ах, — на его губах заиграла сладострастная улыбочка, — естественное освещение и вуайеризм. Кажется так называется половое извращение, заключающееся в наблюдении за половым актом? Камера — великий сексуальный маньяк. Когда снимаешь обнаженную натуру, необычайно важна фактура объекта, но если она догадывается о присутствии камеры, натуральная прозрачность тела неминуемо теряется. Взгляни на ее лицо. Смог бы я достичь этой чистоты, этой нежности, знай девочка, что я щелкаю фотоаппаратом? Смог бы я уловить этот бесстыдный нарциссизм? — заметил он, не скрывая восхищения.

И принялся обсуждать вопросы преломления света в фотографии.

Тут-то все и произошло.

Элисон продолжала сидеть в кресле, небрежно перелистывая номер «Вог». Первым делом у нее заболела голова. Почти мгновенно, словно боль была с ней всегда, но лишь не прорывалась наружу. Она сконцентрировалась где-то в глубине черепа. Сначала Элисон удивилась, потом испугалась. Всю неделю она великолепно себя чувствовала. Да-да, последний раз голова у нее болела в то утро, когда звонила мисс Логан. Да это и болью-то нельзя было назвать, так какое-то тупое давление в висках, которое Элисон отнесла на счет нервного перенапряжения. А сейчас что? Всему виной, наверное, многочасовое пребывание в слепящих лучах прожекторов. Но будь это просто мигрень, Бог с ней. Что-то творилось с ее спиной, словно к коже прижали кусок сухого льда. Она в испуге выпрямилась, отшвырнула журнал, подошла к окну и взглянула вверх крыш. Луна в последней четверти, дымовые трубы — вот все, что открылось ее взору. Элисон тряхнула головой, тщетно пытаясь избавиться от боли, затем повернулась к бару и прислушалась.

— Ты уверен, что не смог бы достичь подобного эффекта, снимая профессиональную фотомодель? — спрашивала Луиз. Звуки доносились до Элисон, словно сквозь толстый слой ваты. Они превращались в неясный гул.

И исчезли совсем.

Элисон пошатнулась назад. Оконное стекло задрожало и треснуло.

Все в изумлении обернулись и уставились на нее.

— Я... я... — бормотала Элисон, и миллионы крошечных иголочек поднимались вверх по ее рукам, распространяясь по всему телу и уступая место более грозному ощущению: полному онемению кожи. Она начала ожесточенно тереть руки друг о друга.

Джек перемахнул через стойку, подхватил ее как раз в тот момент, когда она начала падать, и отнес к креслу. Дженнифер затушила сигарету и поспешила на помощь.

— Элисон! — кричал Джек. — Что случилось?

— Я не знаю, — с трудом проговорила она, цепенея от ужаса.

— Льда принесите! — велел Джек.

Луиз достала из морозилки несколько кубиков льда,

завернула их в шелковый шарф и протянула Джеку. Он прижал узел ко лбу Элисон, вытерев с него пот.

Элисон терла руками шею. Пульс постепенно успокаивался. Она, сощурившись, оглядывала комнату, расплывшиеся во время приступа боли очертания обретали четкость. Несколько минут она молчала, не обращая внимания на суетящегося вокруг Джека. Затем подняла глаза, глубоко вздохнула и откинулась на спинку кресла.

— Прошло.

— Что прошло? — спросил Джек.

— Точно не знаю, — произнесла Элисон, глядя прямо перед собой. Она еще не совсем пришла в себя, но щеки ее немного порозовели. — Мигрень, — сказала она. — И такое ощущение, будто руки и ноги ничего не чувствуют.

Джек пристально вглядывался в нее.

— Сможешь сама держать лед?

Она кивнула и положила руку на шарф.

— Лечь хочешь?

— Нет. — Элисон решительно замотала головой. — Мне гораздо лучше.

— Ты уверена? — спросил Джек, озабоченно склоняясь над ней.

— Да, — ответила Элисон. Ей действительно стало лучше. Как ни странно, она чувствовала себя почти так же, как несколько минут назад. Но разве могут мигрень и онемение кожи пройти так быстро? С другой стороны, и появилась боль практически мгновенно. Неудивительно, что так же мгновенно она и исчезла. Если, конечно, и боль, и потеря чувствительности не померещились ей из-за духоты и переутомления.

— Я хочу, чтобы ты посидела еще пару минут, — сказал Джек.

— Да, пожалуй, — согласилась Элисон.

Она сидела, а Джек стоял рядом, время от времени подходя к разбитому окну и кляня немыслимую духоту в студии.

Спустя несколько минут он спросил, как она себя чувствует. Элисон ответила:

— Прекрасно.

Он спросил, ела ли она. Элисон сказала, что куснула пару раз гамбургер за обедом. Джек решил, что пища

пойдет ей на пользу, и потащил ее к бару, где Элисон принялась за один из оставшихся сандвичей.

Она медленно жевала. Странно, она вовсе не голодна, хотя не ела ничего с обеда. А на аппетит Элисон никогда не жаловалась. Может, она заболевает гриппом? Он всегда начинается в самое неподходящее время и с самых неожиданных симптомов. Возможно, этим все и объясняется. Наверное, не надо было так резко впрягаться в работу. Для начала достаточно было бы и часовой съемки. Завтра тоже предстоит напряженный день. К тому же надо будет купить продуктов и приготовить ужин для Майкла. В среду у нее тоже несколько съемок, а на четверг назначен показ мод. Какой тут отдых! До выходных об этом и думать нечего, если, конечно, она не заболит и все придется отменить.

Джек убрал целлофан и салфетки, поставил поднос в низ стойки. Он подошел к Элисон, нежно положил руки ей на плечи и принялся массировать напряженные мышцы спины. Он провел рукой по ее шее и затылку, ее густые тяжелые волосы заструились у него меж пальцев.

— Ты же у нас красавица,— ласково произнес он. Элисон улыбнулась.

— Я должен быть уверен, что с тобой все в порядке прежде, чем начинать. Если нет, мы подождем.

Она извернулась и чмокнула его в щеку.

— Я чувствую себя замечательно.

Он приподнял ее с кресла, шлепнул пониже спины и подвел к Луиз и Дженнифер, которые уже стояли у подиума.

Элисон смотрела, как Луиз и Дженнифер заворачивают на 5-ю авеню и скрываются за углом.

Она взглянула на часы. Уже поздно, одиннадцать. Съемка продлилась больше, нежели она предполагала. Элисон устала. Но несмотря ни на что, первый рабочий день (если забыть об «обмороке») прошел удачно.

Элисон вышла из здания и повернула голову в сторону 6-й авеню, которая отсюда представляла собой лишь скопище мерцающих вдали огней. Она медленно побрела вдоль по улице, стараясь держаться подальше от темных и грязных подворотен. Ей было не по себе, хотя за последние несколько лет она ходила здесь по

ночам много раз. И научилась справляться со страхом. Но сегодня почему-то она боялась. Может, просто успела отвыкнуть от Нью-Йорка?

Пройдя полквартиры, Элисон остановилась. Она слышала звук шагов, эхом раздававшийся среди нависавших громад зданий. Она резко обернулась, но, как ни напрягала зрение, ничего не увидела. Шаги прекратились. Элисон стиснула кулаки. Опять это чувство. Оно возобновилось с той же внезапностью, с какой охватило ее в студии. Она ощутила, как какая-то волна поднимается вверх по рукам, затем вовсе перестала что-либо ощущать, словно ей разом прижгли все нервные окончания. Охваченная ужасом, Элисон озиралась, пытаясь обнаружить источник шагов, надеясь, что вот-вот появится Джек и снова приведет ее в чувство. Неприятное покалывание вдруг исчезло. Элисон топнула ногой, злясь на себя, что сумела так расклетиться за последние несколько недель, хоть и выдались они достаточно напряженными.

Успокоившись немного, она сделала несколько шагов и снова остановилась. Вновь ргздалось эхо. Элисон быстро перебежала через улицу, съезжилась в тени мебельной фабрики и оглянулась. Шаги не прекращались, но теперь они звучали по-другому. Они более не приближались; похоже было, что человек либо пошел обратно, либо завернул в переулок. Элисон не двигалась с места, чувствуя, что опасность еще не миновала, моля Бога, чтобы больше не возвращалось это ужасное покалывание. Затем, с трудом взяв себя в руки, вышла из своего укрытия и со всех ног бросилась бежать. Задышавшись, достигла наконец освещенного участка улицы — и тут чья-то рука обхватила ее и крепко сжала.

— Эй!

Оцепенев от ужаса, Элисон обернулась: позади нее стоял какой-то человек.

— Полегче, дитя мое, так и убить кого-нибудь можно, — мягко произнес он.

Элисон дрожала от страха, незнакомец не отпускал ее. Судорожно глотая воздух, она вцепилась пальцами в колечки седых волос, покрывавших веснушчатую кожу, и тут только заметила крохотную монахиню с четками в руках, пытавшуюся укрыться за его спиной от холодного ночного ветра.

Священник немного ослабил хватку и с сочувствием глядел на Элисон, приподняв густые седые брови.

— С вами все в порядке? — спросила монахиня.

Элисон кивнула и отвернулась.

— Что случилось? — поинтересовался священник.

Она замялась, пытаясь пригладить свои растрепавшиеся волосы. Какое счастье! Это всего лишь священник с монахиней. До чего же ей повезло! Она быстро обхватила пальцами распятие и сжала его.

Затем обернулась и окинула взглядом улицу. Никого. В полном смущении она подняла глаза на священника.

— Мне так неловко, отец мой. Но мне показалось, будто кто-то идет за мной. Я пыталась убежать.

— Дайте-ка я взгляну.— Священник отступил на шаг и какое-то время вглядывался в темноту.— Ничего не вижу,— покачал он головой.— Побудьте минутку с доброй сестрой.

И удалился, чтобы обследовать подъезды и подворотни.

— Сестра, извините меня.

— Вам не за что извиняться, дитя мое,— сказала монахиня. Ее щеки блестели в свете фонарей, глаза излучали теплоту и участие.— Если что-то и напугало вас,— продолжала она,— в том нет вашей вины. Не следует ходить здесь одной в столь поздний час.

— Но раньше ничего подобного не случалось,— запротестовала Элисон.

— Плохому достаточно случиться и один раз.— Монахиня взяла ее за руку.— Успокойтесь, дитя мое. Теперь вас никто не тронет.

Две-три минуты они простояли молча в свете фонаря.

На звук шагов обе обернулись:: из темноты вышел священник.

— Никого,— сказал он, отирая пыль со своих больших ладоней.

— Простите меня,— еще раз повторила Элисон.— Не знаю, право, что на меня нашло.

— Я бы не винил себя, дитя мое. Здесь очень темно, а эхо любого, самого тихого звука разносится далеко. Неудивительно, что вы напугались.

— Куда вы идете? — спросила монахиня. — Мы можем проводить вас, если недалеко.

— Нет, спасибо. Мне нужно на 89-ю улицу. Но я была бы вам очень признательна, если бы вы подождали, пока я поймаю такси. Мне все еще немного не по себе.

— Конечно, — сказал священник.

Они перешли через улицу. Через несколько минут подъехало такси.

— Еще раз спасибо, — поблагодарила Элисон, усаживаясь.

— Не за что, — ответил священник. — Держитесь подальше от темных улиц. — Он закрыл дверцу.

Элисон обернулась и посмотрела сквозь стекло. Сзади приближалась какая-то машина, освещая фарами улицу. Вот она скрылась за углом, и Элисон откинула голову на спинку сиденья.

— Угол 89-й и Централ-Парка, пожалуйста.

Такси тронулось с места.

Она снова обернулась и посмотрела сквозь грязное стекло. Священник и монахиня медленно брели вдоль квартала. Элисон благодарно улыбнулась, но улыбка тотчас же сползла с ее лица. Она ненавидела себя. Идиотка! Трусиха! Параноик! Лестные названия проносились у нее в голове. Разве можно так себя вести! Надо следить за собой; что-то странное с ней происходит. Это онемение рук и ног. Шаги какие-то. Головные боли.

Все чепуха.

Элисон пообещала себе, что больше это не повторится. И еще она пообещала себе, что ничего не расскажет Майклу.

4

— Ой, горячо-то как! — закричала Элисон, выбегая из тесной кухоньки.

Она протискивалась по коридору с двумя круглыми фарфоровыми посудинами в руках. Осторожно поставила их на стол, сдвинула крышки, чтобы проверить в каком состоянии овощи, отступила на шаг — обзреть плоды своего труда и поправила сверкающие на белоснежной скатерти приборы. Она достала два бокала на

длинных ножках и поставила их рядом с каплевидным графином и бутылкой самого дорогого французского вина, купленного утром, в соответствии со строгими инструкциями Майкла.

Бросив взгляд на напольные часы, Элисон всплеснула руками и понеслась обратно в кухню. Через несколько мгновений она вновь появилась с горячим блюдом в руках. Теперь она была спокойна. Оставались еще кое-какие дела, но по крайней мере в царившем здесь два часа назад хаосе начал вырисовываться хоть какой-то порядок.

И тут раздался звонок в дверь. От неожиданности Элисон подпрыгнула на месте и снова метнула взгляд на часы. Девять тридцать. Майкл явился на полчаса раньше. Что же он с ней делает? Да он в жизни никуда не приходил раньше назначенного срока!

— Иду! — крикнула она.

Подбежала к зеркалу и оправила свой костюм. Не то чтобы это было необходимо, но первое, что всегда делает застигнутая врасплох женщина, — проверяет, в порядке ли ее одежда и макияж. Элисон пригладила волосы, нахмурившись при виде нескольких выбившихся прядей и спрятала под блузку висящее на шее распятие. Звонок раздался снова.

— Иду, Майкл!

Она взялась за ручку двери, отодвинула цепочку и начала было поворачивать ключ, как вдруг остановилась. Майкл не звонил снизу по домофону. Как он сумел попасть внутрь? Разве что кто-нибудь из соседей вошел одновременно с ним. Элисон распахнула дверь.

— Чейзен меня зовут. Чарльз Чейзен, — произнес стоявший за дверью тщедушный человечек со сморщенным, похожим на чернослив личиком. Над ушами у него вились жидкие седые волосики. Пара огромных перекошенных очков чудом удерживалась на кончике острого носа. Впалые щеки были необычайно румяными, что, по всей видимости, объяснялось либо ирландским происхождением, либо состоянием крайнего смущения. В целом лицо его являло собой композицию из линий, впадин и расщелин, очень старых и асимметричных. Но улыбка старичка была весьма располагающей.

— Я ваш сосед из квартиры 5-B, — сообщил он.

Одет мистер Чейзен был в потертый на сгибах бесформенный серый пиджак. Верхние две пуговицы так же, как и пуговицы на рукавах, отсутствовали, хотя ниточки от них все еще торчали. Из петлицы у него свисал увядший цветок.

— А это — Мортимер, — произнес он, кивая на золотисто-зеленого попугая, который восседал на его правом плече.

Птичка что-то прочирикала.

— Да-да, ты прав, — сказал Чейзен.

Элисон озадаченно смотрела на попугая.

— Очень умная птица. Необычайно. К сожалению, ни слова не говорит по-английски, так что, если вы не сильны в птичьем языке, боюсь, вам не представится возможности насладиться глубиной его интеллекта.

— Я.. э... — бормотала Элисон. — Боюсь, что нет.

— Тц, тц, дорогая. Как-нибудь я научу вас. На самом деле это довольно просто. — Он помолчал, бросил взгляд на попугая и продолжал: — Я надеюсь, вы любите птиц?

— Да, конечно.

— Он из Бразилии. Бывали там?

— Нет.

— Говорят, чудная страна.

— Да, я слышала. — Элисон неуверенно затопталась на месте.

Чейзен стоял, выпрямившись, почти по стойке «смирно», вытянув левую руку по шву. А на его согнутой правой руке устроилась глуповатого вида черно-белая кошка с прозрачными зелеными глазами. Такой взъерошенной, клочковатой шерсти Элисон не видела еще ни у одной кошки.

— А это — Джезебель. Она говорит на чистейшем английском, — произнес Чейзен, заглядывая в кошачьи глаза. — Поздоровайся с милой леди, душа моя. — Кошка ничего не сказала. — Ну же. — И снова кошка ничего не сказала. — Да, что-то она неразговорчива нынче вечером. Возможно, у нее расстройство желудка.

Элисон находилась в полном замешательстве. Она ожидала увидеть Майкла, а вместо него появился этот чудаковатый сосед со своим мини-зверинцем.

— Меня зовут Элисон, — представилась она.

Мистер Чейзен широко улыбнулся и протянул руку.

— Очень рад познакомиться. Оччпрятно... Очень, очень рад.— Он прижал к подбородку кошку.— Ведь правда, нам очень приятно? Конечно, приятно, мои ангелочки!

Кошка чихнула.

Чейзен нахмурился.

— Неужели моя девочка подхватила мерзкую простуду? — Он пощупал кошкин нос, затем все ее четыре лапы по очереди, после чего убрал выражение отеческой заботы с лица и снова улыбнулся Элисон.

— Я тоже очень рада познакомиться с вами,— произнесла Элисон, пожимая руку Чейзена.— Я все ждала, когда же наконец встречу кого-нибудь из соседей.

— Да-да, конечно.— Старичок вместе с животными проскользнул в квартиру.— Идемте, дети мои,— сказал он.

У него была смешная походка, как у Чарли Чаплина: носки смотрели в разные стороны, ноги не сгибались, а тело при ходьбе раскачивалось из стороны в сторону. Не хватало лишь черного котелка, бабочки и трости.

Кошка подпрыгивала у него на руках, голова ее покачивалась в такт шагам из стороны в сторону. Видно было, что она привыкла к такому способу передвижения.

— Прелестная квартирка,— заметил он, снуя кругом, словно на распродаже имущества с молотка. Через несколько минут он уже досконально изучил все, что находилось в гостиной.— Мортимер одобряет декор,— добавил он после короткого совещания с птицей.

— Спасибо,— отозвалась Элисон.

Чейзен просеменил к камину, окинул его беглым взглядом, затем его внимание привлекли напольные часы, которые он и осмотрел тщательнейшим образом.

— Ах, что за милые старинные безделушки! — воскликнул он, шаря глазами по каминной полке, уставленной камнями и фотографиями в рамках. Он потянулся и взял одну из них.

— Герберт Гувер,— объявил он.— Великий Президент.

Насколько Элисон знала, ни камней, ни фотографии с изображением Гувера на камине не было. Ей стало любопытно, и она подошла поближе.

— По-моему, совсем на него не похоже.

— А я говорю: похоже. И сомнения быть не может.— Чейзен энергично покивал головой.— Ценю ваш патриотизм,— добавил он, подразумевая, что только что Элисон продемонстрировала полное его отсутствие.— Я прекрасно помню этого человека.— Он горделиво выпятил грудь.— «Я отправлюсь в Корею»,— это его слова. Я голосовал за него.

— Вы говорите про Эйзенхауэра.

— Про Эйзенхайэра? Неужели? — Мгновение он размышлял.— Да, наверное. Вот забавно. Я думал, это был Гувер. Так что же тогда сказал Гувер?

Элисон пожала плечами.

— «Спроси, не что твоя страна может сделать для тебя, спроси...»

— Нет.

— Нет? — Он приподнял одну бровь и с вызовом спросил:— А кто же это с азал, по-вашему?

— Кеннеди.

— В самом деле?

— Да.

Чейзен посмотрел на попугая.

— Но Гувер должен был что-то сказать!

— Не сомневаюсь.

— Что бы это могло быть? — озадаченно пробормотал он себе под нос.

Элисон улыбнулась.

— «Свобода или смерть».

— Точно! — вскричал он.— Великий был человек!

Элисон с сомнением покачала головой.

Чейзен поставил камешку обратно на полку, прошелся по комнате, прислушиваясь к торопливому чириканию Мортимера, затем облокотился о диван и поскреб подбородок.

— У вас исключительный вкус, моя дорогая. Как-нибудь я непременно попрошу вас помочь мне в оформлении моей квартиры.

— Спасибо, но я боюсь не оправдать ваших надежд. Все примерно так и было, когда я въехала сюда.

— Нескромность — не порок, когда таланты налицо. Это слова Аристотеля.

Элисон рассмеялась. Ну, раз Аристотель это сказал, наверное, так оно и есть. Хотя, помнится, он говорил также, что Земля — центр Вселенной...

Чейзен продолжал прогуливаться по комнате, проявляя необычайный интерес ко всем предметам, находящимся в пределах его досягаемости. Неожиданно он остановился.

— Ах,—укоризненно произнес он,— я же прервал ваш ужин.

Элисон посмотрела на празднично накрытый стол.

— Нет, я еще не начинала.

— Это успокаивает. Я бы чувствовал себя весьма неловко, если бы помешал невольной... Прием и переваривание пищи должны проходить без вторжения праздной болтовни. Вы не согласны?

— Почему бы и нет? — сказала Элисон.— Я, например, жду джентльмена к ужину. Его зовут Майкл,— добавила она, обдумывая, как бы повежливее выпроводить соседа.

— Вы замужем?

— Нет.

— Помолвлены?

Она покачала головой.

— Ах, просто друзья,—заключил он.— Но цветы дружбы порой приносят неожиданные плоды.— Он ухмыльнулся.— Определенно так!

Элисон нахмурилась. Давно не слышала подобной пошлости.

Чейзен, широко улыбаясь, прохаживался вокруг стола, оглядывая безделушки с видом знатока. Затем он уселся во главе стола.

— Спасибо за приглашение,—проворчал он.

— Приглашение? — переспросила Элисон, не совсем понимая, что он имеет в виду.

— О да, да. Я чувствую, когда мне хотят предложить присесть. По опыту. Я уже не молод, знаете ли. Так что я просто сэкономил ваши усилия, заранее поблагодарив вас.— Чейзен помолчал, погладил кошку и продолжал:— Три дня я собирался заскочить к вам, но как-то все не получалось до сегодняшнего дня.

— Я очень признательна, что вы сумели выкроить время.

— Да,—согласился Чейзен, поправляя свои покореженные очки.— Я так люблю новых соседей. Старые, правда, мне тоже нравятся. Но новые соседи — это так прекрасно! Они напоминают мне о моей первой кварти-

ре, которую я снимал в двадцатые годы... Или нет, о моей второй квартире, которую я снимал в тридцатые... Впрочем, неважно. Это было так давно, что я точно не помню когда, но с новыми соседями мы неплохо проводили время.

— Могу я вас чем-нибудь угостить? — прервала его воспоминания Элисон. — Хотите вина или, может, что-нибудь из закусок?

— О нет, время ужина еще не подошло, а в моем возрасте необходимо соблюдать режим.

— А животным?

— Они питаются вместе со мной, — важно заявил старичок.

Элисон подавила смешок. Странный какой-то разговор. Но сосед был забавным, и она почувствовала расположение к нему. Элисон присела и погладила Джеббель, кошка замурлыкала.

Чейзен довольно улыбнулся.

— Мортимер любит, когда его гладят по животу, — поведal он.

Элисон протянула руку и дотронулась до птички.

— Сладострастное создание, — хихикнул Чейзен, и щеки его зарумянились. — Сладострастие и мудрость — редкое сочетание в любом животном, включая человека.

— Я согласна с вами.

— Я тоже, — отозвался Чейзен, — я тоже.

Элисон улыбалась, не зная, что ответить.

— Вы с кем-нибудь еще из соседей знакомы?

— Разумеется, — отвечал он. — Я здесь всех знаю, очень милые люди, хотя, — он жестом пригласил Элисон наклониться, чтобы он мог шептать ей в самое ухо, — живет здесь один священник, на моем этаже, так, по-моему, его место — в психушке. У него не все дома! — Старичок поднял глаза на потолок, словно раскаиваясь, что позволил себе столь резкое суждение. — Бог меня простит, — проговорил он. — Но у него действительно с головой не все в порядке. Целыми днями сидит у окна.

— Агент по сдаче квартир упоминала о нем.

— В самом деле?

Элисон кивнула.

— Он наблюдал за нами, когда мы выходили из дома.

— Понятно,— Чейзен помолчал.— Но не бойтесь, он никогда никуда не выходит, и он очень тихий. Да, есть здесь еще такая квартира 4-А.

— А там кто живет?

— Никто. В том-то все дело. Ее никогда не сдавали. А прочий народ здесь вполне приятный, и я... Хотя нет, постойте, чуть было не забыл о тех двух женщинах со второго этажа. В них — зло. Они достойны проклятия.

— Вы довольно строго судите,— заметила Элисон.

— О! — ответил он.

— Простите? — переспросила Элисон, не совсем поняв смысл его реплики.

— Не спорьте! Зло, я сказал.

Элисон была немного ошарашена. Откинувшись на спинку стула, она ожидала его дальнейших откровений.

— Так о чем я говорил? — спросил старичок.— Дайте вспомнить.

— О соседях? — подсказала Элисон.

— Нет, что-то другое. До того. Нет. Ах, брак! Никогда не связывал себя узами брака. Скажу по секрету, я всегда относился к женщинам со страхом и подозрением. Без обид, моя дорогая.

— Я и не думаю, что вы хотели меня обидеть.

— Нет-нет, разумеется нет. Дайте вспомнить. Должен признать, у меня есть ужасные слабости. Когда я был ребенком, моя бедная мамочка пыталась...

Элисон украдкой бросила взгляд на часы в то время, как он продолжал монотонно что-то бубнить, словно заезженная пластинка. Уже десять, пора бы Майклу и появиться. Но, конечно, он, как всегда, опоздает. Элисон начинала сердиться. Неужели он не может хоть раз в жизни прийти вовремя, чтобы избавить ее от экскурсов в историю жизни Чейзена?!

Рассказ старичка был исполнен драматизма. Голос его дрожал, он выпячивал грудь, стремясь набрать в легкие как можно больше воздуха, чтобы подольше говорить без передышки. Элисон мало что слышала. Мысли ее блуждали где-то далеко, а звук голоса Чейзена лишь убаюкивал ее.

Где-то посреди его речи она вдруг уловила несколько слов. Снова взглянула на напольные часы справа от камина. Неужели он вещает уже сорок пять минут? А она

почти все пропустила мимо ушей! Была там какая-то чепуха о Бронксе, пара баек о Великой Депрессии, перечисление его жизненных достижений и бесчисленных мест работы, которые он сменил. Вот и все. Элисон забеспокоилась. А что если он захочет знать ее мнение насчет важнейших вех своей жизни? Ей придется промолчать. И скорей всего на этом их знакомство закончится. Впрочем, если произнесение речей относится к числу его любимых занятий, это, может быть, не так и плохо, — усмехнулась Элисон про себя.

— Так что, как видите, дорогая моя Элисон, Джезель и Мортимер — единственные мои верные друзья. Конечно, я поддерживаю приятельские отношения с миссис Кларк из квартиры 4-Б, но лишь животные способности на истинную преданность — или привязанность, как вам угодно. Я делюсь с ними самым сокровенным, а, как вы догадываетесь, в жизни старого человека много сокровенного.

Элисон откинулась на спинку стула и улыбнулась. Рассказ подошел к концу. Чейзен взглянул на часы.

— Боже мой, — засуетился он, — им давно пора в постель. Вы знаете, что от недостатка сна кошачья шерстка становится клочковатой, а перышки у птичек слипаются?

— Век живи — век учись, — промолвила Элисон с ноткой сарказма в голосе.

— Как это верно! Как верно! Что ж, я собирался лишь заглянуть к вам на пару минут, а проторчал целый час. Весьма эгоистично с моей стороны! Вам же необходимо подготовиться к приему друга, так что я откладываюсь. — Он снял кошку со стола. — Наша маленькая беседа доставила мне истинное наслаждение. Жаль, что Джезель неразговорчива сегодня. Может, в следующий раз вам повезет больше.

— Не сомневаюсь, — сказала Элисон.

Чейзен поднялся и направился к дверям.

— Не беспокойтесь, я сам открою. Если вам понадобится какая-либо помощь, не стесняйтесь, стучите в мою дверь в любое время.

— Спасибо за предложение.

— Тц, тц, не стоит благодарности. Мне это лишь доставит удовольствие.

— Мистер Чейзен, у меня есть одна просьба. Могу я воспользоваться вашим телефоном в случае необходимости? Телефонная компания никак не подключит мой.

— Будь у меня телефон, я бы с радостью... Но у меня его нет. Мне некому звонить.

Элисон сочувственно покивала головой.

— Спокойной ночи, моя дорогая,— сказал он и предостерег:— Ешьте и пейте в меру.

— Спокойной ночи.

— Я чуть не забыл.— Чейзен приподнял кошку.— Скажи «спокойной ночи», Джезебель.— Кошка ничего не сказала.— Не знаю, что на нее сегодня нашло. Может, простудилась.— Он покачал головой, пожал плечами, вышел и закрыл за собой дверь.

И Элисон снова осталась одна. Она повернула ключ в замке, накинула цепочку и вернулась к столу. Посмотрела на сгоревшие уже на четверть свечи и заключила, что, несмотря на то что в голове у Чейзена полный сумбур, его визит доставил ей удовольствие.

Элисон взяла в руки вилку и начала постукивать ею по краю тарелки в унисон с тиканьем часов, оглядывая празднично накрытый стол. Неожиданно она остановилась и склонилась над столом. Рядом с солонкой лежала маленькая, десять на четыре, фотография в скромной рамке. С черно-белого глянцевого снимка на нее смотрел Чейзен в черном костюме, черном галстуке, с букетом роз в руке. Он улыбался во весь рот. Элисон покрутила фотографию в руках. Странно, что она не заметила, как он оставил ее. И почему он ничего не сказал об этом? Может, это подарок к новоселью? Или у него такая визитная карточка? Как бы то ни было, это довольно мило. Элисон подошла к камину и поставила фотографию точно посередине. Старика будет приятно, когда он увидит ее, зайдя в следующий раз. Элисон отвернулась и нахмурилась. Она начинала терять терпение. Где же Майкл?

5

— Истерия может вызывать различные заболевания,— заключил Майкл, когда Элисон закончила описывать свое самочувствие во время похорон.

— Но я не истеричка! — запротестовала она.

Он поправил манжеты рубашки, звякнув блестящими золотыми запонками с инициалами М. С. Ф.— Майкл Спенсер Фармер. Они были очень красивы. Четырнадцать каратов золота. Подарок Элисон ко дню его рождения в том самом июле.

— Внешне нет, — согласился он. — Но мы-то с тобой знаем, а?

Он проследил за ее реакцией. Элисон сидела, выпрямившись на стуле, и наблюдала за игрой отблесков пламени свечи на его смуглом лице. Взгляд его живых темно-карих глаз был испытующим, каким-то даже гипнотическим. Майкл казался таким же, как всегда, а Элисон между уходом Чарльза Чейзена и его появлением замучила себя вопросами до умопомрачения. Не переменялся ли он? А она сама? Даже после того, как он вошел в дверь, вопросы продолжали терзать ее. Она лишь кивнула головой в знак приветствия, решив, что так будет лучше всего. В конце концов у нее есть причины сердиться: он опоздал на полтора часа, и это после того, как на полторы недели задержался в своей Албании. Он не заслужил нежной встречи, он заслужил равнодушие. К тому же равнодушие — отличный способ скрыть собственные сомнения. Но сейчас, после обмена подарками, экскурсии по квартире, чудесного ужина, Элисон решила, что тревожилась зря. И ей сразу стало хорошо и спокойно.

— Я всегда говорил, что стресс оказывает влияние на весь организм в целом, — продолжал Майкл. — Человек отгораживается от внешнего мира и сосредоточивается на своих переживаниях до тех пор, пока это не перерастает в настоящую болезнь или симптомы мнимой. — Он приподнял наполовину наполненный бокал вина, оглядывая заставленный посудой стол с остатками ужина. — Ты могла бы заполучить и что-нибудь похуже мигрени.

— Возможно.

— Что говорят врачи?

— Ничего.

— А после возвращения ты хорошо себя чувствовала? — задумчиво спросил он.

— Да, — ответила Элисон, опустив эпизод в студии Джека Туччи. Она посмотрела в сторону окна и поду-

мала, что надо купить кое-что из мебели, чтобы закончить оформление той части гостиной. Завтра, после ночи с Майклом, у нее будет самое подходящее для этого — немного сумасшедшее — настроение.

Майкл откинулся на спинку стула и зевнул во весь рот, запрокинув голову и закрыв лицо руками.

— Устал? — спросила Элисон.

— Нет, но изрядно захмелел, — признался он, нежно поглаживая бутылку вина. — К тому же столько впечатлений за один день...

— Каких именно?

— Эта волшебная атмосфера — особенно свечи, твоя новая квартира. — Краешком глаза он уловил ее улыбку. — И ты. Я совсем не бесчувственный.

— Я знаю, — согласилась Элисон, беря его за руку. — Все так и было задумано. Чтобы ты растаял, нужно просто немножко потрудиться.

— Немножко?

— Да нет, пожалуйста, как следует.

Майкл улыбнулся.

— А ты неплохо меня знаешь.

— Я давно тебя знаю.

Он коснулся губами молочно-белой кожи ее руки.

— Слишком давно.

— Это как понимать?

— Достаточно, чтобы научиться управлять моими эмоциями.

— А у меня это получается?

— Вполне.

Они посидели молча. Тишину нарушало лишь тиканье часов да потрескивание поленьев в камине.

— Странно, — заговорила Элисон, — с того момента, как самолет приземлился в нью-йоркском аэропорту, я не могла вынести даже мысли о доме. А сегодня вспомнила все четыре месяца. И осталась совершенно спокойной.

— Ничего удивительного в этом нет.

— Почему?

— Ты просто успокоилась. Я это чувствую.

Она прикрыла глаза.

— Когда я прочитала твою записку, я очень расстроилась. И разозлилась. Я вся была погружена в мечты о нашем воссоединении после разлуки. Очень романтично, между прочим.

— И полезно. Встреча со мной немедленно сняла бы нервное напряжение.

— Да... Но тебя не было...

— Прости. Я ничего не мог поделать.

— Дела,— пробормотала она.

Майкл кивнул.

— Возможно, это даже хорошо, что я уезжал. У тебя было время как следует подумать.

— О чем?

— О своей жизни.

Она ничего не ответила.

— О том, что значит для тебя смерть твоего отца,— жестко добавил он.

Элисон похолодела.

— Я достаточно передумала.— Она резко отвернулась. Наступила длинная пауза.

— С этим кончено! — закричала она.

Она схватилась руками за голову, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами. Затем улыбнулась, всеми силами изображая, что ничуть не взволнована.

— Все! Хватит!

Сидя неподвижно, Майкл наблюдал за ней и думал о чем-то своем. Затем вдруг помрачнел.

— Что-то не так? — спросила Элисон, заметив, как он переменялся в лице, хотя ответ был очевиден.

Но он тем не менее ответил:

— Все в порядке.

— Единственное, чему ты так и не научился, Майкл, это лгать мне. Что не так?

Он поднял на нее глаза и спросил:

— Перечислить все?

— Не понимаю.

Майкл поднялся со стула и не спеша, с бокалом в руке прошелся к камину. Пошевелил кочергой поленья. Огонь разгорелся ярче.

— Хороший огонь,— сказал он. Наклонился и бросил в камин еще одно полено. Несколько минут он простоял, согнувшись, глядя на пламя. Элисон спросила, о чем он задумался.

— О разном,— отозвался он.— О людях и домах, о пути к твоему полному возрождению.— От него не ускользнуло ее замешательство. Часы, стоявшие позади

него, отбили время, примерно через шесть секунд им вторили часы справа от него. Майкл отметил про себя расхождение.— Твой отец мертв,— с нажимом произнес он, словно совершая открытие, и снова замолчал на несколько минут.— Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос.— Он снова сел за стол и пристально смотрел на нее.

— Пожалуйста,— сказала Элисон. Она знала, что этого не избежать, и лишь удивлялась, что Майкл не начал пытаться ее раньше. Она готовилась к этому весь вечер.

— Почему ты ушла из дома?

Элисон вопросительно взглянула на него.

— Ты знаешь, что я имею в виду!

Элисон блуждала взглядом по комнате, избегая встречаться с ним глазами.

— Я хотела стать фотомodelью, а Нью-Йорк — самое подходящее место для этого.— Заметно побледнев, она нервно накручивала локон на палец.

— Это мы уже проходили.— Майкл подался вперед.— Я хочу знать настоящую причину. Причину, по которой ты **ВЫНУЖДЕНА** была уйти из дома. Почему за семь лет ты ни разу не навестила свою семью? Почему не позволила мне поехать вместе с тобой в июле? Мне продолжать?

— Я хотела стать фотомodelью,— монотонно, словно под гипнозом, повторила Элисон.

Он тяжело вздохнул.

— Отец сделал твою жизнь дома невыносимой.

— Да, ты знаешь это.

— И поэтому ты ушла из дома.

— Если тебе угодно.— Она отвела глаза.— Что ж, скажем так: благодаря этому мне легче было покинуть дом. Я никогда это не скрывала.

— Есть что-то еще. Какая-то душевная травма. И на этот раз ты скажешь мне все.— Майкл скомкал салфетку и швырнул ее в салатницу.— Твой отец умер, и таиться больше незачем.— Он помолчал, ожидая ответа. Элисон сидела с каменным лицом.

Он продолжил:

— Что-то сделало тебя фригидной! Мы сумели решить проблему в том, что касается физиологии, но мы так и не добрались до сути вопроса.

Она закусила губу.

— В тысячный раз говорю тебе: я хотела стать фотомodelью,— мягко произнесла она, но в голосе ее чувствовалось напряжение. Элисон и сама не знала, зачем она отпирается и почему не расскажет ему правду. Но с другой стороны, она столько раз уже повторила ложь, что та как бы приобрела статус правды. Элисон поморщилась. Впервые вранье вызвало у нее отвращение. Она многим обязана Майклу; он с ней намучился, прежде чем сумел разрушить психологический барьер, мешающий ей получать удовольствие от нормальных отношений с мужчиной.

— Что ж, не хочешь, как хочешь,— сказал он.

— Не понимаю, почему тебе не дает это покоя.

— Ты все прекрасно понимаешь. До тех пор, пока ты не расскажешь мне правду, между нами что-то будет стоять, и ты не сможешь до конца избавиться от своего прошлого. Но раз ты еще не готова, я приму версию, будто ты хотела стать фотомodelью. Но с одной оговоркой: на самом деле я этому не верю.

— Ты всегда остаешься юристом,— сказала Элисон, в очередной раз убеждаясь в неспособности Майкла вести разговор, не впадая в риторику.

— Тем и интересна профессия адвоката: берешь факты, перемешиваешь их, добавляешь немного соли и перца и приходишь к выводу, что основной ингредиент как раз и отсутствует.

— Или изобретаешь что-нибудь, чего там и в помине не было.— Элисон взяла со стола веточку сельдерея и начала с ожесточением рвать ее на части.

— Никогда,— резко ответил Майкл. Он сидел, выпрямившись, и барабанил пальцами по скатерти.— Я не терплю домыслов. Логика, только логика.

— И все же тратишь девяносто процентов времени на пустые размышления.

— Я никогда не размышляю впустую.— Майкл достал из кармана тонкую сигару и закурил, откинувшись на спинку стула. Он пристально смотрел на Элисон, его правое веко дергалось, выдавая волнение.— Противно смотреть на то, как ты лжешь самой себе.

— Майкл, я...

— Да? Говори.

— Мне нечего говорить,— отрезала она.— Не надо больше вопросов, пожалуйста. Не мучай меня.

Несколько минут он смотрел на нее. Затем взял ее за руку, лицо его потеплело.

— Забудь все, что я сегодня говорил,— попросил он. Но в голосе его еще звучали обвинительные нотки.

— Хорошо, Майкл,— сказала Элисон и отвернулась.

— Я говорю серьезно.— Майкл взял бутылку вина, встряхнул ее, чтобы проверить, осталось ли там что-нибудь, разочарованно поставил обратно и побрел на кухню.

Он возвратился с новой бутылкой бордо и со штопором.

— Знаешь, который сейчас час? — спросил он, вытаскивая пробку из бутылки.

— Нет,— ответила Элисон, не желая смотреть на часы.

Майкл разлил вино по бокалам.

— Три часа, если верить правым часам.— Он виновато улыбнулся.— И примерно три пятьдесят девять и пятьдесят четыре секунды, если верить левым.— Он сделал глоток из своего бокала и замолчал.

— Не знаю уж почему, но я люблю тебя,— прошептала Элисон, поднимаясь со стула. Она подошла к Майклу, присела к нему на колени и ласково обняла его.— Черт тебя побери...

Он бросил выразительный взгляд в сторону спальни, она, улыбаясь, смотрела на него, затем встала и медленно пошла по направлению к двери. Майкл взял со стола бокалы и бутылку и подошел к камину разворошить дрова, чтобы они быстрее прогорели.

— Кто это? — спросил он, снимая с полки фотографию.

— Брат Герберта Гувера,— рассмеялась Элисон.

Поднеся снимок ближе к глазам, он покачал головой и произнес:

— Не будь смешной. Это вовсе не брат Герберта Гувера.

— Это зависит от угла зрения,— ответила она, расстегивая пуговицы на блузке.

— Кто это?

— Чарльз Чейзен.

Он поднял брови.

— Сосед сверху. Из квартиры 5-Б. Нанес мне визит вместе с кошкой и попугаем перед самым твоим приходом.

Майкл продолжал изучать снимок.

— Какую-то кошку я видел,— сообщил он, облакачиваясь о каминную полку.

Элисон вопросительно посмотрела на него.

— Черная с белым. Она бежала вверх по лестнице.

— Это Джезебель,— сказала Элисон.— Странно, что Чейзен разрешил ей разгуливать по зданию одной. Он так трясется над ней и над птицей.

— Сколько ему лет?

— Думаю, под восемьдесят, плюс-минус пять лет.

— Немного не в себе?

Она с сожалением кивнула.

Майкл разглядывал фото со всех сторон.

— Его физиономия здорово смахивает на чернослив.

Рассердившись, Элисон подошла к камину.

— Очень смешно,— проворчала она, отнимая у него фотографию. Языки пламени тотчас же заплясали на стекле.— Все, что нужно, он соображает.— Она поставила снимок обратно на полку.— Он просидел у меня целый час, рассказывая историю своей жизни. Рассказ, как ты догадываешься, был весьма содержательным. Жалкое зрелище: маленький старичок, у которого ничего не осталось, кроме кошки, птицы и воспоминаний.

— Бывает и хуже.

— Не хотела бы, чтобы моя жизнь пришла к такому финалу: просыпаться по утрам лишь затем, чтобы ждать, когда, наконец, наступит вечер. И коротать дни за беседой с кошкой.— Элисон протянула руку, коснувшись плеча Майкла, и сняла с полки камень.— Он думал, это Герберт Гувер. И я не смогла разубедить его.— Она погладила рукой резную поверхность.— И знаешь, я даже рада, что мне это не удалось.

Майкл тихонько взял ее за подбородок и поцеловал в переносицу.

— Почему бы нам не поговорить о нем как-нибудь в другой раз,— предложил он и принялся расстегивать рубашку.

Элисон улыбнулась и пошла вслед за ним в спальню.

В комнате было темно. Майкл стоял перед большим зеркалом, висевшим позади кровати. Смутное отражение было почти неподвижным. Лишь редкое мерцание уличных огней и грациозные движения тела Элисон нарушали покой неясных очертаний и глубоких теней. Элисон повесила блузку в шкаф справа от кровати. Никогда еще ее тело не казалось ему столь желанным и чувственным, как сейчас, в полутьме зеркала.

Он снял рубашку, сложил ее и повесил на спинку стула. Подошел к окну и начал опускать штору.

— Не надо, — тихо проговорила Элисон, — здесь никому подглядывать.

Майкл выглянул наружу, кивнул и отпустил веревку.

Элисон сбросила с кровати покрывало и легла.

— Ты счастлива? — спросил он.

— Очень.

Майкл снял последнее, что на нем оставалось — ко-ричневые носки, — и осторожно пробрался к кровати. Обвив рукой ее плечи, он прижал ее к себе и нежно целовал ей уши и гладил грудь. Внезапно он остановился. Зажег ночник и нащупал висящее у нее на шее распятие.

— Что это? — спросил он, тяжело дыша.

— Распятие.

— Вижу. Откуда оно у тебя?

Элисон перевела дыхание.

— Из комнаты моего отца.

— Не знал, что ты католичка.

— Разве?

Он покачал головой.

— И давно?

— Всю жизнь. — Элисон помолчала, щурясь на свет ночника, затем протянула руку и выключила его. — Тебе обязательно разговаривать со мной при свете?

— Элисон, ты никогда...

Она не дала ему договорить:

— Последние несколько лет я почти отошла от всего этого. Совсем отошла.

— Это очевидно.

— Но в детстве я верила.

— А почему перестала?

— Майкл, прекрати. Поговорим на эту тему потом.

Он решительно замотал головой, снова включил свет и повторил свой вопрос.

— Давай так: я просто утратила веру,— сказала она, прекрасно понимая, что такой ответ не устроит его. Она глубоко вздохнула.

— Это как-то связано с тем, что ты ушла из дома?

— Нет.— Элисон пыталась держать себя в руках, но раздражение прорывалось наружу.

— Не идет тебе это,— произнес Майкл, помолчав.

Она прижала распятие к губам.

— По-моему, оно очень красивое.

— Оно-то красивое. Католичество тебе не идет.

— Почему бы не предоставить мне самой судить об этом?

— Я лишь высказываю свое мнение.

— Ты просто не можешь допустить существование чего бы то ни было, что чуждо тебе!

— Ты сама не веришь в то, что говоришь!

— Да это ясно как день!

— Я с пониманием отношусь к любой религии. Но если память мне не изменяет, ты была убежденной атеисткой.

— Люди меняются.

— Судя по всему, да.

Она отвернулась.

— Я протестую против допроса в подобной обстановке. Ты находишься у меня в постели, а не в зале суда.

— Я не допрашиваю тебя.

— Ты занимался этим весь вечер. Не успел в дверь войти.

Майкл сел и уткнулся головой в колени.

— Все. Хватит,— произнес он, с трудом сдерживая ярость.— Я не желаю тратить время на дурацкие споры.

— Начал ты. Я рта не раскрывала. Все, что я сделала—это надела свое старое распятие—подарок отца. И что с того?

Он кивнул головой.

— Прости.— Он снова прикоснулся к цепочке.— Хочешь носить эту штуку — хорошо. Хочешь ходить в церковь по воскресеньям — хорошо. Я просто немного удивился.

«Удивился»,— подумала Элисон, лишь сейчас осознав, что и сама была удивлена не меньше в тот день, когда вернула себе распятие.

Они молча смотрели друг на друга. Слова были ни к чему. Затем Элисон зажала в руке распятие и удобнее устроилась на подушке, не глядя на него.

— Выключи, пожалуйста, свет,— попросила она.

Майкл продолжал пристально на нее смотреть, никак не реагируя. Она с раздраженным видом повернулась к нему спиной, потянулась и выключила свет.

«Я была крайне удивлена»,— подумала она.

6

Элисон взбежала по каменным ступеням крыльца, прижимая к себе пакеты с продуктами, купленными в супермаркете на улице Коламбус — именно там, где и говорила мисс Логан. Она устала. Хотя сейчас едва перевалило за полдень, она успела уже съездить на Фоли-Сквер — послушать речь Майкла в уголовном процессе, провести два часа в редакции «Космополитэн», и, наконец, зайти в супермаркет — а мало что Элисон так ненавидела, как хождение по магазинам.

Среди небывало мрачной осени вдруг выдался погожий денек. С начала октября стояла сырая и холодная погода. Город постепенно впадал в зимнюю спячку. Но не сегодня! Элисон ощутила прилив оптимизма. В конце концов должно когда-нибудь наступить бабье лето!

Она заглянула в почтовый ящик и, ничего там не обнаружив, открыла входную дверь и пошла по устлавшему холл мягкому ковру, приглушавшему звуки. Начала подниматься по лестнице и остановилась на полпути, чтобы потрясти перила. Она неукоснительно придерживалась этого ритуала с того самого дня, как впервые вошла сюда в сопровождении мисс Логан. Перила не шелохнулись, они по-прежнему были крепкими.

Элисон добралась до площадки первого этажа. Дверь в квартиру 2-А была приоткрыта, в холл проникал луч света. Она остановилась и с любопытством заглянула в щелку, но почти ничего не увидела. Тогда она придвинулась ближе и просунула голову внутрь, приоткрыв дверь пошире. Взору ее открылась гостиная.

Элисон стояла, не двигаясь, не решаясь войти без приглашения.

— Хэлло! Есть кто-нибудь дома?

Она подождала ответа.

Тишина.

Квартира выглядела абсолютно пустой. Разве можно оставлять дверь открытой! Хозяева рискуют недосчитаться по возвращении некоторых предметов обстановки.

Элисон шагнула в комнату и огляделась. Мебель была ухоженной и чистой. В квартире стояла какая-то неестественная тишина, воздух был странно неподвижен. Элисон с опаской озиралась, втянув голову в плечи.

— Хэлло,— неуверенно повторила она, перехватив поудобнее пакеты.— Есть здесь кто-нибудь?

Тишина.

Элисон пожалела, что слишком честна. Будь она хоть капельку клеptomанкой, здесь можно было бы кое-чем пожить. Эти вещи куда лучше смотрелись бы в ее квартире, нежели в этом царстве эклектики. Взять хотя бы эту старинную лампу. Или плетеные кресла. Никто никогда не узнает. Хотя нет, огонь в камине еще как следует не разгорелся, поленья почти нетронуты, их явно положили совсем недавно. Видно, хозяин вышел на минутку и скоро вернется.

Элисон смотрела на тяжелые жалюзи; судя по их виду, открывали их нечасто.

— Есть кто-нибудь дома? — повторила она в последний раз, подбадриваемая разгоравшимся огнем. Отблески его весело заплясали на черном экране, стоящем перед камином.

Никакого ответа не последовало. Элисон повернулась, чтобы уходить.

Прямо перед ней стояла женщина. Ростом примерно пять футов пять дюймов. Ни грамма косметики на поразительно красивом, с идеально правильными чертами лице.

Элисон не могла удержаться от восхищения.

В дверях показалась еще одна женщина. Она была на один-два дюйма выше первой. Густой слой грима покрывал остренькое личико. Кожа так обтягивала кости, словно она перенесла пластическую операцию. Но

женщина не выглядела настолько старой. Элисон решила, что ей лет тридцать пять. Может, тридцать восемь. Но не больше. Если от первой так и веяло нежностью, эта являла собой воплощение суровости.

Элисон была озадачена. Как им удалось неслышно подкрасться? Она осторожно разглядывала хозяек, отметив, что одеты они скромно, но со вкусом. Затем взгляд ее упал на ноги женщин. Обе носили балетные тапочки. Элисон снова посмотрела на стены комнаты. Повсюду висели картины с изображением балерин и афиши, возвещавшие о представлениях Королевского Балета. Элисон вновь опустила глаза на тапочки. Танцовщицы? Возможно, именно поэтому она не расслышала их шагов.

В смущении она забормотала:

— Я... э...

— Чем можем вам служить? — сухо спросила та, что повыше.

Элисон смешалась.

— Говорите же! — приказала женщина. Она говорила, почти не разжимая губ; создавалось впечатление, будто слова за нее произносит спрятавшийся в комнате чревоушатель.

— Я шла домой с покупками... Я недавно переехала... Увидела, что дверь открыта и решила зайти представиться. — Элисон помолчала и, поняв, что ответа не дожидается, продолжала: — Уверю вас, никаких других намерений у меня не было.

Она с трудом выдавливала из себя слова.

Женщины по-прежнему с неприязнью смотрели на нее.

— Меня зовут Элисон Паркер, — представилась она, поразившись, что сумела вспомнить свое имя в столь напряженной обстановке.

Высокая женщина приблизилась на шаг и уставилась ей прямо в глаза. Затем криво усмехнулась:

— Вы уж простите нас, — сказала она, проходя мимо Элисон в гостиную.

Дивясь неожиданной перемене, Элисон следила, как обутые в тапочки ноги мягко ступают по ковру. Без сомнения, она танцовщица или, по крайней мере, была ею когда-то.

— У нас нечасто бывают гости. Я — Герда. Имя норвежское. А это, — она указала на вторую женщину, — Сандра.

Элисон кивнула Сандре, которая хранила молчание и не двигалась с места.

— Проходите, пожалуйста. Увидите, как у нас славно. — Герда размотала красный шарф и положила его на каминную полку. — Особенно я люблю камин. С ним так тепло и уютно. И вы непременно выпьете с нами кофе. — Она обернулась, ожидая ответа.

— Честно говоря, я...

— Нет. Я настаиваю!

Элисон раскрыла было рот, чтобы отказаться: она чувствовала себя здесь не в своей тарелке. Даже слова приглашения были произнесены отнюдь не гостеприимным тоном. Но несмотря на все свое желание, она не могла уйти. Что-то заставляло ее остаться и познакомиться поближе с этими не особо располагающими к себе людьми. Хотя бы для того, чтобы избежать подобных неприятных ситуаций в будущем.

— В Нью-Йорке редко предоставляется возможность проявить гостеприимство, — сказала Герда. — Такой уж это город. Жители его слишком подозрительны и ревнивы. И эгоистичны. — Она замолчала, достала с серебряного блюда сигарету и предложила Элисон.

— Я не курю.

Герда кивнула, выражая свое одобрение.

— Кладите пакеты на стол и присаживайтесь, — пригласила она, направляясь в кухню. — Я недавно поставила вариться кофе, должно быть, он уже готов. Если хотите чаю, я могу вскипятить воды.

— Я с удовольствием выпью кофе, — сказала Элисон, садясь наискосок от Сандры, которая переместилась на потертую коричневую софу.

— Познакомились уже с кем-нибудь в нашем доме? — донесся с кухни голос Герды.

— Да, с мистером Чейзенем сверху. Он зашел ко мне вечером, пару дней назад, с кошкой и птицей.

— Приятный человек.

«Приятный человек?» — удивилась Элисон. — «Они явно не слышали, как он отзывается о них».

— Он говорил мне о вас, — произнесла она вслух.

— Конечно, что-нибудь хорошее?

— Разумеется,— ответила Элисон.

— Мы не часто общаемся с соседями. Сказывается то самое нью-йоркское негостеприимство. Люди, живущие в соседней квартире, с тем же успехом могли бы жить где-нибудь в Сибири. Я вовсе не оправдываю себя: мы тоже грешны.

— Не думаю, что все так уж мрачно. Визит мистера Чейзена это доказывает, и не где-нибудь, а здесь, в нашем доме.— Элисон улыбнулась.— Надо просто активно искать общения.

— Какая вы отважная,— заметила Герда с ноткой сарказма в голосе.

Элисон нахмурилась и обернулась к Сандре.

— Вы давно живете здесь? — В ожидании ответа она заерзала на стуле. Девушка не шелохнулась.

— Пусть вас не смущает молчание Сандры,— раздался голос с кухни.— Она никогда не разговаривает — только со мной и лишь когда мы одни.

Элисон переварила эту информацию и решила больше не пытаться наладить общение с девицей. Обернувшись, она увидела Герду с подносом в руках.

— Угощайтесь,— сказала та, ставя поднос на стеклянный столик.

— Спасибо.

Герда вынула сигарету изо рта и затушила ее в пепельнице.

— Хотела вас спросить,— начала она, откашлявшись.

— Да,— отозвалась Элисон.

— Вы носите распятие. Откуда оно у вас?

Элисон опустила глаза. Так и есть: крест выбился из-под свитера. Обычно она старалась прятать его под одеждой.

— Из дома моих родителей,— отвечала она.

— Где оно сделано?

— Не знаю. Это подарок.— Она засунула распятие под свитер.

— Похоже на французское.

— Вполне возможно. Как я сказала, я не знаю.

— Ясно,— коротко ответила Герда.— Обожаю красивые вещи, особенно распятия.— Она достала из-под блузки свое, побольше, чем у Элисон. Судя по всему, оно было очень древнее и принадлежало эпохе большого

религиозного подъема.— Я приобрела его в Венгрии. Одинадцатый век. Работа славянских монахов.

Элисон подалась вперед.

— Оно, должно быть, стоит целого состояния.

— Возможно, но не в денежном выражении, если вы понимаете, о чем я. Вы религиозны?

Помолчав, Элисон ответила:

— Нет.

— А мы — да. Так что нам трудно переводить знак Христовой веры в доллары и центы.

Сандра медленно кивнула.

— Извините, — сказала Элисон.

— Ничего страшного. В наш век, в Нью-Йорке религиозные чувства ценятся так же, как гостеприимство и понятие «соседи». Постепенно выходят из употребления. — Герда пристально смотрела на нее. Крест свисал с ее шеи.

— Можно кофе? — спросила Элисон, нервно облизывая губы.

— Естественно. Для этого он здесь и стоит.

Элисон наклонилась вперед, выбрала себе чашку, налила кофе, добавила чуть-чуть сливок и три кусочка сахара. Краешком глаза она продолжала следить за хозяйками.

— Мы здесь живем уже несколько лет, — заговорила Герда, отвечая на вопрос, который Элисон задавала Сандре.

— Как хорошо, — отозвалась Элисон.

— Да. Как хорошо, — повторила Герда с расстановкой.

— А где вы жили раньше?

— В Европе. Девять фантастических лет в Париже, а до этого — в Осло, где я и родилась.

— Я тоже люблю Париж, — вставила Элисон.

— Да что вы? Вот удивительно. Обычно американцы его не любят.

— Почему?

— Они признают, что город красив, еда восхитительна, но им не нравятся французы. — Герда помолчала, водя кончиком языка по губам. — И наоборот. Французы, со своей стороны, тоже не в восторге от американцев. С тех пор, как де Голль возродил французский национализм, скрытая прежде неприязнь к американцам про-

рвалась наружу. Все это происходило на моих глазах.— Герда явно была горда, тем, что ей довелось стать свидетелем исторических событий. Склонившись над столом, она налила себе чашку кофе — без молока, без сахара.— Но, с другой стороны, я понимаю, почему вам понравился Париж. Вы красивая женщина, а французы так галантны.— Герда сделала глоток из чашки и улыбнулась.— Кофе удался,— заключила она

— Вы познакомились с Сандрой там? — поинтересовалась Элисон.

— Нет, она американка. Никогда в Европе не была.— Герда взглянула на подругу, ответившую ей еле заметным кивком головы.— Мы познакомились в Нью-Йорке, вскоре после моего приезда сюда. До этого она жила с мужчиной, который ужасно с ней обращался.— Герда матерински похлопала Сандру по коленке.— Я убедилась, как избавиться от него. Она послушалась. А после переехала ко мне и теперь я забочусь о ней.— Герда и Сандра обменялись загадочными полуулыбками.

Элисон потягивала кофе, внимательно наблюдая за ними и пытаясь разгадать зловещий смысл этих слов и причину их неестественной привязанности друг к другу.

— Мужчины — садисты! — прокричала Герда с яростью.

Чуть не поперхнувшись от неожиданности, Элисон возразила:

— Вы чересчур обобщаете. Мои знакомые мужчины, в большинстве своем — хорошие и милые люди.

Глаза Герды сузились, неясная улыбка заиграла на ее губах.

— Понятно,— сказала она.— Тот джентльмен в коричневой спортивной куртке, что ушел от вас вчера утром, он ваш любовник?

Элисон недоумевающе взглянула на нее.

— Он ваш любовник? — повторила Герда свой вопрос.

— Да.

Герда медленно потягивала кофе, не сводя с Элисон глаз, затем поставила чашку и скрестила руки на груди.

— Похоже, он недурен в постели.

— А это уж не ваше дело,— вспыхнула Элисон.

Герда потупила глазки, изображая раскаяние.

— Пожалуйста, еще раз простите меня. Я сама человек очень откровенный и, увы, порой забываю об элементарных правилах приличия.— Она посмотрела на Сандру и улыbnулась, непослушные губы растянулись в странной гримасе.— Видите ли, мы с Сандрой ничего не скрываем друг от друга, и это уже вошло в привычку.

— Я... э... Я понимаю,— с трудом подбирая слова, Элисон пыталась сменить тему.— Мне очень нравится, как обставлена ваша квартира. Я тоже предпочитаю сочетание различных стилей.

— Мы рады, что вы одобряете наш вкус,— сказала Герда, и в этот момент в спальне зазвонил телефон.

Она поспешно извинилась и вышла. Элисон посмотрела ей вслед и неохотно повернулась к Сандре.

За те несколько секунд, что она не глядела на девушку, выражение лица той совершенно переменялось. Теперь на нем читалось умиротворение. Напряжение исчезло, губы разжались, в глазах появилось подобие жизни.

Элисон скользила взглядом по лицу и телу девушки. И оторопела. Засунув руку под брюки, Сандра массировала себя легкими круговыми движениями. Ноги ее напряглись, видно было, как эйфория разливается по всему ее телу. Движения становились все более энергичными, присутствие Элисон нимало не смущало ее. Она была полностью погружена в свои сексуальные переживания. Элисон смотрела на девушку, и отвращение боролось в ней с любопытством. Дыхание той становилось все глубже, губы ее подрагивали. Она достигла оргазма.

Сандра вытащила руку, еще раз втянула носом воздух и замерла в прежней позе, словно ничего не происходило, и все лишь померещилось Элисон. Она снова была далека, холодна, неподвижна.

Элисон замутило. Она вскочила в намерении немедленно покинуть эту квартиру. Но что-то словно пригвоздило ее к месту.

В комнату возвратилась Герда и присела на софу рядом с Сандрой.

— Мы гордимся нашей квартиркой,— сказала она все еще стоявшей в оцепенении Элисон. Герда обладала забавной манерой как ни в чем не бывало продолжать не-

законченные разговоры и отвечать на заданные ранее вопросы.— Мы немало потрудились, чтобы обставить ее как следует. Но зато это обошлось нам недорого.

— Это самый лучший способ,— согласилась Элисон, вновь присаживаясь. Любопытство пересилило желание бежать отсюда без оглядки.

— И что интересно,— продолжала Герда,— большинство этих предметов мы обнаружили в самых, казалось бы, неподходящих местах. Когда ваши глаза широко открыты, вы можете найти любые сокровища.

Элисон и Герда продолжали пить кофе, а Сандра время от времени глотала чай из дымящейся чашки. Но судя по всему, чай интересовал ее меньше всего. И без того не слишком оживленная беседа прекратилась вовсе. Все трое сидели и молча смотрели друг на друга.

Потихоньку Сандра придвинулась ближе к Герде и взяла ее за руку. Элисон вздрогнула с чашкой в руках, пролив при этом часть кофе в молочник. Она наблюдала, как Сандра гладит руку Герды, как переплетаются их пальцы.

Тело Сандры с упоением отдавалось очередному приливу эйфории. Глаза ее ожили, щеки порозовели. Герда оставалась бесстрастной. Сандра вновь достигла оргазма.

— Вы... Чем вы зарабатываете себе на жизнь? — выдавила из себя Элисон.

— Ничем,— коротко ответила Герда.

— Но ведь надо что-то делать, чтобы иметь деньги.

Герда покачала головой, взглянула на свою плененную кисть, снова перевела взгляд на Элисон и сжала руку, заставив Сандру содрогнуться в экстазе.

Элисон, уже не на шутку встревожившись, все еще пыталась избежать неминуемого столкновения.

— Неужели вам не скучно? Чем вы занимаетесь? — спросила она.

— Мы ласкаем друг друга.

Элисон уставилась на нее, раскрыв от удивления рот.

— Ласкаем! Гладим! — Герда говорила весьма оп-ределенно, раздраженно и резко.

Она повернулась и потрогала грудь Сандры, тело той отозвалось конвульсивными содроганиями.

Элисон вскочила на ноги.

— Полагаю, мне лучше уйти,— выдохнула она.— Надо разложить покупки, и потом у меня назначена встреча...

— А я полагаю, что это очень неприлично — поесть и сразу убежать,— сказала Герда.

— Во-первых, я не ела, я пила,— Элисон покраснела от негодования.— И о каких приличиях может идти речь! После всей этой гадости! Мастурбация и лесбиянство прямо перед моим носом. В жизни не видела ничего подобного!

Глаза Герды сузились, словно у кошки перед броском. Она медленно поднялась с места.

— Ты маленькая сучка,— процедила она сквозь зубы.

Элисон прошмыгнула мимо нее и принялась собирать свои пакеты; самый большой из них упал на пол. Она наклонилась, чтобы поднять его, но Герда наступила на пакет ногой и прижимала к полу. Элисон схватила ее ногу и постаралась сдвинуть с сумки. Нога не шелохнулась. Тогда она с силой вырвала пакет, Герда упала и растянулась на полу. Поднявшись, она вцепилась Элисон в волосы, та выронила пакеты и впилась ногтями Герде в запястье. Герда сморщилась от боли и ослабила хватку.

Элисон бросилась к двери, рывком распахнула ее и вылетела в холл. Когда на пороге показалась Герда, она прижалась к перилам и приготовилась защищаться.

Неожиданно Герда остановилась, устремив взгляд на площадку третьего этажа. Элисон подняла голову. На лестнице стоял Чарльз Чейзен и поглаживал Джезебель. Мортимер, оживленно щебеча, перескакивал с одного его плеча на другое. Исчезла приятная улыбка. Сморщенное его личико было бесстрастно, выцветшие глаза странно расширились.

Герда задрожала. Быстро, не глядя на Элисон, она шагнула обратно в квартиру и закрыла дверь.

Элисон пошатывало, она почти задыхалась.

— Я предупреждал вас! Да-да! С этого момента вы будете остерегаться их. Они — это зло.— Старичок спустился с лестницы и ласково взял Элисон за руку.— Теперь идемте. Я провожу вас.

Элисон пошла вслед за ним вверх по лестнице. Он ниче о не говорил, она тоже. Мысли теснились у нее в голове. Почему Герда ретировалась, едва заметив ма-

ленького старичка? Она явно боится его. Почему? Элисон не знала. И не задавала лишних вопросов.

— Советую вам выпить пару таблеток аспирина и лечь спать,— сказал Чейзен, наблюдая за тем, как Элисон лихорадочно пытается нащупать в сумке ключ.— Сон — лучший доктор. Что за неприятное происшествие. Надеюсь, вы извлечете из этого урок. Теперь будете слушаться Чейзена.

Элисон кивнула, вставляя ключ в замочную скважину.

— Спасибо. Прямо и не знаю, как...

— Не стоит об этом. Идите поспите.

Элисон поцеловала старика в щеку и затворила дверь.

7

— Мы готовы начинать,— объявил тощий, как карандаш, распорядитель.— Всем ясно, кто в каком порядке выходит? — Он нервно накручивал свои длинные волосы на авторучку, ожидая ответа.— В таком случае, надеюсь, вы будете точны, как часы.

Элисон расправила брюки и сделала глоток кофе из стоявшей перед зеркалом чашки. Она была готова.

— Вики, пожалуйста! Элисон, прошу!

Элисон и сама не ожидала, что придет сюда вовремя. Два года она не участвовала в показах моды «живьем», не хотела делать этого и сейчас. Но она пообещала, к тому же показ был благотворительным.

Прошлой ночью она почти не спала. За это надо было сказать спасибо Герде и Сандре. Несколько часов она пролежала в кровати, боясь закрыть глаза, боясь заснуть. Она очень плохо переносила кошмары. Еще с детства. Ничего на свете она не боялась так, как кошмаров. А сейчас у нее было такое чувство... Впрочем, она не была уверена, но, похоже, она испытывала такое же недомогание, как в детстве — недомогание, непременно предшествующее кошмару.

Элисон испробовала все способы, чтобы заснуть. Сначала выпила чаю, потом — горячего молока. Приняла горячую ванну. Ничего не помогало. Попыталась читать,

но так нервничала, что не смогла даже удержать книгу, та упала на пол. Интересно, слышали ли те двое внизу, этот звук? А что они сейчас делают? Лежат в постели и занимаются любовью? Элисон поежилась. Она встала с кровати, подняла книгу и положила ее на тумбочку. Голова у нее кружилась, она упала на колени и зарылась лицом в подушки, бессильно уронив руки. Как она устала! Единственное, чего ей хотелось — это немного поспать. Только бы все прошло! Только бы прошло! Так же твердила она в детстве и так же садилась на колени. Голова неслась куда-то, нервы были натянуты, как струны. Элисон чуть-чуть приподняла голову и сложила руки перед собой. Сейчас эта поза показалась ей странной; много лет прошло с тех пор, как она сидела так.

— Ангел небесный,— молилась она,— мой Ангел-Хранитель...

Она запнулась. Это же смешно. Ей двадцать шесть лет. Семь лет она не была в церкви. И каким образом может помочь этот глупый стишок?

— На дворе трава, на траве дрова. Аминь,— заключила она.

И вскоре уснула.

В десять прозвонил будильник. Пять с половиной часов сна. Голова у Элисон болела, веки набрякли, лицо было бледным. Но ей ничего не приснилось. Она улыбалась, водя ярко-зеленой зубной щеткой по своим белоснежным зубам. Нет больше привидений! Нет чудовищ! Несмотря на то, что ночь выдалась тяжелой, тот факт, что ей ничего не приснилось, заставлял забыть обо всех ночных мучениях.

Элисон вышла из квартиры в четверть двенадцатого; времени для того, чтобы поймать такси и успеть на завтрак с Майклом, было достаточно. Элисон неслась вниз по лестнице, папка — в одной руке, спортивная сумка — в другой; на лестничной площадке она остановилась. Квартира 2-А находилась на расстоянии не более десяти футов, дверь была заперта. Элисон замедлила шаги. Она кралась, осторожно переступая, стараясь не шуметь. И не переставая наблюдать за дверью. Неужели теперь она каждый раз будет так проходить мимо нее?

Впрочем, неважно. Главное — пройти сейчас, на следующее утро после случившегося.

Одолев десять футов практически бесшумно, Элисон остановилась и прислушалась. Никаких подозрительных звуков не раздавалось; она вздохнула с облегчением. Капелька пота стекала у нее по щеке. Элисон вытерла ее и начала спускаться по лестнице. Как всегда, проверила перила и замерла, заслышав доносившийся снизу шорох.

Дверь парадного отворилась. Вошел Чарльз Чейзен — без кота, без птицы. С помощью обеих рук и подбородка он с трудом удерживал огромную коробку.

Элисон пошла ему навстречу. Он шумно отдувался, опершись о перила.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Прекрасное утрочко выдалось!

— Как поживаете?

— Великолепно, милая. А вы-то как? Забыли о вчерашнем неприятном инциденте?

Немного поколебавшись, Элисон ответила:

— Да.

— Вот и хорошо. Вот и правильно. — Чейзен принялся взбираться по ступенькам. — На улице промозгло. Не удивлюсь, если я простудился. Обязательно наденьте жакет.

— Непременно.

Он вдруг заторопился.

— Не могу сейчас болтать. Очень занят.

— Генеральная уборка?

— Нет. Я вам все потом расскажу.

Элисон уже спустилась в вестибюль, а он продолжал подниматься по лестнице.

— Мистер Чейзен!

Он остановился и взглянул вниз.

— Да.

— Я хочу вас кое о чем спросить.

— Только поскорее.

Элисон покусала губу.

— Почему та женщина так испугалась вас?

Улыбка сползла с его лица, глаза засверкали.

— Эло, я сказал.

— Это не ответ на вопрос, — не отставала Элисон.

— Эло.

— Но...

Он опустил на пол коробку и поднял руку со сжатым кулаком.

— В свое время они получили от меня вот это,— сказал старичок, потрясая в воздухе кулаком,— и я поколочу их снова, если они станут досажать моим друзьям.

Элисон озадаченно смотрела на него.

— Ясно,— проговорила она.

— Держитесь от них подальше. Тц, тц.— Улыбка вновь вернулась к нему. Он поднял коробку и продолжил свой путь.

Элисон вышла из дома, поймала такси и минута в минуту успела на назначенную встречу с Майклом.

— Эка невидаль: лесбиянка и ее любовница.— Рот у Майкла был набит мороженым.— Когда влезает в логово льва и играешь с детенышами, надо быть готовым к тому, что тебя укусят.

— Сравнение хромает.

— Почему же?

— Я не играла ни с какими детенышами.

— Ладно, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ты должна понять, что лесбиянка, если ее спровоцировать, может быть очень опасной.

— Да.

— Постарайся держаться подальше от них и от их квартиры — и все будет в порядке.

— По правде говоря, меня не столько беспокоят сами они, сколько то, что произошло на лестнице. Ты бы видел выражение лица Герды, когда она заметила старика! Я в жизни не видела человека, охваченного таким ужасом. И я ума не приложу, что за этим кроется.

— Но судя по твоему же рассказу, старикан говорил, что они — это зло. Может, он уже имел с ними дело.

— Может быть.

— Это было бы вполне логично.

— Да, но...

— Но?

Элисон на мгновение задумалась.

— Я встретила его утром в вестибюле. Он сказал,

что они получили от него вот это,— для иллюстрации Элисон помахала в воздухе кулаком.

— Вот видишь. Он им однажды уже врезал как следует. А раз так, неудивительно, что тетка струхнула.

— Не знаю. По-моему, дело не только в этом.

— Элисон!

— Что?

— Ничего. Просто — Элисон,— сказал Майкл, строго глядя на нее.

— Хорошо. Я обещаю, что не буду на этом заикливаться. Возможно, ты прав.

— Как обычно,— довольно хохотнул он.

Элисон взглянула на часы.

— Мне, пожалуй, пора.

— Который час?

— Двенадцать сорок пять.

— Я тоже должен идти. Нужно закончить составлять судебное предписание.

— Моя помощь понадобится?

— Нет.

— А что с судом?

— Отложили до завтра.

— Ты выиграешь дело.

Майкл улыбнулся.

— Что же ты не идешь? Я подожду, пока принесут счет.

— О'кей.— Она потянулась через стол и очень нежно поцеловала его в лоб.— Я люблю тебя,— сказала она. Взяла свои папку и сумку и поднялась.— Ты звонил в телефонную компанию, я тебя просила?

— Забыл.

— Майкл, пожалуйста. Мне необходим телефон.

— Хорошо. Днем позвоню.— Он о чем-то задумался.— Но только, если ты пообещаешь мне забыть о вчерашнем вечере и выбросить эту парочку из головы.

— Обещаю.— Подарив ему на прощание воздушный поцелуй, Элисон выпорхнула из ресторана.

Через полчаса она вышла из-за кулис и закрыла глаза от слепящего света прожекторов. Элисон слышала чей-то шепот и визгливый голос объявляющего. Затем она чуть-чуть приоткрыла глаза. Секунд пять-шесть, по-

ка глаза привыкали к свету, все вокруг казалось белым. Элисон медленно прошла по сцене и скрылась за кулисами. Быстро переоделась и вернулась как раз к своему следующему выходу.

— И снова Элисон. На сей раз — в замшевом платье до пят!

Она прошла по подиуму, повернулась. И тут жгучая боль пронзила голову. Элисон пошатнулась, но сумела удержать равновесие и продолжала идти. Снова у нее кружилась голова. Может, возвращается вчерашнее недомогание. Или недостаток сна так сказывается.

Руки и ноги снова потеряли чувствительность. И к этому добавился новый ужас: за одно мгновение она перестала что-либо видеть и слышать. Элисон стояла посреди подиума, не в состоянии двинуться с места. Она вдруг оказалась в каком-то длинном темном зале. Она шла по нему. Быстрее. Еще быстрее. До нее донеслось чье-то невнятное бормотание. Она прислушалась. Но тут образ и звуки исчезли, и на глазах у потрясенной публики Элисон упала на пол.

8

— Беленькие таблетки — это успокоительное, — говорила Элисон. Она плечом прижала трубку к уху и слушала Майкла, придерживая норовящую распахнуться дверь будки. «Чертова телефонная компания!» — ругнулась она про себя. Если бы они выполнили свое обещание и установили телефон, ей не пришлось бы битый час рыскать по улицам в поисках исправного автомата. Тот, что на углу 89-й улицы, не работал, кто-то повредил механизм, пытаясь извлечь монетки. Другой находился на Коламбус-Авеню, в шести кварталах отсюда. Как и следовало ожидать, он тоже был не в лучшем виде: весь в дырах и царапинах, отверстие для возврата монет забито слипшимися фантиками. Но, о чудо, он работал!

— Другие — просто снотворное, — отвечала Элисон на вопрос Майкла.

После того, как она потеряла сознание на подиуме, ее отвезли в больницу Рузвельта, где продержали целых шесть часов, подвергнув всестороннему обследованию. Но никаких отклонений — кроме слегка повышен-

ного давления — врачи не обнаружили. Ей прописали лекарства и рекомендовали, если подобное повторится, обратиться к невропатологу.

Вместо того, чтобы идти прямо домой, Элисон разыскала телефонную будку, рассказала Майклу о припадке и теперь стояла, придерживая дверь, стараясь укрыться от холода.

— Все будет в порядке. Не надо приезжать. — Она внимательно выслушала его и добавила: — Вчерашний эпизод не прошел бесследно.

Да, благодарить за этот обморок нужно было Сандру и Герду. Разве не из-за них она не спала полночи? Элисон слушала Майкла, а сама пыталась вспомнить ощущение, охватившее ее перед тем, как она потеряла сознание. Головокружение и тошнота. Зал, длиной в бесконечность. Шепот. Бессмыслица какая-то...

— Я позвоню, если мне станет плохо, — завершила она разговор. Повесила трубку, вышла на темнеющую улицу и пошла вдоль домов, считая то ряды освещенных окон, то бетонные плиты у себя под ногами.

К двери была прикреплена записка. Элисон сняла ее. Счет за доставку телевизора. Вот это радость!

Он стоял в гостиной, в точности там, где она пометила. Цветной, изящный, двадцать четыре дюйма по диагонали.

Элисон бросила жакет на диван, вошла в кухню и включила воду. Достала два пузырька; один — с белой крышкой, другой — с голубой. На первом было написано «транквилизатор», далее следовали сложные инструкции к употреблению. Надпись на пузырьке с белой крышкой гласила: «снотворное». Элисон внимательно прочла инструкции на транквилизаторе, достала две овальные таблетки, положила их на язык и набрала в рот воды. Никогда она не умела как следует глотать таблетки. С трудом протолкнув их в глотку, она убрала пузырьки в шкаф и вернулась в гостиную.

Встав на колени перед своим новым приобретением, Элисон щелкнула выключателем и отрегулировала цвет. Затем, не отрывая глаз от экрана, расстегнула блузку и сменила ее на белую футболку, лежавшую на диване. Посмотрелась в зеркало и улыбнулась, отметив, что

грудь ее выглядит необычайно пышной под обтягивающим трикотажем. А увидев в зеркале отражение телевизионного экрана, она улыбнулась еще шире.

Элисон уселась на диван перед телевизором. Что же, так вполне можно скоротать вечер. По крайней мере знаешь, что у фильма будет счастливый конец. А сегодняшний день особо счастливым не назовешь.

Элисон положила уставшие ноги на пуфик и провела языком по пересохшим губам. Похоже, таблетки начали действовать. Фигуры на экране блекли, движения их замедлялись...

И тут раздался звонок в дверь. Элисон вскочила с дивана. Это точно не Майкл: он работает допоздна. И никто не может войти снаружи, не воспользовавшись домофоном. Чейзен? Лесбиянки? Кто-нибудь еще из соседей?

— Кто там? — громко спросила она, подходя к двери. Ответа не последовало. Элисон впиалась ногтями в ладони. — Кто это? — повторила она. Молчание. Она топталась у двери, тиканье напольных часов сливалось со звуком ее шагов, тень металась по стене.

— Это я, — слышался тонкий голос.

— Мистер Чейзен?

— Ну да, да, конечно.

Элисон облегченно вздохнула. Открыла дверь, не снимая цепочки. Сквозь щелку она увидела старичка, одетого в мятый черный смокинг. Это был Чейзен. Ни Джезебель, ни Мортимера поблизости не наблюдалось.

— Ну же, открывайте цепочку, чтобы я мог войти!

Элисон растворила дверь, Чейзен вошел.

— Что вы так нервничаете? — спросил он.

— Я не нервничаю.

— Нервничаете, говорю я вам!

— Видите ли, вчерашнее происшествие...

— Ах это, — перебил он. — Забудьте об этом, словно ничего не случилось.

Элисон улыбнулась.

— У вас очень красивый костюм, мистер Чейзен.

— Да. — Он поправил болтающийся на шее старомодный галстук и оттянул полы пиджака книзу, чтобы не было заметно, до чего он измят. — Вам нравится цветок у меня в петлице? Я сам его вырастил на подоконнике.

— Он замечательный.

Чейзен взял ее за руку.

— А теперь, моя милая, у меня есть для вас сюрприз.

— Сюрприз? — озабоченно переспросила она. Уж чем-чем, а сюрпризами она сегодня была сыта по горло.

— Да, приятный сюрприз. Идемте ко мне.

Она ласково сжала его руку.

— Нет, спасибо.

— Ну, Элисон, — строго начал он.

Она не слушала:

— У меня сегодня был трудный день, и я не очень хорошо себя чувствую. Кроме того, я приняла две таблетки транквилизатора и, честно говоря, просто не в состоянии никуда идти. Может, как-нибудь в другой раз.

— Я настаиваю, — не сдавался он, — от моего сюрприза вам станет в тысячу раз лучше.

— Но...

Старик протестующе поднял руку. Спорить было бесполезно. Он просто не уйдет отсюда без нее. Элисон ничего не оставалось, кроме как согласиться. Может, и впрямь ей станет лучше от его сюрприза. Она пожала плечами.

— Хорошо, но лишь на несколько минут.

Чейзен улыбнулся, довольный, что его усилия увенчались успехом. Он вынул из-за спины правую руку, в которой оказалась большая шляпа с обвислыми полями, и водрузил ее на голову, слегка набекрень. Элисон окинула взглядом его наряд.

— И не думайте об этом! — воскликнул он. — Идите, в чем есть. Вы прекрасно выглядите, просто сногшибательно.

Она снова улыбнулась.

— Кстати, спасибо за фотографию.

— Фотографию? Ах, за фотографию... Мой подарок на новоселье. Конечно, довольно самонадеянно было предполагать, будто вам понравится мой портрет в лучшем праздничном костюме.

— Что вы! Он очаровательный. Я поставила его на каминную полку, рядом с Гербертом Гувером.

— Вы так добры ко мне, Элисон. Что нужно стариковскому сердцу? Капельку тепла! — Он взглянул на фотографию. — Не правда ли, на редкость удачный поворот головы?

Элисон кивнула.

— Однако пора поторапливаться.— Улыбка вернулась на его морщинистое лицо.— Идемте. Мой сюрприз ждет.

Она сняла с крюка ключ, захлопнула дверь и пошла вверх по лестнице. Старичок весело припрыгивал в двух шагах позади, мурлыкая какой-то мотивчик. Они добрались до пятого этажа и остановились напротив двери, перед которой лежал коврик с надписью «Добро пожаловать!». На двери висела рождественская гирлянда.

— Элисон! — взволнованно вскричал он.— Я попрошу вас закрыть глаза и обещать не подглядывать, пока я не разрешу.

— Обещаю,— неохотно повиновалась она.

— Стойте здесь,— скомандовал он, открывая дверь. Взял ее за руку и перевел через порог.— Пора!

Элисон открыла глаза. Она стояла в празднично украшенной комнате. С потолка свисал серпантин. В воздухе парили воздушные шарик.

Комната являлась зеркальным отображением ее гостиной. Мебель здесь была изрядно обшарпанной. Вдоль стены у входа располагались книжные стеллажи. Кое-где там действительно стояли книги, но в основном их заполняли миниатюрные растения в горшочках. И это была лишь небольшая часть коллекции Чейзена. Квартира напоминала ботанический сад, полному сходству мешала только мебель. В каждом углу возвышались пальмы, их листья распластались по стенам. Среди стульев и столов торчали какие-то кусты. Всюду — цветочные горшки, ящики с землей и цветы, цветы, цветы. И надо всем этим царил стоявший на мраморном пьедестале у окна привезенный из высокогорья Анд папоротник. Нью-йоркский климат был для него губителен, но благодаря стараниям Чейзена, он выжил. Гравированная табличка содержала подробную историю и характеристику растения. Другая табличка, пониже, гласила: «Руками не трогать»!

— Сюрприз! — завопил Чейзен, швыряя в воздух серпантин.

Общество обернулось ко вновь прибывшей гостье.

На большом, покрытом белоснежной скатертью столе в центре комнаты стояло несколько бутылок вина, содовой и большое блюдо с картофельными чипсами. Меж-

ду тарелками были разбросаны хлопушки и карнавальные шапочки. Посредине стола красовался огромный черно-белый именинный пирог с семью свечами, украшенный сахарными розочками. Джезебель в шапочке с кисточкой и с красной шелковой ленточкой на шее восседала во главе стола на высоком стуле, лицом к гостям: трем пожилым женщинам, одной помоложе, лет примерно тридцати, и мужчине тридцати пяти — сорока лет.

— Сегодня мы отмечаем день рождения Джезебель! Чейзен вел Элисон сквозь джунгли к столу.

— Вот ваша шапочка, две хлопушки, серпантин. А вот это — ваш стул.

— Спасибо, — улыбнулась Элисон. Такого она, конечно, не ожидала. Празднование дня рождения кошки! Возможно, Чейзен был прав, и ей станет лучше от его сюрприза.

— Мортимер! — вскричал он.

Птичка чирикнула с верхней ветки папоротника.

— Иди к папочке, — строго приказал Чейзен.

Птичка замахала крылышками, спорхнула с куста и приземлилась на плече хозяина.

— Поздоровайся с Элисон.

Мортимер поправил несколько перышек на правом крыле и чирикнул, с достоинством кивнув госте головы в знак приветствия.

— Привет, Мортимер, — отчего-то смутившись, поздоровалась она.

— Молодец, — горделиво сказал Чейзен. — Я долго готовился к сегодняшнему вечеру. Отловил Джезебель, когда она копалась в мусорном ведре. Но не думаю, что праздник удался бы без вашего присутствия.

— Вы так любезны, мистер Чейзен.

Джезебель замурыкала.

— Она тоже здороваётся, но, в силу каких-то причин скрывает свое владение английским языком. Думаю, она простудилась. Надеюсь, вы простите нас.

— Конечно.

— Я хочу, чтобы вы познакомились с моими гостями. — Он положил руку ей на плечо. — Это Элисон Паркер. Она недавно вселилась в квартиру 3-А.

Элисон окинула взглядом сидевшую за столом публику.

— Это миссис Кларк из квартиры 4-Б,— произнес Чейзен, кивая в сторону семидесятилетней старухи, седой, горбатой, сморщенной и неулыбчивой.

Элисон внимательно посмотрела на нее и не разглядела ни грамма косметики.

— Очень приятно познакомиться,— сказала миссис Кларк.

Чейзен продолжал:

— Мисс Эмма Клоткин и ее сестра-близнец Лилиан. Они живут в квартире 2-Б.

— Рада познакомиться,— поприветствовала их Элисон. Она пожала руку Эммы, подивившись про себя габаритам женщины: необъятных размеров грудь терялась среди складок жира, из-за пухлых щек выглядывали маленькие глазки.

— Очень приятно,— хихикнула Эмма.

Лилиан была ее «маленькой сестричкой». Впрочем, по сравнению с Эммой она действительно казалась крошкой. Если в Эмме было 5 футов 8 дюймов росту, то в Лилиан — 5 футов 2 дюйма. Первая весила триста пятьдесят фунтов, вторая — «всего» двести десять.

Элисон не могла сдерживать улыбки, здороваясь с «крошечной» Лилиан.

— Очень-очень рада,— пискнула Лилиан.— Чарльз говорил мне о вас.— Нью-Йоркское произношение, ярко выраженное у Лилиан, странным образом отсутствовало у ее сестры. Может быть, они воспитывались раздельно. Или Эмма брала специальные уроки.

— Малькольм Стиннет,— представился мужчина на другом конце стола.— Их кузен. А это — моя жена Ребекка.

Элисон кивнула. Странная пара. Ребекка была выше мужа дюйма на три. Малькольм носил отлично сшитый черный смокинг, на шее — очень широкий галстук-бабочку, приходившийся строго параллельно пышным коричневым усам. В нем было нечто очень английское. Элисон так и видела его за рулем какого-нибудь «роллс-ройса» — шоферская кепочка, взгляд прикован к дороге. Доволен своей судьбой и положением.

— Как давно вы здесь живете? — спросила Ребекка.

— Чуть больше недели,— сказала Элисон, отвечая на улыбку женщины. У той были плохие, кривые и сероватые зубы, но, несмотря на это, выглядела она необы-

чайно женственной и привлекательной.— В какой квартире живете вы?

— Мы живем не здесь,— ответил Малькольм.— В Ист-Сайде, в Мюррей-Хилл. Ребекке там больше нравится. Чище и спокойнее.

— Здесь вроде бы тоже спокойно.

— Здесь да,— вмешалась Ребекка.— Но не ближе к Бродвею, особенно ночью. Впрочем, мы так часто навещаем наших кузин, что кажется порой, будто мы здесь и живем.

Элисон улыбнулась.

— Мюррей-Хилл — неплохое место. Я жила там некоторое время, когда только приехала в Нью-Йорк.

— Где именно?

— Лексингтон-авеню, между 37-й и 38-й улицами. У меня там была большая квартира.

— Так это рядом с нами! — с восторгом воскликнула Ребекка.

Лилиан взмахнула хлопучкой у себя над головой. Кошка чихнула. Птица чирикнула.

Элисон водрузила на голову золотисто-красную карнавальную шапочку. Резиновая тесемка впилась ей в подбородок. Лет пятнадцать она не надевала подобных штук. А то и больше. Она посмотрелась в висевшее на стене большое зеркало. Смех, да и только. Элисон взяла со стола «уйди-уйди» и дунула в нее, развернув с режущим ухом звуком длинную бумажную змею.

Все засмеялись и захлопали в ладоши.

— Немного музыки для поднятия настроения! — прокричал Чейзен. Он подскочил к стоящему рядом патефону, 1920-го года выпуска, и поставил пластинку. Заскрежетав, старый, ржавый механизм начал вращать ее, постепенно набирая обороты, пока не достиг нужной скорости. Чейзен сдвинул старинный металлический звуко-сниматель, подул на изношенную иглу и установил ее на вращающийся диск. Из усилителя раздалось шипение.

— Полька,— нараспев объявил Чейзен.— Каждую пятницу, в течение десяти лет я плясал под нее в казино «Фоксленд» в Бронксе.

— Помню-помню,— прокричала Эмма, заглушая громкую танцевальную музыку.— Мы с Лилиан тоже частенько наведывались туда. Но это, наверное, было немало позднее.

— Да, эта полька будит воспоминания,— включилась в разговор Лилиан, покачиваясь в такт музыке.— В свое время это казино было очень популярным. Помните? Девушки сидели по одну сторону зала, парни — по другую.

— А затем один из трех тамошних оркестров начал играть,— подхватил Чейзен.

— Точно! Дамы выбирали кавалеров и выводили их в круг. Ах, эти мелодии! Ах, эти оркестры! Я так скучаю по ним.

— Да, было время,— с грустью произнес Чейзен.— Но почему ничто нельзя вернуть!

Элисон с сочувствием смотрела на старичка; она была расстрогана.

— Наверное, это было очень хорошее время,— сказала она.

Чейзен улыбнулся и возвратился к столу. Джезебель покачивала головой, словно стараясь попасть в такт музыке. Чейзен сел рядом с ней, набрал в легкие побольше воздуха и попытался, безбожно перевирая мотив, пропеть первый куплет. Он наклонил голову и, размахивая перед собой руками, дирижировал воображаемым оркестром. Рот его от уха до уха расплылся в улыбке. Он был чрезвычайно доволен собой.

— Поют все! — вставил он между аккордами.

Эмма присоединилась, полное ее тело источало громкие, сочные ноты. Она тоже перевидала мотив, но все же не так, как Чейзен. Но вместе их диссонирующие голоса рождали некую странную мелодию — далекую, конечно, от гармонии, но все же не лишенную интереса. Что-то вроде концерта Стравинского.

Кузен Малькольм постукивал ножом по краю винного бокала и пританцовывал, сидя на стуле, в то время как его жена Ребекка кружилась позади него; ее веселья хватило бы на дюжину хмельных баварцев.

— Что это за полька? — поинтересовался Малькольм.

— «Пивная бочка», — отвечивал Чейзен.

Воодушевление охватило всех. Чейзен встал и поклонился, Элисон крепко ухватила за его протянутые руки, и они закружились по паркету. Быстрее! Еще быстрее! Элисон боялась, как бы старик не переоценил свои

силы. Но он оказался на удивление хорошим и, по всей видимости, неутомимым танцором.

Наконец, она остановилась перевести дух. Озираясь по сторонам, она заметила у входа на кухню миссис Кларк, не разделявшую всеобщего веселья и, судя по всему, отчаянно скучавшую. Лицо ее приобрело восковую бледность, уголки губ опустились, в глазах горел какой-то мрачный огонь.

Она, не мигая, смотрела на Элисон, и это насторожило ее. Было в этой старухе что-то знакомое. Где-то Элисон уже видела ее. Но не могла вспомнить, где. «Странная она какая-то», — подумала Элисон про себя и отвернулась.

Пластинка закончилась, гости захлопали в ладоши. Чейзен снял ее с патефона, отложил в сторону и достал стопку других. Он проворно перебирал их, понравившиеся клал на столик рядом с патефоном, а отвергнутые возвращал обратно на полку.

— Хочу танго! — громогласно возвестила Эмма.

— Танго! — воскликнул Чейзен. — То, что надо! Танец кабальеро. Я еще помню, как танцевал Валентино в «Крови и песке». — Он поставил новую пластинку и привел в действие механизм. Тот зафыркал, откашлялся и завибрировал; пластинка начала вращаться, комната вновь наполнилась музыкой.

Чейзен уселся рядом с кошкой, обернулся и жестом пригласил миссис Кларк занять свое место. Поколебавшись, та подошла к столу, окинула его взглядом и села.

— Шампанского? — предложил Чейзен, доставая из ведерка со льдом початую бутылку. Все с радостью согласились. Он наполнил бокал Элисон, затем поднялся и обошел вокруг стола с видом заправского официанта.

— Я хочу предложить тост, — сказал Малькольм, вставая со стула и поднимая свой бокал. — За Джезебель. Долгих ей лет жизни и процветания!

— За Джезебель! — подхватили все, подняв бокалы. Кошка замурлыкала, словно зная, что тост обращен к ней.

— Эмма, правда очень мило со стороны Элисон, что она составила нам компанию на день рождения Джезе-

бель,— заговорила Лилиан, сделав глоток шампанского. Ее сестра кивнула.— Элисон, вы должны как-нибудь взглянуть и к нам. Я очень хочу, чтобы вы попробовали мое фирменное печенье. Мы с Эммой обожаем готовить, впрочем, это видно по нашим фигурам.— Эмма бурно расхохоталась.

— С удовольствием,— сказала Элисон, вспомнив подслушанный ею недавно спор о десерте.— Обожаю домашнее печенье, моя мама тоже часто пекла его.

— Вот и договорились. Приходите завтра.

Чейзен встал, перевернул пластинку и вернулся к столу под аккомпанемент следующего танго. Он обернулся к Элисон и поднес бокал шампанского ко рту.— Вам нравится мой маленький праздник?

— Очень! — Элисон покосилась на нахмурившуюся миссис Кларк.

— Вы лучше себя чувствуете?

— Да. Немного.

— Верьте Чейзену!

Она улыбнулась и чмокнула его в щеку.

Он вскочил.

— Настало время для пирога.

— Отлично! — прокричал Малькольм с другого конца стола, поедая глазами трехъярусный именинный торт.

Чейзен быстро снял с патефона пластинку и отложил ее в сторону.

— С днем рождения тебя! — нараспев произнес он, вернувшись к столу, и поцеловал Джезебель в макушку. Подвинул пирог к себе, вытащил из-под салфетки нож и вонзил его в глазурь.

— Ни разу не видела черно-белого именинного пирога,— улыбаясь, заметила Элисон.

Миссис Кларк стукнула тарелкой по столу.

Оживленная застольная болтовня резко оборвалась.

Седая старуха медленно разжала губы, повернула голову и уставилась прямо на Элисон.

— Черно-белая кошка — черно-белый пирог,— прокричала она с нескрываемой враждебностью.

Что же это такое? Элисон пожала плечами. Странная-то она странная... Где же все-таки она могла ее видеть?

Позже Элисон лежала в темноте своей спальни, находясь где-то между явью и сном. Два часа она крутилась и вертелась в постели, пытаясь отыскать удобное положение. Она слишком много выпила шампанского и съела слишком много пирога. Голова кружилась, болел живот. И когда она наконец уснула, ее начали преследовать кошмары. Чейзен! Эмма! Лилиан! Малькольм! Ребекка! Все они танцевали и пели «С днем рождения» кошке. Стоял ужасный шум.

Ей приснилась миссис Кларк. Элисон металась по кровати в холодном поту, вновь ощутив ужас, который ей внушала эта женщина. Надо стараться избегать ее, как и тех лесбиянок. Но выбросить их из своего подсознания Элисон была не в силах. Она увидела Герду, голую, с пышной грудью раскинувшуюся на кровати в соблазнительной позе. И Сандра балетной походкой скользила по спальне и гладила нежную кожу подруги.

Элисон становилось все хуже. Она корчилась на кровати, кожа ее блестела от пота. День рождения. Миссис Кларк. Лесбиянки. Образы расплывались, кружились, сменяя друг друга под аккомпанемент непрекращающегося стука и металлического лязга.

От нестерпимого ужаса Элисон проснулась и подскочила на кровати. Внутри у нее все сжалось. Ночная рубашка была насквозь мокрой.

Видения исчезли. Но шум остался. Она, затаившись, прислушалась, включила ночник и взглянула на потолок. Стук? Нет, шаги! В этом не было никакого сомнения. Шаги доносились из квартиры, считавшейся пустой, где уже много лет никто не живет. Элисон задрожала и посмотрела на часы. Четыре пятнадцать утра.

Там, в пустой квартире, кто-то есть! Ходит взад-вперед, словно солдат на часах. Затем шаги стихли, но лязганье металла не прекращалось.

Элисон набросила халат, выскочила в гостиную и метнулась к двери. Проверила замки: все в порядке.

Она стояла, оцепенев от ужаса, она задыхалась. Шаги, шум — неспроста все это.

Элисон повернулась спиной к двери. Силы покинули ее. Она закрыла глаза, бессильно уронила руки. В изнеможении она сползла вниз по двери и без сознания повалилась на пол, крепко сжимая в руке распятие.

— В этом доме происходит что-то странное!

Обернувшись к Майклу, Элисон ждала ответа. Позади них огромная обезьяна просунула наружу сквозь прутья решетки лапы, свесившись с перекладины, и словно прислушивалась к разговору. Каждые несколько минут она оскаливалась и с одобрением рычала.

Майкл отошел на несколько шагов, остановился у следующей клетки и перегнулся через барьер, чтобы лучше рассмотреть бенгальского тигра, метавшегося из угла в угол за прочными стальными решетками. Особого интереса тигр в нем не вызвал, он отвернулся и облокотился о барьер.

— Согласен, этот твой Чейзен немного чудаковат, остальные тоже довольно странные, так что с того? Это Нью-Йорк, и чудачки не относятся здесь к виду, находящемуся под угрозой вымирания.

— Пытаешься остричь?

— Вовсе нет.

— Пытаешься, и это мне не нравится.

— А ты ожидала, что я отнесусь ко всему с абсолютной серьезностью? Да посуди сама, что мы сбсуждаем! Старый дурак, одной ногой в могиле, драная кошка и щебечущая канарейка!

— Попугай!

— Пусть полугай. Но мне что-то не страшно. Скорее смешно.

— Ха-ха,— мрачно произнесла Элисон.

— А еще там есть миссис Кларк — горбунья, измученная годами одиночества и страданий. Не улыбается. Много не говорит. Груба. А чего бы ты хотела? — Майкл подождал ответа, но не получив его, продолжал: — Похоже, с ней-то как раз все в порядке. Родись ты или я с горбом, мы бы тоже спрятались от окружающего мира в коробочку и заперлись бы изнутри. Две толстухи? Единственное, чего надо опасаться — это как бы они ненароком не упали на тебя. Теперь этот, как его...

— Малькольм.

— Да, Малькольм с женой. Чудная пара! Они абсолютно безобидны. Теперь посмотрим, что мы имеем: компания стареющих, скучающих неудачников. По-мое-

му, ты слишком много внимания уделяешь своим гериатрическим друзьям. Что с того, что они странные!

— Все равно, что-то здесь, Майкл, не так. Что-то не складывается! — Элисон окинула взглядом аллею, посыпанную битым кирпичом, отметив про себя, что сегодня она более пустынна, чем обычно, и сказала: — Словно кто-то перемешал три разных головоломки и пытается сложить из них одну. Почему, например, лесбиянку охватил такой ужас при виде Чейзена?

— Мы уже нашли возможное объяснение этому.

— А что за шаги раздавались ночью у меня над головой?

— Мыши!

— Это были шаги человека!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю! — По тону Элисон стало ясно, что спорить бесполезно.

— Ну, хорошо, значит, ночью там кто-то был.

— Но в этой квартире никто не живет.

— Значит, он — кем бы он ни был — зашел по ошибке.

— В четверть пятого утра? Майкл, давай рассуждать логически. Случайно в такой час никто в чужую квартиру не врывается. А если кто-то и ошибется, трудно предположить, что он сразу направится в спальню и будет ходить там из угла в угол.

Майкл покусал губу, повернулся к клетке и бросил несколько зерен воздушной кукурузы давно ждущим этого шимпанзе.

— Меня не волнуют ни привидения, ни потусторонние шаги. — Он продолжал смотреть в глубь клетки, не сомневаясь, что Элисон слушает его. — Что меня действительно беспокоит — так это твои обмороки. Твои идиотские фантазии насчет кучки старых дураков и пары лесбиянок. Ты уже не можешь справиться со своими расшалившимися нервами. Согласен, последние несколько месяцев были трудными для тебя, но, Элисон, милая, ты же не ребенок. Мне страшно за тебя.

— Я упала в обморок, потому что...

— Потому что?..

Элисон запнулась.

— Не знаю, — пробормотала она.

— Из-за переутомления.

— Я прекрасно чувствую себя.

— Нервного перенапряжения. Недостатка сна. И так далее. Но главное — из-за не в меру разыгравшегося воображения.

Элисон поджала губы; ее раздражала манера Майкла все упрощать. Она знала, что в доме что-то неладно. Что бы он ни говорил, ему не переубедить ее.

— Хорошо, Майкл. Больше спорить я не намерена. Мне все равно не докричаться до тебя.

— Вот здесь ты права. Просто я слышу совсем не то, что ты думаешь.

— А что же?

Майкл повел ее прочь от клеток к водоему, занимавшему центральную часть зоопарка. Они подошли к заграждению и молча наблюдали за тюленями.

Он погладил ее по голове.

— Я хочу, чтобы ты обратилась к врачу и прошла полное медицинское обследование.

— Меня обследовали в больнице.

— Ерунда. Я хочу, чтобы ты пошла к настоящему специалисту, а лучше к двум, к таким, что не отпустят тебя до тех пор, пока не узнают, в чем дело, или не убедятся, что с тобой все в порядке. А если хочешь куда-нибудь уехать на время, прекрасно. Тебе нужен отдых. Надо было немного повременить, прежде чем возвращаться к работе.

Элисон пожала плечами.

— Возможно, тебе не помешало бы обратиться и к психиатру.

Элисон метнула в его сторону гневный взгляд.

— Да ты просто кретин! — крикнула она, вырываясь.

Майкл облокотился о холодный металлический барьер и наблюдал, как она поднимается по ступеням к выходу из Зоопарка.

Он удрученно потер одна о другую окоченевшие руки, задержал на несколько секунд дыхание и выдохнул. Облачко пара растянулось на несколько футов. Холодно Чертовски холодно. И пасмурно. В сером небе оставалось несколько голубых просветов, но и они постепенно затягивались облаками. Зима не за горами. Скоро Зоопарк опустеет, облетят листья с деревьев, земля покроется снегом.

Майкл огляделся по сторонам и, решив, что у Элисон было достаточно времени, чтобы остыть, медленно побрел в том же направлении. Он нашел ее быстро. Элисон сидела под старым кленом, прислонившись спиной к стволу, вытянув ноги. Она сосредоточенно пересчитывала зубчики кленового листа, отрывая их один за другим. Вскоре последний кусочек упал на землю, и у нее в руках остался лишь зеленый стебелек. Закрыв один глаз, она внимательно разглядывала стебелек. Затем опустила руку на колено.

Остановившись рядом с ней, Майкл заметил, что руки ее дрожат. Последний раз он видел Элисон в состоянии такого нервного напряжения (если не считать прешлогодней поездки в отчий дом) два с половиной года назад, во время следствия по делу Карен Фармер, за неделю до попытки самоубийства. Неужели все повторяется? И она снова может потянуться к шкафчику с лекарствами? Это не слишком удивило бы Майкла. Он подозревал, что смерть отца выбьет ее из колеи. И он должен предусмотреть все возможные последствия.

Элисон подняла голову, когда он присел рядом на корточки, но старательно избегала его взгляда.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

Она покачала головой.

— Что делаешь?

Она приподняла стебелек, Майкл взял его, покрутил между большим и указательным пальцем и положил обратно Элисон на ладонь.

— Любит-не-любит,— сказал он.— Ну и как?

— Не знаю.

— Ты не считала?

— Я не играла в эту игру.

— Ясно.

Элисон согнула ноги и уткнулась подбородком в колени.

— Я снимала покровы с красоты, чтобы увидеть, что же на самом деле у нее внутри.

— Увидела?

— Нет пока.

Он кивнул, поворошил сухую траву пальцами и сказал:

— Незачем было убегать.

— Как скажешь.

— Все, что я сделал,— предложил свою помощь. Если, конечно, ты нуждаешься в ней. Ничего другого я не подразумевал.

— Как скажешь.

Майкл опустил глаза.

— Я помню, как однажды одна женщина уже убегала от меня. Я тогда впервые увидел ее. Она наотрез отказалась разговаривать. И я преследовал ее, как дурак. И не раскаиваюсь.

— Очень романтично,— сухо произнесла она.

Он наклонил голову.

— Но я поймал ее, и потом все было замечательно.

— Все?

— Да, все. И теперь я снова поймал ее.

— И все снова будет замечательно?

— Совершенно верно, если ты будешь меня слушаться.

— А если нет? — Он не ответил. — Я погибну, как Карен?

Майкл ударил ее по лицу. Голова ее откинулась назад, на щеке появилось красное пятно. Вскрикнув от боли, Элисон принялась тереть щеку рукой, чтобы не появилось синяка.

Ни разу он не поднимал на нее руку. Задумайся Майкл хоть на мгновение, он сдержался бы. Но имя Карэн полоснуло его, словно мачете.

Он смотрел на свою ладонь, потом перевел взгляд на Элисон.

— Прости.— Он взял ее за руку, она вырвалась.— Ты должна мне верить. Не знаю, что на меня нашло. Не понимаю. Просто не понимаю. Почему Карен? Почему сейчас?

— Потому что.

— Зачем воскрешать то, что должно быть похоронено?

— Должно? — еле слышно выдохнула она.

Майкл подался вперед и обнял ее за плечи.

— Прости меня.

— Это я уже слышала.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего.

— Не дури. Раз ты сказала, значит, что-то имела в виду.

— Ты все время кого-то мне напоминаешь.
— Кого?
— Никого.
— Перестань говорить загадками.
— А почему тебя это раздражает? Я думала, ты любишь загадки.
— Не очень.
Элисон поднялась с земли.
— Я не хочу говорить о...
Взгляд его стал жестче.
— Может, поговорим о твоей фригидности? Или о том, почему ты ушла из дома?
— Нет.
— Или • распятии?
— Нет.
— Или о том, почему Карен стала вдруг столь животрепещущей темой?
— Я не хочу ни о чем говорить.
— Просто кидаешь мне кусочки мозаики, чтобы я поиграл.
— Называй это, как знаешь.
Майкл пристально смотрел на нее.
— Я прощаю тебя,— добавила Элисон. Но голос ее звучал холодно и отстраненно.
— Я прошу тебя, никогда больше не упоминай имени Карэн. Затем мучить друг друга?
Она положила стебелек на землю.
— Нам пора возвращаться к тебе в контору.
Он кивнул.

Кабинет Майкла был таким же, как и в любой другой адвокатской конторе. Деревянные полки, уставленные книгами по юриспруденции, два диплома в рамках на стене. Портреты знаменитых судей, карикатуры на судебные процессы в доброй старой Англии. Прямоугольный стол, заваленный бумагами. И купленные совсем недавно, сиявшие новизной два стула, диван и резной деревянный столик.

Майкл уселся за стол и закурил сигару.

— Если это прольет бальзам на твою душу,— начал он,— позвони мисс Логан. Хуже от этого не будет.

Элисон присела на краешек стола и достала из сумочки листок бумаги.

— Это приведет меня в состояние экстаза.— Она подвинула к себе телефон и набрала номер.

Майкл принялся пускать колечки дыма, не обращая на нее никакого внимания.

Через несколько мгновений Элисон уже поздоровалась с мисс Логан и, не вдаваясь в подробности, спросила, могут ли они увидеться. Они договорились встретиться в двенадцать часов в кофейне напротив агентства.

— Хочешь, я пойду с тобой? — спросил Майкл, когда Элисон положила трубку.

— Нет.

— Хочешь, я еще раз извинюсь?

Она обошла вокруг стола и поцеловала его в лоб. Но это не был обычный прощальный поцелуй. Инцидент в парке был все еще свеж в памяти, красное пятно все еще виднелось на ее щеке.

— Майкл.

— Да,— с готовностью отозвался он.

— Позже поговорим.

— Я буду здесь,— ответил он с заметным разочарованием.

Она повернулась и поспешила к дверям. Он сидел и курил, размышляя. Встать и пойти за ней? Он не был уверен, что должен это сделать. И решил, что не стоит. Вместо этого он пошарил на столе и достал телефонную книгу. Раскрыл ее, перевернул несколько страниц, отыскал нужный телефон и переписал его. Затем поднял телефонную трубку и набрал номер.

— Бреннер,— произнес он после паузы.— Это я. У меня к тебе дело.

10

Ресторан был полон: как раз подошло время обеда.

Элисон прошла мимо стойки в зал и отыскала взглядом мисс Логан за столиком в углу.

— Надеюсь, это не доставило вам слишком много хлопот,— произнесла она извиняющимся тоном, приблизившись к столику. Она сняла жакет и повесила его на крючок.

— Нет-нет, что вы,— успокоила ее старая дева, поправляя свою старомодную прическу.

— А то я подумала...

— Все в порядке. Мы не могли встретиться в конторе, потому что у моей компаньонки сегодня важная беседа. А вы видели, какая тесная у нас комнатуха.

Элисон села к столу.

— Здесь очень мило.— Перед ней стояла дымящаяся чашка кофе.

— Я осмелилась заказать,— сказала мисс Логан.— Надеюсь, он не очень остыл.

Элисон попробовала.

— В самый раз. В такую погоду приятно выпить горячего кофе.

— Да, холодает. Правда, два дня назад выдался теплый денек.

— Никогда не знаешь, в какую сторону изменится погода — и когда.

Мисс Логан кивнула.

Элисон пила кофе. Мисс Логан откашлялась.

— Как ваши дела, мисс Паркер?

— Прекрасно, а ваши?

— Замечательно. Сдаю квартиры пачками.

— Приятно слышать, что хоть чей-то бизнес процветает.

— А у вас неприятности на работе?

— Не совсем. Последнее время я не высыпаюсь и чувствую себя не очень хорошо, а это не может не отражаться на моей работе.

— Очень плохо. Надеюсь, ничего серьезного.— В голосе мисс Логан слышалось искреннее участие.

— Я не надеюсь.

Мисс Логан ничего не ответила на это замечание.

Она взяла правой рукой чашку чая и сделала глоток. Мисс Логан любила чай. Элисон поняла это сразу. Есть чайные люди, есть кофейные. Пристрастия мисс Логан были очевидны.

— Ну-с,— начала мисс Логан,— в чем же проблема? С квартирой все в порядке?

— Да.

— Рабочие приходили?

— Да, я осталась ими довольна.

— А маляры?

— Они тоже все прекрасно сделали.

— Вам понравился цвет, который я выбрала?

— Да, но... — Элисон запнулась, взглянула на мисс Логан и сделала еще глоток кофе.

— Да?

— Все... э... просто идеально. — Элисон подбадривала себя. Скажи ей! Что тебя останавливает? Критиковать соседей — не преступление. Никогда прежде она не стеснялась высказывать вслух то, что думает.

— Пожалуйста, мисс Паркер, что-то ведь определенно беспокоит вас, — нетерпеливо проговорила мисс Логан.

Элисон набрала в легкие побольше воздуха.

— Честно говоря, да, мисс Логан. Не сама квартира, а то, что происходит в доме последние несколько дней.

— Например?

— Ну, — снова замялась она.

— Я предупредила вас о старом священнике.

— Нет, он здесь ни при чем. Его я не видела и не слышала. Но вот другие жильцы...

Мисс Логан как-то странно взглянула на Элисон.

— Другие жильцы? Кто, в частности?

— Мистер Чейзен из 5-Б. Две лесбиянки в квартире подо мной. Та, что повыше, вы знаете, Герда, набросилась на меня. А еще эта странная миссис Кларк из квартиры... не помню, из какой. Толстушки — сестры Клоткин — довольно милы, но тоже, вы должны признать, немного странноваты. А прошлой ночью я слышала шаги в пустующей квартире надо мной. И потом какой-то лязг. Все это начинает действовать на нервы. И честно говоря, я побаиваюсь двух лесбиянок из квартиры 2-А. Каждый раз, когда я прохожу мимо их двери, у меня мурашки по коже бегают.

Она выпрямилась на стуле, ожидая ответа. Мисс Логан смотрела на нее.

— Понятно, — произнесла она, наконец. Затем вдруг встала, сняла с крючка пальто и принялась натягивать его на себя.

— Куда вы? — оторопела Элисон.

— Я сказала вначале, что у меня есть свободное время? Ну так вот, все изменилось. Я очень занятой человек.

— Не понимаю.

— Неужели?

— Объясните, пожалуйста.

— Моя дорогая мисс Паркер, кроме вас и старого священника, никто не живет в этом доме уже три года!

Элисон побледнела. Она смотрела снизу вверх на мисс Паркер, руки ее дрожали. Да она шутит! Элисон встречалась с этими людьми. Говорила с ними. Прикасалась к ним. А теперь ей говорят, что никого из них не существует на свете. Это невысказано!

— Как понимать: там никто не живет?

— Так и понимать.

— Но я видела...

Мисс Логан не дала ей договорить.

— Если вы видели жильцов, рекомендую вам обратиться к психиатру.

— Но я видела их, разговаривала с ними.— Элисон лепетала еле слышно.

Мисс Логан посмотрела на нее.

— Три года назад домовладелец решил больше не сдавать квартиры — уж не знаю, почему. В то время там жил один лишь старый священник, уже много лет. Так и получилось. Квартиры не сдавались, жильцы не въезжали. Наше агентство, по сути дела, лишь заботилось о самом здании.

— Почему вы не говорили мне об этом раньше?

— Вы не спрашивали.

Элисон взяла чашку. Она задрожала у нее в руке так сильно, что почти весь кофе пролился на скатерть. Наконец, она медленно допила его, словно надеясь отыскать в жидкости какие-то ингредиенты, способные помочь ей осознать услышанное.

Она поставила чашку и подняла глаза на мисс Логан.

— Говорю вам, — отрывисто произнесла она, — в доме живут люди!

Вместо ответа мисс Логан принялась застегивать пуговицы на пальто.

Элисон вскочила и схватила ее за руку.

— Пожалуйста, не уходите, — умоляла она, — пожалуйста.

Мисс Логан отстранилась.

— Не выношу, когда ко мне обращаются подобным тоном.

— Простите.— Элисон была полна решимости во что бы то ни стало удержать ее хотя бы до тех пор, пока не выведает что-нибудь, что поможет объяснить себе-

тия последних дней.— Вы же видите, в каком я состоянии.

— Я все прекрасно понимаю, но почему нужно сры-
вать свое разочарование на мне?

Элисон с мольбой смотрела на нее.

Мисс Логан помолчала и, поразмыслив немного, се-
ла снова.

— Поверьте, в остальных квартирах никто не жи-
вет,— повторила она.

— Когда вы последний раз заглядывали в них? —
спросила Элисон.

— С месяц назад.

— Вы уверены?

— Конечно, уверена.

— Кроме вас, кто-нибудь проверял квартиры?

— Насколько я знаю, нет.

— Может, эти люди въехали после. Самовольно. Ес-
ли никто не наведывался туда, это вполне вероятно.

Мисс Логан покачала головой.

— Это невозможно,— заявила она.— Если бы речь
шла об одном человеке, пожалуй. Но пятеро или шесте-
ро, в разных квартирах. Нет, уверяю вас, об этом и речи
быть не может.

— Тогда как вы объясните то, что я видела?

Мисс Логан пожала плечами.

— Вы разрешите мне осмотреть квартиры?

— Это можно устроить.

— Сейчас?

— Боюсь, я...

— Я должна попасть туда,— не дала ей договорить
Элисон.

— Но...

— Пожалуйста. Сейчас?

Мисс Логан внимательно посмотрела на нее.

— Да, если это убедит вас в том, что там никто не
живет.

Обе женщины встали.

— Лучше бы вы поверили мне на слово...

— Не могу,— сказала Элисон.— Это значит — не до-
верять собственным органам чувств. Разве я произвожу
впечатление человека, способного на такое?

Она взяла счет, набросила жакет, и пошла сквозь
толпу к кассе. Заплатила и вышла вслед за мисс Логан,

Записка была прочтена очень внимательно.

Она была озаглавлена: «ЭЛИСОН ПАРКЕР». В правом верхнем углу значился адрес особняка. В записке описывались события в особняке и содержалась еще кое-какая информация, охватывающая период двух последних лет. Далее следовал обширный перечень указаний, коих следовало неукоснительно придерживаться. Завершалась она лаконичным приказом уничтожить ее при прочтении.

Прочтя текст несколько раз, Бреннер бросил листок на стол, рядом с золотой табличкой с надписью «Уильям Бреннер, частный детектив». Он взял конверт с пометкой «Доставка с курьером», разорвал его на две части и выбросил в корзину.

После чего выключил свет.

Элисон молча сидела на заднем сиденье такси, бесильно склонив голову, лицом касаясь стекла. Она скользила взглядом по верху серой каменной стены, окружавшей Централ-Парк, по верхушкам вязов и кленов, стараясь не смотреть на восседавшую рядом мисс Логан.

С того момента, как она узнала, что других жильцов в доме нет, она находилась словно в каком-то тумане. Элисон твердила про себя, что мисс Логан ошибается, там живут люди. Она видела их. И она отнюдь не сумасшедшая. Логан ошибается или же лжет намеренно.

— На дворе трава, на траве дрова,— еле слышно прошептала она.

— Простите? — отозвалась мисс Логан.

Элисон ничего не ответила.

— Мисс Паркер, вы что-то сказали?

— Я? — переспросила Элисон, поворачивая голову. — Нет. — Она снова отвернулась к окну и прижалась носом к стеклу.

Мисс Логан пару раз хмыкнула и устремила взор перед собой. Они приближались к выезду из Парка.

Наконец такси покинуло Парк, завернуло на 89-ю улицу и остановилось у особняка.

Элисон продолжала смотреть в окно.

— Приехали, мисс Паркер.

Элисон слабо улыbnулась, но не двинулась с места.

Мисс Logan перегнулась через нее и распахнула дверь.

— Я не могу терять время,— вскипела она.

Ничего не ответив, Элисон неловко вылезла из машины.

Мисс Logan расплатилась с водителем и присоединилась к ней у каменного крыльца.

— Идем? — спросила она.

Элисон продолжала смотреть вверх. Затем указала на окна пятого этажа. В среднем из них виднелся человек.

К сожалению, как следует разглядеть что-нибудь было трудно. Судя по всему, человек сидел. Элисон была уверена в этом; если бы он стоял, было бы больше видно. Руки его были скрещены ниже пояса. Наверное, он что-то держал. Что именно — разобрать было невозможно. Но это был он. Так четко Элисон его еще не видела. Старый слепой священник .

— Старик,— произнесла мисс Logan безо всякой интонации.— Я в первый раз так хорошо его вижу.

— И не в последний. Он, могу вас заверить, существует.

Элисон нахмурилась.

— Как и остальные,— сказала она, поднимаясь по ступеням.

Мисс Logan тронула Элисон за руку, чтобы привлечь ее внимание, и указала на покрытые ржавчиной почтовые ящики.

— Я знаю,— раздраженно сказала Элисон.— Но на ящике священника тоже нет таблички с именем.

Мисс Logan пожала плечами и растворила дверь.

Они прошли сквозь тускло освещенный вестибюль и поднялись на площадку второго этажа. Как обычно, Элисон проверила перила, затем остановилась напротив квартиры 2-А. Она прижала ухо к двери, прислушалась.

— Здесь живут лесбиянки,— сообщила она.

Мисс Logan чуть слышно поцокала языком, выражая свое недоверие. Затем достала из сумки ключ, отперла дверь и жестом пригласила Элисон войти.

— Прошу вас,— сказала она, прекрасно зная, что они сбнаружат внутри.

Элисон вошла в раскрытую дверь и очутилась в гостиной.

Здесь царили мерзость и запустение. На полу лежал толстый слой пыли. На мебели — тоже. И сама мебель отличалась от той, что она видела здесь в первое свое посещение. Тем не менее она была знакомой и удивительно напоминала ту, что стояла у Элисон в квартире. Вглядевшись пристальнее, она поняла, что обстановка — от крошечной безделушки до двух напольных часов у камина — в точности повторяла обстановку ее собственной квартиры, и лишь пыль помешала ей заметить это сразу. Элисон потянула носом тяжелый, спертый воздух и приблизилась к дивану, оставляя следы на грязном полу. Похлопала рукой по обивке, вверх поднялось сблочно пылин.

— Мебель такая же, как у меня, — сказала она, кусая губу.

— Да. Прежний владелец — он меблировал дом — одинаково обставил все квартиры с индексом «А» и все квартиры с индексом «Б». Не могу сказать, что одобряю это, но, по-видимому, таким образом он сэкономил немало денег.

— Здесь была другая мебель.

— Помилуйте, мисс Паркер, не ожидайте, что я в это поверю. Здесь годами ни к чему не прикасались!

Элисон бледно улыбнулась, подошла к камину и провела рукой по полке. Она была покрыта пылью. Элисон вытерла ладонь о жакет и принялась осматривать мебель и стенные шкафы в поисках чего-либо, что могло бы объяснить происшедшее. Но ничего не обнаружила. В чем же дело? Может, она была не в этой квартире? Элисон ухватилась было за эту мысль, но тут же покачала головой. Нет, она была именно в этой квартире.

Она перешла на кухню, затем в спальню. Все то же. Пыль. Мебель, как у нее. Затхлая атмосфера.

Она возвратилась в гостиную. Мисс Логан самодовольно улыбалась.

— Нашли что-нибудь? — поинтересовалась она.

— Нет, — тихо ответила Элисон. Подошла к креслу, присела на краешек и потерла глаза. Их щипало от едкого воздуха. — Откройте мне квартиру 4-А, — велела она и встала.

Мисс Логан кивнула и, выйдя вслед за Элисон, заперла дверь.

Квартира 4-А не преподнесла никаких сюрпризов. Такая же мебель, столько же пыли, спертый воздух. Элисон быстро оглядела гостиную и — более внимательно — спальню. Никаких признаков жизни. Если кто-то был здесь прошлой ночью, должны остаться хоть какие-то следы. Но их не было.

Охваченная чувством тревоги и безысходности, Элисон брела вслед за мисс Логан вверх по лестнице на пятый этаж — в квартиру мистера Чейзена. В ней вообще не оказалось никакой мебели — за исключением стоявшего посреди комнаты стула и книжных полок на стене.

— Вы вроде говорили, что все квартиры «Б» обставлены одинаково, — заявила Элисон.

— Говорила. Мебель отсюда вывезли примерно год назад. Она совсем износилась.

Элисон взялась за одинокий стул и стряхнула с него пыль.

— Остатки прежней роскоши.

Она внимательно разглядывала стул, силясь вспомнить, не один ли он из стоявших вокруг именинного стола. С полной уверенностью утверждать это она бы не смогла.

Элисон присела и прочистила горло.

— С днем рожденья тебя,

С днем рожденья, тебя,

— С днем рожденья, Дездембель,

С днем рожденья тебя.

Эхо песенки раздавалось в глубине квартиры.

— А где торт? — спросила мисс Логан. На лице ее читалось недоумение.

— Это и я хотела бы знать.

— Что ж, когда мы отыщем его, чур, первый кусочек — мой.

Элисон не выдержала:

— Знаете, что меня в вас восхищает?

— Что?

— Ваш неподражаемый динизм.

— Надеюсь, вы не ожидаете, что я поверю, будто целая толпа народу носилась по этим квартирам?

— Наверное, нет, — сказала Элисон.

Она встала и подошла к затынутым пылью книжным

полкам, украшавшим прилегающую к выходу стену. Они были уставлены заплесневевшими старинными фолиантами в ветхих обложках с полустершимися названиями. Элисон пригляделась. «Декамерон», «Левиафан», «Ипполит» Эврипида, «Илиада», «Кентерберийские сказки», «Беовульф», книги Бэкона, Шекспира, Мильтона, Спинозы, Диккенса, Стендаля. Тот, кто составлял библиотеку — кем бы он ни был, — неплохо разбирался в классической литературе и политической философии.

— Хотите верьте, хотите нет, — начала Элисон, — но прошлой ночью я присутствовала здесь на дне рождения кошки.

— Оригинально, — заметила мисс Логан.

— Здесь была сама кошка — ее зовут Джезель — и целая куча народу. Чарльз Чейзен, миссис Кларк, Клоткины, кузен Малькольм с женой. А еще попугай по имени Мортимер. Почти всю ночь мы пели и плясали. Всюду висели воздушные шары и серпантин. Было очень весело. А теперь все исчезли... кроме меня... А их словно здесь и не было... Словно их вообще никогда не существовало...

— Жаль, что меня не было с вами, — вставила мисс Логан.

Элисон продолжала разглядывать книги.

— Вы, наверное, думаете, что я сошла с ума.

— Разве я так говорила?

— Уверяю вас: это не так.

Были здесь эти стеллажи прошлой ночью? Элисон не могла вспомнить. Она потянулась и достала книгу с верхней полки. Необычайно старую книгу. Некоторые страницы совсем истлели и рассыпались под пальцами в прах.

Книга была написана по-латыни, ей не удалось ни прочесть название, ни разобрать что-либо в тексте. Элисон с любопытством листала ее. И уже собиралась было захлопнуть, как вдруг заметила нечто необычное. Все страницы были одинаковыми. Она принялась листать книгу заново, чтобы удостовериться в этом.

Мисс Логан кашлянула. Элисон поставила фолиант на место, повернулась и еще раз окинула взглядом комнату.

— Мне пора возвращаться, — заявила старая дева.

— Да-да. Простите, что отняла у вас столько време-

ни,— сказала Элисон. Она подошла к мисс Логан, отряхивая пыль с блузки.

— Что-нибудь еще?

— Да,— твердо сказала Элисон,— старый священник.

— Это пустая трата времени.

— Старый священник,— повторила она.

Мисс Логан с видимой неохотой кивнула. Старый священник жил в квартире напротив. В худшем случае они потеряют еще несколько минут. Мисс Логан повернулась и открыла дверь.

— Знаете, что я думаю,— сказала Элисон, проходя мимо нее.— Я думаю, кто-то затеял некую игру — или задумал глупый розыгрыш. И, по-моему, объектом этого розыгрыша являюсь я.

Мисс Логан воздержалась от комментариев. Она подошла к двери старого священника и постучала. Ответа не последовало. Еще раз. Снова никакого ответа.

— Старик, наверное, не слышит,— сказала она.

Элисон шагнула к двери и стукнула еще несколько раз, посильнее. Ответа опять не последовало.

— Вы когда-нибудь видели его, разговаривали с ним?

— Нет.

— А кто-нибудь еще?

— Откуда мне знать?

— Но кто-то же должен был.

— Возможно. Я не в курсе.

— Он когда-нибудь выходил из квартиры?

— Этого я тоже не знаю.

— Послушайте, мисс Логан, если он не выходит из квартиры и ни с кем не встречается, то как же он живет?

— Не знаю. Спросите у него самого.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Мисс Логан отвернулась от двери.

— Меня волнует лишь одно — чтобы квартплата вносилась вовремя.

— И как? Вносятся?

— Да, очень аккуратно.

— Кто платит за квартиру?

— Архиепископат Нью-Йорка.

Элисон помолчала и сказала:

— Я хочу попасть внутрь — немедленно!

— Нет уж, извините.— Мисс Логан решительно замотала головой.

— Почему?

— Потому, что я не вправе впускать кого-либо в чужую квартиру тем более в присутствии жильцов.— Судя по ее тону, дальнейшие препирательства были бесполезны.— Идем? — добавила она.

Элисон побрела к лестнице.

— Вы не находите странным,— спросила она, обернувшись,— что человек живет в такой изоляции?

— Нет,— ответила мисс Логан.— Предпочитаю не мерить на свой аршин то, как живут другие.— С ничего не выражающим лицом она начала спускаться.

Они остановились у квартиры 3-А.

— Надеюсь, вы убедились, что никто там не живет?

— Спасибо, что провели меня по квартирам,— сказала Элисон, игнорируя вопрос. Она вставила ключ в замочную скважину.

— Возможно...

Элисон не дала ей договорить:

— Я должна извиниться, что доставила вам столько хлопот.

Мисс Логан холодно кивнула, храня молчание.

Элисон отворила дверь.

— Простите, но мне нужно срочно позвонить по телефону.

— Возникнут еще какие-нибудь проблемы — обращайтесь.

— Еще проблемы? Пока одной более чем достаточно!

— Полагаю, я...

— Спасибо,— сказала Элисон,— я дам вам знать, если снова увижу кого-нибудь из этих людей.— Она вымученно улыбнулась, вошла в квартиру и захлопнула дверь.

Она облокотилась о косяк, чувствуя, как ее охватывают усталость, слабость, страх. Закрывает глаза и потерла лоб рукой. Голова побаливала, возможно, снова начинается мигрень.

Элисон прошла на кухню. Нашарив рукой выключатель, щелкнула им, взяла пузырек с транквилизатором, достала три таблетки — на одну больше, чем полагалось

по рецепту — и проглотила их, ничем не запивая. Таблетки застряли в горле. Элисон задыхалась и судорожно сглатывала, пытаясь протолкнуть их. В отчаянии она открыла воду и глотнула воды прямо из-под крана. Таблетки скользнули вниз по пищеводу.

Она пошла в гостиную, как следует заперла дверь и присела на диван, чтобы собраться с мыслями. Но вместо этого разрыдалась.

12

На улице стемнело. Дождь, начавшийся около семи часов, хлестал по стеклянным стенам телефонной будки так, что из нее все выглядело расплывчатым, краски казались блеклыми и приглушенными. Элисон было неудобно, тесно, с мокрого зонтика капало на пол. С тех пор, как мисс Логан подвергла сомнению ее психическую нормальность, грудь ее словно чем-то сдавило.

Слава Богу, угловой телефон починили. Сама мысль о том, чтобы под ледяным дождем идти на 85-ю улицу, приводила ее в ужас.

Прижав трубку к уху, она набрала номер конторы Майкла и ждала, нервно облизывая обветренные, потрескавшиеся губы. Выглядела Элисон неважно: цвет лица стал изжелта-бледным, глаза покраснели от слез и усталости.

С самого полдня она была охвачена страхом и, если бы не необходимость позвонить Майклу, она заперлась бы в квартире, опустила шторы, легла в постель и надежно бы спряталась под теплым одеялом. Но Элисон нуждалась сейчас в Майкле, в его спокойствии, уверенности. В его холодном, трезвом уме.

Телефон звонил у него в конторе. Один, два... десять раз. Никого. Элисон со злостью швырнула трубку и вытащила монетку. Снова засунула ее в отверстие и набрала домашний номер Майкла. И на этот раз ей никто не ответил.

Элисон протерла запотевшее стекло и посмотрела на обсаженную деревьями дорогу и ставший теперь зловещим особняк за полквартила отсюда. 89-я улица казалась сегодня темнее, чем когда-либо. Если бы этот район выглядел так же неприветливо в день, когда Элисон

впервые увидела особняк, она продолжила бы поиски квартиры. Если бы это было так...

Она вышла из будки, раскрыла зонт и побрела обратно, шлепая по лужам. Вслушиваясь в плеск воды у себя под ногами и в отдаленный гул автомобилей на проспекте, она изо всех сил старалась сдержать обещание, данное ей самой себе несколько дней назад на такой же жутковатой улице. Наконец, Элисон остановилась, закрыла глаза, издав нервный смешок, поднялась по каменным ступеням и посмотрела вверх, на темные и негостеприимные окна пятого этажа.

Она поужинала за надежно запертыми дверьми. Чтобы немного успокоиться, выпила дополнительную таблетку транквилизатора — между салатом по-русски и бифштексом с грибами. А еще она откупила бутылку розового вина.

С бокалом в руке Элисон пересекла комнату, мягко ступая по ковру под мерное тиканье часов, и присела на корточки перед стоявшим в углу проигрывателем. После недолгих раздумий она поставила первый акт «Силы судьбы» Верди.

Пока иголка устанавливалась в бороздки, из динамиков раздавалось похрустывание. Элисон наблюдала за вращением пластинки. Удобная вещь — автоматический проигрыватель. Надо будет одолжить его мистеру Чейзену, когда он в следующий раз устроит вечеринку, чтобы у него оставалось больше времени для танцев.

Элисон вернулась к дивану, легла и полностью погрузилась в музыку. Постепенно глаза ее начали слипаться. Вскоре она уже спала.

Она открыла глаза. Не поворачивая головы, бросила взгляд на напольные часы. Стрелки лежали одна на другой — четверть четвертого. Из динамиков доносился громкий треск, пластинка продолжала вращаться.

Элисон добрела до проигрывателя, выключила его, вышла из гостиной и, пошатываясь, двинулась по темному коридору в спальню.

В дверях она скинула блузку. Затем на пол полетели джинсы. Кольцо и часы она положила на тумбочку, колготки бросила на вешалку.

Она стояла обнаженная перед кроватью, в конце дорожки, образуемой сброшенной одеждой. Постель манила. Элисон скользнула в нее и через несколько секунд снова спала.

На темной улице не прекращался сильный ливень. С порывами ветра его косые струи ударяли в стены особняка. Потоки воды переливались через края водостоков и, бурля, неслись вниз, споря с налетавшим ветром.

Улица была пустынна. Фонари еле светили сквозь сплошную пелену дождя, не в силах рассеять крошечную темноту ночи.

В аллее парка раздавались чьи-то шаги. Отсюда очень хорошо был виден особняк. Человек старался держаться темноты, словно прячась от кого-то. Он медленно продвигался меж теней, пока не достиг конца аллеи. Там он остановился, заслонив рукой лицо от ветра и дождя. Некоторое время он простоял неподвижно, наблюдая, что-то выжидая. Ни в одном из близлежащих домов не горел свет. Ни одна машина не проехала по улице. Никаких подозрительных звуков не раздавалось. Пара глаз оглядела улицу. Удовлетворившись, человек втянул голову в плечи и поспешил через затопленную мостовую под защиту навеса над крыльцом особняка. Там он отряхнулся и подошел к тяжелой железной двери, ведущей в подвал. На ней висел ржавый замок. Человек пошарил в глубоком кармане плаща и извлек оттуда связку ключей, самый большой из которых вставил в скважину. Замок не поддавался. Он снова пошарил в кармане и на этот раз извлек маленький тубик. Вытащил ключ, выдавил немного жидкости в скважину и, вставив ключ обратно, еще раз попробовал повернуть его. Замок открылся. Человек вошел в подвал и закрыл за собой дверь.

Снова сон ее был беспокойным и мучительным. Элисон металась по кровати, терзая подушки.

Возвращались видения прошлой ночи: Чейзен, лесбиянки — и все участники вечеринки. Она ощущала их присутствие, слышала их голоса. Раздавалось пение: С днем рождения, Джезель, с днем рождения тебя!»

Простыни были мокры от пота, от судорожного пинка ногой одеяло полетело на пол, за ним последовали подушки.

И тут она услышала стук.

Еле слышный вначале, он становился оглушающим.

Элисон во сне прижала ладони к ушам, пытаясь скрыться от шума. Но все громче и громче раздавался стук, постепенно сливавшийся с лязгом металла.

Элисон в ужасе проснулась, ничего не понимая. Включила ночник и огляделась. Никого. Напряженные ее мышцы расслабились, дыхание успокоилось.

— Нет,— бормотала она, уронив голову на руки.— Что я такого сделала? Чем я заслужила это? Что я такого сделала? — Голос ее превратился в шепот. Она взглянула наверх.

Медленные, размеренные шаги раздавались прямо у нее над головой. Элисон снова заткнула уши. Она не могла больше выносить это.

Она выскочила из постели, подобрала одежду, быстро оделась и опустила штору на окне, чтобы свет ночника не был замечен снаружи.

С трудом передвигая ноги, Элисон дошла до кухни. Осмотрелась. Тарелка с остатками ужина стояла на краю раковины, пустая бутылка из-под вина валялась на доске для резки мяса, кусок алюминиевой фольги — на холодильнике. Элисон протянула руку, схватила пузырек с транквилизаторами и отвинтила крышку, в ладонь ей скатился маленький белый шарик. Принимать таблетку или нет? Надо же успокоить нервы! Но еще важнее сейчас — собрать всю храбрость, какая еще осталась в ее слабеющем теле. Транквилизаторы в этом не помогут. И не подготовят к тому, что ожидает ее. Элисон была полна решимости раскрыть тайну исчезнувших жильцов, и она знала, что у того, наверху, кем бы он ни был, есть ключ к разгадке. В мягком желтом свете, заливавшем кухню, она пыталась придумать альтернативу. Таковой не было; надо подняться и войти в квартиру 4-А. Транквилизаторы? Бесполезно. Элисон завинтила крышку и поставила пузырек на место. Затем она выдвинула ящик стола и достала огромный кухонный нож. С ним она будет чувствовать себя увереннее. Теперь она не одна.

Она достала из кладовой фонарь и нажала кнопку. Свет вспыхнул и тут же погас. Элисон с силой потрясла его, лампочка замигала. Тогда она отвернула крышку и поправила батарейки. После этого вновь нажала кнопку. Фонарь работал превосходно.

Элисон, не включая света, пробралась в гостиную и посветила там фонарем. Никого. Ничего необычного. Она прислушалась. Шаги не прекращались. Элисон глубоко вздохнула, потушила фонарь, вышла из квартиры и захлопнула дверь.

На лестнице было темно. Ни на третьем, ни на четвертом этаже свет не горел. На ощупь, прижавшись к стене, Элисон добралась до лестницы и покрутила единственную лампочку. Та не зажглась. Тогда она повернулась и начала подниматься по лестнице. Медленно, очень медленно. Ступени страшно скрипели. Дом наполняли звуки бушевавшей снаружи бури.

Пот струился по ее лицу, голова готова была разорваться от невыносимого напряжения.

И вдруг она в ужасе отскочила в сторону, ударившись головой о стену. Она зажала рот тыльной стороной ладони, чтобы не закричать. Закрыв глаза, она тихононько застонала. Она на что-то наступила.

Элисон безуспешно пыталась взять себя в руки; тело ее била крупная дрожь. Она зажгла фонарь и осветила пол у себя под ногами. Там ничего не оказалось. Элисон направила луч фонаря выше, внимательно осматривая каждую ступеньку. Луч достиг площадки четвертого этажа. Там сидела кошка. Джезебель. Кошка, которой не существовало на свете. Покрытое клочковатой шерстью тело неподвижно застыло, зеленые глаза уставились в одну точку. В зубах она держала попугая с откушенной головой. Его изящное тельце превратилось в истекающий кровью истерзанный кусок мяса. Кругом валялись перья.

Элисон содрогнулась.

Ее охватило зло. Эта дура, мисс Логан, не поверила ей, ни единому ее слову. Но вот же оно — неопровержимое доказательство. Джезебель. Надменная и враждебная. Мортимер. Мертвый.

Кошка ощерилась впившиеся в мертвое тельце клыки. Элисон крепче сжала нож и сделала шаг по направлению к ней. Кошка положила птицу на пол, выгнула

спину и зашипела. Элисон сделала еще шаг. Кошка сильнее выгнула спину. Элисон приблизилась еще на два шага. Кошка выбросила вперед лапу, попяtilась с угрожающим шипением, схватила попугая и прыгнула в темноту.

И вновь наступила тишина.

Элисон потушила фонарь, с трудом переводя дыхание, преодолела последние ступеньки и пошла по направлению к квартире 4-А. Несколько минут она простояла неподвижно, прислонившись к дверному косяку. Затем попробовала ручку двери, в полной уверенности, что там заперто. Но, к ее удивлению, замок щелкнул, и дверь распахнулась. Элисон оглянулась; судя по всему, Джезбель на площадке не было. Она бочком протиснулась в дверь и стала вглядываться в темноту. В комнате было очень темно, сверхъестественно темно. Взгляд ее словно уходил в бесконечный туннель. Элисон не видела даже ни фонаря в своей левой руке, ни ножа в правой. И если бы не натянутые, как струна, нервы, она подвергла бы сомнению самый факт своего существования.

В квартире царил тишина, шагов слышно не было.

Включив фонарик, Элисон посветила по стенам. Мебель та же, что и в тот день, когда они заходили сюда с мисс Логан. Она потянула носом воздух. Запах плесени усилился. Элисон потерла нос, чтобы не чихнуть и повернулась к напольным часам. Их циферблаты покрывала пыль, стрелки не двигались. Камин был пуст и холоден, двери стеновых шкафов нараспашку раскрыты. Они тоже были пусты, если не считать старого дырявого зонта.

Элисон повернула к спальне. Шаги раздались вновь. Она выключила фонарь и вжалась в угол, боясь даже дышать. Казалось, комната сжимается вокруг нее. Элисон порывисто обернулась. Она оставила входную дверь приоткрытой. Каждая клеточка ее тела стремилась скорее убежать отсюда в безопасное место. Но она не могла сделать этого. Спальня совсем рядом. А там — шаги, ключ к ее кошмарам и, возможно, разгадка тайны исчезнувших жильцов.

Сжимая нож, она осторожно, шаг за шагом, пробиралась по коридору, касаясь плечом стены.

Шаги прекратились, раздался скрип.

Элисон подошла к открытой двери спальни, выста-

вив впереди себя нож. Поначалу никаких признаков жизни она не заметила. С минуту она постояла в нерешительности, затем двинулась к едва различимой кровати. Из темноты донесся слабый шорох, Элисон нажала кнопку на фонаре, тот не работал. Она с силой встряхнула его, батарейки звякнули, но лампочка не зажглась. Элисон уловила краешком глаза какое-то движение; в темноте проскользнула фигура и встала у окна, спиной к ней.

— Эй,— позвала она сдавленным от страха голосом. Ответа не последовало.— Эй,— повторила она.

Фигура не пошевелилась и продолжала хранить молчание.

— Что вам от меня надо?

Никакого ответа.

Элисон медленно приближалась к неясным очертаниям человека, не переставая взывать к нему. Голос ее то и дело срывался на плач. Она держала в вытянутой руке нож и в отчаянии трясла фонарь. Никогда в жизни она не испытывала такого страха, казалось, еще чуть-чуть — и она забьется в истерическом припадке.

Подойдя к незнакомцу, она тронула его за плечо. Тот повернулся, но лица его не было видно в темноте.

— Кто вы? — жалобно вопрошала она, слезы катились по ее щекам. Фигура сохраняла молчание и неподвижность.

Элисон еще раз встряхнула фонарь. Яркий луч света прорезал темноту, ударив прямо в глаза... ее отца!

Он был бледен как полотно; лицо превратилось в мертвую маску. Глаза его едва не вываливались из орбит, губы раздулись. Синие вены струились под покрытой коростой кожей. Волосы его превратились в колтун, глаза потускнели. Лицо, шею и руки пересекали гноящиеся синие шрамы, из которых сочилась прозрачная жидкость. И он был абсолютно голым.

Тишину ночи пронзил ее отчаянный крик.

В ужасе отпрянув, Элисон налетела на стену, не переставая кричать, заметалась взад и вперед, луч фонаря плясал по стенам, описывая огромные круги. Вот он упал на разлагающееся тело отца, который упорно приближался к ней, привлекая частично парализованную правую ногу. Она пятилась, натываясь на мебель. Луч фонаря, не прекращавший свое хаотическое движе-

ние, выхватил из мрака кровать, на которой развалились в непристойной позе две голые жирные женщины. И наступила темнота.

Элисон ебежала в гостиную, налетела на кресло и растянулась на полу, выронив фонарь. Он потух. В ушах ее раздавался звук надвигающихся шагов.

Кресло повалилось на нее, Элисон судорожно забилась, стараясь высвободиться.

И тут захлопнулась приоткрытая входная дверь. Единственный путь к отступлению был отрезан: прямо перед ней стоял человек. Элисон истерически заголосила, вскочила на ноги и бросилась к двери. Одной рукой он схватил ее за волосы, другой — уцепился за цепочку распятия. Элисон ткнула ножом куда-то в темноту. Он вонзился в крепкую грудь. Комнату наполнил душераздирающий вопль. Снова и снова она вонзала нож, по руке ее заструилась кровь. Крики перешли в предсмертный хрип. Тело упало. Элисон бросилась к двери и выбежала на лестницу.

Входная дверь особняка распахнулась; Элисон выскочила на улицу, не переставая кричать. Слетела вниз по мокрым каменным ступеням. Нож она где-то обронила. В соседних домах загорались окна, любопытные высовывали головы, чтобы взглянуть, кто там так кричит. В ужасе вцепившись в свои спутавшиеся волосы, Элисон неслась по лужам, то и дело падая, не в силах удержать равновесие под порывами ветра. Так, падая на каждом шагу, она добежала до конца квартала.

Высоко над улицей старый священник неподвижно сидел у окна, сложив руки перед собой.

Дождь не прекращался.

Дул сильный ветер.

Дом стоял темный и молчаливый.

— Сюда, мэм.

— Надеюсь, это не займет много времени.

— Не могу ничего сказать, мэм.

— Я должна увидеть ее.

— Все зависит от человека, который сидит в этом кабинете, мэм.

Полицейский распахнул матовую стеклянную дверь с табличкой «Больница Беллеву. Полицейское дознание».

— Спасибо,— сказала Дженнифер Лирсон, входя в комнату.

— Посидите пока на скамье,— произнес полицейский официальным тоном.

Кабинет был небольшим, скудно меблированным. На сером цементном полу валялись куски краски, отслаивавшиеся от стен. Мебель здесь была старой и обшарпанной. Вдоль стены стояла длинная коричневая скамья, слева от нее располагался некрашеный прямоугольный стол.

Дженнифер присела на скамью. Полицейский закрыл дверь. За столом сидел коренастый человек с острым личиком. У него были черные глаза, длинный нос с шишечкой на конце и необычайно тонкие бесцветные губы. Старая мягкая шляпа отлично гармонировала со слишком просторным для него пиджаком. Из рта у человека свисала короткая изжеванная сигара. Рубашка его была запорошена пеплом.

Он улыбнулся Дженнифер, обнажив ряд острых, как у грызуна, зубов. Видно было, что над его нижней челюстью изрядно потрудился дантист. Он продолжал молча улыбаться, и Дженнифер заерзала на скамье, чувствуя себя не очень уютно в этой голой комнате под буравящим взглядом маленького хорька.

— Меня зовут Гатц, детектив Гатц, пишется через «т»,— гнусавый его голос неприятно резал слух.

— Да, сэр,— ответила она, наблюдая, как натянутая улыбка постепенно сползает с его лица.

— Я хотел бы поговорить с вами.

— Да, сэр,— повторила она, нервно теребя пальцами складки на блузке.

— Ваша фамилия — Лирсон? Дженнифер Лирсон?

— Да.

Он взял со стола лист бумаги.

— Адрес: 51-я Восточная улица, дом 311. Профессия: фотомодель.

— Да.

— Понятно.

— Я хотела...

Гатц перебил ее:

— Надеюсь, детектив Ричардсон объяснил вам, в чем дело? — спросил он, бросив взгляд на рослого полицейского, молчаливо возвышавшегося рядом.

— Очень смутно, — ответила Дженнифер, помолчав.

— Понятно. Что ж, постараемся вместе прояснить ситуацию. Полагаю, вы знакомы с мисс Элисон Паркер?

— Да, сэр, но...

— Когда последний раз виделись с ней?

— Дня четыре назад. Не могли бы вы все-таки рассказать мне, что произошло? Я очень нервничаю.

— Минуточку терпения. — Это прозвучало скорее как команда, нежели как просьба. — Когда в последний раз вы разговаривали с ней?

— Четыре дня назад.

— О чем?

— О тряпках.

— И это все?

— Элисон еще говорила о какой-то вечеринке.

— О какой вечеринке?

— Она собиралась отпраздновать новоселье.

— Когда?

— Она не уточняла. Сказала просто, что собирается, и спросила, кого, я считаю, нужно пригласить.

— Вы посоветовали ей что-нибудь?

— Да, сэр.

— Я попрошу вас записать имена, которые вы называли тогда.

Дженнифер кивнула.

— Все они — ее друзья.

— Хорошо-хорошо. О чем еще вы говорили?

— Больше ни о чем. О вечеринке и тряпках.

— А ничего необычного вы не заметили?

— Нет.

— Ничего странного,стораживающего?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

Гатц взял другой лист бумаги, пробежал его глазами и сообщил:

— В доме на 89-й улице она проживала неделю.

— Почти две, — поправила Дженнифер.

Он внес изменения в свои записи.

— Вы видели ее квартиру? Бывали в том доме?

— Нет.

— А кто-либо из ваших знакомых?

— Только ее друг.

Гатц ухмыльнулся.

— Понятно,— произнес он, и в голосе его прозвучало неодобрение.

Дверь снова отворилась, вошел Майкл. Кивнув Дженнифер и, не замечая детектива Гатца, подошел к скамье и уселся на нее.

Завидев Гатца, он вскочил, щеки его пылали.

Тот спокойно улыбался, тихонько постукивая ногой по цементному полу.

— Сядьте! — велел он, и в глазах его засветилась ненависть, не уступавшая презрению, написанному на лице Майкла. — Сядьте же!

— Что...

— Сесть, я сказал! — грубо оборвал его Гатц.

Майкл нехотя повиновался.

— Что вы здесь делаете? — выдавил он из себя, наконец.

— Если вам угодно, знать, это — моя работа.

— Но в городе есть и другие сыщики.

— Совершенно верно! Но меня это дело заинтересовало. Я, когда поступил вызов, как раз сидел в участке, знаете ли. Похоже было, что снова объявился какой-то маньяк-убийца. Я уже было собрался отправить туда ко-ко-нибудь. Психи не очень-то меня интересуют. Люблю убийства, совершаемые умными злодеями. Вам, впрочем, это известно. Ну, так вот, я уже собрался было сделать всем ручкой, как услышал имя девицы и парня, чью визитную карточку нашли у нее в кармане. И что бы вы думали? Я пулей вылетел из участка, ибо понял, что дело это окажется чертовски грязным, раз в нем замешаны вы.

— Что случилось с Элисон? — спросил Майкл, пропустив оскорбления мимо ушей.

Гатц нахмурился.

— Как звали вашу жену — ах, бедняжка — Карен?

Майкл вцепился пальцами в скамейку, с трудом удерживаясь от того, чтобы не броситься на Гатца и не впечатать того в стену.

Гатц улыбался. Он упивался бешенством Майкла.

— Что случилось с Элисон? — стиснув зубы, повторил Майкл.

— Элисон Паркер? — Гатц явно измывался над ним, пытаясь вывести из себя.

Осознав намерения детектива, Майкл разжал впившиеся в скамейку пальцы и спокойно ответил:

— Да, сэр. Элисон Паркер.

Игра окончилась. Развалясь на стуле, Гатц размышлял.

«Дело Карен Фармер». Шесть месяцев он копался в нем, пока начальство не приказало ему закончить следствие. После этого его перевели в другой участок, понизив в звании. Но он ни на миг не забывал об этом, так же, как не сомневался в том, что был прав, когда все остальные ошибались. И вот сейчас перед ним Майкл Фармер собственной персоной, но как бы ему ни хотелось, прошлое ворошить нельзя. Сейчас он ведет «Дело Элисон Паркер», и прежде всего надо докопаться до сути здесь. И лишь потом, если повезет, можно будет раскрыть тайну гибели жены Майкла Фармера.

— Я и сам толком не знаю, что произошло. По моим сведениям, никого. пока ни в чем не подозревают. Включая и вас, Фармер. Как я говорю, пока вина не доказана, человек не виновен.

— Это вы сами придумали?

— Не горячитесь, мой друг, — предостерег его Гатц, вставая. Стул покачнулся назад. Детектив Ричардсон протянул руку и удержал его. Гатц с одобрением взглянул на помощника и принялся шагать по комнате.

— На мой взгляд, нечто странное произошло прошлой ночью. Некая Элисон Паркер носилась в истерике по улицам и вопила, что только что зарезала собственного отца.

Майкл чуть не поперхнулся. Он оцепенел, как и Дженнифер, затем с трудом произнес:

— Это невозможно! Ее отец скончался от рака несколько недель назад.

Гатц посерьезнел. Он взял со стола блокнот, вынул очки в роговой оправе и, аккуратно водрузив их прямо над шишечкой на носу, еще раз с удвоенным вниманием изучил свои записи.

— Вы уверены? — спросил он.

— Абсолютно! Можете позвонить ее матери, ес-

ли...— Майкл осекся.— Нет, лучше не надо. Боюсь, она этого не перенесет. Позвоните в полицейское управление городка. Они подтвердят.

Гатц достал из кармана рубашки простенькую авторучку, оставившую там темное чернильное пятно, с силой встряхнул ее и, скрипя пером, записал имя и адрес отца Элисон, рядом с которыми вывел слово «мертв». Затем он снова уселся на стул и пристально взглянул на Майкла.

— Давайте начнем сначала. Итак, ваши отношения с мисс Паркер?

— Я ее друг.

Гатц неодобрительно поцокал языком.

— Близкий друг,— поправился Майкл.

Гатц цинично ослабилась и обернулся к Дженнифер.

— А вы ее подруга?

— Вы это уже знаете.

— И вы знакомы друг с другом? — Вопрос не требовал ответа; Гатц заметил их молчаливое приветствие, когда Майкл появился в комнате. Кивнув, он снова поднялся и принялся мерить шагами пол. Сигара по-прежнему свисала у него изо рта. Она стала чуть короче. Он откусил кусочек изжеванного ее кончика и выплюнул его. Остановился и прислонился к стене под зарешеченным окном. С подозрением уставился на сбои пленников.

— На одежде Элисон Паркер была обнаружена кровь, но она оказалась ее собственной — из царапины на руке. Мы обследовали квартиру, где, по ее словам, она зарезала своего старика, но не нашли ни тела, ни крови.

— Какую квартиру? — спросил Майкл.

— 4-А. Бывали там?

Майкл опустил глаза в пол. Квартира 4-А. Та, о которой говорила Элисон. По спине у него пробежал холодок.

— Мало того, мы вообще не обнаружили там каких-либо следов борьбы.

— В квартире?

— Во всем здании!

— Вы разговаривали со старым священником?

— Старикан глух, слеп и давно выжил из ума.

— А с Чейзенем? С остальными жильцами?

— С кем?

— С жильцами дома! Чарльз Чейзен, миссис Кларк, две сестры-толстушки, не помню их имен, кто-то там еще...

— Фармер, предупреждаю вас, без выкрутасов!

— Минуточку, приятель. Я пытаюсь выяснить, что случилось с моей девушкой, и считаю, что не мешало бы полиции, а тем более столь дотошному сыщику, как вы, побеседовать с соседями, которые могли что-нибудь видеть или слышать.

Гатц с ожесточением пожевал сигару, и в животе у него забурчало.

Майкл озадаченно смотрел на него.

— Последние шесть часов я занимался тем, что обходил квартиры особняка,— начал Гатц,— и ни в одной из них не обнаружил ни малейших признаков жизни. Кроме мисс Паркер и старого священника, никто не жил там в последнее время.

— Что? — вскричал Майкл, снова придя в состояние шока от услышанного.— Это невозможно! Элисон их видела! Говорила с ними! Бывала у них в гостях!

— А вы? — поинтересовался детектив, на которого все это не произвело ни малейшего впечатления.

— Я — нет.

— А кто-нибудь из ваших знакомых?

— Нет.

— Что ж, любознательно.

Гатц отвернулся, вынул сигару изо рта и вытряхнул часть табака в пепельницу. Дженнифер поежилась; Майкл уставился сыщику в спину, ожидая продолжения фразы. Гатц некоторое время не шевелился, о чем-то размышляя, затем обернулся к хранившему молчание полицейскому, терпеливо стоявшему рядом.

— Пусть Риццо поищет сведения о Чарльзе Чейзене, этой, как ее, миссис Кларк и,— он вопросительно взглянул на Майкла.

— Сестрах... Клоткин, вспомнил. Еще там была парочка лесбиянок, не помню, как их зовут...

Ричардсон колебался:

— Но там никто не живет, это же ясно как день.

— Знаю, но все равно необходимо проверить. Может, они и не живут там, но зачем-то околачиваются в доме.

Полицейский кивнул.

— Как зовут домовладельца? Вылетело из головы.

— Карузо. Дэвид Карузо,— ответил Ричардсон.

— Велите Риццо проверить, нет ли какой связи между ним и всеми этими людьми.

— Слушаюсь, сэр,— сказал полицейский и вышел, оставив их втроем.

Гатц поправил шляпу и снова зашагал по комнате.

— Когда можно будет увидеть Элисон? — спросил Майкл.

— Медсестра сообщит. А пока можем немного поболтать, прямо как в старое доброе время.

Майкл удержал себя в руках.

— Так вы говорите, ничто не указывает на то, что в доме что-то произошло?

— Да, так я говорю.— Гатц ехидно улыбнулся и сбернулся к Дженнифер.— Как давно вы знакомы с мисс Паркер?

— Два года.

— Случались с ней прежде подобные припадки?

— Нет. Элисон — очень рассудительный и сдержанный человек.

— Да неужели? — скептически усмехнулся Гатц, по его тону можно было заключить, что он уверен в обратном.

— Недавно она перенесла нервное потрясение,— вмешался Майкл.

— Какое именно?

— Из-за отца. Болезнь его длилась почти четыре месяца. Со дня его смерти Элисон находилась в постоянном нервном напряжении. Никак не могла прийти в себя. Плохо ела и спала. Ее мучали кошмары. А два дня назад она потеряла сознание во время показа мод.

— Понятно. Возможно, этим все и объясняется. Кошмар. Галлюцинация. Или еще что-то в этом роде.— Последовала долгая пауза.— А возможно, и нет!

— Ищите тогда труп.

— Если он существует — а в этом я не сомневаюсь — мы отыщем его. А уж затем я позабочусь, чтобы веревочка, идущая от него, затянулась кое на чьей шее. И уж во второй-то раз я не оплошаю.

Майкл даже не шелохнулся.

— Где вы находились этой ночью, с трех до пяти?

— Дома.— Майкл побагровел от гнева.
— Не уверен,— с нажимом произнес Гатц.

Майкл взорвался:

— Послушайте, вы! Мне не нравится тон, каким...

— Нет, это вы послушайте! Некая особа заявляет, что только что убила своего отца, заколола его ножом. Факты, а я люблю факты, говорят, что это невозможно. А что если она убила кого-то другого, думая, что это — ее отец? Это уже больше похоже на правду. Конечно, может случиться и так, что у особы этой просто не все дома и место ее в психушке. Но что-то говорит мне, что в этой мышеловке может оказаться большая жирная крыса,— наживка в ней так хорошо пахнет! Неужели бы вы на моем месте не сочли нужным задать несколько вопросов? Тем более что действующие лица этой истории уже привлекались разок по подозрению в убийстве. И тем более, что крысой-то может оказаться небезызвестный Майкл Фармер.

Майкл промолчал. Гатц был прав по крайней мере в том, что касалось процедуры следствия. Но Майкл знал, что на самом деле было у того на уме. Независимо от того, каким честным и справедливым, каким бескорыстным хотел казаться Гатц, Майкл знал, что у него на уме.

— Как только появится возможность, я собираюсь получить у мисс Паркер некоторую информацию, благодаря которой вся эта история приобретет некий смысл.

Гатц принялся жевать очередную порцию табака из измусоленной сигары; он был доволен собой. Он сделал все, что мог — пока тело не найдено и пока девица из 211-й палаты не в состоянии связно говорить. Но есть вероятность, что ни тела, ни свидетельств преступления не окажется. И тогда Фармер снова ускользнет. И он вновь упустит шанс прижать этого адвокатишку. Нет, этого допустить нельзя. Неважно, что все происшествие кажется лишенным всякого смысла. Легче отыскать здесь смысл, нежели признать, что человек может быть замешан в двух таинственных убийствах и оставаться чистым перед законом. Многолетний опыт Гатца подсказывал ему это. И еще — острая, режущая боль в кишечнике. Нет, Фармер убил свою жену и теперь затевает что-то еще. Гатц добьется успеха на этот раз — иначе быть не должно. Он будет действовать медленно, но наверняка.

И собрав всю необходимую информацию, прыгнет, подобно леопарду, на свою жертву. Он улыбнулся своим мыслям.

Зазвонил телефон. Гатц снял трубку.

— Да, Гатц у телефона.— Он внимательно слушал и положил трубку на место.— Она проснулась,— сообщил он. Снова сел и принялся изучать свои записи.— Можете известить ее.

— С ней все в порядке? — спросила Дженнифер, все это время с интересом наблюдавшая за поединком между Майклом и Гатцем.

— Спросите у доктора,— сухо ответил сыщик.— Палата номер 211. Спуститесь в вестибюль, первый поворот налево. А после мы продолжим нашу беседу.

— У меня нет времени,— сказал Майкл, поднимаясь со скамьи.

— Весьма польщен,— отвечал Гатц.

Майкл повернулся и вышел вместе с Дженнифер.

— Что все это означает? — начала она, спускаясь по лестнице.

— Да так, ерунда.

— Не похоже. Он явно что-то имеет против тебя.

— Говорю тебе, ерунда. Это все было слишком давно, чтобы о чем-то беспокоиться.

— Как давно?

— До того, как ты приехала в Нью-Йорк.

— Когда?

Некоторое время они спускались в молчании.

— Достаточно давно,— произнес наконец Майкл. Его это начинало раздражать. Дженнифер умолкла и тихо шла за ним к одному из боковых коридоров.

В отличие от центрального вестибюля он был практически пуст. У входа стоял большой стол, за которым восседала сотрудница полиции.

— Чем могу вам помочь? — спросила она.

— Нам нужна палата 211,— ответил Майкл.

— Как ваши фамилии?

— Фармер и Лирсон.

— Идите вой туда, где сидит полицейский. Это и есть 211-я палата.

Майкл взял Дженнифер за руку и повел ее вдоль по коридору. Женщина повернулась и махнула рукой поли-

цейскому, глядящему на нее в ожидании указаний. Он встал и открыл дверь.

На пороге появилась медсестра.

— Как она? — спросил Майкл.

— Немножко вялая — это от большого количества лекарств. Но в целом все нормально.

— Можно забрать ее домой?

— Пока нет.

— А поточнее?

— Поговорите с врачом. Он скажет больше, чем я.

Она помолчала и, улыбнувшись, добавила: — Думаю, еще дня два-три, пока она не оправится от шока и не улучшится общее состояние. У девушки жесточайшая апгига. Надо предотвратить возможные осложнения. Надеюсь, вы понимаете, насколько это может быть серьезно.

— Да.

— У вас всего пять минут. Доктор говорит, ей нужно как можно больше отдыхать.

— Спасибо, — сказал Майкл.

— Не обижайтесь, пожалуйста, — снова улынулась медсестра.

Майкл кивнул и вошел в палату. Дженнифер — за ним. Они замерли в неловком молчании, устремив взгляд на больничную кровать.

Элисон вытянулась под одеялом. Лицо ее было бледно. Губы распухли, глаза ничего не выражали. Тело неподвижно застыло, словно окоченев. Майкл никогда не видел ее такой. Жизнь, казалось, едва теплилась в ней.

Они с разных сторон приблизились к кровати.

Майкл взял Элисон за руку. Она никак не отреагировала.

— Элисон, — прошептал он.

Взгляд ее был по-прежнему устремлен в потолок. Он снова позвал ее, погромче, но она не отвечала.

— Элисон, это мы: Майкл и Дженнифер, — сказала Дженнифер, склоняясь над кроватью.

Губы Элисон разжались. Пузырек слюны задрожал на нижней губе и лопнул. Челюсть медленно опускалась: она пыталась заговорить. С трудом Элисон перевела взгляд на Майкла, глаза ее расширились, она узнала его. Глаза выражали одну лишь боль, в них нельзя было прочесть, что же произошло.

Дженнифер приблизилась и наклонилась к ее уху.
— Ты слышишь, ты понимаешь меня, Элисон?

Та шевельнула рукой. Снова безуспешно попыталась разжать губы. Никаких слов не последовало, лишь еще один пузырек слюны лопнул на губе, как и его предшественник.

Майкл взглянул на Дженнифер.

— Нет смысла задавать ей вопросы,— сказал он.— Она не может говорить.

Дженнифер не унималась.

— Элисон,— звала она,— ответь мне.

Элисон перевела взгляд с Майкла на нее.

— Что случилось ночью?

Зрачки Элисон расширились от ужаса, из горла вырвался сдавленный стон, бесцветные губы разжались, тщетно сияясь произнести хоть слово. Майкл пытался вообразить, что же произошло.

Дверь растворилась, и вошел детектив Гатц. Захлопнул ее и прислонился к стене.

Майкл недовольно передернул плечами.

— Да, выглядит она неважно,— заметил сыщик,— хуже даже, чем тогда, когда выпила те таблетки.— Он метнул в сторону Майкла гневный взгляд.— Помните? Любимая жена «покончила жизнь самоубийством», перерезав себе вены, а вскоре после этого любовница попыталась избавиться от мук совести с помощью таблеток. Неплохой сюжетец!

— Можем мы побыть одни? — поинтересовался Майкл, еле сдерживая ярость.

Детектив помотал головой.

— Меня одолело любопытство. Не возражаете, если я поприсутствую и, возможно, дам какой-нибудь квалифицированный медицинский совет?

— А подслушивать нечего,— с презрением произнесла Дженнифер.— Элисон не может говорить.

Гатц пожал плечами. Плевать он хотел на их нежность. Он останется. Пациенты такого рода охотнее разговаривают с теми, кого хорошо знают. Это факт. А на всем белом свете не существовало вещи, которую детектив Гатц любил бы больше фактов.

— Знаете,— заговорил он,— а мисс Паркер похожа на вашу бывшую жену. Да-да, Паркер ее мне напо-

минает. К счастью, есть и различия. Мисс Паркер не умерла при попытке самоубийства. И не собирается сейчас. — Он взглянул на Майкла. — Была ли гибель Карен Фармер самоубийством? Одни говорили: «да». Она оставила эдакое аккуратное письмецо, в котором прощалась со всеми. А я утверждал: «нет!». Это не было самоубийством!

— У вас все? — отрывисто спросил Майкл.

— А вам не нравится мой рассказ?

— Предупреждаю вас, господин сыщик. Прошрое умерло и похоронено. И ежели вы попробуете воскресить его, я позабочусь о том, чтобы вас вышвырнули из полиции.

— Вот так штука, — беззлобно произнес полицейский. Он вынул изо рта сигару, изучил ее изжеванный конец и сунул на место, между зубами. Он сказал достаточно. Пока хватит и этого, ибо Фармер прав. Он может потянуть за ниточки, и Гатц получит хороший пинок под зад. Так уже было однажды. Если он собирается вновь приниматься к делу о самоубийстве Карен Фармер, надо делать это параллельно нынешнему расследованию. И крайне осторожно.

Дверь снова отворилась, вошла медсестра.

— Пять минут истекло, а указания доктора Блейфера должны исполняться неукоснительно. Мисс Паркер несбходим отдых, и как можно больше.

— Где можно найти доктора?

— Он должен прибыть в больницу через пятнадцать минут.

— Мы сможем еще немножко поболтать, пока вы ждете его, — сказал детектив.

— А стоит ли? — спросила Дженнифер, которой назойливость Гатца начинала уже действовать на нервы.

Тот слабо улыбнулся.

Сестра подошла к постели и потрогала лоб Элисон. Затем измерила давление и пощупала пульс. Гатц и Майкл обменивались недобрыми взглядами. Сестра сняла висевший на спинке кровати листок и внесла туда данные. Повесив его обратно, подошла к двери и, обращаясь к посетителям, кивнула на нее. Первыми вышли Майкл и Дженнифер. Гатц помедлил мгновение, чтобы взглянуть на Элисон, покачал головой и проследовал за сестрой.

Когда они заворачивали за угол, из-за двери 211-й палаты донесся еле слышный звук. Кто-то всхлипывал.

Двадцать минут спустя Майкл и Дженнифер вышли из лифта. Гатц не отставал. Они направлялись к выходу из больницы.

— Не забудьте, вы не можете покидать город без моего ведома.

Майкл не счел нужным обернуться. Вместо этого он взял Дженнифер за руку и вышел на улицу.

Прижав лицо к стеклянным дверям, Гатц наблюдал, как они идут по направлению к 1-й Авеню, ловят такси. В тысячный раз за этот день он вытащил изо рта сигару и рассмотрел ее изжеванный конец. Хватит. Сегодня он неплохо потрудился и заслужил новую. Гатц зашвырнул окурок в кусты, прямо рядом с табличкой «Не сорить!», покопался в кармане и достал сигару. Осторожно стянул целлофан, затем со скрупулезностью ювелира изучил бумагу, в которую был завернут табак, остался доволен формой и оценил по достоинству аромат.

Сунув сигару в рот, он развернулся и вошел в больницу.

14

События кошмарной ночи стояли у Элисон перед глазами. Снова и снова оживали в памяти страшные мгновения на лестнице, битва с «отцом», нож, пронзающий его истлевшую плоть. Вновь и вновь перебирала она свои воспоминания, сомневаясь, надеясь и в конце концов признавая, что объяснение может быть только одно. Непросто заставить мозг поверить в невероятное — чтобы, окончательно измучившись, прийти к совершенно нелогичному выводу, порождающему еще больший ужас.

Она лежала в кровати Майкла, натянув до подбородка одеяло. Справа, на тумбочке, стояло множество баночек и пузырьков со всевозможными прописанными ей лекарствами. Многие из них были уже наполовину пустыми. Элисон сжимала в кулаке распятие. Из проигрывателя лилась мягкая музыка.

Вошел с вымученной улыбкой на лице Майкл, неся в руках поднос, накрытый салфеткой. Под ней оказалась

чашка дымящегося куриного бульона, два кусочка подогретого хлеба и маленький медный чайник.

— Где Дженнифер? — спросила Элисон, беря ложку и приступая к бульону.

— В ванной.

— Занимается тем, о чем не принято говорить вслух, — заключила она без тени улыбки.

Майкл присел, взяв с тумбочки пульт переключения программ телевизора и нервно крутил его в руках.

Открылась дверь, вошла Дженнифер.

— Еще раз привет. — Она пересекла комнату и остановилась у кровати. — Я позвонила в агентство, сказала, чтобы в ближайшее время они на тебя не рассчитывали, и попросила выслать все чеки, по которым тебе задолжали.

— Спасибо, — ответила Элисон. — Вообще-то ты могла позвонить и отсюда, но тогда было бы нельзя сказать все то, что ты им наговорила.

— Не понимаю.

— И не надо.

— Все передают тебе привет.

Элисон откусила кусочек хлеба.

— Поблагодари их от меня, — безразлично проговорила она. Меньше всего ее сейчас волновала работа.

Майкл и Дженнифер обменялись тревожными взглядами. Он положил пульт обратно на тумбочку.

Элисон продолжала пить бульон.

— Можно воды? — попросила она.

Майкл наполнил стакан.

— Выпей вот это, — велел он, достав две цилиндрические капсулы из пузырька.

Элисон с трудом удерживала стакан. Она выпустила из правой руки распятие и взяла таблетки, которые с отворачиванием забросила в рот. Опять лекарство. Казалось, за последнюю неделю она смела все таблетки с лица земли. Но их не становилось меньше. Элисон поморщилась, глотая капсулы. И снова сжимала рукой распятие.

— Ты вроде уже не такая бледная, — заметила Дженнифер.

— Правда?

— Да.

— Ценю проявление чувств. Тебе, надеюсь, знакомо выражение «чушь собачья»? Так вот именно это ты и сказала.

— Денек-другой отдыха — и ты станешь как новенькая.

— Конечно! Сомнения быть не может!

Майкл встал.

— Садись на мое место.

— Нет, — сказала Дженнифер. — Пора домой.

Майкл облокотился о буфет, вслушиваясь в напряженную тишину, повисшую в комнате.

— Можем все вместе съездить в горы, — сказал он, наконец, — на эти выходные.

— Это было бы замечательно, — произнесла Элисон безо всякого воодушевления.

Майкл задумчиво поскреб подбородок.

— На гору Медведь, например. Поселимся в домике на день, приготовим что-нибудь вкусненькое, намешаем море грога с ромом. — Он выжидательно улыбался. Взгляд Элисон не выражал ничего.

Дженнифер робко проговорила:

— Я утром снова приду. Принести что-нибудь?

— Нет.

— Точно?

— Совершенно.

Дженнифер смущенно улыбнулась и обернулась к Майклу.

— Куда ты дел мое пальто?

— Оно в стенном шкафу.

— А книги?

— Там же.

Она снова посмотрела на Элисон.

— Отдохни немного. И не переживай ты так. Все будет хорошо.

Элисон вяло улыбнулась.

— Я провожу тебя, Дженнифер, — сказал Майкл.

В гостиной он схватил ее за руку.

— Похоже, она совсем расклеилась, — прошептал он, косясь на дверь спальни. Достал из стенного шкафа пальто и книги, протянул их Дженнифер.

— Она очень враждебно настроена.

— Это страх. Плюс депрессия. — Он помолчал. — Сочетание не из приятных.

— Что мы можем сделать?

— Не знаю.

— Если я буду нужна...

— Я знаю, где тебя искать.— Он поцеловал ее в щеку. Они улыбнулись друг другу.— Спасибо.

Майкл тихонько закрыл за ней дверь и бросил быстрый взгляд в сторону спальни. Тишину квартиры ничто не нарушало. Майкл, торопясь, достал из кармана рубашки маленькую записную книжку, на цыпочках подошел к телефону — в спальне не было параллельного — и осторожно набрал номер. Прислушался к гудкам. Двадцать раз прозвонил телефон где-то вдалеке. Затем раздался голос автоответчика. Хозяина нет дома. Он раздраженно швырнул трубку и вернулся в спальню.

Поднос стоял на коврике у кровати. Тихо играла музыка. Комната дышала покоем и умиротворением. Именно такую атмосферу Майкл стремился создать вокруг Элисон. Как можно больше тишины, как можно больше сна.

Он поднял поднос с пола и поставил его на буфет. Затем уселся в кожаное кресло. Он с любовью смотрел на ее закрытые глаза, следил, как поднимается и опускается ее грудь, отметив, что дыхание ее стало легче, нежели в последние три дня, когда порой казалось, что легкие ее вот-вот лопнут, словно слишком сильно надутые воздушные шары.

Элисон открыла глаза.

Они пристально смотрели друг на друга.

— Думаешь, я схожу с ума,— нарушила долгое молчание она.

— Я этого не говорил!

— А говорить незачем!

Снова повисло молчание.

— При всей твоей хитрости и тщательно культивируемом спокойствии тебя можно видеть насквозь.

— Неужели?

Она кивнула.

Майкл потерял виски. Взгляд его блуждал по стенам, от картины к картине. Абстракции. Ломаные линии. Хаос цвета и форм.

— Элисон,— начал он и замолчал, обдумывая продолжение фразы.

— Да,— отозвалась она.

— Хорошо. Я действительно считаю, что смерть твоего отца явилась причиной возникновения в твоём мозгу невероятных фантазий.

— То есть ты считаешь, что я сумасшедшая.

— Вовсе нет.

— А что ещё это может означать?

Он замялся.

— Только то, что я сказал.

— Ясно,— протянула она, хотя ясно ничего не было.

— Хочешь поговорить об этом?

— Да.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Тяжело вздохнув, он поднялся и зашагал по комнате. Выключил проигрыватель и заговорил:

— Давай посмотрим, что мы знаем о событиях той ночи. Тебе в очередной раз приснился кошмар, от которого ты долго не могла прийти в себя. Накануне ты падала в обморок, да ещё обнаружила, что в доме никто не живёт.

— Но...

— Дай мне закончить! Преисполненная храбрости, ты решаешь пойти наверх выяснить, кто же там шумит. Даже нож с собой прихватила. Что говорить, перетрухла ты здорово! И вдруг ты наступаешь на какую-то кошку.

— На Джеззель!

— На какую-то кошку! В обстановке, которая кого угодно напугала бы до смерти, тыходишь в квартиру и вступаешь в драку со своим...— Он замолчал и потрянул головой. Все это было нелепо. С её отцом!

— Продолжай.

— О, кей. Твой отец лежал в постели с двумя женщинами. Голыми.— Он подошел к окну и смотрел на крыши.

— Ну?

— Темнеть стало раньше.

— Это иногда случается зимой.

Майкл наблюдал за машинами, ползущими по улице. Время от времени внизу вспыхивали мириады красных тормозных огней. Он прислушался. Шум улицы почти не доносился сюда, за исключением редких гудков автомобилей.

Он обернулся.

— Позволь мне задать один вопрос.

— Задавай.

— Что сделало тебя фригидной?

Она взорвалась:

— Это, что, имеет какое-то отношение...

Майкл перебил ее:

— Почему ты ушла из дома?

Элисон крепче сжала распятие.

— Почему в той квартире ты увидела своего отца с двумя голыми женщинами?

Лицо ее исказила гримаса.

— Почему ты пыталась убить себя после смерти Карен?

Помолчав, он спросил:

— Хочешь, чтоб я тебе сказал? — Элисон хранила молчание. — Я могу, потому что знаю.

— Я хотела стать фотомodelью.

— И в этом причина твоей фригидности?

— Вполне возможно.

— Хватит пороть чушь. Ты же говоришь со мной, Элисон.

— Я знаю, Майкл. Как я могу спутать тебя с кем-то?

— Осмелюсь предположить, ты любишь меня?

— Люблю.

— Тогда давно надо было все мне рассказать. К чему таиться? Тем более что обо всем прочем ты мне рассказывала.

Она прикрыла глаза.

— Майкл, мы все это уже проходили...

— Но на этот раз я все знаю.

— Откуда?

— Это мое дело. Все что угодно можно выяснить, если очень хочешь и можешь за это хорошо заплатить.

Комната погрузилась в тишину. Он стоял, прижавшись лбом к оконному стеклу; она лежала, обложенная подушками, бессильно свесив с кровати руки.

— Что ты знаешь? — спросила Элисон, свыкнувшись с мыслью, что ему что-то известно.

— Все, — мягко ответил он. Выдвинул ящик шкафа, достал картонную папку и вынул из нее несколько документов.

— Здесь отчеты психиатров и полицейские протоколы. Еще кое-какие бумаги. Весьма познавательно. Вот, например. Запись, датированная 12 марта 1966 года:

Папа подарил мне распятие на день рождения, когда мне исполнилось десять лет. Во время обеда. Оно было красивое. Я надела его прямо за столом. Я никогда не снимала его.

А вот другая, от 9 апреля 1966 года:

Я всегда думала, что мама с папой счастливы. Я ошибалась. Они стали очень холодны друг с другом. Постоянно происходили скандалы. Он приходил домой пьяным и бил ее. Она заявляла, что у него другая женщина. Он вопил, как сумасшедший, называл ее «пуританской католичкой». Я бежала вниз по черной лестнице и пряталась в чулане. Однажды он нашел меня там и тоже избил. Я вся была в крови. Я была очень религиозной. Он — нет. Тем не менее он требовал, чтобы я постоянно ходила в церковь. Я не видела в этом смысла. Я запуталась.

Вот еще. 16 октября 1966 года.

Я ненавидела его. Я была в ужасе, когда он проходил мимо меня. Мой собственный отец. Он убил моего щенка. Пнул ногой в живот и Багль умер.

— Продолжать? — спросил он.

Элисон безразлично кивнула.

— Полицейский протокол, 1966 год. Точной даты нет. Знаешь, что это?

Она снова кивнула.

Майкл читал:

Мы с мамой уехали на выходные отдыхать на озеро, примерно в тридцати милях от города. Мы собирались возвратиться лишь в понедельник, но я обгорела на солнце и решила уехать на день раньше. Я доехала на автобусе до почты и остаток пути шла в гору пешком. Было десять часов вечера. Я вошла в дом, поднялась по лестнице на второй этаж, повернула к своей комнате, но

остановилась. Из родительской спальни доносился смех. В доме никого не должно было быть. Отец уехал из города по делам. Я подошла к приоткрытой двери, потянула ее на себя и заглянула внутрь. Отец, голый, лежал в кровати с двумя голыми женщинами. Все они были пьяны. Они ласкали друг друга. Меня стошнило. Отец скатился с кровати, он был испуган и взбешен. Он начал бить меня по голове. Я подняла руки, пытаюсь защититься, но он схватил меня за горло и начал тянуть за цепь, на которой висело распятие. Я задыхалась. Он швырнул меня на пол, туже и туже затягивая петлю. Разодрал мне кожу на шее. У меня остался шрам. Я ударила его ногой в пах. Он остановился. Я пыталась дышать, но меня снова вырвало. Затем я взглянула на цепь, которую держала в руке; я смотрела, как он корчится от боли и хрипит. Я швырнула цепочку с распятием в него и попала в подбородок. Цепь и крест упали на пол. Я никогда больше не носила распятие. Я ни разу не была в церкви. Мама заколотила дверь спальни. Я уехала из дома в Нью-Йорк.

— Звучит знакомо?

— Да.

Она закрыла глаза. Подумала: «Наконец-то», ненавидя себя за то, что ей не хватало духу рассказать ему об этом самой. Или дело было не только в этом?

Майкл взял в руки еще какой-то документ.

— Полицейский протокол. Тоже 1966 года. Здесь описывается попытка самоубийства, вскоре после твоего столкновения с отцом. Ты пыталась перерезать себе вены. Неудачно. Ты никогда не говорила мне об этом.

— Я все бы рассказала тебе со временем.

— Но не раньше, чем он умер.

— Да.

— Ты могла бы рассказать мне на прошлой неделе. Он был уже мертв.

— Да, я знаю.

Майкл подошел, взял с подноса кусок хлеба и присел на край кровати.

— Семь лет назад ты пыталась убить себя из-за чувства вины, ненависти, одиночества, подавленности. Затем, после смерти Карен, пыталась снова, чувствуя

себя виноватой, что была частью этого любовного треугольника.

Элисон ничего не ответила, лишь наклонила голову.

— Как насчет кошмаров? — спросил он.

— Кошмаров?

Майкл взял еще один документ и зачитал:

— «Меня мучают ужасные кошмары». — Он взглянул на нее, ища подтверждения.

Элисон снова кивнула и сказала:

— Да.

— Ты признаешь, что та ночь снилась тебе в кошмарах?

— Да.

— Часто?

— Да.

— И это может повториться?

— Возможно.

— Что и случилось дождливой ночью на прошлой неделе.

— Нет! Нет! Нет!

— Ты не допускаешь такую возможность?

— Нет.

— Ты говоришь, не думая.

— В этом нет необходимости. Я была там. Я в состоянии отличить явь от сна.

— Но...

— Нет!

Он поднял руку.

— Ну хорошо, хорошо. Позволь мне продолжить. Ты бежала от него, он тебя поймал, как и много лет назад, и ты заколола его ножом, который взяла с собой.

— Правильно.

— Но там не обнаружили ни крови, ни тела. К тому же довольно сложно заколоть ножом человека, который умер три недели назад.

— Сложно, не сложно, но я это сделала.

Майкл помолчал, обдумывая ее слова, и возразил:

— Полицейские обыскали квартиру, точнее, весь дом, и не нашли ничего, никаких следов борьбы.

— Здание проверял Гатц!

— Там были и другие. Гатц бы один не справился.

— Разве?

— Уж чего-чего, а прятать свидетельства преступления, в котором замешан я, Гатц не будет.

— От него можно ожидать, что угодно, он способен на все.

— До известных пределов.

Элисон судорожно закашлялась и вытерла рот левой рукой, в правой продолжая держать распятие. Оно придавало ей силы.

— Позволь задать тебе один вопрос,— начала она.

— Задавай,— осторожно ответил Майкл.

— Официально установлено, что в том доме никто, кроме меня и старого священника, не живет. Так?

— Так.

— Тогда кто такой Чарльз Чейзен и откуда он взялся?

— Не знаю. Я его не видел. Никто его не видел.

— А все остальные?

— Могу повторить то же самое. Вполне вероятно, тебе кажется, что ты видела лесбиянок, потому что те две женщины в постели ласкали друг друга.

— Чепуха.

— Я...

— Ты видел на лестнице кошку, в точности соответствующую моему описанию.

— Я видел какую-то кошку, вовсе не обязательно, что именно эту.

— А фотография, Майкл! Фотография! Ее-то ты видел! Портрет Чейзена в маленькой золотой рамке!

Он покусал ногти.

— Это единственное, чему я не могу найти объяснения.

— Единственное, что ставит под сомнение твоё убеждение, что у меня не все дома?

— Возможно. Но фотография могла находиться в квартире и раньше, а в твоём утомленном мозгу родился образ этого человечка.

— Ну и кто из нас изобретает сомнительные версии и пытается игнорировать совпадения? — Ему ни за что не убедить ее с помощью своих хитроумных гипотез. Это был его излюбленный трюк, надо сказать, довольно успешный обычно. Особенно хорошо он проходил с людьми, легко поддающимися внушению. Но она будет стоять на своем, чего бы ей это ни стоило. Чейзен,

Кларк, Клоткины и все остальные существуют, она видела их. И там, где произошло убийство, в ту ночь был ее отец. От одной этой мысли Элисон задрожала и начала читать про себя молитву.

— Так мы ни к чему не придем,— сказал Майкл.

— Отчего же? Надо только попытаться найти ответ на два вопроса.

— И что это за вопросы?

— Чейзен и прочие существуют. Где они? Имеют ли они какое-то отношение к тому, что произошло той ночью?

— Не знаю. Я ничего не знаю. Но я беспокоюсь за тебя.— Майкл подался вперед и обнял ее.— Меня не волнуют ни Гатц, ни твой отец, ни кто-либо другой. Только ты и твоё здоровье.

Элисон обвила руками его шею. Цепочка распятия лежала у него на плече. Элисон взглянула на фигурку Христа и крепко зажмурилась.

— Ты больше не вернешься туда,— сказал он,— с этим покончено.

— Разве, Майкл? — Отстранившись, она враждебно взглянула на него.

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

Она рассмеялась.

— В чем дело? — спросил Майкл.

— Порой ты бываешь очень наивным,— ответила она и снова засмеялась.

— Почему?

— Потому что ничего еще не кончилось.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. Подобные вещи не кончаются никогда.

Элисон уже час находилась в одиночестве. Слава Богу Майклу пришлось вернуться в свою контору, чтобы закончить составление апелляции. Она более не была в состоянии выслушивать его рассуждения и логические объяснения всему на свете. Все же вместо того, чтобы заставить себя думать о чем-нибудь другом, Элисон размышляла. О всей своей жизни, о последних двух не-

делях. Она читала записи психиатров и полицейские отчеты, погружившись в воспоминания. Она начала формулировать свои собственные логические объяснения и проводить напрашивающиеся параллели между событиями.

И наконец, уже доведя себя до состояния полного изнеможения, она порыскала в картотечном ящике в шкафу в коридоре, извлекла оттуда старую газетную вырезку и положила ее на стол в гостиной. Включила настольную лампу и принялась читать.

ОСНОВНОЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ — МУЖ УБИТОЙ

Шеф полиции Морис Лазерман заявил сегодня, что полиция разработала альтернативную версию дела Карен Фармер. В первичном заключении причиной смерти двадцатилетней представительницы высшего света было названо самоубийство. Тем не менее, по словам шефа полиции, вполне возможно, что Карен Фармер не покончила с собой в ночь на двадцать второе марта, а явилась жертвой тщательно продуманного изолированного убийства.

«Хотя вначале мы пришли к выводу, что здесь налицо самоубийство,— сказал Лазерман,— недавно обнаруженные факты и противоречивые показания свидетелей заставили нас изменить мнение и принять во внимание возможность убийства».

Капитан полиции Томас Гатц, непосредственно ведущий расследование, подтвердил заявление своего начальника, но отказался пояснить свои слова о том, что муж убитой — юрист Майкл Фармер — главный подозреваемый. Любопытно, что Лазерман в более раннем выступлении допустил возможность того, что Фармер имеет отношение к смерти жены. Как показало последующее расследование, он находился в любовной связи с другой женщиной — фотомodelью Элисон Паркер, и, судя по всему, мисс Паркер не подозревала о том, что Фармер женат.

Было также установлено, что за две недели до так называемого самоубийства Майкл Фармер попросил у жены развода. Согласно показаниям их общих друзей, миссис Фармер в ответ рассмеялась и заявила, что ни-

когда не даст ему развода и ему, чтобы от нее избавиться, остается лишь убить ее.

У мистера Фармера вначале было железное алиби, но в нем обнаружились некоторые изъяны, по крайней мере так считает детектив Гатц. Он сказал также, что любовница Фармера Элисон Паркер, которая находилась в отъезде, полностью свободна от подозрений.

Майкл Фармер — адвокат. До того как заняться частной практикой, он был в течение нескольких лет всеми уважаемым сотрудником прокуратуры Манхэттена. Небезынтересны отношения между детективом Гатцем и мистером Фармером. Фармер заявил, что между ними существует давняя вражда — со времени его работы в окружной прокуратуре, и что детектив мстит ему. До сих пор ни одно из этих обвинений не подкреплено доказательствами.

Шеф полиции Лазерман и детектив Гатц обещали, что через несколько дней будут сделаны новые заявления по этому делу. Какова будет суть этих заявлений, остается неясным, ибо точки зрения двух полицейских чинов не совпадают.

Элисон еще раз перечитала статью, затем сложила вырезку вдвое и спрятала обратно в шкаф.

15

Кабинет был крошечным, с зарешеченным окном и доской объявлений на стене. Рядом стоял старый обшарпанный письменный стол. Кроме телефона на краю стола, готового в любой момент свалиться, старого сломанного стула и вешалки для одежды, ничего примечательного в комнате не было.

— Дальше, — велел Гатц. Он сидел за столом, не отрывая взгляда от экрана, на котором сменялись слайды. Из рта у него свисала неизменная сигара. — Дальше.

В руках он держал длинный проволочный крюк, который отломал от вешалки у входа. Гатц поднес его к стоявшей на столе раскрытой мышеловке и ловко выхватил оттуда кусочек сыра, так, что ее челюсти не успе-

ли защелкнуться. Снял сыр с крючка, положил его обратно и подготовил мышеловку к очередной попытке.

— Вернитесь к фотографии гостиниой,— он щелкнул пальцами.

На экране появилось изображение.

— Нет, перед этим. Вот оно! — Гатц взял список и просмотрел его.— И то, что перед этим,— сказал он, листая страницы.

Слайды сменяли один другой.

— Как, по-вашему, похоже на то, что в этих комнатах кто-то живет?

Человек, стоявший у проектора, обернулся.

— Нет,— ответил он уверенно.

— Интересно,— бормотал Гатц,— в доме развал и запустение, но все-таки во всем этом что-то есть.— Он порылся в своих записях.— Увеличьте этот снимок.

При ближайшем рассмотрении ничего нового не обнаружилось. Гатц, развалившись на стуле, размышлял, покручивая проволоочный крюк между пальцами. Затем открыл лежащую на столе папку и достал протокол. Быстро просмотрел его, так как уже раньше ознакомился с ним в деталях. Взглянул на человека у проектора, который молча сидел, ожидая дальнейших указаний.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Хоган.

— Давно служите?

— Год.

Гатц испытующе смотрел на него.

— Когда я поступал в полицию, нам не позволяли носить усы и длинные волосы.

Хоган непроизвольно пощупал пышную растительность у себя под носом.

Гатц пожевал сигару.

— Ночью в участок доставили женщину, которая заявила, что убила своего отца после того, как обнаружила его в кровати с двумя голыми женщинами, и он пытался задушить ее. Все это якобы произошло в одной из квартир дома, где она проживает. Но там не оказалось никаких следов борьбы. Никакого трупa. И нам известно, что к моменту означенного «убийства» отец этой женщины уже три недели как скончался. Нам также известно, что у нее есть склонность к самоубийству, она дважды пыталась покончить с собой.— Гатц взял

со стола протокол.— И мы выяснили, что семь лет назад эта женщина застала своего отца в спальне с двумя женщинами — аналогичная ситуация — и он пытался задушить ее.

Хоган увлеченно слушал.

— Что же произошло на самом деле — вот в чем вопрос.

Гатц приподнял бровь, ожидая ответа.

— Может, это был сон или галлюцинация?

Гатц кивнул.

— Или она зарезала кого-то другого, приняв его за отца. Возможно, это было подстроено.

— Возможно.

Хоган в раздумье потер рукой лоб.

Гатц улыбнулся.

— Или она выдумала всю эту историю по каким-то неизвестным нам причинам.

— Да.

— Может быть... — мрачно произнес Гатц, качая головой.

Несколько минут в комнате царила тишина. Гатц изучал протоколы и свои записи, время от времени поглядывая на увеличенный вид гостиной квартиры 4-А.

— Черт с ним совсем! — наконец заявил он, швыряя документы на стол. — Хватит. Я позову вас, если понадобится.

— Оставить аппарат здесь?

— Да.

Хоган кивнул и вышел.

Гатц откинулся на спинку стула и курил, задумчиво покачивая головой.

В дверь постучали.

— Кто там еще? — недовольно спросил он.

— Риццо, — ответил глубокий баритон.

— Входи.

Дверь растворилась, вошел детектив, держа в руках несколько листов бумаги и фотоснимок. Он прикрыл дверь и встал по стойке «смирно».

— Ну? — буркнул Гатц.

Риццо сделал шаг вперед и протянул Гатцу бумаги и фото. Затем снова отступил назад, приглаживая свою редеющую черную шевелюру.

— Значит, на Чейзена ничего нет? — спросил Гатц, просматривая бумаги.

— Абсолютно.

Гатц вернул Риццо документы, но фотографию оставил.

— Ты искал эту физиономию в архивах?

— Да. Но там тоже ничего нет. Я даже подверг анализу саму бумагу, пытаюсь установить ее происхождение, но это ничего не дало.

— Черт! А как с остальными?

— То же самое. Ничего.

Он помолчал и добавил:

— Тело папаши было эксгумировано.

— И?

— Разлагается, как и положено труп.

— Вы побеседовали с агентом по сдаче квартир?

— Пытаемся разыскать ее.

— Плохо пытаетесь.— Гатц недовольно поморщился.— А что говорит домовладелец?

— Он подтверждает, что в течение трех лет никто, кроме священника и мисс Паркер, там не жил. Чем больше я этим занимаюсь, тем больше убеждаюсь, что у девчонки просто крыша поехала. Никого в том доме не было. И, возможно, никого там не убивали.

— Я не уверен.

— Почему?

Гатц покачал головой и взглянул на своего помощника.

— Почему? — повторил он.— Что-то здесь воняет, вот почему. Все за то, что у девчонки не все дома, это-то мне и не нравится. Тем более что в деле замешан Фармер. Здесь кроется что-то еще. Может, под всей этой навозной кучей есть потайной лаз. Мой нос говорит мне: что-то здесь не так. И как я уже тысячу раз повторял, мой нос никогда не ошибается!

— Но в чем заключается преступление, даже если все, о чем она говорит, произошло на самом деле?

— Не знаю, Риццо. Для начала мы поиграем в сыщиков и раздобудем факты. Затем, возможно, разберемся и с преступлением. Ты согласен?

Риццо неуверенно кивнул.

— Ты слишком нетерпелив, — сказал Гатц, — слишком быстро опускаешь руки. Чутьочку терпения!

— Да, сэр.

— Два с половиной года я ждал удобного случая уцепиться за Фармера. Все жилы он из меня вытянул! Вот что значит настоящее терпение. Без этого ты на всю жизнь останешься детективом третьего класса.

Риццо переминался с ноги на ногу, выслушивая наравоучения шефа. Гатц взял портрет Чейзена и принялся разглядывать его.

— Глупый вид у этого старого хрена, а?

— Да, сэр,— согласился Риццо.

— Похоже, он здорово наакался перед тем, как фотографироваться.

Риццо кивнул. Он пошуршал бумагами, достал из кармана еще одну и протянул Гатцу.

— Здесь список имен, который составила для нас Дженнифер Лирсон.

Гатц взял его, быстро пробежал глазами и вернул Риццо.

— Что-нибудь есть?

— Нет. Никаких данных. Никого, кто мог бы что-нибудь иметь против девчонки Фармера.

— Далеко не убирай. Список может понадобиться.

— Сэр...

— Да?

— Может, снова вызвать Паркер и Фармера на допрос? Может, выплывут какие-нибудь несоответствия, если как следует надавить на них...

— Пустая трата времени. Не стоит. Пока не найдено тело, у нас нет ничего. Обшарь дом сверху донизу, еще раз опросите жителей соседних домов.

— Да, сэр.

— И ты должен набраться терпения.

— Да, сэр.

— И раздобыть мне факты.

Риццо бочком протиснулся в дверь и тихонько прикрыл ее за собой. Гатц довольно хмыкнул: приятно быть начальником. Он подвинул к себе телефон и набрал номер.

— Ричардсон, принеси мне папки с делом Карен Фармер, а также протоколы с последнего заседания суда, на котором выступал Фармер. Два дня назад...

Он положил трубку. Взял проволоку и еще раз хватил сыр из мышеловки.

Крутил кусочек сыра в руках и размышлял. Главное — найти труп. Нет трупа — нет дела.

16

Лестница была знакомой. Крутая, покосившаяся, расшатанная. Сегодня почему-то она казалась еще более ненадежной, чем в тот день, когда Элисон впервые поднималась в контору по сдаче квартир. Возможно, конечно, это чисто нервно: Элисон с каким-то ужасом ожидала предстоящей стычки с мисс Логан. Накануне она решила, что пора бы той дать ответ на некоторые вопросы, и раз она не подходит к телефону в конторе, а адреса ее невозможно отыскать ни в одной телефонной книге, придется отправиться туда самой.

Несколько минут Элисон простояла, задрав голову наверх. Затем потерла густой слой грима, скрывавшего ее бледность, и поднялась по лестнице. Подергала дверь кабинета мисс Логан. Та оказалась незапертой, и Элисон вошла внутрь. Все здесь оставалось таким же, как она запомнила, но ни мисс Логан, ни кого-либо другого в комнате не оказалось. Судя по слою пыли на столе, здесь никого не было уже несколько дней. Странно. Непохоже было, чтобы мисс Логан могла оставить дверь незапертой, а комнату — неубранной. А что случилось со знаменитой компаньонкой? Если она вообще существует. Теперь Элисон не была уверена в этом. Серьезные сомнения обуревали ее и по поводу прочих заявлений старой девы.

Календарь на столе был раскрыт на дате десятидневной давности, последняя запись в ежедневнике была помечена этим же числом. Совпадение? Как раз десять дней прошло со дня ее веселенькой прогулки посреди ночи в квартиру 4-А. Элисон пошарила среди бумаг на столе, но не нашла ничего, заслуживающего внимания, кроме листка с номером телефона, рядом с которым было написано: «Джоан Логан». Она набрала номер, но в трубке раздался механический голос: «Телефон отключен». Элисон швырнула трубку и потерла постоянно теперь болевшие глаза, еще раз огляделась, вышла и начала нерешительно спускаться по лестнице.

Выйдя на улицу, она заметила рядом вход в цветочный магазин. Подошла и заглянула в окно. Пожилая женщина в платье в горошек улыбнулась ей. Элисон вошла.

— Чем могу вам помочь? — спросила женщина.

Элисон взглянула на витрину в глубине магазина.

— Я хотела бы купить розу.

— Красную?

— Да.

— У меня есть великолепные розы, только что получила, — гордо произнесла женщина. Повернулась и достала из шкафа розу на длинном стебле. — Одну минутку.

Элисон, прислонившись к стене, наблюдала, как она выбирает зеленые ветки, чтобы добавить их к цветку.

— Вы знаете агентов по сдаче квартир, их контора по соседству с вами? — спросила она как бы между прочим.

Женщина подняла глаза:

— Мисс Логан?

Элисон кивнула.

— Не очень хорошо. Она заходит довольно часто, чтобы купить цветов для конторы. — Женщина подозрительно сощурилась. — А в чем дело?

— Просто интересуюсь. Я их клиент. Пыталась отыскать мисс Логан, но, похоже, она уехала из города.

— Понятия не имею, — сказала женщина. — Нет, подождите. Я не видела ее, наверное, с неделю, а то и больше. — Она отрезала от рулона кусок зеленой упаковочной бумаги.

— Ее компаньонки тоже нет.

— Компаньонки? Впервые о ней слышу!

Элисон подняла брови.

— Мисс Логан говорила мне о ней, я точно помню.

Цветочница пожала плечами.

— Вполне возможно. Но я ни разу — за те два года, что я здесь, не видела мисс Логан с кем-либо еще.

— Вы случайно не знаете, где она живет?

Женщина покачала головой, заворачивая розу в бумагу.

— Вот, пожалуйста. — Она протянула Элисон цветок.

— Сколько с меня?

— Пятьдесят центов.

Элисон положила деньги на стол и взяла розу. Женщина протянула ей гвоздику. Элисон с удивлением взглянула на нее.

— Приколите себе на лацкан, — сказала та. — Я вижу, вы не очень хорошо себя чувствуете. Это поможет.

Элисон пощупала щеки, затем посмотрела на свои пальцы. На подушечках остались следы румян. Она слабо улыбнулась, взяла гвоздику и обернулась.

— Спасибо.

Выйдя на улицу, она бросила взгляд в сторону агентства, поймала такси и уехала.

Майкл не соглашался:

— Еда абсолютно нормальная!

Он положил две таблетки аспирина на стол рядом с графином, в котором стояли роза на длинном стебле и белая гвоздика.

Протест. Она ожидала его в той или иной форме. С того момента, как они встретились в ресторане, Майкл еще ни разу не возразил ей. Элисон не могла не замечать его искренних усилий быть предупредительным и жизнерадостным, но она знала, что рано или поздно он сорвется и спровоцирует ссору. Так он вел себя с самого своего возвращения из Албании — или откуда там... И напряжение между ними ничуть не убывало, по правде говоря, оно лишь нарастало с того момента, как Элисон выписалась из госпиталя.

— Еда была безвкусной! — упрямо повторила Элисон. Ему не удастся заставить ее защищаться. Едва войдя в ресторан, она сообщила, что с мисс Логан что-то случилось, и после этого была агрессивно-равнодушна ко всему. И даже его напряженное молчание не могло поколебать ее.

Еда кажется ей безвкусной? Майкл ничуть не был удивлен. К длинному списку добавился еще один симптом. Он перечислил их про себя. Головная боль. Тошнота. Головокружение. Потеря равновесия. Резь в глазах. Ухудшение слуха (на это она жаловалась накануне). Обмороки. И вот теперь — потеря вкусовых ощущений. Казалось, список будет продолжаться бесконечно. Майкл уже свыкся с тем, что она становится все более нервной. Перенесенный ею шок не мог пройти бесследно. Он, как и ее лечащий врач, ожидал и ухудшения физического

состояния. Но как ни странно, доктора, подвергнув Элисон целому ряду утомительных обследований, никаких серьезных отклонений в ее нервной системе не нашли. Их диагноз гласил: психосоматическое заболевание. Майкл не мог с ними спорить, да и не хотел. Но с другой стороны...

Элисон протянула руку, взяла таблетки и проглотила их с не свойственной ей решительностью. Одним махом. Без воды. Поморщившись, она снова взглянула на него.

— Ты доволен? — спросила она, имея в виду аспирин.

— Да, — ответил Майкл. И аспирином, и ужином тоже. Он предложил сходить в ресторан днем, когда позвонил, чтобы задать некоторые вопросы относительно финансовых дел ее отца. Он как раз получил завещание и некоторые другие официальные бумаги и раз он собирался представлять ее финансовые интересы — в случае если ни одна из заинтересованных сторон не воспротивится, необходимо было предварительно выяснить некоторые вопросы. Как и следовало ожидать, она вышла из себя при одном лишь упоминании об этих документах, и Майклу пришлось отложить дальнейшие расспросы. Но главная цель звонка заключалась в том, чтобы вытащить ее из квартиры. Ужин и прогулка не повредят, а, возможно, и пойдут на пользу, рассудил он, в отличие от кучи таблеток, которые она принимала. Как бы то ни было, вечер, проведенный вне дома, хоть немного смягчит депрессию, которая начинала столь же серьезно беспокоить Майкла, как и ее физическая слабость. Она погрязала в жалости к себе, и в конце концов это стало раздражать его. Необходимо было покончить с ее депрессией, особенно если диагноз «психосоматическое заболевание» верен.

Уютный ресторан казался ему наиболее подходящим местом для начала действий.

— Все это чепуха, — заявил он своим обычным, не терпящим возражений тоном.

— Что именно?

— Эти твои странные недуги. — Слово «недуг» выглядело более подходящим, нежели «болезнь». Под ним подразумевалось нечто таинственное и неопределенное.

— Неужели? — в голосе ее звучало раздражение.

— Да.

— Почему же?

— Да потому, что все они воображаемые! Ты же не глупый, грамотный человек, зачем тебе это надо? Ты принимаешь сильнейшие транквилизаторы и болеутоляющие таблетки, которые могут иметь самые непредсказуемые побочные эффекты. И плюс ко всему ты физически ослаблена, что может усугубить любой из этих побочных эффектов. Ты переохладилась, у тебя переутомленный и слишком впечатлительный ум. К этому я ничего не могу добавить.— Что ж, довольно интересный поворот, и с логикой все в порядке, но почему-то он сам не верил себе.

— Психосоматические иллюзии не относятся к числу моих пристрастий.

— Элисон,— строго предупредил он,— если ты не станешь бороться, у тебя всегда будет болеть голова, тебя всегда будет тошнить. В конце концов ты можешь просто умереть!

— Аминь.

Он прикоснулся к ее крепко сжатому кулаку.

— Хоть на пять минут можешь ты оставить это чертово распятие в покое? Элисон! — Майкл потянул за цепочку, но она не пускала ее.— Элисон! — рассердился он.— Ее пальцы соскользнули с креста, и Майкл засунул распятие ей под блузку.

Она сидела прямо, сжав губы, глядя перед собой широко раскрытыми немигающими глазами. Майкл не в силах был больше скрывать разочарование. Прошло десять дней с событий в особняке, с событий, которые он не в состоянии ни понять, ни объяснить. Это так, как бы он ни старался успокоить ее. Тем не менее в его мыслительных способностях она была уверена больше, чем в своих собственных.

Элисон было не по себе. Точно сказать, почему, она не могла. Конечно, перенесенный ею шок имел к этому отношение: она теперь находилась в состоянии постоянного напряжения. Но было и нечто другое. Что-то изменилось. Может, всему виной появление Гатца, воскресившего прошлое, а с ним — образ Карен Фармер. Может быть, а может быть, и нет.

— Пойдем прогуляемся,— нарушил молчание Майкл.— Это пойдет тебе на пользу.

Элисон зевнула, подождала, пока он заплатит по счету и, не проронив ни слова, вышла вслед за ним на улицу.

— Еда была восхитительной,— сочла она нужным заметить, словно забыв о том, что говорила до того.

Майкл нашел это довольно забавным, но смеяться не стал.

Вечер был ясным и холодным. Они прошли квартал, завернули и через несколько минут достигли Таймс-Сквера. Несмотря на то что у Элисон все еще болела голова, она решила смириться с попытками Майкла завлечь ее и покорно следовала за ним сквозь ряды салонов и магазинчиков. Затем они покинули пассаж и бесцельно бродили по улочкам, время от времени останавливаясь прочесть афиши и светящуюся рекламу на стенах темных театров.

За несколько минут до полуночи Майкл остановился у входа в музей восковых фигур и заговорил с сидевшим в будочке у входа карликом.

— Зайдем,— предложил он.

Элисон нахмурилась и с отвращением отвернулась.

— Ну же,— подбадривал он.

— Не будь смешным.

— Там интересно.

Элисон бросила взгляд на свои наручные часы и поднесла их к его носу.

— Уже почти полночь. Я устала.

Майкл посмотрел на будку у входа, ища поддержки.

— Для леди — билет за полцены,— сказал карлик. Колокольчики на его разрисованной шапочке зазвенели в ночи. Он поднялся со стула и манил Элисон своими коротенькими ручками.

Она пригляделась к нему. Карлик смутно напоминал ей кого-то. Уродливое создание, которому лучше бы оставаться в прошлом. Она так и слышала, как он произносит: тц-тц-тц. День рождения. Джезель. Чейзен. Клоткины. Музейный карлик прекрасно вписался бы в эту компанию. Неужели мир для нее превратится в серию сменяющих друг друга образов той ночи? И даже самые обыденные события станут частью гениального плана, задуманного, чтобы свести ее с ума? Она взглянула на Майкла. В его глазах светилось неукротимое упрямство Чарльза Чейзена. Видно было, что он ни за

что не отступится: они вместе пойдут в музей. Элисон передернуло.

— В чем дело? — спросил Майкл.

— Я должна объяснять элементарные вещи?

— Если хочешь, — улыбнулся он.

— Десять дней назад я пережила кошмар. С тех пор плохо себя чувствую. И сейчас я плохо себя чувствую. Я не хочу, чтобы мне стало еще хуже. И трудно придумать более неподходящее средство для поправки здоровья, чем прогулка по этой омерзительной выставке человеческих пороков.

— Ты развеешься.

Элисон метнула в него гневный взгляд.

— Да что ты! В самом деле?

— Да. В самом деле.

— Майкл, ты не представляешь...

Тихонько кашлянув, Майкл перебил ее.

— Ты что, собираешься избегать темноты до конца своих дней? Жить, боясь чудовищ, притаившихся за каждым углом? — Он замолчал, губы его дрогнули. — Я не позволю тебе этого! Я намерен вернуть тебя в нормальное состояние. Я сказал тебе уже об этом в ресторане, и так оно и будет!

— Да-да, — неожиданно пропищал карлик.

Элисон подняла на Майкла глаза и кивнула. Он положил деньги в протянутую руку человечка, получил взамен два билета и, взяв Элисон за руку, повел ее через дверь вниз, по устланной ковром лестнице.

Вход в музей озаряли красные лампы. Под ними располагался план выставок. Дальше — темнота.

Они вошли внутрь.

Музей являл собой переплетение коридоров, небольших залов и закутков, каждый из которых был посвящен определенной теме. В залах царил полумрак, на экспонаты падали косые лучи света. Эффект получался потрясающий: фигуры казались живыми.

Бывала ли она здесь? Что-то подобное Элисон припоминала. Но это было очень давно. Наверное, когда она только приехала в Нью-Йорк. Этим, возможно, и объясняется охватившее ее чувство, будто все здесь знакомо, словно она идет сквозь повторившийся сон.

Она прислушивалась к звуку их одиноких шагов в бесконечной тишине. Наблюдала за тем, как постепен-

но они погружаются в сумрак. Неторопливо шагая, они вторгались в мир воображения.

У каждого экспоната Майкл останавливался, чтобы прочесть пояснения. Элисон слушала молча, никак не реагируя.

Затем вдруг услышала, что он смеется.

— Напоминает Гатца, — сообщил Майкл.

Она подняла глаза. Безобразный кавказец возвышался над ней с безумной улыбкой на устах.

— Как приятно лишний раз вспомнить о нем, — сказала Элисон. — Меня всегда потрясало то, как здорово ты умеешь сопрягать тему с местом и временем. Будь мы в булочной, ты принялся бы обсуждать освобождение Аусвица.

— Перестань изощряться в остроумии. — Майкл двинулся дальше, внимательно читая таблички. Достигнув конца коридора, они вернулись в центр музея и углубились в другой зал, посвященный методам пыток.

— Славные игрушки, — заметил Майкл.

— По-моему, отвратительны.

— Это история.

— Я не желаю смотреть на эту гадость.

— Элисон...

— Хватит семантики и риторики, Майкл, — оборвала его она. — Я хочу уйти.

Пожав плечами, он повел ее к выходу по темному коридору. Пройдя сквозь центральный зал, они углубились в следующий. Элисон подняла глаза и прочла: «Знаменитые убийцы и их жертвы». Она взорвалась:

— Чего ты ждешь от меня, Майкл? Крови?

Он ничего не ответил.

Она могла бы много чего наговорить сейчас, но все было бы без толку. Лучше не спорить, закрыть глаза и идти. И пусть делает, что хочет. Дура она, что позволила завести себя в этот музей. Надо было поймать такси, поехать домой и забраться скорей в постель.

Собрание фигур было типичным: Джек-Потрошитель, Лиззи Борден, Бостонский душитель и прочие губители невинных душ.

Майкл шел не спеша, Элисон брела за ним, склонив голову, изредка исподлобья взглядывая на экспонаты. В любой момент она готова была услышать пронзительный визг Джезель и ощутить под ногой округлое мох-

натое тельце. Краешком глава она следила, не появится ли где ее отец, или Чейзен, или другое какое создание ее кошмара. Дурацкие страхи? Возможно. Элисон завернула за угол. Над ней нависала женская фигура.

Она истошно завопила. Майкл взглянул на высокую фигуру. Пожал плечами. Очередная убийца, ну и что? Вовсе даже не страшная. Так, старушенция с топором.

— В чем дело? — Он обнял Элисон за плечи.

Она стояла в оцепенении, не в силах двинуться с места, тело ее била дрожь, взгляд был прикован к фигуре. Табличка под стеклом гласила:

МИССИС АННА КЛАРК, УБИЙЦА, КАЗНЕ-
НА НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ В ТЮРЬМЕ
СИНГ-СИНГ В ОССИНИНГЕ, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК,
27 МАРТА 1948 ГОДА. ЗАРУБИЛА ТОПОРОМ
СВОЕГО ЛЮБОВНИКА И ЕГО ЖЕНУ. КАК
ПРЕДПОЛАГАЛИ, ЕЕ ЛЮБОВНИК СТЭНТОН
РИДЖЕР НАОТРЕЗ ОТКАЗАЛСЯ ОСТАВИТЬ
ЖЕНУ, С КОТОРОЙ ПРОЖИЛ ДЕСЯТЬ ЛЕТ.
МИССИС КЛАРК ОТОМСТИЛА. ПОЛИЦИЯ НА-
ЗВАЛА ЭТО УБИЙСТВО САМЫМ ЖУТКИМ И
ЗВЕРСКИМ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ШТАТА. СУП-
РУЖЕСКАЯ ЧЕТА БЫЛА ЗАРУБЛЕНА В КРО-
ВАТИ ВО ВРЕМЯ ПОЛОВОГО СНОШЕНИЯ.

Миссис Кларк, приятельница Чарльза Чейзена, ее исчезнувшая соседка, канувшая в небытие несколько дней назад, уже двадцать пять лет как мертва! Убийца! Элисон вырвалась из объятий Майкла и бросилась в темноту, снова спасаясь бегством, не разбирая пути, мечась по коридорам, истерически голоса.

Когда она появилась, наконец, в центральном зале, Майкл схватил ее.

— Элисон! — кричал он. Глаза ее закатились. — В чем дело?

Она закашлялась и ее вырвало. Он стоял, не зная, что предпринять, и держал ее за плечи. Губы ее посинели, на лбу выступил холодный пот. Майкл достал носовой платок и принялся утирать рвоту.

— Не трогай меня! — визжала она.

Он поморщился от запаха.

— Но... — бормотал он.

— Убирайся! — закричала она снова, судорожно пытаясь вырваться из его рук.

В отчаянии он отвесил ей звонкую пощечину. Потом еще одну.

В темноте отворилась маленькая дверца, и из нее выступил приземистый человечек в форме с фонарем в руке. Служитель музея.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Пересек зал и, заметив рвоту на полу, воскликнул:

— О, господи!

— Ничего страшного, — сказал Майкл. — Моя подруга просто испугалась.

— Давайте отведем ее в мою комнату.

— Правильно. — Он обернулся к Элисон.

— Нет-нет, — быстро проговорила та. — Все будет в порядке. Она высвободила руки и принялась приводить себя в порядок.

Служитель осторожно спросил:

— Вам точно лучше?

— Да, я уже почти пришла в себя. Не могли бы вы принести мне какую-нибудь влажную тряпку — вытереть лицо?

Человечек засуетился и скрылся за дверью. Через несколько секунд он возвратился с мокрым полотенцем.

— Вы уверены, что все в порядке? Может, посидите у меня в комнате, а я вызову врача?

Элисон схватилась руками за колонну, чтобы не упасть.

— В этом нет необходимости, — проговорила она, вытирая лицо.

Майкл стоял в некотором отдалении, весь мокрый, не зная, что сказать, как поступить.

— Уйдем отсюда, — наконец, предложил он.

Элисон кивнула и пошла вслед за ним вверх по лестнице, вон из музея. На улице он взял ее за плечи и повернул лицом к себе.

— Что там случилось? — спросил он.

Она не отвечала.

Майкл попытался взять ее за подбородок, но она вывернулась и прислонилась к кирпичной стене.

— Элисон, ты должна рассказать мне, что там произошло.

Она порывисто обернулась.

— Какого черта ты спрашиваешь, если...

Нет, сейчас не время для обвинений, хотя, она знала, ему небезразличны ее мысли. Потом.

— Там была скульптура старухи,— произнесла она.— Она была на дне рождения Дездемоне.— Вот почему ей казалось, будто она видела «миссис Кларк» прежде.

— Я должен был догадаться,— сказал Майкл.— Наши мысли снова в том доме.

«Как он мог?» — не переставала спрашивать себя Элисон. Неужели она могла так ошибаться? Во всем? Она подняла глаза и резко заявила, сжимая в пальцах распятие:

— Что я должна делать, черт побери? Что говорить? Что ничего не произошло и я никогда не видела той женщины? Хорошо, я скажу: ничего не произошло, и я никогда не видела той женщины. Но я лгу. Я сказала это и солгала.

— Эта женщина была казнена двадцать пять лет назад. Ее не могло быть на том дне рождения. Ты что, не понимаешь? — Он помолчал.— Может, кто-то похожий на нее, но...

— Ее представили мне как миссис Анну Кларк.

— Возможно, тезка.

— Перестань! — закричала она.

Он с шумом выдохнул.

— Майкл,— сказала Элисон,— я хочу побыть одна.

— Зачем?

— Просто так. Пожалуйста.

— Я отвезу тебя домой и на время уйду.

— Нет. Я хочу побыть одна.

— Элисон, я не могу позволить тебе этого, особенно после того, что только что случилось.

— Не думаю, что у тебя есть выбор.

Майкл растерялся.

— Элисон,— сказал он.

— Нет. Я еще раз прошу тебя. Я хочу побыть одна. Иди домой. Я хочу взять такси и покататься. Я буду через час. Я просто хочу побыть одна и подумать.

Майкл попытался возразить. Она подошла к краю тротуара и ждала такси, пропуская мимо ушей все его доводы. Наконец машина остановилась, и Элисон забралась на заднее сиденье. Он попытался последовать за ней. Она захлопнула дверь у него перед носом и нажала кнопку.

Разозлившись, он отступил. Такси тронулось с места. — Черт бы ее побрал! — в сердцах крикнул он. Такси завернуло за угол и скрылось из виду.

17

— С вами все в порядке? — Таксист, обернувшись, смотрел на нее сквозь пластиковую перегородку. — Мисс!

Машина свернула на оживленную улицу, и водитель сосредоточил внимание на движении.

— Я мог бы отвезти вас в больницу, — предложил он.

— Ведите машину. Больше от вас ничего не требуется, — произнесла Элисон слабым голосом.

— Что ж, деньги ваши, — заметил он и взглянул в боковое стекло. — Мы проезжаем здесь уже шестой раз.

— Да поезжайте же вы! — взорвалась Элисон.

— Хорошо, мэм, — сказал водитель.

Остановившись на красный свет, он поднял глаза на зеркало заднего вида, чтобы еще раз взглянуть на свою пассажирку, лежавшую на сиденье. Он покачал головой и пожал плечами. Похоже было, что девушка вот-вот умрет. Отсутствующее выражение ее запавших глаз внушало ему ужас.

— Я хочу, чтобы вы ездили по Вест-Сайду, между 41-й и 100-й улицами, — велела она, сев в машину.

Именно этим он и занимался в течение последнего часа. Девушка нездорова, ей нужен врач. В этом нет никакого сомнения. Того гляди испустит дух, скорчившись на заднем сиденье.

Зажегся зеленый свет, такси тронулось с места. Весь этот час она ужасно чувствовала себя. Элисон неподвижно лежала на заднем сиденье, мокрая, как мышь, не в силах посмотреть в окно, не в силах что-либо делать. Она задыхалась. Глаза словно жгло огнем,

голова налилась свинцом. Прерывисто дыша, она безжалостно царапала ногтями кожу головы, то и дело возвращаясь мыслями к Майклу. Он не мог не знать, что там была фигура старухи. Иначе он не настаивал бы так на походе в музей. В таком случае он должен знать, что случилось с Чейзенем, лесбиянками и всеми оставшимися. И что произошло той ночью. Но зачем ему это? Чем больше Элисон размышляла, тем сильнее запутывалась и тем хуже ей становилось.

Она с трудом приподнялась и прижала лицо к стеклу. Ряды зданий сменяли друг друга во тьме. Машина ехала быстро, слишком быстро, чтобы можно было что-либо разобрать.

— К тротуару! — неожиданно закричала она.

— Что? — переспросил водитель.

— К тротуару! Я хочу здесь выйти.

— Здесь?

— Да, остановите машину.

Раздался визг тормозов, такси остановилось.

Водитель окинул взглядом темную улицу и повернулся к ней:

— Неподходящее это место, чтобы выходить здесь, мисс. Бандитский пуэрто-риканский район. Не думаю...

— Сколько с меня? — перебила Элисон.

Таксист покачал головой и взглянул на счетчик.

— Девятнадцать долларов десять центов.

Элисон достала из кошелька двадцать долларов.

— Сдачу оставьте себе.

Рывком открыла дверь машины и шагнула на тротуар перед старым обшарпанным двухэтажным зданием.

Водитель приоткрыл дверь.

— Мисс, вы действительно плохо выглядите, — осторожно начал он. — Почему бы вам не вернуться в машину, а я отвезу вас к доктору, в больницу. — Он помолчал. — Вы слышите меня?

Она все слышала, но ничего не ответила. Терпение его кончилось, он хлопнул дверцей и рванул с места.

Элисон наблюдала, как скрывается в темноте такси, затем опустила глаза на свои дрожащие бескровные руки. Она двинулась вдоль по тротуару, то и дело моргая, словно у нее был нервный тик. По бетонным плитам неся коричневый бумажный пакет, гонимый порывами

ветра с Гудзона. Шелудивая дворняга рылась в мусорном ящике; улица была безлюдна. Предназначенные к сносу, дома зияли пустыми окнами. Повсюду валялась сломанная мебель. Тут и там попадались рытвины. Стены украшали надписи на английском и испанском языках.

Элисон закашлялась и схватилась руками за голову, словно пытаясь унять кружение. Улица расплывалась перед глазами, становясь словно нереальной. Она напряженно щурилась, пытаясь обрести равновесие. Затем повернулась к старому зданию и прочла над входом надпись: **ЦЕРКОВЬ НЕПОРОЧНОГО ЗАЧАТИЯ**. Выбитые в камне крупные буквы полустерлись, их острые очертания округлились. Элисон увидела надпись краешком глаза еще в такси, когда изо всех сил старалась выпрямиться на сиденье — и та поразила ее. И сейчас какая-то необъяснимая сила заставляла ее сделать то, чего она не делала уже много лет. Подобное странное чувство она испытала, когда, повинувшись внутреннему приказу, зашла в отцовскую спальню и забрала распятие.

Войти в храм. Почему-то сейчас эта мысль не вызвала в ней протеста. Элисон поднялась по разбитым ступеням и очутилась во внешнем вестибюле церкви. Справа находилась мраморная чаша со святой водой, над ней — статуя Мадонны.

— О, Пречистая Дева, — бормотала она, устремив глаза вверх. Слова были странными, но произносила она их с восторгом, удивляясь, что за столько лет не позабыла. — О, Святая Дева Мария, заступись за нас грешных, сейчас и в час нашей смерти. Аминь.

Охваченная дрожью, она погрузила руку в святую воду, перекрестилась и вошла в двери церкви.

Пробежав почти весь коридор, Майкл, наконец, отыскал кабинет главного редактора.

— Вы поможете мне? — спросил он, закрывая за собой стеклянную дверь.

— Возможно, — ответил редактор.

Перегнувшись через свой захламленный стол, он включил настольную лампу.

Майкл сел и с наслаждением вытянул ноги. Он устал. Весь последний час он бродил по улицам и размышлял.

— Мне нужна кое-какая информация,— начал он. Достал из кармана десятидолларовую купюру и положил на стол.

Редактор надел очки и с выражением живого интереса посмотрел на деньги.

— О чем? — с любопытством спросил он.

— Три недели назад, в воскресенье, вы напечатали объявление о сдаче квартиры. Я хочу знать, кто поместил его. Сколько раз его публиковали. И мне нужна любая информация о Джоан Логан, агенте по сдаче жилых помещений.

Редактор протянул Майклу блокнот и ручку.

— Укажите адрес.

Майкл улыбнулся; возможно, здесь удастся кое-что разузнать. Он нацарапал адрес и положил блокнот обратно на стол. Редактор взглянул на листок, поднял очки на лоб, подвинул к себе телефон и набрал номер.

В церкви было пусто. Царила гробовая тишина. Кромешную тьму прорезал лишь свет крошечных свечек, горевших на небольших алтарях по обеим сторонам зала.

Элисон неуверенно брела по проходу между скамьями, затем преклонила колени, перекрестилась. Села на скамью, сжимая в руке распятие. Она огляделась. Что теперь? Что она должна делать? И зачем она здесь? В этом чужом месте. В мире, который покинула навсегда. Элисон сложила ладони и склонила голову. Вспомнит ли она слова? «Отче наш, царящий на небесах. Имя Твое священо».— Да, это они. Эти слова она повторяла ребенком миллионы раз. «Придет царствие Твое. Утвердится воля Твоя...» Тьма. Головокружение. Мигрень. Но от слов этих становилось так хорошо.— «...на земле и на небесах».— Элисон собиралась молиться и никакие Майклы ей тут не указ. Она возвращалась. Комната отца. Распятие. Теперь церковь.— «Дай нам хлеб наш насущный».— Она очень долго шла.— «И прости нам прегрешения наши, как мы прощаем врагам нашим».— Ей почти казалось, что ничего плохого и не было вовсе.—

«Не введи нас во искушение, а сохрани нас от всякого зла. Аминь». — Элисон повторила молитву три раза.

Сжимая распятие во влажной руке, она поднялась со скамьи. Мягкий свет пылающих фитильков лился на нее. Она пошарила в кармане и вынула десятицентовик. Монетка была холодной; серебро вобрало в себя прохладу стылого ночного воздуха. Она бросила деньги в ящичек, взяла тоненькую свечку и, плача, поставила ее за упокой души своего отца. Но молиться за него не смогла. А стояла в каком-то оцепенении, уставившись на мерцающие огоньки.

Холодок пробежал у нее по спине, словно где-то распахнулось окно и подул ветер. Она взглянула на свечи; но язычки пламени не отклонились, воздух был неподвижен. Но она что-то ощутила; возможно, так проявлялся подсознательный страх перед грядущим откровением. Кожу ее покалывало иголочками. Тьма вокруг сгушалась. Элисон чувствовала, как та давит на нее. Она не вынесла бы подобного ужаса полнейшей пустоты, будь это где-нибудь еще, не в церкви. Страшась этой пустоты, она, осторожно переступая, побрела к исповедальне.

— Святой отец! — позвала она. Голос ее отражался от сводчатых перекрытий. — Святой отец!

Никакого ответа не последовало. Элисон подошла ближе, слушая, как слышится звук шагов с повисшим в воздухе звенящим эхом ее голоса.

Еще шаг. Снова по спине пробежал холодок. Она должна исповедаться.

— Святой отец.

Нет ответа.

— Отец... отец... отец...

Элисон постояла молча перед исповедальной кабинкой. Отодвинула штору. Внутри было мрачно: затертые дубовые панели, маленькая обтянутая бархатом скамеечка. Встав на колени, она склонила голову, сложила руки и скорбно прошептала:

— Я согрешила, отец мой.

— Когда в последний раз вы были на исповеди, дитя мое?

Элисон вздрогнула, сердце ее бешено заколотилось. Она судорожно глотнула воздух.

— Когда в последний раз вы были на исповеди? — Голос был глубоким и властным.

Элисон буквально задыхалась, не в силах опомниться от внезапного вторжения. Голос шел с другой стороны зарешеченного оконца, оттуда, где должен сидеть священник в отведенное для исповедей время — но не в глухую полночь, в пустынной темной церкви. И когда она звала, он не ответил.

В панике Элисон вцепилась в решетку.

— С вами все в порядке, дитя мое?

Она колебалась:

— Святой отец...

— Да, дитя мое, продолжайте.

Элисон отодвинула штору, готовая в любой момент выскочить из исповедальни.

— Вы священник?

— Конечно, дитя мое, — ласково произнес он. — Продолжайте.

— Я... э... но как...

— Я здесь для того, чтобы выслушать вас. Не бойтесь.

— Я боюсь, отец мой. Очень боюсь!

— Потому я и здесь — потому, что вы боитесь. Я здесь для того, чтобы избавить вас от страхов, выслушав вашу исповедь.

Элисон прижала голову к стене рядом с зарешеченным окошком. Священник ли он? Можно ли ему верить? Она должна поверить. Она должна покаяться и получить отпущение грехов.

Но почему он не отвечал, когда она звала его?

— Я восемь лет не была на исповеди. — Она замолчала.

— Да? — отозвался он.

— Не могу поверить, что так долго. — Голос ее дрогнул. — Зачем я здесь? — выдохнула она.

— Чтобы быть услышанной, — отвечали с той стороны перегородки. — Я здесь, чтобы слушать.

Элисон всхлипнула.

— Я грешна, отец мой. Я восемь лет не была в церкви. Я все отрицала. Я отрицала Христа. Я хочу возвратиться к вере и к нему. — Элисон запнулась. — Я должна рассказать все, что долгие годы таила в себе. — Не в силах продолжать она заплакала.

— Почему вы покинули церковь, дитя мое?

— Почему? — переспросила она, словно не поняв вопроса.

Снова воцарилось молчание, и наконец, глотая слезы, Элисон рассказала священнику о своем детстве, о былой своей преданности Богу, о начале сомнений и отрицаний. О том, каким ужасным человеком был ее отец. О его любовницах и пьянстве. Как он бил ее и мать. Как рушилась семья. И она рассказала о той ночи.

Затем, уронив голову на руки, она зашлась в душасущем приступе кашля.

— Это все, дитя мое? — глухо спросил он.

— Нет, — отрывисто бросила она сквозь решетку.

— Так расскажите мне.

— Отец мой, я совершила прелюбодеяние! Я не знала, что он женат, когда познакомилась с ним.

— Да?

— Я подозревала, но боялась обнаружить, что люблю человека, который поступает по отношению к другой женщине так же, как мой отец поступал с моей матерью. — Она судорожно сглотнула, слюна обожгла горло, словно кипящая лава. — Его жена покончила жизнь самоубийством.

— Правда? — неожиданно спросил священник. — Именно это и произошло?

— Да, — пробормотала Элисон. Почему он сомневается? Он не верит ей? Или знает что-либо, что доказывает обратное? Нет! Это невозможно. — Только после самоубийства Карен Фармер я узнала о ее существовании. — Она снова замолкла в ожидании.

— Что-нибудь еще, дитя мое?

— Еще?

— Да, дитя мое.

— Нет.

— Нет, есть! Расскажите же мне! — Он словно ожидал услышать нечто конкретное.

Элисон затаила дыхание.

— Я пыталась убить себя, — в отчаянии выпалила она скороговоркой, словно надеясь, что слова ее не будут поняты. — Дважды. Первый раз, когда обнаружила отца с двумя женщинами в постели. Второй раз — после смерти Карен. Я виновна, я ношу в себе зло.

— Кроме этого! — Он повысил голос. — Еще! Скажите мне!

Кроме этого? Он не желает больше слушать о самоубийствах? Или он все знает? Но это невозможно!

— Расскажите мне обо всем! — властно велел он.

— Я пребываю в состоянии ужаса. Я совершенно одна. Я больше не могу терпеть боль. — Она заикалась. — Кто-то хочет мне зла.

— Кто хочет вам зла, дитя мое?

— Не знаю, святой отец. Возможно, человек, который, я думала, любит меня. Майкл. — Она подождала ответа; он ничего не сказал. — Я видела людей в доме, где я живу, потом обнаружила, что их на самом деле не существует, и однажды ночью я...

Элисон замолчала. Нет, об этом она не сможет рассказать, даже нуждаясь в прощении.

— Что произошло той ночью?

— Я испугалась шагов и убежала прочь из дома.

— И?

— Я заболела. — Элисон вспомнила больницу. — Сегодня Майкл повел меня в музей. Там была фигура женщины, которую я видела в доме. Она мертва, да, она мертва. Майкл наверняка знал, что она там! Я ничего не понимаю.

Элисон провела языком по потрескавшимся губам и сказала:

— А потом я пришла сюда.

— Это все?

— Да.

— Есть же еще что-то! — вскричал он. — Расскажите мне!

Элисон сквозь решетку могла чувствовать его дыхание.

— Что еще произошло той ночью, когда вы убежали из дома? Расскажите мне!

Стены будки задрожали от громовых раскатов его голоса.

— Расскажите мне! — громко повторил он.

— Нет, — умоляла Элисон. Пот струился по ее лицу.

— Говорите, дитя мое. Расскажите все, что вы должны рассказать.

— Я видела своего отца, — с трудом выдавила она из себя.

— Да, — подбадривал священник. — Да! — Голос его был почти радостным.

— Я заколола его ножом! Но он был уже мертв!

Молчание обволакивало темные стены, словно паутина гигантского паука.

Послышались рыдания.

Бессильно запрокинув голову, Элисон утирала слезы. Рассказ о грязи и страданиях дался ей нелегко. Она чувствовала себя словно воздушный шар, из которого выпустили воздух.

— Это все, дитя мое?

— Да, святой отец.

Казалось, прошла целая вечность прежде, чем он заговорил вновь.

— Вы ощущаете себя заблудшей, дитя мое. С тех пор, как покинули церковь и Христа, вы потерялись без духовного пастыря. И сейчас вы должны вернуться к пастырю своему, что вы и сделали сегодня. Грех таит в себе неисчислимые опасности, дитя мое. Он порождает чувство вины, так и должно быть. Но грех нераспознанный, грех непрощенный может порождать подозрения и ложь. Ведь вина остается скрытой. Он вызывает к жизни страхи и пороки, существующие лишь на задворках сознания. Вот так вы вызвали все эти ужасы. Ибо жили в грехе, продолжая погрязать в нем. Вы должны искупить свою вину. И после этого вы вновь воспримете Христа в сердце свое. И рассеются подозрения, и исчезнут пороки, и боль, о которой вы говорите, больше не будет терзать вас. Вы должны возвратиться к Христу и уверовать в него. Ибо он есть добро и, отвергая его, вы впускаете в свою душу зло. Вы должны снова уверовать в Господа нашего. Открыть ему свое сердце. Отринуть подозрения и самообман. Открыто принимать любовь своих любимых и видеть в любви лишь любовь, очистив ее от подозрений. И вернуться в лоно церкви Христовой.

Вы сказали, что-то заставило вас прийти сюда. Пути Господни неисповедимы, нам не дано их уразуметь — вот почему должны мы иметь веру, верить, что Бог наставит нас на путь истинный. Лишь когда вы искорените грех, воспримете Христа в сердце свое и уверуете вновь, исчезнут страхи и ужасы, и улетучатся сомнения. Забудьте о прошлом и уверуйте. И Он дарует вам силы бороться со злом, окружающим вас.

Чтобы направить вас на этот путь, я хочу, чтобы вы ежедневно читали молитвы, перебирая четки, начали снова посещать Храм Божий, приняли участие и уверовали

в Господа. Как только вы почувствуете страх или сомнение, не колеблясь, идите ко мне.

Теперь я отпущу вам грехи ваши и дарую вам прощение.

Элисон склонила голову и начала читать молитву.

Священник сидел, прижавшись спиной к стене. В темноте виднелись его густые волосы и брови. На лбу его выступили капельки пота. Он вытер лоб веснушчатой рукой в колечках седых волос.

— Это невозможно! — вскричал Майкл.

Редактор сел и, поправив очки, потер переносицу.

— Возможно ли, невозможно ли, — начал он, — но такого объявления никто не помещал. И никто за него не платил. — Он протянул Майклу газету. — Как видите, ничего подобного тут нет.

Элисон вышла из ворот старой церкви, еще раз взглянула на надпись над входом и скрылась в темноте.

Двадцать минут спустя она открыла дверь квартиры Майкла, сняла пальто, повесила его в шкаф и прошла в гостиную.

Майкл сидел за письменным столом с бледным, окаменевшим лицом, подперев подбородок руками.

Элисон кашлянула, положила сумочку на кофейный столик и присела на диван.

В комнате царила тишина. Он был погружен в свои мысли, она — настороженно внимательна.

Майкл поднял глаза.

— Привет, — сказал он безо всякой интонации в голосе, сидя неподвижно, в странном оцепенении.

— Привет-привет, — ответила Элисон.

Он взглянул на часы.

— Прошло два часа.

Она кивнула.

— Я прошу прощения.

— Я волновался. — В голосе его зазвенело напряжение.

— Да, я вижу.

— Неужели?

— Я не слепая, Майкл, и не сумасшедшая, как ты думаешь.

— Я никогда этого не говорил.

— Можем поспорить на эту тему.

Он отвел глаза и, глядя на льющийся сквозь неза-
шторенное окно лунный свет, спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Получше.

— Голова болит?

— Прошла.

— А тошнота?

— Тоже прошла.

— Хорошо.

Их бесстрастные голоса вторили друг другу, словно
каждый ожидал, когда другой не выдержит и сорвется.

— Тебе не стоило убегать. Ты была в таком состоя-
нии. Мало ли что могло случиться.

— Такова, значит, моя судьба.

— Ты поступила неразумно.

— Не я первая начала, не так ли?

Майкл неохотно пробурчал:

— Так.

Элисон сняла туфли и зашвырнула их в угол.

— Можно попить воды?

— Зачем ты спрашиваешь?

Она встала, пошла на кухню и быстро возвратилась
со стаканом в руке.

— И куда ты направилась?

— Каталась на такси.

— Два часа?

— Нет, я зашла в церковь.

Он нахмурился.

— За каким, интересно...

— Помолиться. Если когда-нибудь в своей жизни я
действительно нуждалась в молитве, так это сейчас.

— Ты уверена?

— Да. Я исповедалась, и священник отпустил мне
грехи. Голова прошла и меня больше не тошнит. Снача-
ла была комната отца, потом распятие, и вот теперь это.
Словно я возвращаюсь к себе. Словно все эти годы я
была кем-то другим.

— Ерунда.

— Слово «ерунда» часто заменяет слово «я не пони-
маю».

— Кто же любил меня в таком случае? Царица Сав-
ская?

— Вполне возможно.

— Элисон! — Голос его звучал сурово, словно он вот-вот набросится на нее. Он замолчал, подумал и снова опустился в кресло. Посидел молча и прошептал:

— Ты же знаешь, как много ты для меня значишь. Она кивнула и отвернулась.

— Пока тебя не было, я размышлял, — сказал он.

— Я тоже.

— О том доме?

— Нет, о тебе.

— Интересно? — спросил Майкл.

— Да, — сказала она.

Он перегнулся через стол.

— У меня тоже возникли кое-какие интересные мысли. Может, я был не прав. И все, что случилось, тебе вовсе не померещилось.

Элисон снова обернулась к нему, удивившись, что он, наконец, допустил такую возможность. Но все равно подозрение с него не снято. Восковая фигура миссис Кларк не забыта. В ушах у нее зазвучали слова священника: «Верьте, особенно тем, кто любит вас».

— Я в полном замешательстве, — произнес Майкл. — Я непрерывно думаю об этом, и что-то все время не дает мне покоя. Пора мне пойти взглянуть на этот злосчастный особняк поближе.

— Сейчас?

— Нет.

— Когда?

— Завтра. Утром. Если что, я разнесу там все.

Элисон внимательно смотрела на него.

— Я хочу пойти с тобой.

— Нет.

— Майкл.

— Нет. Для тебя это — запретная зона.

— Я сказала, что хочу идти. — Голос ее был необычайно тверд. — И тебе меня не остановить.

Майкл поднялся, подошел к окну и разглядывал мерцавшие до самого горизонта яркие огни.

— Я подумаю об этом ночью. Больше ничего обещать не могу. Если я решу, что ты со мной не идешь, ты останешься дома. Это будет мое последнее слово. — Он подошел к ней. — Все ясно?

— Да,— отвечала Элисон, протягивая ему пустой стакан. Они стояли, глядя друг на друга. Лицо ее было уже не столь искаженным от боли. Впервые за много дней на нем читался некий покой, и физический, и душевный. Но что-то было не так. Глаза. Майкл протянул руку и осторожно, кончиком пальца, потрогал веко. Кожа была шершавой, как наждачная бумага. Доктор говорил ему об этом еще утром. Но стало еще хуже. Надо будет завтра позвонить врачу.

— Пойду куплю газету и чего-нибудь поесть. Хочешь со мной?

— Нет. Я устала.— Элисон зевнула.

Он прошел мимо нее, затем повернул назад.

— После того, как ты сбежала, я не вернулся сразу сюда.— Он замолчал на мгновение, что-то обдумывая. Она подняла глаза.— Я пошел в редакцию «Нью-Йорк Таймс» и просмотрел номер газеты, с помощью которого ты нашла квартиру. Там нет объявления о сдаче квартиры в особняке. Ничего похожего.

Лицо Элисон исказила гримаса ужаса.

— Такого объявления никто не помещал! Но ты же что-то увидела там! Еще одна галлюцинация? Эдакое большое жирное неудачное совпадение? Обман? Я не знаю. Но собираюсь выяснить.

— Я показывала объявление мисс Логан. Она видела его.

— Видела? — Майкл помедлил.— Или сделала вид, что видит?

— Я не знаю,— задумчиво произнесла Элисон.

— После того, как я обшарю дом, я намереваюсь поговорить с ней.

— Если сможешь ее найти,— добавила Элисон.

— Да,— согласился он.— Если смогу ее найти.

— Мисс Логан говорила, что объявление поместил домовладелец.

— Его имя Карузо. Есть у тебя договор о найме квартиры?

— Нет, мне ничего не давали.

Он покусывал губу, быстро соображая.

— Завтра я разыщу его. Наверняка он что-то знает.

Погруженный в размышления, он повернулся и вышел из квартиры.

Гатц залез в автомобиль и хлопнул дверцей.

— Холодно, черт побери,— сказал он.

— Я включил обогреватель,— отозвался Риццо.

Гатц потирал руки, чтобы побыстрее согреться.

Риццо вывел машину из гаража.

Гатц достал из кармана плаща целлофановый пакет. Положил его на колени и развернул. Там оказался сэндвич с сыром и ветчиной, обильно политый горчицей.

— Кто-нибудь хочет кусочек?

Никто не выразил желания.

— Он не отравлен.

— Мы ели,— признался Риццо.

Гатц недовольно нахмурился и, развалясь на сиденье, принялся тихо жевать. Машина катила по вест-сайдским улицам мимо полуразрушенных жилых зданий и второсортных магазинчиков, вдоль грязных раздолбанных тротуаров, овеваемых стойким запахом гнили. Гатц не навидел этот район. Большая часть его жизни прошла здесь.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил Риццо.

— Не знаю. Сначала надо взглянуть. У тебя с собой список пропавших без вести?

— Он у меня,— сказал Ричардсон, похлопав себя по нагрудному карману.

— Прекрасно.— Гатц обернулся к Риццо.— Кто там сейчас?

— Джейк Берштейн.

Гатц улыбнулся. Берштейн — хороший полицейский.

Риццо припарковал автомобиль в середине квартала, позади другой полицейской машины, стоявшей напротив пиццерии, где уже собралась толпа зевак. Они вышли из автомобиля и двинулись по пустырю, шагая по кирпичам и шатким доскам — остаткам снесенного здесь несколько лет назад здания. Слева располагался двор, усыпанный мусором и отслужившей свое кухонной утварью. Справа — кладбище автомобилей, освещенное лучом установленного неподалеку прожектора. Несколько полицейских копались в ржавомхламе. На скамейке у пиццерии расселась группа подростков.

Гатц подошел к человеку в форме, невозмутимо стоявшему в самом центре этих дебрей.

— Том,— сказал тот, заведя Гатца.

— Джейк,— узнал его Гатц.

— Хочешь взглянуть?

— Да.

— Зрелище не из приятных.

— Как обычно.

Гатц пошел вслед за офицером в круг прожектора, ярко отражавшегося от хромированных поверхностей автомобилей. Из раскрытого багажника одной из машин свисала изуродованная рука. Внутри него лежало истекающее кровью тело.

— Страшная смерть,— произнес Джейк, качая головой.

— Не страшнее, чем любая другая,— небрежно бросил Гатц, наклоняясь, чтобы получше рассмотреть труп.— Личность не установлена?

— Нет.

— При нем ничего не обнаружили? Визитные карточки? Записки?

— Нет,— сказал Джейк.— Ребята сняли отпечатки пальцев.

Гатц пошевелил крышку багажника, она громко заскрежетала. Он нагнулся и принялся разглядывать одежду жертвы. Плащ и серый пиджак были изодраны в клочья. Черная спортивная рубашка пропиталась кровью. Гатц достал фонарик и осветил им рваные глубокие раны на груди и лице трупа.

— Сколько всего ранений?

— Трудно сказать.

— А предположительно?

— Пятнадцать, может, двадцать. Это уже неважно.

— Возможно.

Джейк облокотился о машину.

— Он пролежал здесь довольно долго.

— Как долго?

— С неделю по крайней мере. Может, и дольше.

Труп сильно разложился.

Гатц провел рукой по лбу жертвы, потер пальцы друг о друга и разглядывал их в свете фонаря.

— А следов грима на теле не обнаружено?

Джейк непонимающе уставился на него.

— Грима, косметики,— раздраженно повторил Гатц.— Объяснить, что это?

— Нет. Никакого грима не обнаружено.

Гатц пожал плечами.

— Кто его нашел?

Джейк указал на самого высокого из сидящих на скамейке парней.

Ребята играли в прятки. Он попытался залезть в багажник. Тот оказался запертым. Он все-таки раскрыл его, и оттуда вывалилась рука.

— Да, коробочка с сюрпризом.

— Вроде того,— усмехнулся Джейк.— На улицу ведут следы крови. Хочешь взглянуть?

— Позже.

Они отошли, чтобы не мешать полицейскому фотографу. Берштейн бросил взгляд в сторону своих помощников, копавшихся в мусоре.

— Пустая трата времени. В этом дворе столькохлама. Даже, если убийца и обронил что-нибудь...

Гатц махнул Риццо и обернулся к Джейку:

— Когда можно будет узнать группу крови?

— Очень скоро, пробы уже взяли.

Подошел Риццо.

— Собери всю имеющуюся по этому делу информацию,— велел Гатц,— чтоб сегодня же утром все лежало на моем столе.

Риццо кивнул и поспешил прочь.

Джейк покусал губу.

— Не похоже на ограбление или сведение счетов между гангстерами.

— Да, не похоже,— согласился Гатц.

— Может, какой-нибудь маньяк?

— Вот это самое вероятное.

— Есть в городе сбежавшие психи?

— Официально? — переспросил Гатц.— Нет. А так Нью-Йорк кишит ими.— Он окинул взглядом двор.— Ножей там не нашли?

— Нет.

— Ведь именно нож является орудием убийства?

— Да, и большой.

— Заточен с обеих сторон?

— С одной.

Гатц принялся прохаживаться вдоль ограды. Он размышлял. И так, еще одно убийство. Ну и что? Не такая уж это редкость в Нью-Йорке. Но он ощущал ту самую

резь в кишечнике, свидетельствовавшую, что за всем этим нечто кроется. Он наклонился и поднял сломанную куклу. Встряхнул ее, и голова куклы отвалилась. Он попытался приладить ее на место, но ничего не вышло. Тогда он отбросил обезглавленное тело в кусты и побрел по грудам пивных банок, уверенный, что непременно отыщет нечто важное. Не найдя ничего, достал очередную сигару, сунул ее в рот и поспешил к свету.

Подошел Риццо со списком пропавших без вести в руках.

— Несколько человек подходят по описанию.

Гатц кивнул.

— Проверь их. Достань фотографии.— Он помолчал.— Но я почему-то уверен, что о пропаже этого типа никто не заявлял.

Он подошел к скамье у пиццерии и опустился на нее рядом с высоким мальчиком, обнаружившим труп. Достал из кармана фотографию Майкла Фармера.

— Сынок,— сказал он,— ты часто здесь играешь?

— Да, сэр,— ответил тот, заметно смущаясь.— Несколько раз в неделю, это уж точно.

— В какое время?

— Когда как. Сегодня мы собрались около одиннадцати.

— Замечал ли ты здесь каких-нибудь людей? Не хозяев лавок. И не детей. Ты понимаешь. Посторонних людей.

— Да, сэр. Они приносят вещи на свалку.

Гатц протянул ему портрет Майкла Фармера.

— Этого человека видел здесь?

Мальчик всмотрелся в снимок и помотал головой.

— Ты уверен?

— Да.

Гатц передал фотографию остальным парням; никто из них не видел этого человека.

Он улыбнулся и встал.

— Держитесь, ребята, подальше от старых автомобилей,— посоветовал он.— Это опасно.— И присоединился к Джейку и Риццо, стоявшим в отдалении.

— Сколько на ваших часах?

— Два двадцать.

— Хочу есть. На ветчине с сыром долго не протя-

нешь.— Он затянулся сигарой.— Риццо, останешься с Джейком.

— Может, взглянешь на следы крови,— предложил Берштейн.

Гатц кивнул, и они пошли по направлению к выходу со свалки.

Джейк указал на бурые полосы, тянувшиеся до середины улицы.

— Их восемь,— сказал он.— Возможно, что все пятна оставил наш приятель из багажника. Мы проверяем это.— Он посмотрел на кровавую дорожку, качая головой.— Трудно поверить, что он был еще жив, когда его привезли сюда.— Он принялся натягивать перчатки и хитро улыбнулся Гатцу.— Похоже, у тебя есть на этот счет какие-то соображения?

Гатц улыбнулся в ответ.

— Всего лишь одно, и совершенно дикое. Скажу тебе утром, если дополнительная информация, которую мы получим, подтвердит его.

Он повернулся и помахал Ричардсону. Подойдя к машине, спросил:

— Видел лицо этого покойника?

— Издалека.

— Он страшно кончил. Здоровый, крепкий мужик, а умер, охваченный ужасом.

Ричардсон пожал плечами, не зная, что ответить.

Гатц начал было открывать дверцу автомобиля, но еще раз оглянулся взглянуть на пустырь.

— Не просто испуганный, а охваченный ужасом,— повторил он.

Они залезли в автомобиль и уехали.

В восемь утра Гатц проснулся у себя в кабинете с затекшей спиной, чувствуя себя разбитым. Но все же это было намного лучше, нежели мчаться домой и, наспех вздремнув, нестись обратно на службу.

Он сунул ноги в ботинки и побрел в туалет умыться и побриться. После чего налил себе чашку черного кофе и вернулся в кабинет.

Он почти расправился с чашкой, когда появился Риццо с результатами лабораторных исследований и прочими данными, касающимися потерпевшего. Гатц с нетер-

пением углубился в бумаги. Он и мечтать не мог о более интересной информации, что было слишком здорово, чтобы оказаться правдой.

— Знаешь этого парня? — спросил он.

— Нет, — ответил Риццо.

— Зато я знаю, — сказал Гатц. — Убийца не смог бы отыскать более достойную жертву.

Риццо невольно отшатнулся.

— Не думаете же вы...

— Думаю? — оборвал его Гатц. — Я знаю. Но мне нужны факты. Ты должен раскопать все, что касается этого человека. Если потребуется, используй наших осведомителей, но выведай все.

— Да, сэр, — сказал Риццо и вышел.

Гатц ладонью припечатал листок к столу. И, улыбаясь, откинулся на спинку кресла.

19

— Тот человек стоял спиной к тебе, вот так?

— Правильно.

— А потом что? — спрашивал Майкл.

— Я подошла к нему сзади.

— Где были женщины?

— Наверное, в кровати.

— Наверное?

— Я не видела их, пока не стала удирать из комнаты.

— Хорошо, покажи мне, как это происходило.

Элисон протянула вперед обе руки: в одной она как будто держала нож, в другой — фонарь. Она шла, стараясь в точности повторить свои движения, шагая осторожно, как и в тот раз.

— Я тронула его за плечо, — сказала она, — и снова встряхнула фонарь, он зажегся. Человек обернулся, я увидела, кто это, и очень испугалась. Бросилась обратно, пытаюсь убежать, и вот здесь, в углу, упала.

Майкл подошел, ступая по пыли и паутине. Провел рукой по полу, оставив на нем следы всех пяти пальцев.

— Полицейские так натоптали здесь, что если и остались какие следы, различить их невозможно, — задум-

чиво произнес он.— Слушай, я хочу, чтобы ты в точности повторила каждое свое движение, до тех пор, пока ты не покинула квартиру.

— Я не уверена, что все помню.

— Постарайся.

Элисон неуверенно кивнула, подошла к Майклу и села на пол.

— Кажется, я упала как-то вот так.— Она вытянула одну ногу, а другую поджала под себя.— Когда увидела, что он приближается, я вся сжалась и пыталась вырваться отсюда. Луч фонаря метался, как сумасшедший, вот тогда-то, наверное, я и увидела тех женщин на кровати.— Она двинулась обратно по направлению к коридору.— Когда я наконец поднялась, то со всех ног бросилась в коридор, несколько раз налетала на стены и потом как-то очутилась в гостиной.

Майкл остановился, внимательно осмотрел пол и стены и присоединился к ней у входа в гостиную.

— Ничего здесь нет,— заключил он.— А что произошло потом?

— Он гнался за мной, я слышала его шаги. Я отпрыгнула, врезалась в кресло и полетела на пол. Кресло свалилось на меня. Я услышала, как хлопнула дверь — я оставила ее приоткрытой,— и увидела, что он стоит вот здесь.— Элисон показала, где.— Я выбралась из-под кресла, вскочила на ноги и побежала к двери, но в центре комнаты столкнулась с ним.— Она встала посредине ковра.— Вот здесь.

Майкл подошел и занял место «отца».

— Он вцепился мне в волосы, а затем схватил распятие и начал меня душить. Я не знала, что будет дальше, не понимала, что делаю. Все кружилось у меня перед глазами.

Замолчав, она опустила голову и затем неясно пробормотала:

— Я боролась за свою жизнь.

Он кивнул, нервно покусывая губу.

— Я втыкала и втыкала в него нож. Помню, как лезвие опускалось и поднималось. Помню ощущение, как оно вонзается во что-то. А потом раздался страшный крик. Я почувствовала, что падаю,— и все. Больше ничего не было. Следующее, что я помню,— это больница.

Встав на колени, Майкл тщательно ощупывал пол.

— Будь здесь хоть какие-то следы крови, полицейские отыскали бы их.

— А если их отмыли?

— Нет. С помощью химических анализов можно обнаружить мельчайшие частицы.

Майкл ловко вскочил с колен, подошел к креслу и сел. Прикинув мысленно размеры комнаты, попытался вычислить недостающее звено в ведущей к разгадке цепи. Затем снова встал, углубился в ведущий в спальню коридор, повернулся и медленно пошел по направлению к входной двери, внимательно считая шаги. Прodelал то же самое, пройдя от двери к креслу, и снова сел.

— Вот что меня озадачивает. Ты говоришь, он приближался к тебе очень медленно и ему трудно было идти.

— Да.

— У него была частично парализованная нога?

— Да.

— Покажи мне, как он шел.

Элисон немного помялась на месте, затем, приволакивая правую ногу, сделала три или четыре вымученных шага по комнате.

— Очень медленно и неуклюже.

— И ты хочешь сказать, что к тому моменту, как ты, налетев на кресло, упала, он успел дохромать до комнаты, пересечь ее — а это примерно двадцать шагов — и захлопнуть дверь?

— Я так думаю.

— Да нет, чепуха. Во-первых, к чему закрывать дверь в необитаемом доме? А во-вторых, он не мог так быстро добраться до двери, согласно твоим же словам. Это и для меня непросто, я, конечно, не очень подвижный, но все же не мертвый.

— Очень остроумно, Майкл. Обхохочешься.

— Я вовсе не собирался острить. Допустим, ты кого-то убила. Скорее всего он вошел в квартиру во время твоей схватки с «отцом». Я сказал: «допустим». Нет ни тела, ни следов крови. Если и был кто-то в другой комнате — и снова я говорю «если» — ты убила не его.

Элисон выслушала его и медленно кивнула, вполне допуская такую возможность.

— Но от этого случившееся не становится более ясным, — сказала она, присаживаясь на пыльную софу.

— Может, и станет, если мой вывод верен.

— Каким образом?

Майкл закусил губу.

— Пока не знаю.

— Предположим, я зарезала кого-то, кто вошел с улицы. А как тогда быть с той фигурой и женщинами в спальне?

Обдумывая ответ, Майкл пожал плечами. Затем встал и зашагал по комнате. Подошел к камину и провел рукой по облицовке. Посмотрел на свою ладонь, сдул с нее пыль и вытер руку о штаны.

— О чем ты думаешь? — спросила Элисон.

— Нет ни тела, ни крови, ни следов борьбы. Никаких признаков того, что кто-то здесь недавно был. Никаких намеков на пребывание в доме Чейзена или лесбиянок. Зато у нас есть предположение: ты убила кого-то, кто вошел в дверь. Но где в таком случае труп? Если рассуждать логически? Кто-то его вынес, уничтожил каким-то сверхъестественным, неизвестным науке способом следы крови и покрыл все вокруг слоем пыли. — Он посмотрел на Элисон и улыбнулся. — Кто мог вынести тело? Воображаемые люди из спальни?

— Они были настоящими, — заявила Элисон.

— Или настоящие люди из спальни?

Элисон подалась вперед.

— А если они были настоящие, то куда же они делись? — Она встала. — Давай посмотрим, можно ли попасть в квартиру Чейзена.

Они поднялись по лестнице на пятый этаж и потрогали дверь квартиры 5-Б. Заперто. Майкл достал из кармана связку ключей, вставил в замочную скважину отмычку и открыл дверь.

— Какая роскошь! — воскликнул он с шутливой ноткой в голосе, свидетельствующей о жестоком разочаровании. Майкл топнул ногой, подняв столб пыли, дошел до середины комнаты и сел на единственный стул.

— Не слишком удобная библиотека. Море книг и лишь одно сидячее место.

— Мебель где-то здесь, — сказала Элисон, проходя мимо него. Посмотрела в окно, заглянула на кухню. — Люди, возможно, тоже. Вот здесь был стол. — Она показала. — Там — патефон. Повсюду росли цветы. Затем

книжные полки.— Она напряженно сощурилась.— Полки были там.— На этот раз она вспомнила.— Их почти сплошь покрывали растения.

Элисон подошла к книжным полкам и сдула пыль, осевшую на лежавших в третьем ряду книгах с того дня, как они с мисс Логан здесь побывали. Протянула руку и достала книгу в голубом переплете. «Пармская обитель» Стендаля. Очень старое издание, 1839-го года, еще прижизненное. Она осторожно взвесила ветхий том на руке и швырнула на пол, под ноги Майклу.

— Наслаждайся.

Она вытягивала старинные книги с полок и бросала на пол, едва взглянув на них, нимало не заботясь об их состоянии. Некоторые вываливались сами.

— Вот самое интересное. «Техника пыток» Аларда.

Майкл поймал книгу на лету и принялся листать.

Элисон достала очередной тяжелый том и, придерживая разлетающиеся страницы, раскрыла его. Быстро пролистала.

— Возьми вот эту, для разнообразия. Тебе должно понравиться.

— Дай взгляну.

Она кинула ему книгу.

Майкл взглянул на обложку.

— Что ты имеешь в виду под «разнообразием»? — поинтересовался он.

— То, что все страницы одинаковы, — отвечала она.

Майкл раскрыл книгу. Та казалась совершенно обычной, страницы последовательно пронумерованы, на каждой — разные слова и фразы.

— Ну как? — спросила она.

Он недоуменно уставился на нее.

— Не нахожу ничего странного.

Элисон подошла и выхватила книгу у него из рук.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал.

Она еще раз сверила друг с другом абсолютно одинаковые страницы.

— Они все похожи как капли воды! — крикнула она, возвращая ему книгу.

Майкл полистал том, захлопнул его и положил на колени.

— Очень интересно,— произнес он, глядя на разоренные полки.— Очевидно, один из нас либо видит то, чего на самом деле нет, либо попросту лжет.

Элисон почувствовала, как кровь бросилась ей в голову. Как это на него похоже — признаться в чем-либо и тут же это отрицать! Судя по всему, ее подозрения оправдываются. До сих пор его вину еще можно было объяснить простым совпадением.

— Интересно получается,— осторожно начал он.— Ты видела объявления о квартире, а в газете ничего не оказалось. Может, то, что ты видишь сейчас,— еще одно проявление того же феномена?

— Мне не нравится слово «феномен»,— сказала Элисон.— Под ним подразумеваются естественные явления.

— Называй это как хочешь.

Он достал из кармана рубашки ручку, вырвал из какой-то книги титульный лист и протянул ей.

— Я хочу, чтобы ты переписала все, что видишь,— слово в слово.

Элисон продолжала смотреть в пространство, затем подошла к одинокому стулу и села. Взглянула на первую страницу книги, сравнила ее со следующими и принялась сосредоточенно переносить буквы на бумагу.

Майкл постучал.

Подождал немного и постучал снова. Ответа не последовало. Темно-коричневая дверь с табличкой «5-А» не открывалась.

— Меня не покидает ощущение, что между священником, нашими исчезающими друзьями и твоими «галлюцинациями» существует какая-то связь.— Он снова поднял кулак, замер в нерешительности и слабо ткнул им в дверь. Элисон прислушалась и облокотилась на перила, нагнув голову, уверенная, что этот небрежный зов останется без ответа.

— Может, он знает, что кто-то здесь есть, но не может подойти к двери,— предположила она.

— Может быть,— сказал он.— Но скорее всего он просто не хочет чтобы его беспокоили.— Он достал из кармана отмычку.

— Майкл,— тревожно прошептала Элисон, давая понять, что ей не нравится эта его затея.

— Тихо,— велел он. Всунул отмычку в скважину, повернул, но ничего не произошло. Качая головой, Майкл вынул ее и положил обратно в карман.

— Кто-нибудь навещает его, заботится о нем?

— Никто,— ответила она.— За квартиру платит архиепископат Нью-Йорка — вот все, что я знаю.

Майкл кивнул и повел ее по направлению к лестнице. Они принялись медленно спускаться в окружении таинственных безмолвных квартир, взявшись за руки, не отрывая взгляда от ступеней, ожидая, что вот-вот в гнетущей тишине раздадутся чьи-то шаги.

Элисон отдала дань традиционным ритуалам, введенным несколько недель назад. Остановилась напротив двери квартиры 4-А, со страхом, глядя на нее, и быстро добежала до безопасной лестницы, ведущей на третий этаж. Квартира 2-А. Она поколебалась прежде, чем двинуться дальше, в ужасе, что в любой момент могут появиться лесбиянки. Но с ней был Майкл. Сейчас ничего случиться не может, независимо от того, замешан он во всем этом или нет. Так что колебания ее длились мгновения, и она продолжала спускаться по лестнице. Перед тем как ступить на кафельный пол вестибюля, Элисон остановилась и по привычке проверила крепость перил.

На улице Майкл достал из кармана белый носовой платок с монограммой и высморкался.

— Возвращайся ко мне домой и жди,— велел он.— Попробую перевести это.— Он помахал в воздухе листочком, на который она переписала буквы из книги.— Затем постараюсь разыскать мисс Логан и домовладельца.

— Почему бы мне не пойти с тобой?

Он покачал головой.

— Отдохни. Я скоро вернусь, сразу, как покончу с делами.

Он ласково потрепал ее по щеке. Она не откликнулась.

— Давай я поймаю тебе такси.

Они подошли к краю тротуара и через несколько минут остановили машину. Майкл поцеловал Элисон в щеку и распахнул дверцу.

— 71-я улица, дом 17.

Водитель кивнул. Такси тронулось с места.

Элисон следила, как фигура Майкла исчезает вдали. Прищурившись, она задрала голову, глядя на окна пятого этажа. Без сомнения, там что-то было. Силуэт. Старый священник. Он сидел точно так же, как и... Элисон не знала, как долго он так сидел. Отец Мэтью Галлиран. Какое-то отношение к происходящим в доме событиям он, без сомнения, имеет. Но вот какое? Элисон продолжала смотреть в окно, и вдруг что-то сверкнуло в лучах солнца, какой-то металлический предмет. Но лишь на одно мгновение.

Такси завернуло за угол.

20

Путь до Колумбийского университета был недолог. Майкл расплатился с водителем и прошел через главные ворота в университетский городок. Сверившись с листочком бумаги, он повернул налево, к той стороне прямоугольного двора, которая не прилегала к Бродвею, и двинулся по направлению к большому зданию, выходившему на Амстердам-Авеню. Он вошел внутрь и остановился перед застекленным списком, над которым было начертано название факультета: «Литература и иностранные языки». Майкл вновь заглянул в свой листочек и отыскал в списке преподавателей имя: Грегор Рудзински. Оно было почти в самом конце. Скорее всего поляк. Адъюнкт-профессор.

Он поднялся по лестнице, нашел 217-ю аудиторию, открыл старинную дверь и очутился в небольшой полутемной комнате.

За письменным столом сидел неряшливо одетый человек лет тридцати. По виду — типичный профессор, какими их изображают в кинофильмах.

— Войдите, — сказал Рудзински.

— Спасибо, — ответил Майкл, присаживаясь.

— Судя по всему, вы тот самый джентльмен, что мне звонил.

— Да.

— Очень интересно.

— Что именно?

— Вы. У меня есть одно хобби, в котором я стал уже профессионалом.

— И что это за хобби?

— Пытаюсь по голосу определить внешность человека. Вы именно такой, каким я вас себе представлял, просто удивительно, даже одеты так, как я думал. Но...— он замолчал.

— Но?..

— По вашему лицу я вижу, что дело, с которым вы пришли ко мне, не терпит отлагательств. По телефону я этого не услышал. Вот что странно.

— Вы так уверены в серьезности моей просьбы? — спросил Майкл, потрясенный проницательностью Рудзински.

— Да,— с важностью ответил тот.

— А что еще вы можете увидеть?

Рудзински улыбнулся.

— Хотите чаю? Он почти готов.— Он повернулся на вращающемся кресле и потянулся за чайником.

— Нет, спасибо,— отказался Майкл.

— Вы обязательно должны попробовать. Это очень редкий сорт, с юга Китая. Исключительный вкус и аромат. Точно не хотите попробовать?

— Я никогда не был большим любителем чая. Тем не менее спасибо.

Рудзински кивнул головой на чайник:

— Но вы не возражаете, если я?..

— Что вы! — воскликнул Майкл, изумившись, что человек спрашивает разрешения попить чаю в собственном кабинете. Хотя эти европейцы помешаны на правилах хорошего тона. Интересно, что бы он стал делать, если бы Майкл возражал?

Рудзински осторожно наливал чай через ситечко.

— Насколько больше хлопот, чем с самоваром,— заявил он, поднимая дымящуюся чашку.— Восхитительно. Что-то есть в этом чае, что успокаивает нервы и проясняет ум.— Он поставил чашку на стол, достал пачку «Пэлл-Мэлла» и предложил Майклу.— Курите.

— Нет, спасибо, я не курю.

— Вообще не имеет вредных привычек?

— Не совсем так. Я просто не курю.

Рудзински повертел в руках наполовину пустую красную пачку и отшвырнул ее в сторону. Раскрыл ящик стола, вытащил оттуда ручной работы трубку, набил ее, поджег и откинулся в кресле.

— Так что я могу для вас сделать? Вы, помнится, говорили что-то о переводе.

— И вы сказали, что сможете его выполнить.

— Да, если я правильно вас понял. Можно взглянуть?

Майкл залез в карман и извлек изрядно помятый листок бумаги, на который Элисон переписала буквы. Положил его на стол, разгладил ладонью и передал стоявшему от любопытства профессору. Тот подвинул поближе лампу и пробежал текст глазами.

— Очень интересно. Форма ранней латыни, употреблявшаяся за 300—400 лет до правления Цезарей. Ее можно обнаружить лишь в очень древних рукописях.

«Откуда Элисон выкопала это?» — изумился про себя Майкл, а вслух спросил:

— Вы сможете перевести это?

Рудзински явно оскорбился и с возмущением ответил:

— Естественно. По сравнению с другими древними языками и диалектами это довольно просто. На самом деле, если у вас найдется несколько свободных минут, я могу сделать это прямо сейчас. Это недолго.

— Я располагаю вечностью.

Рудзински извлек из ящика стола желтый блокнот, отточил карандаш и с энтузиазмом принялся за работу. Внимание его было абсолютным, он склонялся над столом, словно близорукий монах над священными текстами, глаза его находились в шести-семи дюймах от бумаги, рука с карандашом зависла наготове. Эта скрупулезность вселила в Майкла уверенность, что профессор сделает все возможное, чтобы перевод был как можно более точным. Несколько раз ученый вычеркивал какое-то слово или фразу, вновь перечитывал написанное и подбирал более подходящий английский эквивалент. Каждый раз он бормотал: «Нет, нет, неверно», — а после раздумий восклицал: «Вот так лучше! Гораздо лучше!»

Вся работа заняла у него около десяти минут, в течение которых Майкл беспокойно ерзал на стуле, разглядывая корешки книг, которых не то что не читал, но даже и не знал об их существовании, чиркая что-то на листке бумаги, который выдал ему Рудзински, заметив, что он рисует на столе.

— Готово? — спросил Майкл через некоторое время.
— Да, еще одно слово... думаю, вот так... и все! Остальное является повторением первого куска.

Майкл в нетерпении подался вперед. Рудзински зачитал:

«Судьбою предначертано тебе
Блаженный край сей неустанно охранять
От Зла вторженья или приближенья».

— Это все? — спросил Майкл.

— Да, — отвечал профессор.

— Но страница была...

Рудзински перебил его:

— Фраза повторяется пять раз.

— Понятно. — Майкл кивнул. — «Блаженный край», — задумчиво повторил он.

Рудзински начал прибираться на столе.

— Что это означает? — спросил Майкл.

— Не знаю, — пожал плечами профессор. А помолчав, добавил: — Но меня не оставляет ощущение, что это мне знакомо.

— Да?

— Возможно, это отрывок из какого-то литературного произведения, по крайней мере так говорит мой внутренний голос.

— Из какого произведения?

— Вот этого не могу вам сказать. Я лингвист, а не историк и не литературовед.

— Спросите у внутреннего голоса.

— У американцев своеобразное чувство юмора, — заметил Рудзински без тени улыбки на лице. — По правде говоря, я читаю крайне мало из того, что написано не на латыни, древнегреческом, древнееврейском или китайском. А этот отрывок явно взят не из произведения, с которым я хорошо знаком.

— А кто может это знать? Кто-нибудь с факультета литературы?

— Может быть. Но скорей всего вы там сейчас никого не застанете: пятница. Подождите минутку. — Он заглянул в список. — Мистер Шеффер или мистер Паулсон могут быть в курсе. — Он повернулся и взял телефонную трубку. Набрал номер, подождал немного, набрал еще раз, снова подождал, затем повесил трубку, убе-

дившись, что нужного человека на месте нет. Снова заглянул в список и набрал другой номер. Там тоже никого не оказалось.

Майкл встал и принялся шагать по комнате.

— Откуда вы взяли этот текст? — поинтересовался профессор.

— Откуда? Из одной старой книги.

— Можно взглянуть?

— У меня нет ее с собой.

— Жаль. Это могло бы пригодиться. А почему бы нам не поступить так? Оставьте перевод у меня до понедельника, а я поговорю с кем-нибудь, кто сможет определить, откуда взят отрывок, если это действительно кусочек какого-либо литературного произведения. И я вам позвоню.

Майкл кивнул. Выбора у него не было, хотя перспектива ждать ответа до понедельника не особенно ему улыбалась.

— А вы не знаете, у кого еще можно было бы спросить? Это очень важно.

Профессор покачал головой.

— К сожалению, нет.

Майкл взял перевод и переписал его. Затем сложил листок втрое и вместе с оригиналом положил в карман.

— Спасибо за помощь. Вот мой телефон. Если что-нибудь выясните в понедельник, позвоните, пожалуйста.

Рудзински положил листок с номером в карман. Когда Майкл повернулся, чтобы уходить, он улыбнулся и произнес:

— Рад был оказаться вам полезным.

Выйдя в коридор, Майкл спустился по лестнице во двор. Мысли его хаотически блуждали. Он вынул из кармана перевод и снова перечел его. Интересно, не бессмысленно. Впрочем, озадачивало его не столько значение текста. Элисон! Как ей могла привидеться такая белиберда?! На древней латыни. И ведь нет никакой связи между этим и последними событиями или ее рассказами. Но с другой стороны, должно же это иметь хоть какой-то смысл!

Он прочитал текст еще раз. Кто должен охранять? Она? И что это за «блаженный край»? Явно, не одно из

тех мест, в которых они побывали за последнее время. Особняк? Глупо. А что за зло имеется в виду? Ответов он не находил. Каждый вопрос влек за собой лишь новые загадки.

Майкл вышел из университетского городка, отыскал телефонную будку и набрал номер. Подождал немного, затем раздался щелчок, и записанный на пленку голос произнес: «Это Вильям Бреннер. Меня сейчас нет дома, но я скоро вернусь. Пожалуйста, оставьте ваш...» Он нажал на рычаг и позвонил в агентство мисс Логан. Там никто не подходил. Тогда Майкл позвонил в справочную, чтобы узнать адрес и телефон Дэвида Карузо, домовладельца. Ему ответили, что сведениями не располагают. Майкл повесил трубку и в раздумье прислонился к стеклянному-металлической стене будки. Он хотел поговорить с мисс Логан, но она оказалась недостижимой. Он также был не прочь побеседовать с Дэвидом Карузо. Но для этого нужен адрес домовладельца. Можно, конечно, обратиться в полицию, но они скорей всего ничего не скажут, а если и скажут, то возникнут ненужные вопросы. Майкл вышел из будки, заключив, что адрес домовладельца придется добывать окольными путями.

Он пересек Бродвей, доехал на подземке до Фоли-Сквер и отыскал Бюро патентов. Там он изучил патент Джоан Логан. Все оказалось в полном порядке, ничто не указывало на то, что дело здесь нечисто. Не нашел он и никаких упоминаний о компаньонке. Затем Майкл заскочил в управление налогов, где сумел раздобыть адрес Дэвида Карузо. Оттуда он направился в контору мисс Логан. Убедившись, что дела обстоят именно так, как и говорила Элисон, он поехал обратно, через Парк, к Дэвиду Карузо — для того лишь, чтобы услышать от привратника, что тот уехал вскоре после визита детектива Гатца.

Весь последний час Майкл провел словно в лихорадке. Он глубоко вздохнул, решив повторить попытку поговорить с домовладельцем позже. Шансы были невелики, но вдруг он что-нибудь знает и охотнее расскажет об этом ему, нежели полиции.

Майкл побрел по улице, но вдруг остановился как вкопанный, пораженный внезапной мыслью. Он тряхнул головой, но видение не отступало.

Отец Мэтью Галлиран.

Не успело такси выехать из Парка на 79-ю улицу, как Майкл приказал водителю остановиться. Несколько минут он просидел, погрузившись в раздумья, а счетчик продолжал работать, и таксист даже забеспокоился; тогда Майкл сказал, что передумал, и вместо дома № 17, по 71-й улице велел везти себя на угол 50-й и Мэдисон-Авеню.

Пока такси снова проезжало через Парк, Майкл обдумывал возможные варианты. Анализируя имеющиеся в наличии факты, он то выстраивал их в цепочку, то вновь перемешивал, надеясь выработать стройную теорию, способную объяснить все события последних дней. Но не преуспел в этом. Доведя себя до полного изнеможения, он не смог даже решить, откуда следует начинать. Мысли его неизбежно возвращались к священнику. Если что-то здесь и впрямь нечисто, старик не может быть не замешан в этом. Зачем и как, Майкл не знал. Но то, что он замешан — это точно!

Такси остановилось на углу 50-й улицы. Майкл вышел, хлопнул дверцей и поднял глаза на массивное старое здание, занимающее целый квартал между 50-й и 51-й улицами. Золотые буквы над входом слагались в слова: «Управление Нью-Йоркской епархии».

Церковь была совсем небольшой.

Священник преклонил колена пред алтарем, сложив руки и наклонив голову.

Если не считать тихого его бормотания, в зале царила тишина. Священник полностью сосредоточился на молитве. Даже звук открывшейся и закрывшейся входной двери не нарушил его внимания.

Майкл подошел к передней скамье и сел.

Священник проговорил последние слова молитвы, перекрестился и встал.

— Монсеньор Франкино? — спросил Майкл.

Священник кивнул.

— Чем могу быть полезен, мистер Фармер?

— Я пришел попросить вашей помощи, — ответил Майкл и, помолчав, добавил: — Надеюсь, я не помешал вам?

— Нет,— уверил его священник.— Меня предупредили о вашем приходе.

— Вас довольно сложно найти. Я опросил с дюжину человек прежде, чем меня отвели сюда.

— Я весьма занятой человек. К тому же люблю уединенность. Предпочитаю, чтобы мое общение с Господом происходило без свидетелей.— Священник подошел к скамье и мягко коснулся руки Майкла.— Может, пройдем ко мне в кабинет? — предложил он.

Они покинули церковь, поднялись по ступенькам на первый этаж и пошли по заполненному народом коридору. Здесь царили оживление и суматоха, словно на бирже или какой-нибудь крупной фирме, но уж никак не в Управлении епархии.

— Церковь поддерживает многих своих служителей, покинувших по тем или иным причинам приходы или монастыри,— пояснил монсеньор Франкино.— Помогать людям, посвятившим свою жизнь служению Господу нашему Иисусу Христу,— наш долг.

— Я понимаю,— сказал Майкл, невольно восхищаясь этой кипучей деятельностью.

Монсеньор остановился напротив кабинета. Открывая дверь, он спросил:

— Кто конкретно вас интересует?

— Отец Мэтью Галлиран.

Франкино подошел к столу, обернулся и задумался. Судя по всему, имя это ни о чем ему не говорило.

— Отец Мэтью Галлиран?

— Да, Галлиран. Г-А-Л-Л-И-Р-А-Н.

Священник подвинул кресло и сел. Он жестом пригласил Майкла занять стоящий напротив стола изящный стул.

Майкл сел.

Кабинет был большим, роскошно обставленным, именно таким, какой подобает человеку с чином и положением монсеньора Франкино. На стене висело красивое резное распятие. С одной стороны от него располагался портрет Папы, с другой — кардинала. Сходство между ними было поразительным, словно Господь вырезал лица служителей своих, руководствуясь неким единым образцом. Даже лицо Франкино чем-то... Майкл потрянул головой. Он явно отвлекся, видно, здешняя атмосфера повлияла. А между тем сейчас ему необходимо быть как никогда

собранным. Он быстро завершил осмотр комнаты. Еще три стула, журнальный столик, картотечные ящики и массивный несгораемый шкаф справа от стола — судя по всему, запертый на два замка.

— Галлиран? — переспросил священник. — Нет, это имя мне незнакомо.

— Его адрес: дом № 68 по 89-й улице, он живет на пятом этаже.

— Я загляну в картотеку.

Монсенбор Франкино поднялся — у него была подтянутая спортивная фигура — и подошел к шкафу. Достал папку с буквами А—Г. Вернулся к столу, просмотрел ее содержание и извлек нужный документ.

— Мэтью Галлиран, — зачитал он. — Да, что-то я припоминаю. Его делами я занимался много лет назад. Видите ли, большинство расчетов производится не здесь. В этом кабинете они лишь систематизируются и хранятся, так, чтобы вся работа могла выполняться автоматически. Так, дайте взглянуть... Мэтью Галлиран. Проживает в доме 68 по 89-й улице, квартира 5-А. Очень милый человек, насколько я помню.

— К сожалению, не знаю, — сказал Майкл. — Никогда его не видел. Так же, как и агент по сдаче квартир, и теперешний домовладелец.

— Мистер Фармер, ваши клиенты должны стараться поддерживать хоть какой-то контакт с жильцами.

— Лишь в том случае, если жильцы сами стремятся к этому. Святой отец, похоже, предпочитает общению открывающийся из окна вид.

— Ясно. — Монсенбор Франкино вновь заглянул в папку. — Но это должно быть несколько затруднительно для него. Согласно документам, отец Галлиран — слеп.

— Я хотел сказать, что он сидит у окна сутки напролет.

Священник кивнул, удовлетворенный поправкой. Он продолжал просматривать записи.

— Родственников не имеет. Был пастором в церкви Ангела Небесного во Флашинге, Куинз, в течение многих лет; покинул службу в 1952 году, после того, как приход был распущен, а церковь снесена. Судя по всему, его решение было вызвано частичной потерей подвижности, следствием паралича. Вот поэтому он и вынужден сейчас

вести сидячий образ жизни. Отец Галлиран прожил трудную жизнь.

Франкино порылся в столе, достал компьютерную распечатку, внимательно проглядел ее и обвел что-то красным карандашом.

— Как видите, этот документ позволяет заключить, что ваш клиент ошибся.— Он передал лист Майклу.— Все платежи за квартиру внесены исправно.

Майкл бросил взгляд на бумагу.

— Но в принципе ошибка возможна?

Франкино покачал головой.

— Вряд ли. То есть абсолютно исключена. Как я уже говорил, наша работа великолепно отлажена.

— Не представляю, как домовладелец мог так ошибиться.— Майкл вернул ему лист.— Примите мои извинения, право, мне очень неловко.

Монсеньор Франкино улыбнулся с деланной сердечностью.

— Что вы, что вы. Домовладельцы часто не слишком аккуратно ведут счета. Но Господь Бог заботится о том, чтобы ошибки были исправлены.

— Не сомневаюсь,— согласился Майкл.— Могу я на секунду взглянуть на досье священника?

Франкино заколебался, затем передал ему папку.

Майкл откинулся на стуле, прочел документ и вернул его монсеньору.

— Вы не располагаете больше никакой информацией об этом человеке?

— Нет. Но даже если бы и располагал, зачем она вам?

— Обыкновенное любопытство. В течение многих лет я тесно связан с домовладельцем и с особняком, но ничего не знаю об этом давнем жильце.

Майкл озираясь по комнате. Могут ли эти картотечные ящики содержать нужную ему информацию? Что-то, что скинет покров тайны с отца Галлирана? Но вряд ли можно ожидать, что монсеньор Франкино поделится этой информацией с Майклом.

— Нет, у меня ничего нет,— прервал его раздумья монсеньор.

Майкл поднялся.

— Я прослежу, чтобы счета были исправлены,— сказал он.

— Буду вам очень признателен,— отозвался Франкино.

— Спасибо.— Майкл чувствовал себя неловко.

— Не стоит благодарности. Позвольте, я провожу вас.— Монсеньор вышел из-за стола и направился к двери.

— Ох, чуть не забыл,— сказал Майкл.— Вы не знакомы с человеком по имени Чарльз Чейзен?

Священник на мгновение задумался.

— Нет. А что, я могу его знать?

— Возможно.

— Кто это, если не секрет?

— Сосед отца Галлирана. Он живет напротив, в квартире 5-Б.

— Как я уже говорил, последний раз я встречался с отцом Галлираном много лет назад, не говоря уж о его соседях.

— Вам стоит посоветовать святому отцу подружиться с мистером Чейзеном, если он до сих пор этого не сделал. Необыкновенно приятный пожилой джентльмен. Общаться с ним — одно удовольствие.

— Ценю вашу заботу. Я оставляю распоряжение своим служащим. А теперь — до свидания.

Майкл колебался.

— Есть еще одна вещь, я хотел бы просить у вас совета.

— Да.

Он пошарил в кармане.

— Вот эту фразу я перевел с латыни.— Он развернул листок.— И я подумал, что это может быть вам знакомо — отрывок из какого-то религиозного текста или что-то в этом роде.— Он протянул листок монсеньору.

Монсеньор Франкино взял бумагу и поднес к глазам. Он побледнел и стиснул губы. Узнал! Без сомнения, узнал! Но священник быстро совладал с собой. Но что-то определенно БЫЛО. И, возможно, ключ к разгадке находится в этом кабинете.

— Нет, это мне не знакомо.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Судя по стилю, это что-то религиозное.

— И да, и нет. Скорее всего нет. В любом случае, прежде я этого никогда не видел.

— Что ж,— сказал Майкл, уходя.— Простите за беспокойство.

Священник запер дверь и застыл на месте. Он нервно пощипывал колечки седых волос на тыльной стороне своих веснушчатых рук. Затем его охватила дрожь. Он перекрестился и отступил назад.

Лицо его исказила гримаса страха.

22

Погруженный в мысли об отце Галлиране и монсеньоре Франкино, Майкл быстрым шагом пересек холл и отпер дверь своей квартиры.

— Я тут зашел...— Он осекся, в глазах его сверкнула ненависть.— Что вы тут делаете? — разгневанно спросил он.

— Неплохая квартирка,— заметил Гатц. Он стоял у письменного стола Майкла и крутил в руках золотую авторучку. Рассмотрел ее со всех сторон, прочитал название фирмы и положил на место.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Мне нравится цвет обоев. Стиль мебели. Я как раз говорил мисс Паркер, что после того, как столько лет живешь в пансионе, а я, знаете ли — полицейский, ищайка, к тому же в свое время меня чуть не турнули со службы, так что особо много я не зарабатываю и не могу себе позволить большего. Так вот, когда попадаешь в такое место, то это, поверьте, впечатляет.

— Что вам надо?

Гатц поковырял в зубах пластмассовой зубочисткой.

— Я рад, что вы вернулись. Я терпеливо ждал вас целых,— он взглянул на часы,— целых полтора часа, которые оплачиваются городской казной. Сказать по правде, я уже собирался уходить.— Он сунул зубочистку в карман рубашки.

Элисон, сгорбившись, застыла на кушетке.

— Я вас не держу,— сказал Майкл. Он бросил ключи на обеденный стол и прошел в гостиную.

— Но сейчас я не собираюсь уходить. Это было бы признаком дурного тона.

— Пожалуйста. От вас никто не ожидает демонстрации светских манер. Я даже провожу вас к лифту.

— Вы так внимательны и чутки, что порой я просто восхищаюсь вами.— Гатц обернулся.— А это детектив Риццо. По-моему, вы незнакомы.

— К счастью, нет,— сказал Майкл, взглянув на бесстрастно стоящего в сторонке детектива.

Риццо переложил пачку бумаг из левой руки в правую и протянул ее Гатцу.

— Не сейчас,— отмахнулся тот.

— Что вам надо? — нетерпеливо спросил Майкл.

— Да ничего особенного. Хотел немного поболтать. Чисто по-дружески.— Гатц вынул из кармана судейский молоточек и стукнул им по столу.— Хорошее дерево,— заметил он и, обойдя стол, уселся в кресло, задрав ноги на ореховый стол.— Сегодня утром мы с Риццо были в Томбсе, и я не мог не вспомнить об отважном адвокате, у которого в свое время было очень много друзей за решеткой. Его грязные делишки до сих пор пахивают. Помните запах? Помните-помните!

— Уберите свои ноги с моего стола! — оборвал его Майкл.

Гатц помедлил, достал сигару и лишь затем опустил ноги.

— Риццо, я никогда не рассказывал тебе о мистере Фармере? В свое время знаменитому адвокату не понравилось то, как полиция содержит зверей в клетках. Судя по всему, ему вообще не нравилась полиция. Ох, как выступал этот парень на суде! Он умел быть крутым — после того, как кто-то другой делал за него всю грязную работу. Да, он был добросовестным и, несомненно, честным, если забыть о том, что он брал взятки у всякой шантрапы.— Гатц растянул губы в улыбке.— Так и не удалось мне доказать существование этих взяток.— Он обернулся к Майклу.— Но это дело прошлое. Майкл Фармер прошел долгий путь! — Гатц поднялся, обошел вокруг стола и встал посредине комнаты.— Неудобное кресло. Надеюсь, вы не будете возражать, если я постою.

— Я не буду возражать, если вы умрете.

— Как-то вы однобоко мыслите. Смерть да смерть... Это опасно для здоровья.— Гатц ткнул пальцем в сторону Майкла.— Вам надо думать на более спокойные темы. Тогда не влипнете в дурную историю.

— Оставьте свой идиотский юмор! Говорите, что хотели и убирайтесь или просто убирайтесь, ничего не говоря!

Гатц, пятясь, поднял руки, словно защищаясь.

— Я просто хотел немного поболтать, вот и все.— Он обернулся к Риццо.— Разве не так?

— Да, сэр.

— Так говорите же!

— Хотел я поболтать на некоторые темы, представляющие на сегодняшний день некоторый интерес... К примеру, о повышении платы за коммунальные услуги. Или о забастовке медиков. Вам интересно?

— Нет.

— А может быть,— Гатц прижал к нижней губе указательный палец,— о трупе, найденном на пустыре в верхней части Вест-Сайда. Вам интересно?

— Нет.

— Ну что вы? На мой взгляд, это необыкновенно интересная тема! Что может быть интереснее мертвеца? Майкл молча смотрел на него.

Гатц продолжал:

— Частный детектив Вильям Бреннер. Семнадцать ножевых ранений. Представьте себе, совершенно мертв! Жутко изуродован.

— И что из этого?

— Именно это я и сказала,— вмешалась Элисон.— Не понимаю, какое отношение это имеет к нам!

Гатц улыбнулся. Подошел к бару и налил себе виски. Добавил немного содовой. Положил два кубика льда.

— Ваше здоровье! — поднял он стакан.

Затем глотнул виски, наблюдая за их реакцией. Он внутренне смеялся. Он знал, о чем думает Фармер. Вонючая полицейская ищейка! Влез в мой бар и хлещет без разрешения виски! Представлять бешенство Фармера было крайне приятно. Главное — не забыть еще раз наполнить стакан.

— Насколько мне известно,— начал Гатц,— мистер Бреннер занимался какими-то странными делишками. Контрабанда наркотиков. Поджоги. Убийства. Довольно редкое призвание, вы не находите?

Он хрустнул пальцами. Риццо вытащил из пачки фотографий одну и передал ее ему. Гатц подошел к Майклу и ткнул снимок ему в лицо.

— Обратите внимание на характер ранений. Они произведены ножом, заточенным с одной стороны. Убийца — правша. Взгляните на лицо жертвы. Он не умер от удовольствия! Вы знали его, не так ли?

— Нет, — сказал Майкл.

— Конечно же, нет! Что может быть общего у экспомощника окружного прокурора с парнем, которому полиция пытается прищемить хвост в течение пяти лет!

— Вы разочарованы? — спросил Майкл.

— Само собой. — Гатц нахмурился. — Рано или поздно его бы поймали. Какая неприятность, что кто-то успел шлепнуть его до того. — Он обернулся к Элисон. — Вы слышали когда-нибудь имя Бреннера?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да, я уверена.

Гатц сделал шаг к кушетке и протянул ей фотографию. Едва взглянув, она с отвращением отвернулась.

— Ридцо, — сказал Гатц, возвращая ему снимок, — береги это, как зеницу ока.

— Да, сэр.

Гатц сделал внушительный глоток виски и снова зашагал по комнате.

— Кровь мистера Бреннера первой группы, РОЭ — отрицательный. Не правда ли, интересно?

— Вы неправильно выбрали профессию. Вам следовало стать вампиром.

Не обращая на Майкла внимания, Гатц продолжал:

— А будет еще интересней, когда проведут ее полный анализ и сравнят с той кровью, которая была найдена на мисс Паркер.

— Я не могу больше ждать, — заявил Майкл.

Гатц подходил к кульминации своей речи.

— Давайте рассмотрим некоторые факты. — Он достал из кармана пиджака мышеловку и поднял пружину. — Мы все знаем историю мисс Паркер. Она до сих пор не отказывается от своих слов. Правильно?

— Да, — сказала Элисон.

— Теперь давайте сопоставим это с подноготной некоторых действующих лиц и добавим главный ингредиент, которого до сих пор не хватало, — труп. Как вы думаете, что получится?

— Я и за тысячу лет не догадаюсь.

— Убийство!

— Чепуха.

— Убийство. Или что-то вроде этого.

— Что-то вроде этого? Например? Езда на красный свет или парковка в неполюженном месте?

Гатц заглянул в пустой стакан, снова подошел к бару и наполнил его, налив на этот раз побольше виски, поменьше соды и бросив туда кусочек лимона.

— Я одобряю ваш выбор напитков,— сказал он в продолжал:

— Теперь обратимся к особе по имени Джоан Логан. Довольно сим атичная. Как мне говорили, не лишена сексуальной привлекательности. На любителя, знаете ли.

— На очень большого любителя,— добавила Элисон.

— Она была агентом по сдаче жилых помещений.

— Была? — переспросила Элисон.

— Была,— отрезал Гатц.

— Объясните же! — потребовал Майкл.

Потирая подбородок, Гатц сообщил:

— Похоже, мисс Логан исчезла с лица земли. Нет никаких свидетельств ее существования. За исключением регистрации агентства в бюро патентов. Судя по всему, она жила в вакууме и в один прекрасный день решила исчезнуть — или была удалена насильно.

— В какой день? — спросила Элисон, заранее зная ответ.

— Скорее всего в тот самый день, когда в нашем обществе Бреннере кто-то понаделал дырок,— ответил Гатц.

Майкл присел на кушетку рядом с Элисон, обняв ее за плечи, прижал к себе, стараясь унять ее дрожь. Растерянная, потрясенная, она, не мигая, смотрела на Гатца.

Тот опустил пружину мышеловки и убрал ее обратно в карман. Достал из бара спичку, чиркнул ею о подошву ботинка и поджег давно потухший огрызок сигары. Он глубоко затягивался, зловонный дым клубился в воздухе, зависая под потолком.

— Это совпадение,— сказал Майкл.— В этом городе каждый день кто-нибудь исчезает.

— Факты говорят: никакого совпадения, а факты никогда не лгут. Они подобны сверкающим солнцам в ночи.

— Меня тошнит от вас,— с омерзением произнес Майкл.

— Какая жалость,— отозвался Гатц. Лицо его посуровело.— Как и почему исчезла мисс Логан? Почему так легко объяснить раны детектива с помощью истории мисс Паркер? И почему столь добропорядочный джентльмен, как вы, в очередной раз оказывается вовлеченным в историю, связанную с убийством и таинственным исчезновением?

Майкл вскочил.

— Ваша ссылка на нашу давнюю дружбу была явно преждевременной, а болтовня ваша становится утомительной. Если вам больше нечего сказать, поставьте виски обратно в бар и убирайтесь. У вас нет никаких доказательств, а я не хочу больше видеть в своей квартире вашу физиономию.

Гатц ухмыльнулся. Он допил виски, поставил стакан, взяв с кресла шляпу и подошел к Майклу. Тыча пальцем ему в лицо, проговорил:

— Вы правы. У меня нет никаких доказательств. Пока. Я еще не знаю, каким образом складывается эта головоломка, но мой нос говорит мне, что она складывается. А, как я говорил уже тысячу раз, мой нос никогда не ошибается.

— Один раз ошибся.

— По моим сведениям, ни разу.

— Убирайтесь!

Гатц помахал рукой Элисон, прощаясь, и пошел к двери. Ричцо последовал за ним.

Элисон неподвижно сидела на кушетке. Очередная новость. Джоан Логан пропала. Почему? А этот детектив? Неужели это она его убила? И это он вошел в дверь, по версии Майкла? Тогда как он оказался на пустыре? «Отец» и две голые женщины отвезли его туда? А что он делал в особняке посреди ночи? Ни на один вопрос ответа не было; каждый из них порождал лишь новые вопросы.

— Куда могла исчезнуть мисс Логан и почему нет никаких свидетельств ее существования? — еле слышно спросила она.

— Не знаю,— ответил Майкл. Нервы его были на пределе.

Элисон задрожала, но не от жалости к старой деве, а потому, что не могла больше этого выносить.

— А тот детектив, как он...

Майкл не дал ей договорить:

— Тот детектив не имеет никакого отношения к делу.— Он сел и нежно погладил ее по голове.

Элисон безучастно смотрела на него, не уверенная, что он не является участником жуткого заговора, задуманного, чтобы свести ее с ума. Она подняла руки и уткнулась лицом в ладони.

— Я не перевел текст,— сказал Майкл, чтобы отвлечь ее,— но в понедельник я поговорю с человеком, который поможет.— Это была ложь, но он до сих пор не знал, что означает эта надпись, и счел за лучшее скрыть то небольшое, что узнал.

Он поцеловал ее в лоб.

Она разрыдалась.

23

Майкл посмотрел по сторонам: ни со стороны 50-й улицы, ни со стороны 51-й никто не приближался. Тогда он открыл коричневые железные ворота и скрылся за ними. Было очень поздно, около четырех. В свете молодого месяца предметы отбрасывали короткие и почти незаметные тени.

Тихонько крадась вдоль здания, Майкл поднял глаза на окна первого этажа. Их украшали надежно вмурованные в стену тяжелые железные решетки. Он, озираясь, остановился, любуясь шпилями собора Святого Патрика, необыкновенно красивыми на фоне звездного неба, и вновь продолжил путь. Его не покидала мысль, что именно за то, чем он сейчас занимается, он лично отправил в тюрьму бесчисленное множество преступников. Подумать только: его, Майкла Фармера, схватят сличным во время кражи со взломом, и не где-нибудь, а в Управлении Нью-Йоркской епархии. Он подполз к четвертому окну, достал из кармана зубило и безуспешно попытался расковырять цемент у основания решетки. Но прутья вдавались слишком глубоко в стену: придется поискать другой путь в здание. Майкл взглянул на окна второго этажа; они располагались футами в восьми над землей. Нужно окно находилось непосредственно над его головой. Он встал ногами на нижний выступ стены, уцепившись за карниз. Переступил на следующий

выступ и подтянулся на руках; теперь окно было в пределах досягаемости, подбородком он уперся в карниз. Просунув зубило под нижний край рамы, Майкл принялся ожесточенно расшатывать ее. Стекло задрожало, посыпалась краска. Рама потихоньку поддавалась; подняв ее до половины, он вжался в стену, спрятал зубило и залез внутрь. Затем закрыл окно и задернул шторы. Подождав, пока глаза привыкнут к темноте, достал из кармана фонарь и направил его луч на стену. В круг света попала часть распятия: сейчас оно выглядело более грозным, ощущалась исходящая от него мистическая энергия. Майкл замер. Фигура Христа была божественно-прекрасна, но в то же время он был словно Большой Брат, следящий за каждым его движением. Он повернул фонарь, рассмотрел еще раз портреты Папы и кардинала, затем на цыпочках подошел к картотечным ящикам, откуда монсеньор Франкино доставал днем папку. Они не были закрыты. Майкл отыскал ящик с буквами А—Г, быстро открыл его, изучил содержание и вынул папку со сведениями об отце Галлиране. Еще раз перечитав бумаги, он не нашел ничего интересного и убедился, что ничего нового с сегодняшнего утра там не прибавилось. Он положил папку на место и пролистал несколько стоявших рядом. В конце концов он пришел к выводу, что если и есть в кабинете монсеньора Франкино какой-либо имеющий отношение к делу материал, он должен быть спрятан в более надежном месте, возможно, в несгораемом шкафу позади стола. Майкл тихонько задвинул ящик и на цыпочках пересек комнату. Достал из кармана тряпочку и обернул ею ручку зубила. Вставил зубило рядом с двойным замком, схватил со стола тяжелое пресс-папье и несколькими сокрушительными ударами разнес хитроумный механизм.

Шкаф был тоже заполнен папками, снабженными табличками и, по всей видимости, не имевшими отношения к делу. На одной из них, лежавшей у самой стены, было написано «Вильям О'Рурк/Мэтью Галлиран».

Майкл вынул папку, положил на стол и, усевшись в кресло Франкино, раскрыл ее. Она состояла из двух отделений. Первое было посвящено Вильяму О'Рурку, второе — Галлирану. Майкл решил ознакомиться сперва с материалом об отце Галлиране. Он ничем не отличался от сведений, содержащихся в уже виденной им папке, за

исключением того, что в левом верхнем углу там была приклеена фотография сухонького старичка, видимо, самого слепого священника. Майкл как следует осветил снимок фонарем. На него смотрело изможденное морщинистое лицо. Особенно жуткое впечатление производили глаза: прозрачные и круглые, они обладали каким-то странным выражением. Майкл внутренне содрогнулся. Что-то сомнамбулическое сквозило в их напряженном взгляде. Но не только. Было еще что-то, чему он не мог подобрать названия, что-то ужасное. Он перевернул страницу, чтобы не видеть фото, и перечитал написанное. Да, слово в слово то же самое, что и в папке, показанной монсеньором Франкино. Биография священника с 1952 года — и никакой информации, относящейся к более раннему времени.

Наморщив лоб, Майкл взял бумаги О'Рурка. Решил было бегло просмотреть их, но остановился, потрясенный. В этих бумагах излагалась история жизни Вильяма О'Рурка, учителя из Бостона, родившегося в Броктоне, штат Массачусетс, в 1891 году. Ничего необычного за исключением подробного описания попытки к самоубийству. Настораживала конечная дата. 1952 год. Был там и полицейский документ, датированный 12 июля 1952 года, сообщающий об исчезновении человека по имени Вильям О'Рурк. И фотография. Хотя изображенный на ней человек был молод, румян, с живыми выразительными глазами, роскошной светлой шевелюрой, без всякого сомнения, именно он был изображен и на портрете отца Галлирана. Это было одно и то же лицо.

Майкл размышлял, еще не понимая всего значения и важности информации, которую только что узнал. Он вытащил из папки еще один листок бумаги. Документ, удостоверяющий право владения Дэвида Карузо на дом № 89. Без сомнения, Франкино знал его или о нем и, без всякого сомнения, он знал, что Майкл не является поверенным домовладельца, так что вся их беседа была спектаклем.

Майкл еще раз быстро перелистал двойную папку, положил обратно документ и убрал ее в ящик. Затем погрузился в чтение остальных. Первая была озаглавлена «Эндрю Картер/Дэвид Спинетти». Все повторялось. Биография отца Спинетти, священника-иезуита, от июня 1921 года по 9 июля 1952 года — дня начала био-

графии отца Галлирана. Во втором отделении папки — обширное досье на человека по имени Эндрю Картер. Родился в 1863 году, большую часть жизни был профессиональным военным; участвовал в Испано-американской войне, в первой мировой войне в качестве офицера французской армии, а еще раньше был наемником во время русско-турецкой войны, сражался на стороне турков. Ко дню своего исчезновения, 25 декабря 1921 года, ушел в отставку и работал инструктором в военной академии. Кроме этого, в папке были две фотографии — отца Спинетти и Картера, которые определенно являлись одним и тем же лицом, а также подробное описание предпринятых Картером двух попыток самоубийства.

Майкл отложил папку в сторону, открыл следующую. На ней было написано: «Мэри Торен/Мэри Анжелика». И вновь та же история. Мирянка, превратившаяся в монахиню. Попытка самоубийства.

Значит, пришел к выводу Майкл, через определенные промежутки времени люди исчезают с тем, чтобы возродиться с полностью сфабрикованными церковными биографиями. Вопрос в том: зачем? И почему эти документы столь надежно спрятаны?

Он вновь обратился к папкам. Следующая была на французском языке, которого он не знал. Затем — несколько штук на немецком, снова на французском. Единственная информация, которую он смог оттуда выудить, — это даты. Они восходили по крайней мере к 731 году нашей эры.

Майкл торопливо собрал папки и водрузил их на место. Закрыв шкаф, пощупал сломанный замок и снова открыл его, поняв, что прятать их смешно. Франкино, несомненно, поймет, что кто-то здесь рылся. Майкл достал самые недавние папки и положил их на стол, собравшись уходить.

Он пошарил лучом фонарика по комнате в надежде отыскать еще что-либо, представляющее интерес. Ничего не обнаружив, открыл один за другим все ящики стола. Тоже ничего. Но средний ящик справа был почему-то заперт. С помощью зубила Майкл вскрыл его. Кроме картонной папки, похожей на те, что лежали в несгораемом шкафу, в ящике ничего не было. Майкл взял ее в руки и остолбенел от ужаса. Надпись на папке гла-

сила: «Элисон Паркер/Тереза». Дрожащими руками он раскрыл ее. В отделении, посвященном Элисон Паркер, содержалась ее биография вплоть до 19 декабря 1973 года, включая подробный рассказ о попытках самоубийства, ее отходе от церкви, описание событий, сопутствующих смерти Карен Фармер — все необычайно точно — и отчет о его собственных действиях в течение последних трех лет. В отделении, посвященном Терезе, была история жизни монахини, начинавшаяся 19 декабря 1973 года.

Сегодня 18 декабря. Майкл внимательно изучил документы и рассмотрел приложенную к ним фотографию Элисон. Затем закрыл папку и положил поверх остальных. В комнате вдруг стало душно. Сидя в кресле, уставившись в одну точку на потолке, он постепенно осознавал, что обнаружил нечто очень важное. Нечто ужасное. Но до конца понять, что происходит, он не был в состоянии. И откуда им известны все подробности?

Церковь связана со старым священником, она связана с Элисон — и нечто дьявольское замышлялось против нее. Почему? Этого он не знал. Где? Это он знал. В особняке на 89-й улице. Когда? Это он тоже знал. Завтра. Возможно, Чейзен и все остальные вовсе не помешались ей. Возможно, они являются частью этого чудовищного плана. Католическая церковь! И способна на такое злодейство! Даже в его, насквозь атеистическом мозгу, это не вмещалось. Майкл поднял глаза на распятие и подавил в себе порыв сорвать его со стены и разнести в щепки.

Он уткнулся лицом в ладони; что бы ни произошло, он обязан помешать этому. И ради спасения Элисон, и, как он мог заключить из прочитанного, ради своего собственного спасения.

Он потушил фонарь, схватил папки, на ощупь пробрался к окну и выпрыгнул в темноту.

Утро выдалось безоблачным и по-зимнему сверкающим, что довольно редко случается в Нью-Йорке в эту пору года. Майкл торопливо пробирался сквозь толпу, щурясь от ослепительных бликов, отражающихся от по-

верхностей автомобилей и стеклянно-металлических стен небоскребов. Он дрожал от холода: на нем был только легкий пиджак. Одной рукой он постоянно потирал плечи, чтобы хоть как-то согреться, в другой — крепко сжимал ручку «дипломата».

Мысли его путались; он остановился напротив окруженного садом дома, ощупал кейс, чтобы убедиться, что тот в целости и сохранности, и открыл заиндевевшую дверь. Некоторое время на ее поверхности оставались отпечатки его руки, подернутые морозной дымкой.

Майкл сверился со списком жильцов и нажал кнопку квартиры 3-Р. После второго звонка в домофоне раздался щелчок:

— Алло.

— Это Майкл.

Домофон отключился. Дверной замок зажужжал, Майкл повернул шарообразную ручку и очутился в холле. Вошел в открытый лифт, наполненный мешками с мусором, собранными с лестничных клеток. Поморщился — запах здесь стоял отвратительный — и нажал кнопку третьего этажа. Пока лифт поднимался, он еще раз продумал, какую информацию он сейчас сообщит и какой план действий предложит. Он нуждался в помощи, обычные пути ему, к несчастью, были заказаны. Поскольку на карту поставлена жизнь Элисон, он мог рассчитывать, что она в точности выполнит все его указания и не проболтается. Ведь она — лучшая подруга Элисон.

Майкл вошел в квартиру, торопливо поздоровался с Дженнифер, стоявшей в дверях, выложил содержимое кейса на обеденный стол, вкратце рассказал о происшедших в особняке событиях и быстро объяснил, сколь велика важность этих документов.

Она слушала с недоверием.

Майкл повторил все еще раз, чтобы до нее дошла вся серьезность ситуации. Затем откинулся на стуле и приготовился выслушать, как он предполагал, несколько вопросов, ответить на которые будет несложно.

Как оказалось, он ошибался.

— А кого же она все-таки зарезала? — спросила Дженнифер, приближаясь к нему из дальнего угла роскошно обставленной гостиной. Она остановилась у вы-

сокого книжного шкафа, достала с полки сигарету, нервно затянулась и подошла к нему.

— Я не знаю,— сказал Майкл, прекрасно зная, что этим несчастным, продырявленным, как решето, был не кто иной, как Бреннер, не вовремя вошедший в квартиру.— Я полагаю, ей померещилось убийство. Не забывай, она была на грани истерики с того момента, как проснулась и услышала шаги.— Что ж, звучит вполне правдоподобно. В самом деле, этот чертов Бреннер не смог справиться с простым заданием! Любой бы сумел это сделать, но Бреннер не мог не влипнуть в историю! И теперь этот болван мертв — неважно почему — и из-за этого маленький ублюдок Гатц снова висит у Майкла на хвосте. Будто у него без этого проблем не хватает! Хотя, по совести говоря, винить в этом нужно только себя: рискованно было снова обращаться к услугам Бреннера.

— Почему бы нам не пойти в полицию? — предложила Дженнифер.

— Нет-нет,— торопливо возразил он.

— Почему нет? Ведь никто из нас закон не нарушает. Даже если Элисон и зарезала кого-то, это же не было настоящим убийством!

Да, не было. Скорее это можно назвать несчастным случаем. Но Майкл не мог идти в полицию. Бреннера опознали, страшно подумать, что будет, если полиция обнаружит связь между ним и трупом. И Боже упаси, если они узнают об информации, хранящейся в папках Франкино.

— Никакой полиции,— твердо заявил он.

— Ты поступаешь нелогично,— сказала Дженнифер.

— Полицейские станут расследовать это дело точно так же, как какое-нибудь рядовое ограбление,— и непременно наломают дров. Тогда ничто не спасет Элисон. Если мы не поступим по-моему, она погибла.— Он пристально посмотрел на Дженнифер.

— Но...

— Нет!

— Но мы имеем дело с чем-то непонятным,— сказала Дженнифер.

— Если нам непонятно, то полицейские тем более ничего не поймут. Нет, в полицию я не пойду — это мое последнее слово.— Майкл перебирал лежащие на столе

бумаги.— Давай попробуем на минутку поверить во все это.— Он взял в руки несколько документов и покачал головой.— Элисон перестанет быть самой собой и обратится в кого-то другого.

— В сестру Терезу?

— Да в кого бы то ни было!

— В монахиню,— уточнила Дженнифер.

Майкл кивнул. В монахиню или не в монахиню, ситуация не становилась от этого менее абсурдной. Но раз он решил поверить во все это, придется принимать правила игры, какими бы нелепыми они ни казались.

— А Галлиран? — снова спросила Дженнифер.

— Судя по всему, он тоже исчезнет, а Элисон в обличье сестры Терезы займет его место.

Дженнифер глубоко затянулась сигаретой.

Майкл подвинул к себе перевод и зачитал:

«Судьбою предначертано тебе
Блаженный край сей неустанно
охранять
От Зла вторженья или приближенья».

Несомненно, это обращено к Элисон. Ее готовят к участи какого-то стража. Отец Галлиран, если продолжать следовать нашему допущению,— тоже страж.

Они молча перелистывали папки.

— А как насчет ее отца и всех остальных, кого она видела в том доме?

— Думаю, это были видения. Возможно, их вызвала к жизни ее давняя ненависть к отцу.

— Возможно.

— Сцена их борьбы явилась отражением событий прошлого. Другого логического объяснения я не нахожу. Что это было? Галлюцинации? Кошмар? Помешательство? Выбирай. Я не знаю, как это назвать. А что касается Чейзена и компании... Я думаю, они действительно там были, и это дело рук Управления епархии.— Он помолчал, глотнул кока-колы, которую налила ему Дженнифер, и продолжал:

— Ее могли загипнотизировать. Это много может объяснить. Вот как она увидела слова в книге. Вот как она нашла объявление в газете, в которой никакого объявления не было.

Дженнифер вытащила из стопки бумаг документ на право владения домом.

— Я отправился к домовладельцу, чтобы задать ему несколько вопросов, но его не оказалось дома. Монсен-ор Франкино не мог не знать, что я врал, когда представился как поверенный мистера Карузо. Возможно, инквизиторы уже собрались и решают, как со мной поступить.

— Майкл,— сказала Дженнифер,— все это прекрасно, но каким образом ты собираешься остановить их?

— Пока не знаю, но я сделаю это. Согласно бумагам все произойдет завтра. Я намерен занять пост у особняка, начиная с двенадцати ночи.

— Но...

Он не дал ей продолжать.

— И будь я проклят, если позволю кучке религиозных фанатиков уничтожить Элисон! — Он резко повернулся и принялся шагать по комнате. — И нечего ударяться в панику от всяких там мистических штучек-дрючек! Мы имеем дело с весьма реальными персонажами, никакими не волшебными. Вопрос лишь в том, что они затеяли.

— Все-таки, я думаю, надо позвонить в полицию.

— Нет. В последний раз говорю тебе: нет!

— Пожалуйста.

— Я даже обсуждать это не собираюсь. Никакой полиции.

— Почему? Ты боишься их? Значит, то, что я узнала о твоём прошлом,— правда?

— Я не думаю...

Теперь Дженнифер перебила его:

— Сейчас неважно, что ты сделал тогда. Элисон в беде, и если ты действительно беспокоишься за нее, то прежде всего должен думать о ней, не страшись, что твои прошлые грехи выплывут наружу.

— Я думаю о ней прежде всего.

— Нет, Майкл.

— Нет? По-твоему, я влез во все это ради собственного удовольствия?

— Честно говоря, я не знаю, как и зачем ты влез во все это. — Помолчав, Дженнифер продолжала:

— А может, ты подделал все эти документы. Может, ты нарочно затащил Элисон в музей полюбоваться на ту

старуху. Может, ты заодно со всеми этими своими священниками. Может, никаких священников и нет. А я нужна тебе для алиби, чтобы ты мог убить ее, как Карен, и оставаться чистеньким.

Майкл схватил Дженнифер за волосы и потянул вниз. Она вырвалась, ничуть не испугавшись.

— Никогда не произноси имени Карен,—предостерег он.— Запомни раз и навсегда: Карен убила себя, потому что я бросил ее.

Дженнифер поправила прическу.

— Знаешь, Майкл, я всегда подозревала, что под твоим внешним спокойствием скрываются необузданные страсти.

— Я все же настаиваю на своем плане.

— И что у тебя за план?—скептически спросила она.

— Сегодня вечером я приведу ее сюда.— Он помолчал, обдумывая что-то, и продолжал:

— Ты устроишь вечеринку. Сядь на телефон и пригласи всех, кого только можешь. Зови гостей к десяти, чтобы к нашему приходу здесь уже было полно народу. Я хочу, чтобы все время, пока я буду в особняке, Элисон окружали люди.— По лицу Дженнифер он понял, что она согласна.— И проследи, чтобы она никуда не выходила! Что бы ни случилось, держи ее здесь!

— А если ей станет плохо?

— Я оставляю тебе телефон врача. Он сразу же придет.

Дженнифер неуверенно кивнула, выбора у нее не было.

Майкл обнял ее и зашептал ей в самое ухо:

— Что бы ты ни думала, я люблю эту девушку, и никто не причинит ей зла! Никто!—Столь бурное проявление чувств с его стороны было удивительно.— Я знаю, что говорю.

Дженнифер отстранилась.

— Надеюсь, что это так,—проговорила она, недружелюбно глядя на него.

Майкл собрал бумаги и сложил их в кейс.

— Может, они побудут пока у меня?—предложила Дженнифер.

— Зачем?

Она опустила глаза.

— На всякий случай.

— Нет. Я предпочитаю носить их с собой,— сказал он.— Могут понадобиться.

Он открыл дверь и вышел, прижимая к себе «дипломат». Не слишком ли много он рассказал ей? Он не был в этом уверен. Он даже не был уверен, что ей можно доверять. Возможно, в эту самую секунду она звонит в полицию. Но выбирать не приходилось. Сегодня ночью рядом с Элисон должен быть кто-то. Кто-то, имеющий представление о том, что может произойти.

Майкл брел по Мэдисон, не обращая внимания на сверкающие витрины, затем свернул на 71-ю улицу и остановился на углу, глядя на серую каменную ограду Централ-Парка. Никого. Лишь пожилой согбенный джентльмен в шляпе сидел на скамейке с тростью в руках.

Майкл поворошил ногой опавшие пожухлые листья. Роль героя не для него. Он произнес про себя:

— Мистер Гатц, я хочу, чтобы вы умерли.

Затем завернул за угол и вошел в дом.

— Добрый вечер,— поздоровался привратник.

— Хэлло, Джордж.— Майкл торопливо шел по вестибюлю.

— Мистер Фармер!

— Да.

— Только что к вам в квартиру поднялся какой-то человек.

— Кто?

— Не запомнил его имени.

На мгновение задумавшись, Майкл отрывисто спросил:

— Как он выглядит?

— Эдакий коротышка с огрызком сигары в зубах.

— Черт бы вас побрал! Зачем вы пустили его?

— Мисс Паркер велела,— растерялся Джордж.

Майкл покачал головой и повернул к лифту. Остановился и оглянулся через плечо.

— Его фамилия Гатц. Детектив Гатц.

— Да, сэр.

— Запомните это имя. И никогда больше не позволяйте ему входить сюда без моего согласия.

— Да, сэр. Я понял.

Майкл нажал кнопку с надписью «Вверх». Подождал. Двери лифта раскрылись, и оттуда вышел Гатц.

Завидев Майкла, он остановился и шагнул обратно в лифт.

Майкл замер в нерешительности. Подошел другой лифт, двери его раскрылись. Он проскользнул внутрь мимо выходящего маленького мальчика. Гатц выскочил из своего лифта и ловко сунул руку меж закрывающихся дверей. Двери вновь разъехались.

— Скотина! — заорал Майкл, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься на сыщика.

— Как невежливо, — осклабился Гатц в ответ.

Майкл попытался проскользнуть к дверям, но Гатц быстро среагировал: он закрыл собой дверь, схватил Майкла рукой за горло и затолкал его обратно.

Лифт дрожал, казалось, что тросы вот-вот оборвутся. Детектив приблизился к Майклу.

— А теперь уйми свою задницу!

— Ордер у вас есть?

— Нет.

— Тогда уйми свою.

— Разве для беседы нам нужен ордер?

Майкл попытался нажать кнопку открывания дверей, но Гатц ударил его по руке и плечами загородил панель.

— Успокойся, приятель, — посоветовал он.

— Сам успокойся и убери руки. — Майкл отодвинулся от него. — Что вам надо от Элисон?

— Ничего.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Вас хотел повидать.

— Чтобы поболтать по-дружески?

— Как вы догадались?

— Мне неинтересно болтать с вами.

— Еще как интересно! — Гатц повысил голос. Деваться было некуда; он будет говорить с Майклом, независимо от его желания.

Майкл бросил на него злобный взгляд и опустил занесенный кулак.

— Не могу устоять перед вашим обаянием, — наконец выдавил он из себя.

— С того самого момента, когда я впервые услышал, как вы мелете своим длинным языком, я не переставал подозревать вас, — начал Гатц. — Ни на минуту. У меня есть несколько фактиков — и никаких доказательств.

Я могу лишь догадываться, что и зачем вы собираетесь делать. Но мой нос говорит мне...

— А ваш чертов нос никогда не ошибается. Я слышал это уже тысячу раз.

Гатц ткнул пальцем Майклу в лицо, почти коснувшись его.

— Я предупреждаю вас.

Двери лифта открылись. Вошла пожилая женщина с маленьким белым пуделем в одной руке и подарком в яркой обертке — в другой.

Гатц поднял руку.

— Попрошу вас воспользоваться другим лифтом.

— Простите?

Гатц залез в карман, достал свой бумажник и раскрыл его, показав ей полицейский значок.

— Полиция. Идите в другой лифт.— Он не просил. Он приказывал.

Женщина смерила взглядом маленького детектива и обернулась за разъяснением к Майклу. Тот отвернулся, и ей пришлось выйти. Двери закрылись.

Гатц пожевал сигару и продолжал:

— Я нашел завещание Эндрю Паркера. Большое состояние — и почти все он оставил горячо любимой доченьке. Аппетитная сумма. Словно большой кусок сыра.— Он вытащил из кармана мышеловку и вертел ее в руках.— Это, конечно, любопытно, но ведь люди довольно часто получают от отцов крупные суммы денег в наследство.

— И что из этого?

— Что из этого? Это очень интересный факт. Может, именно поэтому вы хотите избавиться от девчонки или напугать ее до смерти?

— В жизни ничего более нелепого не слышал! Если бы я затеял нечто подобное, то для начала женился бы на ней. А теперь, дружище, я выхожу из лифта.

— Как бы не так!

— Вы хотите, чтобы я снова воспользовался своими связями?

— Это ваше право.

— По-моему, вы забыли, что...

— Нет,— сказал Гатц, и глаза его злобно сверкнули.— Можете быть уверены. Но вы меня выслушаете и ответите на мои вопросы, а уж после этого звоните ко-

му угодно, хоть самому Президенту Соединенных Штатов. Но только после того, как я закончу.

Майкл заскрипел зубами, а Гатц продолжал.

— Я не мог до конца разобраться в этом деле, пока мне не позвонил наш осведомитель. Я просил его осторожно навести справки о прошлом Бреннера. Как следует покопавшись в грязи, он отыскал именно то, что мне было нужно. В феврале 1969 года мистера Бреннера попросили кого-то убить. Ему хорошо заплатили. Если мне не изменяет память, именно тогда миссис Фармер убила сама себя?

— Заткнись ты, придурок. Сюда тебе лучше не соваться! Что, козел, снова захотел в Бруклин гонять со скамеек дрыхнувших бродяг?

Гатц улыбался, слова Майкла ничуть не задели его.

— Мои ребята так и не выяснили, ни кого должны были убить, ни с кем он заключил сделку. Но я это знаю.

— Ничего вы не знаете.

Гатц спрятал мышеловку в карман.

— Да знаю же, знаю. Мой осведомитель выяснил, что недавно то же самое лицо вновь наняло Бреннера для проведения некоего «расследования». Какого рода «расследования», он пока не знает, но пытается выяснить. Обычно типы вроде Бреннера оставляют какую-нибудь информацию о том, чем они занимаются, на случай если их обманут. Просто понадобится время, чтобы найти ее.

— Меня не интересуют криминалистические изыски.

— Сразу видно блестящего юриста!

— И я не понимаю, о чем идет речь.

— На мой взгляд, я достаточно ясно выразился.

— Боюсь, что ваши способности к дедукции так ослепили меня, что я не сумел ухватить сути обвинения.

От возмущения Гатц подпрыгнул на месте так, что чуть не пробил головой потолок лифта. Он вытащил изо рта сигару и швырнул ее в угол.

— Что ж, объясняю. Вы убили свою жену, наняв для этого Бреннера. Вот откуда ваше безупречное алиби. Но я насквозь видел все ваши козни, я и сейчас вижу их насквозь, только более четко.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Не знаю я никакого Бреннера и никогда никакого Бреннера не знал.

— Заткнитесь, я еще не закончил. Вы избавились от своей жены не только потому, что она не давала вам развода. Она пригрозила, если вы бросите ее, рассказать полиции о крупных вятках, которые вы брали. Затем вы обнаружили, что папаша вашей подружки Элисон Паркер богат. И что собирается оставить ей почти все, до последнего цента, так как свою старуху терпеть не может. Жадные люди никогда не меняют своих решений. Вы придумали, как завладеть деньгами. Вам нужен был человек, которому можно доверять, и вы вновь обратились к Бреннеру.

— Теперь все? — спросил Майкл.

— Нет еще! Бреннер появился в доме; выглядел он, как мертвый папаша, и мисс Паркер, которая, как мы знаем, находилась в состоянии тяжелого нервного расстройства, зарезала его кухонным ножом. Видите, она оказалась не столь беззащитной, как вы ожидали. Затем она принялась с воплями носиться под проливным дождем, а вы проникли в квартиру, вымыли кровь, спрятали тело и объявились на следующий день в качестве заботливого друга, надеясь, что неожиданный поворот событий вам не повредит. Так бы оно, наверное, и было, если бы не одна заковыка.

— Какая?

— Я. Вы не могли предположить, что к делу подключусь я.

— Вы, по-моему, спятили, — сказал Майкл. — Нельзя так много смотреть телевизор.

— Зря вы так. Телепередачи бывают порой крайне познавательны, — ухмыльнулся Гатц. Он был доволен, что ему удалось припереть Фармера к стенке.

— Позвольте задать один вопрос, мистер Гатц, — сказал Майкл. — Вы прекрасно знаете, что информация вашего осведомителя не может быть представлена в суде, а это означает, что никаких доказательств у вас нет. Одни лишь домыслы, раздутые до немыслимых размеров, и до краев набитые чепухой. Фантазии вашего чертового «я», которое никогда не ошибается! Вы будете последним безумцем, если предъявите мне официальное обвинение, и сами это понимаете.

— Я найду ниточку, за которую можно потянуть, и обмотаю ее вокруг вашей шеи, пока вы не задохнетесь. Сообщаю это для вашего сведения.

— Я полагаю, теперь у вас все.

— Да.

Майкл нажал кнопку открывания дверей.

— Смотрите не заработайтесь,— предупредил он.

Гатц вышел из лифта; Майкл поднялся на десятый этаж. Распахнул дверь квартиры и прокричал:

— Говорил я тебе не пускать эту чертову ищейку на порог? Ты что, ни черта не понимаешь?

Элисон, дрожа, вскочила с кушетки и замотала головой. Заметив, как она бледна, Майкл понизил голос. Последние несколько дней она выглядела немного получше. А что сейчас? Неужели рецидив?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, кладя ей руку на плечо. Хотя вопрос был излишним.

— Ужасно,— сказала она.

— В чем дело?

— Я не знаю.

— Голова опять болит?

— Да, и кружится, и меня тошнит. Такое ощущение, словно я уже не могу управлять своим телом.— Она покачала головой.— Словно я уже вообще ничего не могу

Майкл насторожился. Неужели это начало?

— Утром это было?

— Нет.

— А когда началось?

— Днем.— Элисон замялась, словно хотела что-то сказать, но не находила сил.— Я потеряла сознание, когда ты ушел.

— Что? — Он не смог удержаться от крика.

— Я потеряла сознание,— повторила она.

— Как долго это продолжалось?

— Час.

— Ты вызвала врача?

— Нет.

— Почему?

— Я боялась.— Она снова села на кушетку.— Я боюсь всего, кроме смерти.— Ее затрясло.— Как ни смешно, но этого я не боюсь.

Майкл обнял ее, стараясь ничем не выдать охватившую его ярость.

— Все будет хорошо.— Он посидел несколько минут, прижав ее к себе, затем встал, подошел к бару, налил себе немного виски и залпом выпил.

Элисон смотрела на него, моля взглядом не то о жалости, не то о понимании.

— Когда я находилась без сознания, мне привиделся старик, сидящий у окна.

— Отец Галлиран?

Она кивнула.

— Не кричи на меня. Я знаю, ты не хочешь, чтобы я думала об особняке и о священнике, но...

— Я не буду кричать на тебя. Померещился тебе священник, так померещился, ничего страшного.— Майкл налил себе еще виски.— Не нравится мне, как ты выглядишь.— Он снова подошел к ней, встал на колени и нежно поцеловал ее в лоб. Поднял руку, провел пальцем по ее векам и щекам.— Больно?

— Да.

— А здесь?

— Да.

— Глаза по-прежнему жжет?

— Да.

Он вглядывался в ее лицо. Теперь кожа стала сухой и безжизненной не только вокруг глаз, но и на щеках, и на кончике носа. Тончайшая сетка морщин затягивала лицо Элисон, врезаясь в нежную кожу. Это выглядело ужасно. Майкл понял, что битва началась и ему пора вступать в нее. Больше некому.

Элисон потянулась и обняла его.

— Я люблю тебя,— шепнула она с горечью.

Сказать ей? Нет! Пусть она остается в неведении как можно дольше. Главное — не позволять ей смотреться в зеркало.

— Майкл, помоги мне.

— Не волнуйся. Я не намерен позволять этому продолжаться.— Элисон всхлипнула.— Сегодня мы с тобой пойдем к Дженнифер. Ты останешься там, ночевать будешь тоже там. Она позвала гостей. Будет очень весело.

— А ты?

— Я буду занят.

— Чем занят?

— Собираюсь провести одно расследование.

Элисон задрожала еще сильнее.

— Майкл,— проговорила она хриплым, срывающимся голосом.— Ты пойдешь в особняк?

— Нет. Просто надо кое с кем повидаться.

— Майкл, голова болит!

— Я принесу аспирина, сейчас все пройдет. Ты должна выслушать меня и поступать, как я велю, не задавая вопросов.

Элисон кивнула.

— На всякий случай, я оставляю Дженнифер координаты доктора Штенберга. Пожалуйста, попытайся, пока меня не будет, принять участие в вечеринке. Выброси все из головы и думай о чем-нибудь другом. Обещай мне, что постарайся. Это очень важно.

— Я обещаю тебе.—И снова она была похожа на беспомощного ребенка, и лишь от него зависело ее состояние, а возможно, и жизнь.

— Попробуй поспать часок-другой. И начнем собираться.

Ничего не ответив, Элисон встала и неверной походкой побрела в спальню.

Майкл налил себе еще виски и поднес стакан к губам, сжимая его рукой сильнее и сильнее, пока тот не треснул. Большой кусок стекла впился ему в ладонь. Он был так взбешен, что не почувствовал боли. Вытащил осколок, обвязал залитую кровью ладонь носовым платком, наполнил еще стакан, одним глотком осушил его и пошел вслед за Элисон в спальню.

25

— Привет,— сказал Майкл.

— Опаздываете.

— Это я виновата,— сле слышно произнесла Элисон.— Слишком долго одевалась.

— Ничего страшного. Мы еще не приступали к еде,— сказала Дженнифер.

Майкл бледно улыбнулся.

— Входите же! Гости собрались в комнате, а не на лестничной площадке.— Дженнифер закрыла дверь.— Давайте я повешу ваши пальто.

— Холодно на улице. Как бы снег не пошел.— Майкл ждал, пока Элисон разделется.— Позволь, я помогу тебе.— Он снял с нее жакет. Не в состоянии скоординировать свои движения, она запуталась в рукавах.

Дженнифер отвела взгляд. Майкл поморщился.

— Ты действительно думаешь, что может пойти снег? — спросила Дженнифер лишь для того, чтобы не молчать.

— Им просто пахнет в воздухе. — Майкл взглянул в сторону гостиной. Когда они вошли, оттуда доносился шумный гомон. Но сейчас в заполненной людьми комнате повисла неестественная тишина, лишь изредка раздавались отдельные голоса и смех.

Дженнифер повесила пальто в шкаф, повернулась и молча смотрела на Майкла и Элисон.

— Уберешь заодно мой кейс? — попросил Майкл, протягивая его Дженнифер. Она положила кейс на полку, мгновение помедлила и снова уставилась на них.

Гости по-прежнему сидели притихшие. Дженнифер замаялась.

— Элисон, — осторожно спросила она, — ты хорошо себя чувствуешь?

Она ожидала, что та будет выглядеть поникшей и измученной. Но не такой! Элисон была вся высохшая! Без кровинки в лице! Ей определенно стало гораздо хуже со дня их последней встречи.

— С Элисон все в порядке, — с нажимом произнес Майкл. — У нее болит голова и ее слегка мутит — вот и все.

— Да, — глухо вторила ему Элисон, бесцельно блуждая взглядом по стенам.

— Майкл, я... — забормотала Дженнифер, не в силах оправиться от потрясения.

— Умолкни, — быстро шепнул он.

И, повысив голос, добавил:

— Вечеринка, похоже, удастся на славу!

— Да, — произнесла Элисон бесстрастно.

Майкл нахмурился, взял ее за руку и повел в гостиную.

— Идем, выпьем чего-нибудь, — сказал он, пробираясь вместе с ней сквозь толпу гостей. Налил ей темного эля, бросил кубик со льдом в стакан виски для себя, помог ей дойти до дивана и оставил ее с друзьями. Как ни тревожился он за Элисон, необходимо было заставить ее вести себя естественно. Майкл застонал от злости, заведя, что к ней приближается своей танцующей походкой Джек Туччи. Вот уж кого он меньше всего хо-

тел бы видеть сейчас рядом с ней! Но что он мог сделать?

Майкл отвернулся и со стаканом в руке прошел в дальний угол комнаты, откуда можно было наблюдать за гостями, не опасаясь, что кто-нибудь к нему привяжется. Вспомнив о том, что ему сегодня предстоит, он улыбнулся и продолжал смотреть на Дженнифер, порхавшую от одного гостя к другому.

Допив виски, Майкл с отвращением уставился в пустой стакан и вернулся к бару.

— Не могли бы вы передать мне виски?

Ему протянули початую бутылку. Он налил себе полстакана, добавил воды, льда и поставил бутылку обратно на стол.

— Простите.— Он пробрался к окну и приоткрыл его. Внимательно посмотрел на Элисон. Отсюда он не мог слышать, что она говорит, но видел, что ей трудно даже шевелить губами.

— Можно тебя на минуточку? — раздался голос Джека Туччи. В одной руке он держал стакан, в другой — изящную, ручной работы, трубку, источавшую сладкий дымок с ароматом вишен.

— Как поживаешь? — холодно спросил Майкл.

— Прекрасно. А ты?

— Лучше не бывает.

— Чего не скажешь об Элисон, — сухо добавил Джек.

— Почему? — поинтересовался Майкл, словно не замечая того, что было очевидно для всех.

— Я несколько раз звонил тебе на работу на этой неделе. Почему ты не перезвонил?

— Мне ничего не передавали. Нет, правда, — добавил Майкл, увидев, как сузились глаза Туччи. — Моя секретарша так необязательна.

— Майкл, ты со мной говоришь, я а не с каким-нибудь яйцеголовым кретином. Я надеялся, что ты допускаешь у меня наличие интеллекта, позволяющее понять, что меня старательно избегают. Так что не будем. — Он взял Майкла за руку и затащил в угол. — Что с Элисон?

— Она больна.

— Чем?

— Почки.

— А поконкретней?

— Джек, если тебе требуется подробное медицинское заключение, позвони ее врачу.

— Я сейчас разговаривал с ней, и она смотрела сквозь меня. Она словно в каком-то трансе: Болезни почек так не проявляются.

— Что бы ты хотел от меня услышать?

— Правду. Элисон больна, но дело тут не в физическом состоянии. Что-то не в порядке с ее психикой. Я должен все знать, чтобы помочь ей.

Майкл бесстрастно смотрел на Туччи.

— Я уже сказал, Джек, это — почки.

— Ты принимаешь меня за идиота!

— Если угодно.

Джек схватил Майкла за руку.

— Я...

Майкл стряхнул его руку.

— Что бы с ней ни происходило, это не твое дело. Извини за резкость.

— Значит, это исключительно твое дело?

— Совершенно верно.

— По какому такому праву? Вас связывают священные узы брака?

— Нет. Но Элисон — моя. И я сверну шею любому, кто сунет нос не в свое дело. Я не желаю продолжать этот спор. Элисон больна. Почки, знаешь ли, барахлят. — Он пошел прочь, злясь на Джека, злясь на себя за то, что не сумел сдержаться. Он подошел к стене и уселся на пол. Разглядывал народ, затем вновь проверил, как там Элисон. Она по-прежнему разговаривала с кем-то, совершенно механически. Майкл попытался представить себя на ее месте, ощутить страдание, боль и страх, которые испытывала она, вкупе с перенесенным недавно ужасом, перевернувшим всю ее жизнь. Но не смог.

— Привет, — сказала Дженнифер, усаживаясь рядом с ним. — Брезгуешь нашим обществом?

— Да, — холодно ответил он.

— Уже двадцать минут двенадцатого.

Майкл взглянул на часы и кивнул.

— Через пять минут пойду.

— По-моему, неплохая вышла вечеринка, — заметила Дженнифер, зная, что ему это столь же безразлично, сколь и ей самой.

— Вечеринка как вечеринка. Постарайся, чтобы после моего ухода Джек Туччи не подходил к ней.

— А в чем дело?

— Он может задать слишком много вопросов, а она сейчас в таком состоянии, что может и ответить.

— О'кей.

— Кто-нибудь еще не в меру любопытный здесь есть?

— Не думаю.

— Ты должна не думать, а знать!

— Есть! — с раздражением ответила она.

— Не спускай с нее глаз. И держи их от нее на расстоянии. Или, на худой конец, пусть болтают о всякой ерунде. Никто не должен говорить с ней о ее здоровье!

— Я прослежу, не беспокойся.

— Сегодня днем я пообщался с Гатцем. — Он помолчал. — Если он снова придет ко мне и не застанет меня дома, он запросто может заявиться сюда. Спрячь ее куда угодно, заслони ее спиной, засунь под кровать. Но его к ней не подпускай.

— Хорошо.

Майкл вложил ей в ладонь листочек бумаги.

— Здесь телефон врача. Если ей станет плохо, позвони. Он сразу же приедет.

Дженнифер кивнула.

Он поднялся на ноги, отряхнул пиджак и пошел через комнату, опустив голову, чтобы никто не пристал к нему с праздною болтовней.

Элисон подняла глаза, Майкл взял ее за руку.

— Прошу меня извинить, — сказал он, поднимая ее с места и ведя через комнату. Она бессильно прислонилась к стене. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — ответила Элисон. Губы ее еле двигались, голос звучал словно откуда-то издалека.

— Хуже не стало?

— Нет.

— Я сейчас уйду, — сказал он, избегая ее глаз. Глядя в них, он ощущал тревогу и угрызения совести. Постараюсь вернуться до того, как закончится вечеринка. Если не успею, спи здесь, а я постараюсь появиться как можно скорее.

— Куда ты идешь?

— Я сам еще точно не знаю.

— Но если...

— Никаких больше вопросов.— Он пошарил взглядом в толпе.— Дженнифер,— позвал он.

— Уходишь? — подойдя, спросила та.

— Да. Позаботься об Элисон.

Майкл открыл шкаф, снял с вешалки свое пальто и переброшил его через руку. Затем взялся за ручку черного кейса и вытащил его.

— Что там? — спросила Элисон, только что заметив его.

— Ничего.— Майкл повернулся к двери.

— Майкл,— сказала Дженнифер,— будь осторожен.

Элисон быстро взглянула на нее, затем прижалась к Майклу всем телом. Он обнимал ее, глядя ее волосы, затем мягко отстранил и легонько подтолкнул к Дженнифер.

— Позволь мне пойти с тобой,— еле выговорила Элисон.

Майкл не ответил. Он открыл дверь и ушел.

26

Майкл подышал на побелевшие от холода руки. На ходу снова натянул перчатки, завернул за угол и медленно побрел по 89-й улице.

Людей поблизости видно не было, стояла почти полная тишина. Казалось, жизнь покинула этот район, где сегодня должно было произойти нечто сверхъестественное.

Мимо Майкла проскочили две машины. Он остановился и посмотрел вперед. Особняк был совсем уже близко.

Майкл вглядывался в подъезд и чернеющие окна, и вдруг порыв внезапно налетевшего ветра ударил его в спину. И окружавший его мрак словно еще более сгустился, и ужас, охватывающий его при мысли о том, что ему придется в одиночку войти в таинственный дом, усилился.

Он начал было переходить улицу, но остановился и поднял глаза. Теперь он видел неясную фигуру, маячившую в окне пятого этажа. Священник. Отец Мэтью Галлиран. Или Вильям О'Рурк? Интересно, он на самом

деле слепой? Узнав о существовании заговора, Майкл сильно засомневался в этом. Возможно, слепота — лишь уловка, прикрытие, позволявшее старику целыми днями сидеть и безнаказанно пялиться в окно.

Сообразив вдруг, что его могут заметить, Майкл метнулся к тротуару. Достал из кармана связку ключей, тихонько поднялся по каменным ступеням крыльца и нырнул в подъезд. Здесь его никто не мог видеть, но вряд ли он был в безопасности. Майкл был готов вскоре встретить кого-нибудь, и, если он не переоценивал своих противников, они поджидали его.

Поставив кейс на под, он достал из кармана куртки фонарь и проверил, как тот работает. Затем достал револьвер и внимательно его оглядел. Заряжен, в полной боевой готовности. Майкл сунул револьвер за пояс.

Он выглянул из подъезда и, никого не заметив, взял кейс, вставил ключ Элисон в замочную скважину и открыл входную дверь. Очутившись внутри, он поднял глаза к потолку, где тускло горело несколько ламп; создавалось ощущение, что холл залит лунным светом. Майкл вынул фонарь и направил его луч на стену. Прорку от этого оказалось мало. Тогда он спрятал фонарь обратно в карман и начал медленно продвигаться вперед, сжимая в руке револьвер.

Неожиданно вздрогнув, он начал целиться в пространство. Там что-то промелькнуло... Его собственное отражение в огромном зеркале! Майкл изобразил на лице гримасу беззвучного смеха и бросил перчатки на столик. Не отрывая взгляда от темнеющего второго этажа, он, собрав все свое мужество, заставил себя начать подниматься по лестнице, которая, казалось, уходила в бесконечность. В одной руке он сжимал револьвер, другой — вцепился в перила.

Элисон кричала, стиснув голову руками, она пошатнулась и упала бы, не подоспей вовремя Джек.

— Принесите льда, кто-нибудь!

Элисон еле держалась на ногах. Все обернулись в их сторону.

— Быстрее же!

Махнув правой рукой, Элисон с трудом восстановила равновесие. Прижав ладони ко лбу, она пролепетала:

— Сейчас все пройдет.

Веселье замерло. Никто не двигался с места. Дженнифер бросилась к ней.

— Что с тобой? — встревоженно спрашивала она.

— Все в порядке, — неуверенно отвечала Элисон.

— Иди сюда. — Дженнифер, не слушая возражений, подвела ее к дивану и усадила. — Я принесу лед.

— Не нужно. Сейчас все пройдет. Оставьте меня на несколько минут.

— Но, Элисон...

— Пожалуйста!

Дженнифер подчинилась и встала. Тридцать пар глаз — испуганных, растерянных — было приковано к ним.

Майкл достиг лестничной площадки и прислонился к обитой панелями стене. Свет здесь не горел. Он достал из кармана фонарик и зажег его, осветив пустой холл. Справа от него располагалась квартира 2-Б, в глубине — квартира 2-А. Подойдя к двери с табличкой 2-Б, он повернул ручку. Заперто. Майкл нащупал на стене выключатель и щелкнул им. Никакого результата. Он покачал головой. Кем бы ни были его противники, они позаботились о том, чтобы ночь ужаса проходила в соответствующей обстановке. Двери заперты, свет отключен. Он посветил фонариком на стену и заметил участок, обитый совершенно новыми панелями, лишенными полировки. Это выглядело довольно странным. Майкла так и подмывало обследовать стену, но он решил отложить это на потом. Вначале нужно обыскать квартиры. Он не оставит там камня на камне, но ключ к разгадке отыщет во что бы то ни стало.

Майкл решил начать с квартиры номер 3-А. В уютном гнездышке Элисон он все перевернул вверх дном. Сорвал обивку с мебели в гостиной, опустошил все шкафы и выпотрошил ящики в поисках скрытых микрофонов, громкоговорителей и прочих технических приспособлений. Подобная участь постигла и спальню, здесь Майкл постарался даже еще больше, ведь в основном таинственные звуки раздавались именно в этой комнате. «Где бы я спрятал микрофон?» — спросил он себя перед началом поисков. Но никакого микрофона он не отыскал.

Единственной добычей явился слой пыли и штукатурки, покрывший его с головы до ног, отчего он стал похож на привидение.

Выйдя на лестничную площадку, Майкл взглянул на часы: двенадцать сорок пять. Он обдумывал план дальнейших действий. Можно подняться в квартиру священника, а можно остановиться где-нибудь посередине. Первое казалось более целесообразным, но на положительный результат здесь вряд ли можно было надеяться. Старик прежде ни разу не открывал дверь, вряд ли он откроет теперь — Майклу по крайней мере. Есть еще две представляющие интерес квартиры: 4-А и 5-Б. «Начнем с 4-А», — решил Майкл.

Элисон прижимала ко лбу пузырь со льдом. Гости вернулись к столам с напитками и закусками.

— Тебе лучше? — спросила Дженнифер.

— Да, гораздо, — еле слышно ответила Элисон. Это не было заметно по ее виду.

— Подержи лед еще чуть-чуть. А чуть попозже я постелю тебе в спальне.

Подошел Джек. Несколько мгновений он вглядывался Элисон в лицо, склоняясь над нею, затем сел и положил руку ей на бедро.

— А не позвать ли нам доктора? — обратился он к Дженнифер.

— Я...

Элисон перебила, отчаянно замотав головой.

— Элисон.

— Не надо, пожалуйста. Не надо доктора, — пыталась выговорить она. Слова звучали невнятно, словно губы и язык не слушались ее.

Джек смотрел на нее, не зная, как себя вести. Элисон силилась улыбнуться. Затем вдруг вскрикнула:

— Голова!

Леденящий душу вопль наполнил комнату.

— Я... я не могу больше! Я...

Пузырь со льдом повалился на пол. Со всей силы сжимая руками голову, Элисон не переставала кричать, а Джек и Дженнифер пытались удержать ее бьющееся в судорогах тело. Рот ее конвульсивно открывался и закрывался, в уголках губ образовалась пена, язык проваливался в глотку. Она задыхалась.

— Разожми ей зубы и достань язык,— велела Дженнифер среди общего замешательства.

Джек засунул руку в рот Элисон, ее зубы тотчас сомкнулись на его пальце.

— Дайте мне ложку, быстро!

— Там на столе!

Двое мужчин бросились за ложкой. Схватившись пальцами за нижние зубы Элисон, Джек тянул ее челюсть вниз. Другой рукой он нащупал язык.

— Готово! — закричал он, вставляя ей в рот ложку и вынимая кровоточащую руку.

Неожиданно тело Элисон перестало содрогаться, она застыла и повалилась на пол, лицом вниз.

Гатц и Риццо неторопливо шагали по пустому коридору полицейского участка. Время от времени из-за плотно закрытых дверей доносился смех. Гатц отпер дверь своего кабинета, подошел к столу и швырнул шляпу на кипу деловых бумаг. Затем развалился в кресле и задрал ноги на стол. Чиркнул о подлокотник спичкой и поджег замусоленный огрызок сигары. Гатц глубоко затянулся, наслаждаясь вкусом табака. Поскреб щетину на подбородке: он не брился с раннего утра, почти девятнадцать часов прошло. Он зевнул. Зевнул еще раз.

— Риццо, спустись к Мак-Гайру и принеси мне чашку кофе.

Риццо кивнул и поспешил исполнять поручение.

Гатц потер глаза и закрыл их.

— Сэр? — послышался от двери голос детектива Ричардсона.

Гатц выпрямился в кресле.

— Что такое?

Ричардсон положил на стол отпечатанный на машинке лист.

Гатц прокашлялся и углубился в чтение. Через минуту он вскочил, вне себя от радости.

— Где ты это раздобыл?

— В тайнике, в одном из ящиков стола Бреннера.

Гатц ударил кулаком по столу.

— Теперь он у меня в руках! — в восторге завопил он. — Спасибо, — обернулся он к Ричардсону.

Детектив вышел, Гатц нажал кнопку селектора.

— Мак-Гайр, Риццо еще у вас?

— Да,— раздался глубокий баритон.

— Риццо, слышишь меня?

— Да.

— Доставь сюда Фармера.

— Будем допрашивать?

— Нет. Арестовывать.

Он отпустил кнопку селектора и снова развалился в кресле. Гатц широко улыбался, но в улыбке его сквозила одна лишь ненависть. Настал час, когда он перебьет хребет этому подонку.

Гатц подвинул к себе телефон и набрал номер.

— Инспектора Гарсиа,— попросил он.— Мы разгрызли орешек,— произнес он, когда на том конце провода раздался ответ.— Ричардсон только что притащил подробную записку об Элисон Паркер, доказывающую необходимую нам связь. Ее нашли в кабинете Бреннера. Нет-нет. Я уже отправил его, Фармер будет здесь не позднее, чем через полчаса.

Гатц положил трубку, пошарил по столу и извлек из-под бумаг мышеловку. Поставил ее перед собой, поднял пружину и тихонько просунул внутрь проволочный крючок. Мышеловка захлопнулась, зажав проволоку. Гатц не стал ее вытаскивать.

— Попаля, словно крыса,— внятно произнес он.

Комнату наполнял шепот.

Элисон вытянулась на кровати с ледяной грелкой на лбу. Ей не становилось лучше. Похоже было, что она находится в коматозном состоянии; она то бессмысленно стонала, то полностью лишалась чувств.

Дженнифер сидела рядом с ней и тихонько разговаривала по телефону. Джек, заслоняя собой кровать, приподнял грелку, пощупал лоб Элисон и велел принести еще льда. Молодая девушка протиснулась сквозь толпу, взяла грелку с растаявшим льдом и заменила ее новой. Дженнифер положила трубку и сказала:

— Доктор уже в пути.— Она достала из мятой пачки сигарету и нервно затянулась.— Он говорит, надо выгнать всех из комнаты. Ей может стать хуже оттого, что рядом столько народу. Джек одобрительно кивнул.

Она встала и, раскинув руки, словно сгоняя овец, провозгласила:

— Я буду всем очень признательна, если вы вернетесь в гостиную.

Любопытные удалились.

Дженнифер закрыла дверь.

— Заметил, какая кожа у нее на веках и щеках? — спросила она, когда Джек поднял на нее глаза.

— Да, — ответил он.

— словно наждачная бумага или сухое дерево. Что-то высосало из нее всю жизнь. Никогда не видела ничего подобного.

Джек осторожно потрогал кожу Элисон, затем выпрямился и расстегнул воротничок рубашки.

— Где Майкл? — спросил он.

— Не знаю.

— Не знаешь? — В голосе его звучало недоверие. — А ты знаешь, что он самый настоящий идиот? Почки барахлят! Я не знаю, что с Элисон, но будь я проклят, если это имеет какое-то отношение к почкам. — Он напругся. — Я заткну этому идиоту в глотку его гнусные зубы.

— Не сейчас, я надеюсь? Посиди с ней, я выйду.

— Хорошо.

Дженнифер улыбнулась, нежно коснулась его руки и вышла из комнаты. Ей было тревожно за Элисон. Но в то же время ей не давала покоя мысль о Майкле, который не потерпит, чтобы кто-то догадался об истинном состоянии Элисон.

Освещая себе путь фонарем, Майкл крался по коридору, мимо кухни и ванной в гостиную. За поясом у него были отвертка и зубило, которые он прихватил с кухни Элисон.

Он устало присел на софу. Поиски ничего не дали. Достав из-за пояса отвертку, он вонзил ее в обивку, выдернул клочок ваты и швырнул его на пол. С каким наслаждением он разнес бы здесь все в щепки — но он сдерживался. Силы могли еще пригодиться.

Майкл пошарил фонариком по комнате.

— Черт побери,— шептал он.— Проклятое логово.

В этой гостиной произошла роковая ошибка, стоившая Бреннеру жизни. Вряд ли необходимо снова обследовать ее, скорее всего он ничего не найдет. Но это единственное, что он может сделать. Пока.

Майкл встал и принялся выворачивать ящики и разбирать паркет. Но ничего не нашел.

Он прошел в коридор и взглянул на часы, их тиканье громко раздавалось в тишине. Час сорок одна. Он уже почти два часа в особняке. Может, он ошибся и ничего не произойдет? Может, они все отменили? Поняв, что он слишком до многого докопался. Испугавшись, что он придет сюда с подкреплением.

Майкл начал подниматься на пятый этаж. На полпути он остановился, засомневавшись, стоит ли взламывать дверь в квартиру священника и заявлять о своем присутствии. Хотя старик не может не знать, что он здесь. Выбора у него практически не было, но тем не менее ему хотелось отложить конфронтацию с отцом Галлираном. Так что он повернулся и принялся спускаться.

И тут услышал скрип двери.

Майкл оцепенел от страха, покрывшись холодным потом. Он кожей ощутил, что позади него находится нечто зловещее, ужасное. Надо бежать. И он уже не спулся, а будто бы падал с лестницы, набирая с каждой ступенькой скорость, подгоняемый враждебной неизвестностью сверху, притягиваемый темнотой внизу. Все его чувства были напряжены; в малейшем скрипе половиц ему чудились вопли притаившегося чудовища. Он неслся все быстрее и быстрее, скользя вниз по ступеням, держа в одной руке фонарь, в другой — револьвер, будучи готовым в любой момент нажать на курок. Эхо торопливых шагов раздавалось в темноте. Вот они проносятся мимо квартир 3-А и 3-Б. Бешено колотится сердце. Майкл потерял ощущение времени, устремляясь прочь от таинственной опасности сквозь угрожающе-спокойную прохладную утробу дома.

И тут он остановился.

Резко повернулся и направил луч фонаря вниз. Ничего. Он глубоко вдохнул, пытаясь восстановить дыхание. Его оцепеневший от ужаса мозг пронзила мысль: а вдруг он сам выдумал этот тянувшийся с древних времен заговор кучки старых дураков и полоумных попов?

Он посветил фонариком на дверь с табличкой 2-А. Прислушался. Все тихо. Он перестал дрожать. Повернулся и осветил холл, лестницу, стены. Луч нацупал неисправную лампочку и заплясал на новой деревянной панели.

Новая панель! Майкл подошел ближе. Да, выглядит довольно странно, надо проверить, что скрыто под ней. Задрав голову наверх, он оглядел края плиты, постучал по ней кулаком. Судя по раздавшемуся звуку, слой дерева был тонким и неплотно прижатым к стене. Возможно, он нашел место, где спрятаны громкоговорители или что-то еще в этом роде. Майкл и сам не знал, чего он искал.

Он вонзил зубило сбоку от панели и, пользуясь им как рычагом, принялся раскачивать ее.

Он с громким треском взламывал доски и отшвыривал их в сторону. Затем отошел полюбоваться плодами своего труда в свете фонаря, который он положил на пол, на пистолет, так, что луч падал непосредственно в центр панели. После чего с ожесточением принялся отламывать оставшиеся доски, пока, наконец, под градом пыли и опилок последние куски дерева не полетели на пол, обнажив то, что скрывалось под ними.

Дженнифер тихонько открыла дверь и на цыпочках вошла в комнату. И закричала. Джек лежал на полу с проломленным черепом. Из раны над правым ухом на пол стекала струйка крови. Лампа, стоявшая прежде на тумбочке у кровати, валялась рядом — в виде груды больших и маленьких осколков, залитых кровью.

Кровать была пуста, окно, ведущее на пожарную лестницу, — распахнуто.

Гости столпились за спиной Дженнифер.

— Что случилось? — спросил кто-то.

Ответа не последовало.

Она подошла к телу Джека и опустила на колени. Он шевельнул рукой, он был еще жив. Дженнифер вскрикнула. Ей было страшно. Ей было очень страшно. Слишком много она видела. Слишком много слышала. Хватит играть в Шерлоков Холмсов! Джек лежит на полу без сознания, истекая кровью. Кто следующий? И куда скрылась Элисон?

Она схватила с тумбочки телефон и набрала одну цифру. Слезы текли по ее лицу.

— Соедините меня с полицией. Это очень срочно.

Майкл истерически захохотал. В этом звуке — глухом и далеком — было что-то невыразимо ужасное. Он разносился по пустому дому, поднимался к пятому этажу, где сидел у окна слепой священник, опускался к первому, окутанному таинственной дымкой. Он нес с собой разочарование, неверие, гнев; одно сменяло другое, пока эхо ревущего звука не достигло самых отдаленных глубин дома и не смолкло.

Он стер годами копившуюся пыль, окутавшую представшую перед его взором поверхность, стряхнул паутину с засохшими насекомыми. Отошел, поднял с пола фонарь и направил его луч на буквы, вырезанные в дереве. И, начав читать надпись по второму разу, он снова разразился тем же жутким хохотом.

Майкл читал:

Я УВОЖУ К ОТВЕРЖЕННЫМ СЕЛЕНЬЯМ
Я УВОЖУ СКВОЗЬ ВЕКОВЕЧНЫЙ СТОН,
Я УВОЖУ К ПОГИШИМ ПОКОЛЕНЬЯМ.
БЫЛ ПРАВДОЮ МОИ ЗОДЧИЙ ВДОХНОВЛЕН:
Я ВЫСШЕЙ СИЛОЙ, ПОЛНОТОЙ ВСЕЗНАНИЯ
И ПЕРВОЮ ЛЮБОВЬЮ СОТВОРЕН.
ДРЕВНЕЙ МЕНЯ ЛИШЬ ВЕЧНЫЕ СОЗДАНИЯ,
И С ВЕЧНОСТЬЮ ПРЕБУДУ НАРАВНЕ.
ВХОДЯЩИЕ, ОСТАВЬТЕ УПОВАНИЯ*.

Хохот его не прекращался, пока хватало воздуха в легких. Затем он прошептал: «Спасибо, Данте», — поднял руку, снял с головы воображаемую шляпу. И снова разразился хохотом. Он уже бился в конвульсиях, до него доходила вся смехотворная нелепость его открытия. Подумать только: особняк на 89-й улице, в самом центре Нью-Йорка, является входом в преисподнюю! Где-то неподалеку, значит, и река Стикс!

* Здесь и далее перевод М. Лозинского.

Майкл затих. Как ни смешно все это звучит, но это — часть чего-то зловещего и вполне реального. Связанного с Элисон. Связанного с церковью и насильным устраниением людей в течение многих лет.

Он встал на колени. И похолодел. Кто-то стоял сзади. Дышал ему в затылок, часто и сдавленно, словно умирающий от пневмонии в последней стадии. Майкл наклонился и, шаря по полу в поисках пистолета, ощущал, что фигура позади него ждет. Гладкий ствол скользнул ему в ладонь. Он осторожно перехватил пистолет поудобнее, осторожно установил указательный палец на курке. Затаив дыхание, обернулся, светя себе фонарем, выставив вперед револьвер, держа палец на курке.

Прямо перед ним стоял отец Галлиран. Лицо было таким же, как и на фотографии в папке. Обтягивающую череп сухую кожу прорезали глубокие морщины. Черные и синие крапинки — на месте лопнувших сосудов — усевали щеки и лоб. Бровей не было. Как и ресниц. Бесцветные вены и артерии раздувались под разлагающейся кожей, казалось, они вот-вот лопнут от непосильного напряжения. Завершали ужасный облик блеклые свалившиеся волосы, покрытые комьями грязи, словно старый священник только что восстал из могилы, для чего ему пришлось продираться сквозь шесть футов сырой земли.

Майкл глотнул ртом воздух и обратил внимание на глаза священника. Без зрачков, без радужной оболочки. Глаза старика покрывали два огромных бельма.

Отец Галлиран был одет в длинную черную мантию; застежка под кадыком поддерживала складки его иссохшей плоти, свисавшие с шеи. Мантия окутывала его всего, включая ноги. Руки с острыми, как у хищной птицы, когтями он сцепил на уровне груди, сжимая ими золотое распятие. Отраженные от него лучи фонаря били Майклу в лицо. Он сощурился и передвинул луч с сверкающего металла.

Священник не двигался. Майкл не вставал с колен. Глаза их были прикованы друг к другу. Майкл смотрел с вызовом. Священник ничего не видел перед собой, но тем не менее продолжал глядеть вниз, словно бы мысли Майкла были открыты для него, а будущее Майкла находилось в его власти.

Священник разжал губы. И издал еле слышный то ли стон, то ли свист. Видимо, омертвевшие мышцы его челюсти не способны были более образовывать слова. Голова его начала медленно раскачиваться взад и вперед. Он явно обращался к Майклу. Он заметил посетителя и чувствовал к нему жалость и, возможно, раскаивался в чем-то. Еще заметными движениями своей увядшей головы отец Галлиран хотел сказать очень многое, но самое главное — предупредить, что ужас еще не начался и что остановить его наступление не может никто.

Старик вновь застонал, повернулся и побрел, держа крест перед собой, обратно к лестнице, по которой только что спустился.

Майкл взял себя в руки. От внезапного появления священника у него едва не остановилось сердце. Теперь, спустя несколько мгновений, оно бешено колотилось. Несмотря на охватившую Майкла панику, решимость, с которой он вошел в дом, не исчезала. Главное — не терять самообладания, уметь смирять первобытные инстинкты, противопоставив им способность мыслить логически и принимать взвешенные решения. Размышляя так, Майкл устремился за священником. Он твердил себе, что тот — самый обычный человек, хотя сам всеми фибрами души сомневался в этом, да и события последних дней свидетельствовали о том, что вступил он в схватку с некой сверхъестественной силой.

Майкл настиг отца Галлирана на первых ступеньках лестницы. Схватил его за руки и направил луч фонаря в лицо, тщетно пытаясь развернуть его. Но старый священник сопротивлялся с неожиданной силой. И продолжал медленно, ступенька за ступенькой, подниматься, держа крест, устремив перед собой взгляд остекленевших глаз.

— Хорошо, приятель, — сказал Майкл, — пора тебе и меня принять в свою игру.

Старый священник слегка повернулся в его сторону, вырвал руку, словно отгоняя назойливое насекомое, и отвернулся, полностью игнорируя присутствие Майкла. Он начал что-то тихо напевать на латыни.

— Я хочу знать, что здесь происходит! Кто за этим стоит? Кто является объектом всей этой вашей игры? Что вам надо? И, клянусь, если я не выясню этого, я сломаю крест о твою башку!

Священник добрался уже до третьего этажа. Он не обращал внимания на крики, на цепляющиеся за него и колотящие по нему руки, на искаженное лицо у своего правого плеча. Он неуклонно продвигался к цели.

Майкл орал:

— Говори же, ублюдок! Говори, или я проломлю тебе череп! — Ярость почти ослепила его. — Почему те люди играли в прятки? Чейзен! Миссис Кларк! Все остальные! Откуда вы все знаете об Элисон? О ее отце? Обо мне? Из отчетов психиатров? Вы видели их?

Он снова тряхнул священника за плечи. Старик остановился и медленно повернул голову. Широко раскрытые глаза его сверкали, их невидящий взгляд пронизывал до мозга костей. Если они действительно выражали его чувства, он был сумасшедшим.

Майкл отступил, не выдержав этого взгляда.

Священник кивнул, снова с жалостью, и стал подниматься на четвертый этаж. Майкл наблюдал за ним, пока тот не скрылся во тьме, потоптался на месте, затем, освещая путь фонарем, бросился вверх по лестнице и схватил уже сворачивающего к своей квартире старика за шиворот.

— Хочешь поиграть со мной? — грозно выкрикнул он. — Тогда позволь мне кое-что сказать! Я только что прочитал, что это местечко является входом в преисподнюю. А ты, значит, местное привидение. Поздравляю. Надеюсь, в вашей лавочке неплохая пенсия. Если нет, я обговорю условия. — Майкл сознавал, что несет ахинею, но он исчерпал запас разумных слов. В любом случае, что бы он ни говорил, это было бесполезно.

Галлиран продолжал петь.

— Скажи же что-нибудь, ради Бога! — прокричал Майкл во всю силу своей глотки.

Гатц выскочил из подъезда участка и поспешил вниз по ступеням. Лицо его было серьезно. Движения — решительны. Следовавший за ним полицейский раскрыл заднюю дверцу автомобиля и сел. Гатц расположился на переднем сиденье рядом с Риццо.

— Куда еще они могли пойти, кроме как к Лирсон, как ты думаешь? — спросил Гатц.

— Не знаю...

— Телефон прослушивается?

— Да.

Гатц сосредоточенно кивнул. Машина заурчала, взревела и сорвалась с места.

— Где она живет?

— В районе пятидесятых улиц.

— Езжай через парк,— велел Гатц.

— Хорошо, сэр.

— Ридцо,— проговорил Гатц со значением,— у меня такое ощущение, что сегодня ночью что-то произойдет.

Не переставая петь, отец Галлиран растворил дверь, которая все это время была столь надежно закрыта.

И пошел по направлению к окну, у которого обычно сидел. Перед окном стояло старинное деревянное кресло. Выглядело оно крайне неудобным: острые углы, жесткое сиденье. Должно быть, для страдающего артритом старика было пыткой сидеть час за часом на твердом дереве, не меняя положения. Но, посветив вокруг фонарем, Майкл понял, что священнику не приходилось выбирать: другой мебели в комнате не было.

Стоя посреди гостиной, он направил луч фонаря в сторону спальни. Сквозь открытую дверь тоже не было видно никакой мебели. Значит, здесь он сидел, здесь спал, здесь ел. Майкл поежился. Ничего похожего на кухонную утварь или пищу он тоже не заметил.

Старик, держа в руках крест, сел и уставился в окно.

— Ублюдок! — заорал Майкл. — Ублюдок! Я сверну тебе шею голыми руками. Я вытрясу из тебя все, что хочу знать.

Он обошел вокруг кресла и обхватил шею священника холодными бескровными пальцами. И начал сжимать их. Старик продолжал что-то напевать на непонятной латыни.

— Ублюдок! Говори же, ублюдок! — выходил из себя Майкл.

Галлиран, задыхаясь, продолжал петь, лишь немного сбившись с ритма. Как бы сильно Майкл не сжимал его горло, он не защищался. В своих трясущихся руках он сжимал крест.

Кресло упало. Майкл и священник распластались на полу.

— Я убью тебя! — кричал Майкл, не выпуская старика. — Ублюдок! Ублюдок!

В сочившемся сквозь сероватое окно мягком свете показался вылетевший из темноты какой-то тяжелый предмет. Снова и снова он с силой опускался на череп. Кровь заливала голый пол. Послышался звук: чье-то тело волокли по деревянной поверхности. Стоны. Кровь. Тишина.

Элисон открыла глаза.

Она тряхнула головой. Ее била дрожь. Где она была? Где сейчас она? И как она сюда попала? Дул ледяной порывистый ветер, а она была без пальто. Она замерзала.

Элисон огляделась и вздрогнула, увидев стоявший на той стороне улицы особняк. Темный, тихий, враждебный.

Мозг ее пронзила мысль: там же Майкл. Она ступила на мостовую и остановилась, почувствовав слабость в дрожащем от холода и ветра теле. Зубы ее безудержно стучали, она терла друг о друга руки. Затем, собрав все силы, перебежала через улицу и вошла в дом.

Наверху по-прежнему горел свет, наполняя воздух туманной мглой.

Элисон подошла к зеркалу, взяла со столика пару перчаток и внимательно их рассмотрела. Это были перчатки Майкла. Значит, он где-то поблизости, он может услышать ее. Она отвернулась от зеркала, хранившего ее неясное отражение и крикнула:

— Майкл!

Звук ее голоса, многократно отразившись от стен, замер где-то наверху.

— Майкл, где ты? — повторила она громким, срывающимся голосом.

Ответа не последовало.

— Зачем ты пришел сюда? — уже тише произнесла она. — Зачем?

И снова крикнула:

— Майкл!

Она вертела в руках тонкие кожаные перчатки. Надо подняться туда, в темноту, и обследовать каждую квар-

тиру. Может, он не слышит ее за толстыми стенами. Или по какой-то ужасной причине не может ответить.

Элисон бросила перчатки обратно на стол.

— Майкл, пожалуйста, ответь мне, — еще раз крикнула она. Подождала немного, но ответа не последовало. Вцепившись рукой в перила, она начала подниматься по лестнице. По мере того, как она преодолевала старые деревянные ступени, желтый туман улетучивался. На полпути Элисон остановилась и подергала перила. Прочные, как и всегда. Хоть на что-то в этом доме можно положиться. Еще раз тряхнув их, она шаг за шагом преодолела расстояние, оставшееся до площадки второго этажа.

Элисон шла по холлу, мимо еле видной надписи на стене.

— Майкл! — звала она.

Она подняла глаза на лестницу, ведущую на третий этаж, и с облегчением вздохнула, увидев, что в конце ее горела, освещая ступени, маленькая желтая лампочка. Элисон шла медленно, помня, как наступила на кошку в ту кошмарную ночь.

Она добралась до третьего этажа и остановилась, как вкопанная, заметив на полу большое круглое пятно и еще какие-то пятна и полосы, поменьше, тянущиеся вдоль по коридору. Удивившись, Элисон присела на корточки и потрогала их, ощутив под пальцами что-то жидкое, вязкое и теплое. Она понюхала кончики пальцев, потеряв их друг о друга и тут поняла, что это кровь.

Дрожа от страха и отвращения, Элисон смотрела на маленькие лужицы и струйки. Похоже было, что здесь куда-то волокли мертвое тело. Следы обрывались в центре холла, как если бы тело подняли и вышвырнули вон из дома. Элисон похолодела от ужаса.

— Майкл, пожалуйста, помоги мне! Где бы ты ни был, пожалуйста!

Она упала на колени, не в силах больше стоять и в изнеможении ползла к двери в свою квартиру, в единственное безопасное место во всем здании.

Привстав, чтобы вставить ключ в скважину, она вдруг нащупала рукой что-то твердое и холодное на полу и, подняв, поднесла это к глазам. Тусклый кусочек желтого металла. Запонка. Четырнадцать каратов. С

инициалами «М. С. Ф.» Майкл Спенсер Фармер. Залитая кровью.

Элисон вскрикнула и сжала ее в кулаке, другой рукой судорожно нащупывая на груди распятие. С трудом она вставила ключ в замочную скважину, плясавшую у нее перед глазами, толкнула дверь и скрылась за ней. Прижавшись к стене, она закрыла глаза и произнесла, задыхаясь:

— Майкл! Нет!

Она вцепилась руками себе в волосы, словно пытаясь вырвать их.

— Помогите! Помогите!

Но никого не было рядом. Одна лишь тьма.

— Я каюсь! Я согрешила! — кричала она. — Согрешила. Оставьте меня! Кто бы вы ни были, оставьте меня в покое! — Элисон забилась в истерику, царапая себя ногтями.

Пронзенная внезапной мыслью, она быстро заперла дверь, задвинула засов, накинула цепочку. Затем, силась что-либо разглядеть в темноте, подбежала к старинной напольной лампе и попробовала ее зажечь. Ничего не получилось. Элисон щелкнула выключателем на стене, он тоже не работал. Тогда она бросилась через комнату к кофейному столику и нажала кнопку маленького светильника. Он осветил комнату. Она была одна.

Вся дрожа, Элисон вернулась к двери и еще раз проверила замки. Затем ринулась в ведущий в спальню коридор, по пути заглянула на кухню и в ванную. Пусто. Свет на кухне не горел, но в ванной лампочка зажглась. «Что происходит с освещением?» — терялась она в догадках. Тихонько прокравшись в спальню, Элисон попыталась включить верхний свет и, когда это не удалось, включила бра. Здесь тоже никого не оказалось. Элисон находилась в безопасности — здесь, в квартире. Но была ли то настоящая безопасность? У нее нет телефона. Нет каких-либо других средств связи с внешним миром. Рано или поздно придется выйти из квартиры. А в любое время суток на лестнице будет темно, как ночью. Что делать? Некоторое время она озиралась по комнате в поисках выхода, затем вдруг бросилась в гостиную. Окна выходят на улицу! Можно открыть их и кричать. Плевать, что поздно. Кто-нибудь обязательно услышит и вы-

зовет полицию. Она торопливо обогнула диван, пробежала мимо напольных часов, камина. Яростно раздвинула шторы и оцепенела. Вместо окна она увидела прочную стену. Элисон издала жуткий вопль.

— Нет! — Она колотила кулаками по стене. Костяшки пальцев ее распухли, сухие глаза нестерпимо жгло. Она дрожала. Другое окно выходит на глухую стену. Ее криков никто не услышит. Она в ловушке.

Элисон отпрянула от окна.

— Мапочка, — всхлипнула она. Перед глазами предстал родной дом. Как бы она хотела, чтобы рядом сейчас оказалась мама. Элисон принялась шагать по комнате, не в состоянии собраться с мыслями. К жестокой головной боли, нарастающей с того момента, как она очутилась на улице, присоединились головокружение и тошнота. Она здесь совершенно одна. Отгорожена от всего мира. Кем? С какой целью? А Майкл? Бедный Майкл. Элисон зашагала быстрее. Она нуждалась хоть в какой-то поддержке. Тут она остановилась, взгляд ее упал на телевизор. Да, на него можно положиться. Элисон щелкнула выключателем. Настройка! Она переключила канал. Музыка. Еще раз. Ничего. Еще раз. Наконец-то! Ночное шоу. Она впилась глазами в экран. Он был живым, настоящим, наполненным шумом и движением. Сознание ее утонуло в мириадах пляшущих разноцветных точек. Она продолжала прохаживаться по комнате, не отрывая взгляда от экрана. Пока, наконец, в изнеможении, не в силах более держаться на ногах, не побрела в спальню. И, упав перед кроватью на колени, уронила голову на дрожащие руки. Она не ощутила прикосновения собственных пальцев к лицу.

— Ангел Небесный, мой Ангел-Хранитель, — отрешенно молилась она. Если бы можно было вернуться в ту церковь и вновь исповедаться. Тогда она, быть может, единственный раз в жизни, ощущала мир в своей душе. Элисон потерлась лбом о кровать, несколько мгновений сидела неподвижно и вдруг начала дико озираться. Она услышала шаги. Опять? Как и прежде, кто-то ходил взад-вперед. Раздался стук. И тут она осознала, что шаги доносятся вовсе не сверху.

Телевизор замолчал. Элисон вскочила. Шаги раздавались в гостиной. Вдруг наступила тишина. Кто-то есть в квартире! Она зажала рот рукой. Это невозможно! Она

же проверяла. Дверь она заперла на засов, а вместо окон теперь стена. Тут Элисон вспомнила о стенном шкафу в гостиной, в который не заглянула. Кто бы ни был в соседней комнате, он скорее всего затаился за его створками и выжидал. Раздалось еще два шага. Послышалось тяжелое дыхание.

Элисон озиралась в поисках спасения. В отчаянии скользнула в стенной шкаф и захлопнула дверцу. Придерживая ее правой рукой, она спряталась среди висящей одежды. И замерла.

Тяжелые шаги раздавались уже в коридоре. Медленно, но неуклонно они приближались к ней и чем громче они становились, тем большее отчаяние охватывало ее. Он, кто бы он ни был, знает, что она здесь, и найдет ее.

Шаги остановились у входа в спальню.

Со всей силы вцепившись в ручку двери, Элисон вдыхала запах нафталина, оберегавшего одежду от моли; от него щипало в глазах и першило в горле. Она поднесла руку к груди. Сердце билось ожесточенно и неравномерно. Такое впечатление было, что оно в любой момент может выпрыгнуть из груди и покатиться по полу.

Шаги послышались вновь. Человек побродил по комнате, несколько секунд помешкал у окна и направился к стенному шкафу.

Она еще сильнее сжала ручку двери.

Шаги приблизились к кровати.

Элисон затаила дыхание, боясь издавать какие-либо звуки, предпочитая задохнуться, но не быть обнаруженной. Она вытерла об одежду потную руку и вновь вцепилась в дверь. В другой руке она сжимала распятие.

Человек обошел вокруг кровати и двинулся по направлению к стенному шкафу. Она замерла. Теплая жидкость заструилась по ее ногам. Моча. Она взглянула вниз и в проникающем сквозь щелку свете увидела, что лужица медленно вытекает наружу. Элисон съежилась и напрягла мышцы, надеясь прекратить поток. Это оказалось невозможным. Она зажмурилась при мысли о том, что моча вытекает в спальню и вот-вот выдаст ее присутствии.

Человек остановился перед дверцей шкафа. Она могла видеть тень, падающую от его ног. Вот оно! Ее охватил мучительный ужас, с новой силой возвратились го-

ловокружение и тошнота. Ручка двери медленно поворачивалась, она вжалась в стену.

Дверь приоткрылась на дюйм. Непрошенный гость глубоко вздохнул и резко распахнул ее.

Элисон в ужасе раскрыла рот.

27

— Майкл! — закричала она.

— Что ты делаешь в шкафу? — ошеломленно спросил он. Элисон буквально упала в его объятия и обвила своими бессильными руками его шею.

— Майкл, Майкл, Майкл, — стонала она, уткнувшись носом ему в плечо.

— Все будет хорошо. Я же здесь.

— Я не могу...

— Успокойся. Я держу тебя. — И он сильнее прижал ее к себе, чтобы дать ей почувствовать, что она в безопасности.

— Я видела кровь, запонку.

— Все будет хорошо, — повторил он. — Все-все-все.

— Голова болит! — вскрикнула она, сжимая руками виски, где бешено пульсировала кровь. — Мне так плохо.

— Знаю. И я знаю, почему тебе плохо. Скоро все пройдет, и ты будешь прекрасно себя чувствовать.

Он перенес ее на кровать и присел рядом.

— Успокойся, тебя никто не обидит, — мягко сказал он, словно и не было никогда никакой опасности.

— Как это, Майкл?

— Скоро, скоро, — сказал он.

— Ты здесь.

— Да, и мне многое нужно объяснить тебе.

— Объяснить?

— Да. За последние несколько часов я раскрыл тайну этого дома. Знаю, в чем заключается роль отца Галлирана. — Элисон вздрогнула при упоминании о таинственном священнике. — Пойми, человеческий мозг просто не в силах это усвоить.

Элисон озадаченно смотрела на него.

— Я расскажу тебе все, но сначала ты должна взять себя в руки и успокоиться. Ты вся дрожишь.

— Со мной все в порядке,— сказала она.— Я хочу знать все. Говори.

Майкл взглянул на нее, сомневаясь, готова ли она услышать то, что он собирался сказать, и начал:

— В это просто невозможно поверить!

— Во что?

— В это.— Он вытащил из кармана листок с переводом Рузински.— Ты когда-нибудь читала это прежде?

Элисон пробежала глазами текст.

— Нет,— уверенно заявила она.

— Читала, только на латыни, в книге. Видишь, я сделал перевод. Но этих слов не было в той книге, хотя ты определенным образом получила их через нее.

— А где же они были?

— Латинский вариант фразы внедрили в твой мозг, так что когда ум твой освободится от всей прочей информации, в нем останутся только эти слова. Это команда.

— Майкл, я...

— Пока тело твое и мозг очищались, тебе постоянно было плохо, у тебя болела голова, тебя мутило.

— Но...

— Я все объясню. Наберись терпения.— Он поднялся с кровати, подошел к шкафу и, достав оттуда книгу, возвратился.— Знакомо тебе это произведение?

— Смутно.

Майкл раскрыл на коленях «Потерянный Рай» Мильтона. Найдя нужную страницу, протянул книгу Элисон.

— Ну и что ты скажешь?

Элисон опустила глаза в книгу и прочла: «Книга четвертая».

— Но Майкл, это нелепо! Я никогда не читала «Потерянный Рай» ни по-английски, ни по-латыни.

— Это отнюдь не нелепо. Отнюдь.— Майкл встал и с книгой в руке прошелся по комнате, словно профессор перед аудиторией.— Данная цитата является предупреждением ангела Уриила ангелу Гавриилу, охраняющему Рай. Уриил узнал, что злой дух бежал из преисподней и направляется к Эдему. После его предупреждения Гавриил отправил двух ангелов к Адамовой куще. Они обнаружили там Сатану, который, оборотясь жабой, прикорнул над ухом Евы, и вышвырнули его из Эдема. Но Сатана под видом вечернего тумана вновь проникает в

Рай с коварной целью и вселяется в спящего Эмия. После этого произошло грехопадение человека. Интересно?

— Да,— ответила Элисон, пораженная блеском его эрудиции.

Майкл заглянул в книгу.

— Сторожевые ангелы покидают Рай и возвращаются на небеса,— сказал он и зачитал:

Отряды Ангельские, торопясь,
На Небо из Эдема воспарили,
Супругам соболезнуя, грустя
Безмолвно, ибо ведали уже
О их грехопаденье и безмерно
Дивились: как незримый Враг проник
Украдкой в Рай?

— Бог простил их и послал Своего Сына судить ослушников. Грех и Смерть, до сих пор сидевшие у врат Ада, следуя Сатане — их властелину,— стремятся проникнуть в обиталище человека.

— Это смешно, Майкл.

— Ш-ш-ш,— он прижал палец к губам.— Слушай.

Элисон кивнула, сморщилась от боли и снова кивнула. Майкл улыбнулся, подошел к окну, держа раскрытую книгу перед собой, и продолжал:

— Сатана вернулся к своим легионам и поведал о своей победе, о новом мире и призвал их следовать за собой в новое царство. Вместо рукоплесканий в ответ раздается соединенный свист и шипение всего собрания, обращенного, вместе с Сатаной, в аминь, согласно приговору, произнесенному в Раю.

Майкл закрыл книгу и поставил обратно в шкаф.

— Мне плохо. Уедем отсюда, пожалуйста.

— Я не закончил.

— Потом закончишь.

— Нет, сейчас!

— Но Майкл, какой в этом смысл?

Он строго взглянул на нее.

— Смысл есть. Я пытаюсь объяснить тебе, что здесь происходит и кто ты есть.

Элисон вздрогнула и пристально уставилась на него.

— Кто я есть?

— Ты страж,— холодно произнес он.— Ты сменишь отца Галлирана, который был им до тебя. А до него бы-

ли другие, целая вереница стражей, восходящая к ангелу Гавриилу.

— Что?

— То, что ты слышишь!

— Нет.— Она покачала головой.— Я ничего не понимаю.

— Когда человек был изгнан из Рая и поселен на Земле, Сатана поклялся, что вернется со своими легионами. Так что Богу пришлось поставить часовых и в новом мире. Но он решил, что ангелам не подобает охранять этот мир, ибо в утрате Рая не было их вины. Грехопадение совершил человек, человек и был поставлен на стражу. Как Гавриил... Как отец Галлиран... И вот теперь ты. Все стражи своим избранием обязаны собственным прегрешениям. Все они пытались убить себя. Они призваны не только охранять Царство Божие, но и искупить свои грехи против самих себя и спастись от вечно-го проклятия!

— Это смешно!

— Разве?

Элисон рассмеялась, преодолевая боль.

— Если бы Бог захотел выбрать часового, он никогда не выбрал бы меня.— Она снова рассмеялась.— После всего, что я... И кем я была...

Он криво ухмыльнулся.

— Пути Господни неисповедимы.

Эти же слова Элисон слышала совсем недавно в церкви.

— Знаешь, каким образом ты попала в этот дом?

— По объявлению в газете, которого ты не сможешь найти.

— Тебя заманили. Никакого объявления в газете не было. Его внедрили в твой мозг так же, как и фразу из книги. Тебе просто было приказано прийти сюда и дожидаться момента, когда отец Галлиран передаст тебе распятие и ты займешь его место. Управлял всеми действиями, обеспечивал твою безопасность бдительный священник. Компаньон мисс Логан. Монсеньор Франкино. Он убрал тело убитого тобой сыщика. Которого, кстати, нанял я, чтобы он обыскал здание и подтвердил или опровергнул все то, о чем ты рассказывала. Франкино отдавал приказание мисс Логан, тоже агенту церкви. Он организовал ее исчезновение, когда страсти слишком накалились.

Этот дом — мост, перекинутый через Хаос. Он связывает Врата Ада с границей этого света. Здесь сидит Страж, ангел Божий на земле и наблюдает за силами зла. — Голос Майкла звучал все громче и громче. — Здесь будешь сидеть ты, когда завершится превращение. Это произойдет сегодня ночью — если никто не помешает. Ты избавишься от всех своих знаний и способностей, станешь дряхлой и страшной, тебя невозможно будет узнать. И ты навсегда усядешься в кресло. Чтобы наблюдать и ждать.

— Что значит «если никто не помешает»?

— Могут помешать. Тебя пытаются уничтожить, заставив отречься от самой себя. Отказаться от собственной жизни. Повторить свой главный грех. Это сложная задача. Вот почему цепь никогда не прерывается. Миссис Кларк, лесбиянки, прочие, кого ты видела, твой отец — все они солдаты легионов Сатаны. Они уже попытались помешать однажды — в ту ночь, когда ты встретила со своим отцом — и сегодня они попытаются вновь. И если им это удастся, адские орды ринутся на Землю.

— Прекрати это! Прекрати! Чего ты добиваешься? Чтобы я сошла с ума? Бред какой-то.

Майкла бросился к ней и порывисто обнял ее.

— Успокойся. Я же здесь, значит, все будет хорошо. Я останавливаю их, но ты должна поверить мне.

— Майкл... Я... — бормотала Элисон, схватившись руками за голову. — Как можно в это поверить?

— Поверить можно, потому что это — правда. Теперь пошли. Я покажу тебе кое-что.

Элисон начала с трудом приподниматься на кровати, но остановилась и как-то странно взглянула на него. Она прижала руку к губам, мгновение подумала и спросила:

— Почему ты не отзывался?

— Я ничего не слышал.

— Но я просто надрывалась.

— Двери в квартирах толстые.

— Какая разница: ведь я была в гостиной.

— Что-что? — переспросил он, не совсем понимая, о чем идет речь.

— Ты не мог не услышать меня, сидя в стенном шкафу в гостиной!

— Мог, — тихо ответил он.

— Майкл! — взорвалась она.

Он нахмурился:

— Я вовсе не был в стенном шкафу.

Элисон судорожно глотнула воздух.

— Дверь была заперта на засов. Как ты вошел? И откуда ты все это знаешь?

Майкл глубоко вздохнул и уже открыл было рот, чтобы ответить, как Элисон вдруг вскрикнула. В темноте, у двери стояла, выгнув спину и округлив глаза, кошка. Джезебель.

— Кошка! — кричала Элисон, забираясь обратно на кровать и прижимаясь к спинке, чтобы как можно большее расстояние отделяло ее от кошмарного животного.

Кошка зашипела и приблизилась на дюйм.

— Убей ее!

— Нет. Мне интересно, чего она хочет, — сказал Майкл.

— Убей ее! — истерически визжала она.

Кошка прыгнула на кровать, подкрадываясь к добыче.

Элисон вжалась в спинку, оцепенев от ужаса. Майкл взял ее за руку, пытаясь успокоить.

— Убей ее!

Кошка пробиравась по кровати и наконец замерла прямо перед ними, приготовившись к нападению. Она злобно зашипела на Элисон и прыгнула... Майклу на колени. Уютно свернувшись в клубочек и еще раз злобно прошипела в сторону Элисон.

Элисон перевела дыхание и вопросительно взглянула на Майкла.

— Майкл, я не... — бормотала она, буквально каменея от страха перед маленьким исчадием ада.

— Ты не понимаешь? — невозмутимо спросил он, поглаживая кошку.

— Нет! — закричала она. Выскочила из кровати и бросилась к окну. — Я ничего не понимаю, но я чувствую, что ты — это зло!

— Что ты, я добрый! — Он разразился смехом, который становился все громче и громче с каждым разом, как он набирал в легкие воздух. Что-то странное появилось в нем, отчего волосы на голове у Элисон зашевелились. Это было по-настоящему страшно. Майкл кричал:

— Меня убил священник Франкино, когда я пытался задушить отца Галлирана, и я проклят во веки веков за свои прегрешения! За то, что нанял Бреннера для убийства своей жены Карен! — Он продолжал хохотать, тело его содрогалось. — Я из легионов Сатаны!

На ее глазах дух его, ласкающий кошку, становился прозрачным, бесцветным, казалось, он мог развеяться от малейшего дуновения ветерка. Смех и звук его голоса словно исходили откуда-то издалека, из царства греха и зла.

Элисон метнулась из комнаты вдоль по коридору к выходу. Запутавшись в замках, слыша медленно приближающиеся шаги, она поняла, что не сможет победить. Если победит он, она будет уничтожена. Но и в случае своей победы она исчезнет, приговоренная к вечному сидению у окна во искупление своих грехов. Но когда, наконец, ей удалось повернуть ключ в замке, отодвинуть засов и снять цепочку — в это самое мгновение она решила, что раз суждено ей быть побежденной, пусть победителем будет Бог. И она станет сидеть и смотреть и превратится в стража его, и спасет себя от проклятия.

Элисон распахнула дверь, бросилась вниз по лестнице на второй этаж, мгновение помедлила перед дверью квартиры 2-А, пробежала через холл и, замерев спиной к надписи, которую все еще не замечала, взглянула вниз. Она пошатнулась и схватилась за перила, чтобы удерживать равновесие. Сзади раздавались шаги. Элисон понеслась вниз, спотыкаясь, падая и на этот раз позабыв проверить прочность перил. Она пробежала мимо висящего на стене зеркала и остановилась как вкопанная.

— Добро пожаловать домой, — ласково проговорил Чарльз Чейзен. Он стоял в дверях, одетый так же, как и в тот вечер, когда впервые появился у нее. — Не бойтесь, — сказал он. — Я ждал вас. Я прямо-таки мечтаю о том, как мы вместе произведем перестановку в моей квартире. У вас такой тонкий вкус. А сами вы такое милое дитя. Я просто млею от восторга, когда вы рядом.

Элисон медленно пятилась назад.

— Джезевель была счастлива, что вы пришли поздравить ее с днем рождения, хотя и не нашли времени купить подарок... В следующем году я дам вам знать пораньше. Непременно!

— Нет! — вскрикнула Элисон.

— Тц-тц, зачем так громко, моим старым ушкам больно. Такое хрупкое дитя и столько шума! — Он начал приближаться к ней.

Элисон похолодела. Она увидела свое отражение в зеркале. Что случилось? Она выглядит старухой, в сотни раз хуже, чем когда вошла в дом. Она закричала и закрыла лицо руками.

А Чейзен продолжал неумолимо приближаться мелкими, аккуратными шажками

— Да,— снова произнес он.— Добро пожаловать домой.— Неожиданно уныние улетучилось с его лица, взгляд его посуровел, рот искривился от ярости. Он напрыгся, воздел вверх руки, словно проповедник, обращающийся к пастве, и принялся извергать изо рта громовые молебны. Стены здания задрожали.— Я преуспел в задуманном превыше всех надежд, и воротился, чтобы с торжеством вас вывести из адских недр,— кричал он, словно помешанный,— проклятой, мерзостной юдоли бед, застенка нашего Тирана.

В глазах у Элисон потемнело.

— Мир обширный достоянием вашим стал, немногим хуже отчины небесной, в опасностях великих и трудах, добытый мною.

Она продолжала пятиться назад, а он медленно навигался, раскинув руки в предвкушении добычи.

— Долго б повелось повествовать о том, что претерпел, пучину невещественную, хлябь безмерную, где правит искони разлад ужасный; ныне Грех и Смерть соорудили там широкий мост, дабы ваш славный облегчить исход.

Отступать стало более некуда, Элисон начала подниматься по лестнице, понимая, что попала в ловушку.

— А что теперь вам, боги, остается, как не встать и поспешить в блаженную обитель!

Он стоял, подняв руки.

Элисон ощутила вибрацию у себя под ногами. Обернулась и увидела, что лестница и холлы заполнены бесцветными неясными фигурами.

Каждая клеточка ее тела горела, словно ее уже жгли адским огнем. Она не знала, куда идти. Назад? В эту толпу? Или вперед? Она неохотно двинулась назад. Назад! По холлу второго этажа, вверх по лестнице, на третий этаж, где на полу была кровь Майкла и лесбиянки

Сандра и Герда, совершенно голые, смотрели на нее и ласкали друг друга. А рядом стояли Малькольм с женой. Идти дальше некуда. Сзади по лестнице поднимался Чейзен.

Дико озираясь, Элисон прошмыгнула в дверь квартиры 3-Б и вскрикнула. На полу лежало истекающее кровью тело Майкла. Бескровные его губы посинели.

Она подбежала к стене и оглянулась. Из спальни вышла миссис Кларк. Вслед за ней выплыли огромные сестрицы Клоткин, их отвратительно колыхающиеся тела внушали ужас. Появился детектив Бреннер. Все они остановились в нескольких ярдах от Элисон и замерли в ожидании.

— Оставьте меня! — закричала Элисон. — Дайте мне умереть! — Из груди ее вновь вырвался вопль. В противоположном конце комнаты неподвижно стоял ее отец. Она всхлипнула. Он не шелохнулся. Он ждал чего-то.

Дверь распахнулась и вошел Майкл. Остановившись у своего мертвого тела, он обернулся к двери. Вслед за ним появился Чейзен — на плече у него подпрыгивал Мортимер. Он прошел в центр комнаты и поднял руки; голоса его паствы смешались в невообразимом режущем ухо крещендо. Не переставая шипеть на Элисон, к хозяйину подбежала Джезебель.

Чейзен опустил руки и шум мгновенно прекратился.

— Ты избранница Господа Бога, Тирана и нашего врага, — обратился он к Элисон. — Ты призвана защищать и охранять вход на Землю. Ты призвана получить знак власти Господа от предыдущего стража и занять его место. Таково твое предназначение, и ты будешь уничтожена, если мы победим. Настал час решительных действий. — Он повернулся к своей Армии. — Мы выполним предначертанное и превратится она в одну из нас и восстанем мы и поспешим в блаженную обитель и предадим весь мир в добычу Смерти и Греху! — Он снова обернулся к Элисон, потрясая скипетром. — Ты сама предашь себя проклятию!

Чейзен вновь поднял руки и вновь пение, бряцание оружия и отзвуки самого Ада заполнили здание. Элисон начала медленно оседать на пол, содрогаясь всем телом. Из рта у нее текла кровь, ее рвало, она не принадлежала больше самой себе, и она жаждала смерти.

Монсеньор Франкино распахнул дверь квартиры 5-А. Рядом с ним в дверном проеме стоял отец Галлиран. В протянутой руке он держал крест, другую руку прижимал к измученной своей груди. Он двинулся вперед, даже дыхание давалось ему с огромным трудом. Он должен был разыскать Элисон и передать ей распятие, дабы не разорвалась цепь и не расчистился путь греху и злу.

Армии ночи восстали, звеня оружием и доспехами. Они бросались на крест, но высшая сила сокрушала их. Легионы выходили на бой со старым священником. Но он шел сквозь всю эту суету. Он шел. Он шел. Отыскивая в толпе своего преемника. Избранника Божьего Стража.

28

— Все назад! — Полицейский обернулся. — Вторую установите вон там!

Любопытные глаза выглядывали из темноты.

— Всем выйти за ограждение или встать на тротуар!

Множество ног зашуршало по щебенке.

— К вам это тоже относится.

— Пресса.

— Какая пресса?

— «Дэйли Ньюс».

— Пропуск есть?

— Да. — Человек вынул из кармана плаща карточку, которую протянул офицеру.

Полицейский внимательно изучил удостоверение.

— Можете остаться, — разрешил он.

— Спасибо, — поблагодарил репортер, входя за ограждение и направляясь к центру событий — особняку, находившемуся на расстоянии примерно в сто ярдов.

Полицейский оглядел столпившихся позади барьера людей. Прислушался к недовольным голосам, сплюнул на землю и перевел взгляд на прожекторы, освещавшие особняк.

Две полицейские машины прибыли сюда минут сорок назад. Первая доставила Гатца, Риццо и еще трех детективов. Вторая — врача и Дженнифер Лирсон в сопровождении

дении нескольких полицейских. Гатц и Риццо немедленно вошли в здание, оставив девушку снаружи.

Они пробыли внутри десять минут, затем Риццо с одним из офицеров покинул здание, переговаривал с остальными и сделал вызов по установленной в машине радиции. Через несколько минут улицу заполонили полицейские автомобили. Привезли прожекторы и заграждения, чтобы сдерживать собравшуюся толпу.

Что произошло внутри дома, оставалось неизвестным. Оттуда больше никто не выходил. Напряжение становилось невыносимым. И в довершение всего пошел снег.

Наконец, парадная дверь медленно растворилась, показались Гатц и Риццо. У крыльца сразу столпились репортеры. Гатц остановился, взглянул на них и обернулся к Риццо:

— Позвони в лабораторию, пусть кого-нибудь пришлют.

Тот кивнул и бросился к полицейским автомобилям. Гатц снова взглянул на томящихся в ожидании журналистов.

— Пока никаких заявлений для прессы. Произошло убийство. Больше ничего сказать не могу. Как только инспектор Гарсиа даст добро, мы вас позовем и обо всем поговорим. А сейчас я попрошу вас посторониться.

— Кто убил?

— Позже, я сказал. А теперь шевелитесь. — Он махнул рукой стоявшему позади репортеров Ричардсону. — Поставь здесь заграждение и всех за него выгони. — Он обернулся к другому офицеру: — Который час?

— Три сорок пять.

Гатц высунул руку на улицу ладонью вверх и поймал несколько снежинок. Похоже, надвигался сильный снегопад. Он слепил из них крошечный снежный шарик и бросил его на землю.

— Холодная ночь, сэр.

— Да. И гораздо холоднее, чем вы думаете.

— Почему?

— Почему? — Гатц улыбнулся. — Долго объяснять. — Он вышел из подъезда — в лицо ему сразу ударил мокрый снег — и обернулся к полицейскому. — Никого не пускать, кроме оперативной бригады.

— Слушаюсь, сэр.

Он бодро спустился по ступенькам, окинул взглядом заполненную народом улицу и подошел к пустой патрульной машине. Облокотясь о капот, поправил шарф и оглядел особняк сверху донизу.

— Специалист по крови и дактилоскописты уже в пути, — сказал Риццо, приблизившись к начальнику.

— Отлично.

Риццо развернул листок бумаги и передал Гатцу.

— Здесь адрес женщины, вызвавшей полицию.

— Из какого она дома?

— Вон из того. — Риццо указал на желтое здание на другой стороне улицы.

— А где она сейчас?

— В участке. Ее не будут допрашивать до вашего приезда.

— Ты говорил с ней?

— Нет.

— А кто говорил?

— Джейк.

— И?

— Это была Паркер. Описание полностью совпадает. Женщина смотрела в окно — она страдает бессонницей — и увидела, как девушка вошла в особняк. Как вы думаете, куда она направлялась? — спросил Риццо.

— Пока не знаю, но мы найдем ее. Лирсон знает?

— Я только что рассказал ей.

— Переживает?

— Да. Доктору пришлось дать ей успокоительное.

Гатц сплюнул на тонкий слой снега, покрывший холодный асфальт, и пристально посмотрел на подъезд особняка.

— Скажи, приходилось тебе когда-нибудь испытывать настоящее разочарование — когда волком выть хочется?

— Да.

Гатц взглянул на Риццо и стиснул кулаки.

— А почему вы спрашиваете?

— Приятно осознавать, что ты не одинок.

— Не понимаю.

— Похоже, я допустил ошибку, Риццо. Ужасную ошибку. А ведь не сомневался ни капельки!

— Но и сейчас нельзя еще быть уверенным.

— Ты прав, нельзя. Но это чувство у меня в животе...

Гатц был сам не свой: задумчивый, мрачный.

Бесконечные часы, проведенные в размышлениях, предпринятые им усилия — все оказывалось ненужным после этой ночи.

Подошел Джейк Берштейн.

— Врач осмотрел старого священника, — сказал он. — Судя по всему — остановка сердца.

— А что за пятна у него на шее?

— Следы рук и ногтей.

— Удушение?

— Возможно. Но не оно явилось причиной смерти.

— Это точно?

— Нет. Надо подождать результатов вскрытия. Но насчет сердечного приступа врач уверен.

Гатц кивнул.

— При Фармере обнаружили что-нибудь?

— Нет.

Гатц покачал головой.

— Я показал девушке черный атташе-кейс, — сказал Джейк.

— Она опознала его?

— Да, и спросила, где бумаги.

— Какие бумаги?

— Не знаю. Она, похоже, помешалась. Когда я спросил о них, она лишь твердила, что у Фармера в кейсе были какие-то бумаги.

— Ничего не нашли?

Джейк покачал головой.

— Пусть обыщут все здание. Мне надо поговорить с ней.

Джейк отошел было, но обернулся.

— Не вешай нос, Том.

— Ричцо, — позвал вдруг Гатц.

— Да?

— Достань ордер на арест Элисон Паркер.

— Какие обвинения?

— Попытка убийства фотографа. Подозрение в убийстве Майкла Фармера. Подозрение в соучастии в убийстве Карен Фармер.

— Да, сэр, — послушно ответил тот. Мгновение он пристально смотрел на шефа, затем повернулся и ушел.

Гатц снова облокотился об автомобиль и потер затянутые в перчатки руки одна о другую. Вот и все. Боже, как он устал! Он подумал об Элисон Паркер. Ведь он полностью освободил ее от подозрений во время расследования «дела Карен Фармер». Неужели он ошибался? И она была виновна, а теперь убирает соучастников? Он ударил кулаком по дверце машины, потянул носом холодный ночной воздух и взглянул на особняк.

Тяжелая дверь растворилась, ее придерживал полицейский в форме. Через несколько секунд показалась облаченная в белое фигура, за ней — носилки с покрытым простыней телом и еще несколько человек. Носилки поместили в подъехавшую санитарную машину и захлопнули дверь. Водитель завел мотор, автомобиль объехал заграждения и скрылся в ночи.

Гатц швырнул сигару в снег.

Дверь парадного вновь отворилась и появилась еще одна группа полицейских с носилками, на которых лежало еще одно тело. Белая простыня пропиталась кровью.

Гатц отвернулся, отыскивая взглядом Дженнифер, чтобы расспросить ее о содержимом кейса.

Детектив Гатц завершил сбор свидетельских показаний, большинство из которых принадлежало Дженнифер Лирсон. И хотя показания эти больше смахивали на бред, он все же решил нанести визит в епархию.

Кардинал изумленно смотрел на него.

— При всем уважении к властям и к вашему расследованию, — начал он, — могу сказать лишь одно: то, о чем вы поведали, невысказано. Это вне сферы реальности, хотя, безусловно, силы Господа и силы Сатаны находятся в непрерывной схватке.

Гатц почтительно кивнул.

— Уверю вас, — продолжал кардинал, — что истину следует искать где-то еще.

Гатц поднялся.

— Я ни в коем случае не допрашиваю Ваше Преосвященство, но прошу Вашего позволения задать еще один вопрос.

Кардинал кивнул.

— В деле замешан священник — монсеньор Франкино. Я пытался отыскать его в Управлении епархии, но безуспешно.

Кардинал встал и снисходительно улыбнулся.

— Неудивительно. Под моим началом нет человека с таким именем. — Он обернулся к секретарю, который в подтверждение его слов кивнул. — И никогда не было.

— Понятно, — сказал Гатц. Он покраснел, отчего-то смутившись. — Простите, что отнял у вас время, — вежливо добавил он, повернувшись к выходу.

Через несколько мгновений он забрался в патрульную машину и сел рядом с Риццо, направляясь на последнюю назначенную на сегодня встречу — с Дэвидом Карузо.

Карузо встретил их у дверей в инвалидной коляске. Они с Гатцем обменялись любезностями, после чего он повторил, что сказал уже все, что мог, и не представляет, какой еще полезной для полиции информацией он располагает.

— Всего несколько вопросов, — настаивал Гатц.

Карузо пригласил его присесть.

— Вы слышали что-нибудь о мисс Логан? — спросил детектив.

Карузо покачал головой.

— Вы смогли отыскать ее домашний адрес?

— Я уже говорил вам, у меня его никогда не было.

Гатц бросил взгляд на Риццо.

— Вы когда-нибудь слышали о священнике по имени монсеньор Франкино?

Карузо мгновение помедлил и произнес:

— Нет.

— Имели ли вы какие-нибудь дела относительно покойного отца Галлирана с представителями Нью-Йоркской епархии?

— Вы уже спрашивали меня об этом пять раз.

— Скажите снова.

— Нет. Прежний владелец заключил договор с церковью. Я купил у него дом перед его смертью. Мисс Логан ни с кем из моих знакомых связей не имела. Мы получили чеки с подписью: М. Лефлер, инспектор.

Гатц покачал головой, затем поблагодарил мистера Карузо за потраченное время и за терпение.

— Идем,— велел он Риццо и, когда они покинули квартиру, добавил: — Отложи пока заявление Дженнифер Лирсон.

За дверью Дэвид Карузо перебрался к окну. Он наблюдал за тем, как Гатц и Риццо залезают в машину и уезжают прочь. Затем покачал головой и пощипал колечки седых волос на тыльной стороне своих веснушчатых рук. Он был спокоен. Разорванная цепь замкнулась, и правда навсегда похоронена.

Он опустил штору, встал с инвалидной коляски и отошел от окна.

ЭПИЛОГ

На панели загорелась цифра «5».

— Обычно в лифтах играет музыка. К сожалению, сейчас система не работает, но дня через два-три ее непременно починят.

Мужчина улыбался супружеской паре. Молодожены, только что из колледжа. Идеальные жильцы.

— Недавно приехали в Нью-Йорк?

— Да. Компания перевела меня сюда из Чикаго.

— А в какой компании вы служите?

— «Юнайтед Эрлайнз».

— Вы летчик?

— Не совсем. Я работаю в отделе рекламы.

Мужчина снова улыбнулся. Хорошая компания. Хорошее положение. Они определенно ему нравились, эти молодожены.

— Когда появится маленький?

— Еще не скоро. Через три месяца.— Девушка хлопала себя по выпирающему животу и улыбнулась.

На панели загорелась цифра «20». Лифт остановился, двери разъехались в стороны. Агент одернул свой недорогой коричневый пиджак и вышел вслед за супружеской четой.

Стены холла были оклеены роскошными обоями, пол устилал толстый ковер.

— На каждом этаже пятнадцать квартир,— рассказывал агент.— Мусоросжигатель — рядом с лифтами.— Он достал из кармана ключ.— А вот и квартира 20-А.— Он вставил ключ в скважину и отпер крашенную серой краской дверь.

Они вошли в небольшую прихожую и, повернув направо, очутились в огромной гостиной. Мебели не было, в квартире явно недавно произвели ремонт.

— Как видите, здесь большая гостиная.

— Можно сказать, слишком большая,— отозвалась молодая женщина. Она прошла по комнате до окна и обратно.— У нас не хватит мебели, чтобы ее заполнить.

— Купим еще, если понадобится,— ответил ей муж. Он обернулся к агенту.— Меня интересуют кладовые. Не станет ли нам тесновато, когда появится ребенок?

— Я понимаю. Взгляните-ка сюда.— Агент отпер дверь в прихожей.— Это кладовка.— Он включил внутри свет.— Как видите, довольно вместительная. Сюда вполне можно ставить детскую коляску.

Девушка с одобрением кивнула и прошла на кухню, оснащенную наисовременнейшим оборудованием.

— Мы платим за газ и электричество?

— Нет. Только за электричество.

Она кивнула, подошла к холодильнику. Открыла дверь, заглянула внутрь.

— Прекрасно. Спальню можно посмотреть?

— Разумеется. Сюда, пожалуйста.

Миновав небольшой коридор, они очутились в спальне.

— Мне нравится,— сказала девушка.— Хотелось бы, конечно, жить в особняке, но, думаю, здесь будет даже лучше. Удобнее и безопаснее.

— Без всякого сомнения. Хотя, не могу с вами не согласиться, встречаются на редкость привлекательные особняки. Были они и здесь, в этом квартале, но их снесли пять лет назад, когда возводили это здание.

— Если мы принимаем ваше предложение, когда можно въезжать? — спросил муж.

— Завтра, если угодно.

Молодой человек обернулся к жене:

— Что скажешь?

— Скажу, что нам это подходит.

— Вот и прекрасно. Теперь давайте спустимся и заполним необходимые документы. Договор должен быть одобрен владельцами дома, но, думаю, здесь проблем не возникнет. Надеюсь, сегодня мы все успеем оформить.

— Здесь всегда так тихо? — спросила девушка.

— Это основное требование, которое мы предъявляем к жильцам. Живите и давайте жить другим! Но этот этаж, пожалуй, самый тихий.

— Почему?

Агент пожал плечами.

— Так уж сложилось.

Прибыл лифт. Первой вошла молодая женщина, следом — ее муж.

— А что представляют собой соседи? — спросила она.

Агент на мгновение задумался.

— Ваши соседи? Так, дайте вспомнить. Во-первых, мистер Дженкинс из квартиры «М». Милейший человек. Играет на скрипке в нью-йоркском симфоническом оркестре.

— Надеюсь, дома он не репетирует?

— Нет. Вы не услышите ни звука.

— А квартира «К»? Она пуста?

— Нет. — Он замаялся. — Наверное, я должен все рассказать, ведь вам здесь жить. Женщина из квартиры 20-К — затворница. Она монахиня и, насколько я знаю, слепая. Можете увидеть, как она сидит у окна, если внимательно посмотрите с улицы. Она поселилась здесь, едва был построен дом. Вот уж кто вас точно не будет беспокоить, так это она. Никогда не выходит из квартиры. И вы не услышите оттуда ни малейшего шороха, даже если будете специально прислушиваться.

— Звучит зловеще, — сказала девушка.

Муж ее улыбнулся:

— Думаю, для наших душ будет полезно пожить рядом с монахиней.

Они рассмеялись.

День был в разгаре, когда молодая пара вышла из дома, покончив со всеми необходимыми формальностями. Они пересекли улицу и направлялись к Централ-Парку, чтобы сесть там на автобус.

Женщина остановилась.

— Смотри, — проговорила она.

Муж повернул голову в указанном направлении и глядел на последний этаж ультрасовременного здания.

— Что там?

— Окно. Предпоследнее. Видишь что-нибудь?

Он прищурился.

— Вроде бы да.

— Слепая монашка?

— Трудно сказать. Но если верить агенту, то да.

— И что ты думаешь?

Он заглянул ей в глаза и улыбнулся.

— Об этом можно будет написать домой.— Чмокнул ее в щеку и оба зашагали вдоль квартала, довольные, что нашли квартиру.

В комнате было темно. Никакой мебели, кроме деревянного кресла с высокой спинкой, стоявшего у закрытого окна, задернутого полупрозрачной занавеской. На сиденье располагалось человеческое существо, совершенно обезображенное годами. Выпученные глаза, покрытые жуткими бельмами. Морщинистая кожа, изборожденная трещинами, словно сухая земля. Синие тонкие губы. Свалившиеся волосы. Восково-бледное лицо.

Существо хранит неподвижность, лишь время от времени вздымается грудь. Застывшие безжизненные руки крепко держат золотое распятие.

ДЖОН РУССО

Полночь

«Во имя религии или ссылаясь на нее, человек способен на самые жестокие и безрассудные действия».

Морган Дрей
«Притяжение колдовства»

ПРОЛОГ

Исторгаемые демоном вопли боли и ярости были слышны еще с дороги, покрытой лужами и густой липкой грязью от непрерывных дождей. Наконец-то он угодил в их ловушку! А стояла она, как и та, вторая, посередине огромного, заросшего высокими сорняками поля.

— Бегите! Бегите же! — иступленно кричала мать. — Шевелитесь!.. И ничего не бойтесь — я вас обязательно догоню! — Она торопливо семенила за детьми, крепко сжимая в руке толстое березовое полено.

Авраам и Льюк — мальчики двенадцати и четырнадцати лет — неслись по дороге с увесистыми лопатами наперевес, и их, казалось, ничто уже не в силах остановить или заставить свернуть с пути.

Синтия, которой только-только исполнилось десять, едва поспевала за братьями. А ведь это именно она своими заклинаниями и молитвами сумела заманить демона в западню. И теперь гордость так и распирала ее. Но все-таки даже сейчас ей было немного страшно.

Девочка слышала, как за ее спиной безудержно хохочет старший брат Сайрус. Хотя ему уже сравнялось шестнадцать, умом он явно не «тянул» на свой возраст. Сайрус отфыркивался и пыхтел, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, и нелепо размахивал короткими толстыми руками.

Наконец вся семья свернула с дороги и теперь мчалась по заросшему густым репейником полю на визг поيمانного существа. Минут пять они упорно продирались через колючие заросли, но наконец цель была достигну-

та: они увидели его как раз на середине полосы отчуждения газопровода, которая широкой просекой пролегла по лесистому склону горы, а затем пересекала все поле.

— Да это же сестра Джимми Петерсона! — ошеломленно ахнул Авраам.

Но он, разумеется, ошибался. Перед ними дергался и визжал в капкане самый настоящий демон.

— Помни, они могут принимать любое обличье! — Мать наставительно подняла над головой указательный палец. — А ты, Льюк, пока не подходи слишком близко. Лучше ударь-ка его сначала лопатой! — Сама она осталась поодаль, грозно размахивая своим поленом.

Существо в западне жутко завывало, изредка издавая душераздирающие истошные вопли. Стальные челюсти капкана с такой силой сомкнулись на его ноге, что через разорванное мясо стали видны раздробленные белые кости. Земля вокруг обагрилась кровью. Но демон никуда уже не мог убежать — прочная железная цепь, которой капкан был прикован к вбитому в землю обрубу рельса, надежно удерживала его на месте. Льюк и Авраам не даром столько трудились над этой ловушкой.

— Убейте его! — пронзительно выкрикнула мать, дрожа от предвкушения долгожданной расправы.

В тот же миг демон перестал визжать и испуганно съежился, став точь-в-точь похожим на маленькую сестренку Джимми Петерсона, — те же веснушки и непослушные, растрепанные рыжие волосы. И лишь глаза выдавали его — зеленые звериные глаза, дикие и яростно сверкающие.

Льюк бесстрашно шагнул вперед, обеими руками сжал черенок лопаты и, не колеблясь, с размаху нанес первый удар. Демон едва успел вскрикнуть, как тут же затих. Острые лопаты раскроило ему череп, проложив глубокую борозду на лице.

— Ур-ра! — вырвалось из груди Авраама, когда существо затряслось в предсмертной агонии. Он подбежал к брату, и теперь они вдвоем с Льюком принялись рубить распростертое на земле крошечное тельце... Издали могло показаться, что мальчики усердно выколачивают ковер. Иногда их лопаты сталкивались, наполняя воздух противным металлическим звоном. Братья остервенело кромсали руки, ноги и голову ненавистного суще-

ства. Когда все было кончено, на земле перед ними осталась лишь бесформенная кровавая масса с еле заметными клочками спутанных рыжих волос.

— Сегодня вы постарались на славу,— от души похвалила их мать.— Ну, а теперь Сайрус сделает гроб, и мы устроим надлежащие похороны.

— А почему он был так похож на сестренку Джими Петерсона? — спросила Синтия, когда старшие братья отошли немного в сторону и теперь, с трудом переводя дух, любовались плодами своей работы.

Мать рассердилась:

— Я уже устала вам повторять, что демоны могут принимать любой вид — хоть кролика, хоть опоссума, а хоть и твой собственный!.. Они могут являться в образе какого угодно человека! Но нам нельзя поддаваться на их обман; если они посланы нам, то наша задача — убивать их!

Сайрус взял у Льюка лопату и, заискивающе посмотрев на довольную мать, еще раз с силой ударил труп по разможенной голове.

Глава первая

Нэнси Джонсон услышала, как тяжело захлопнулась за ней входная дверь церкви, опустила пальцы в чашу со святой водой и осторожно перекрестилась. Недавно ей исполнилось семнадцать лет, и сейчас эта симпатичная белокурая девушка страшно волновалась при мысли о том, что ей предстоит, наконец, исповедаться во всем до конца. Еще два года назад она вступила на путь греха, допуская непростительные вольности во время свиданий со своим дружкой. Но несколько месяцев назад их пути разошлись, душевные раны с тех пор мало-помалу стали затягиваться, и теперь Нэнси хотелось еще очистить свою грешную душу. Она дала себе строгий обет — никогда больше не поддаваться соблазну и не ложиться в постель ни с одним парнем до самой свадьбы. С нее вполне хватит и того, что уже случилось; ведь она-то искренне любила его, а этот негодяй променял ее на первую встречную и оставил одну — в горе и позорном одиночестве. Правда, последнее время Нэнси считала, что это — часть ее прижизненного наказания за содеянный грех.

Нэнси жила в маленьком провинциальном городке и, как большинство его обитателей, регулярно посещала церковь и причащалась. Она окончила приходскую школу, но так как образование в ней завершалось в восьмом классе, потом перешла в светскую, хотя не забывала по воскресеньям брать уроки катехизиса в церкви. Ее нельзя было назвать религиозной фанатичкой, но все же жизнь монахов не казалась Нэнси совсем неприемлемой. Теперь же у нее начал развиваться комплекс вины из-за вполне здорового влечения к сексуальной жизни, и пос-

ледние месяцы она только и мечтала о том, как бы поскорей выйти замуж, чтобы близость с мужчиной перестала быть для нее греховной.

Девушка медленно продвигалась по центральному проходу церкви, с тревогой оглядывая то высокий сводчатый потолок, то громадное распятие впереди, и чувствовала себя маленькой и несчастной. Здесь, в этом храме, от самих стен веяло добродетелью и святостью. Мраморные изваяния Иисуса, девы Марии и Иосифа на время поста были накрыты пурпурным бархатом. Но откроят их уже через неделю, когда наступит долгожданный день светлого Христова Воскресения.

Сейчас же на узких длинных скамьях сидели всего несколько старушек в плотных косынках и черных платьях — жаркими субботними днями на исповедь приходило совсем мало народу. И Нэнси учла это, ведь ей совсем не хотелось отстаивать длинную очередь — ее нервы и так были напряжены до предела.

Со времени своего грехопадения Нэнси ходила на исповедь десять раз, но ни разу не обмолвилась о том, что живет со своим приятелем полноценной половой жизнью. И после этого она еще позволяла себе принимать причастие, хотя на душе ее сохранялись неотпущенные грехи. А это было уже самое настоящее святотатство. Но чем дальше, тем сильнее она боялась признаться священнику в том, что грешила каждый раз, принимая без раскаяния Святые Дары. А причащаться ей приходилось еще и из-за того, что во время службы рядом с ней всегда стояла ее мать, и если бы Нэнси отказалась от причастия, то мать сразу же заподозрила бы неладное.

Девушка преклонила колени между рядами передних скамеек и начала читать по памяти молитву на приотворение к исповеди.

После этого она поднялась и, проследовав в исповедальню, плотно прикрыла за собой дверь. В темноте она чуть не споткнулась о низенькую скамеечку и встала на нее на колени. Отверстие, через которое священник должен был слушать исповедь, было прикрыто плотной бархатной шторкой, и Нэнси в душе надеялась, что духовник не узнает ее голоса. К тому же на занятиях по закону Божьему отец Флагерти говорил, что Господь позволяет ему не помнить исповедей и людей, которые приходят к нему, чтобы он помог облегчить их души. Но

тем не менее Нэнси не стала слишком сильно приближаться к отверстию, опасаясь, что он все же узнает ее.

— Благословите меня, святой отец, ибо я согрешила,— начала она напряженным полусшепотом.— Прошло уже два года с тех пор, как я не исповедывалась вам до конца.

Голос отца Флагерти громом разнесся под сводами церкви, и Нэнси поняла, что его сейчас услышат все, кто находится внутри здания.

— Говорите громче! Я вас совсем не слышу. Подойдите ближе к занавеси.

Она придвинулась буквально на дюйм и повторила все то же, что и в первый раз.

— Так вы утверждаете, что уже два года не исповедывались мне в должной степени? — удивился священник. Казалось, он не верит девушке.

— Да, святой отец,— смущенно призналась Нэнси. Губы у нее пересохли, в горле встал ком, язык не поворачивался, а все заранее приготовленные слова разом вылетели из головы. Она почувствовала, что на лбу начинает выступать испарина.

— Дитя мое, сперва я должен разобраться вот в чем: ты последние два года вовсе не исповедывалась, или же приходила сюда, но в чем-то твои слова были лживыми?

— Именно так, святой отец. Я не все рассказывала вам до конца.

Наступила пауза, и Нэнси поняла, что священник узнал ее, и теперь ему нужно время, чтобы оправиться от потрясения. Наконец он заговорил:

— И сколько же раз ты исповедывалась таким образом?

— Десять, святой отец.

— И, как я понимаю, каждый раз ты не рассказывала мне до конца о своих грехах?

— Да, святой отец.

— А что же тебя заставляло поступать так?

— Я не знаю... Я просто боялась.

— И о каком грехе ты боялась мне рассказать?

— У меня были половые сношения с одним мальчиком, святой отец.— Голос Нэнси вконец упал.

— Понимаю... Он католик?

— Да. Но мы с ним уже расстались...

— Это правильно, дитя мое. Господь наставил тебя на истинный путь, ибо то, чем вы с ним занимались, было тяжким грехом. Ты осознаешь это?

— Да, святой отец.

— Так почему же ты не рассказывала об этом? Разве тебе не хотелось очистить свою душу от стольких грехов и получить господне благословение? Ты ведь знаешь, что и одного такого поступка достаточно, чтобы обречь свою душу на вечные муки в аду...

— Да, святой отец.

— Неужели ты готова навеки отправиться в ад, вместо того чтобы претерпеть очистительный стыд и раскаяться во всем на исповеди?

— Я каюсь, святой отец.

— Хорошо.— Отец Флагерти шумно вздохнул, а потом задал Нэнси вопрос, которого она боялась больше всего: — И после этого ты столько раз принимала причастие, зная, какие страшные грехи отягощают твою душу?

— Да. И в этом я тоже каюсь...

— О Господи, помилуй нас, грешных! Ты хочешь сказать, что в течение целых двух лет ты не получала отпущения своих смертных грехов?! Что за это время ты десять раз осквернила тело и кровь Христову?.. И все только из-за того, что стыдилась признаться в своем грехе?

— Да, святой отец.

Священник снова тяжело вздохнул.

— Ты десять раз отворачивалась от Бога, умалчивая о своих грехах во время исповеди... Но что еще страшнее — ты каждый раз в состоянии смертного греха принимала тело и кровь Христовы, оскверняя этим Святые Дары и само таинство божественного причастия. А это один из тяжелейших грехов, который только может лечь на душу католика. Ты осознаешь, что этим поставила себя на край ужасной пропасти и теперь можешь вечно гореть в геенне огненной? Ты понимаешь, что вот уже два года на тебя не снисходит благодать Господа нашего? А если бы ты умерла в это время, то сейчас бы уже, без всякого сомнения, горела в аду. И твоя бесмертная душа попала бы прямо в руки Сатаны...

— Я знаю, святой отец. Я раскаиваюсь в этом.

— Какие еще грехи ты совершила? Теперь ты должна рассказать мне все до конца, дитя мое.

Все остальное было для Нэнси сущей ерундой по сравнению с тем, что ей только что пришлось пережить. Она быстро заговорила обо всех мелких проступках и вскоре закончила свою исповедь.

— Это все, святой отец.—Наконец облегченно вздохнула девушка.

— Теперь ты должна искупить свои грехи искренним покаянием, дитя мое,— строгим голосом ответил священник.— И для этого тебе надлежит до завтра десять раз прочитать по четкам все известные тебе молитвы. И проси Господа, чтобы он дал тебе силы не входить больше во искушение. Приходи на мессу, принимай тело и кровь Христовы и впредь исповедуйся чаще, только теперь договаривай все до конца.

— Хорошо, святой отец.

Нэнси услышала, как священник начал читать полатыни чин отпущения грехов, а сама стала молиться на родном языке:

— О Господь мой! Прости меня за то, что я огорчила Тебя своими прегрешениями—я в них полностью раскаиваюсь, ибо боюсь навсегда быть отвергнутой Тобой и после смерти пасть в преисподнюю. Но больше всего я каюсь в том, что оскорбила Тебя, причащаясь Твоих тайн с грехом на душе. Ведь Ты так любишь меня, и теперь я полна решимости искупить мои грехи, понести за них наказание и с Твоей милостью изменить свою жизнь. Аминь.

Она подождала, пока отец Флагерти закончит молитву, чтобы получить от него благословение.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Да пребудет с тобой милость, прощение и благодать Господа нашего. Аминь.

— Спасибо, святой отец.

Все еще страдая от смущения и стыда, Нэнси вышла из церкви. Свежий весенний ветерок тут же высушил капли пота на ее лбу. Она почувствовала невероятное облегчение и подняла руки вверх, чтобы ветер подсушил также вспотевшие ладони и подмышки.

Нэнси перешла улицу и решила сократить путь к дому, зашагав через широкую лужайку на другой стороне. В лазурном небе горело ясное солнце, а на душе у нее

было легко и радостно. Уже давно Нэнси не чувствовала себя такой счастливой и свободной.

Потом она посмотрела на часы: без десяти час. Значит, когда она вернется, отчим уже будет дома — а он разрешил ей сегодня взять его машину, чтобы проехаться по магазинам. Ее отчим Берт Джонсон служил в местной полиции, но сегодня его работа заканчивалась в двенадцать. Правда, по дороге он мог заскочить куда-нибудь опрокинуть стаканчик-другой. Ну так что же: если он и задержится, Нэнси в это время с удовольствием примет душ, а пока волосы будут сохнуть, еще успеет вдоволь наболтать по телефону со своей лучшей подругой Патти. А может быть, Патти даже захочет прокатиться вместе с ней за покупками.

Идти было необычайно легко — Нэнси почти не чувствовала своего тела и, приближаясь к дому, начала читать радостные пасхальные молитвы.

Глава вторая

Берт Джонсон, отчим Нэнси, пил в одиночестве, устроившись в дальнем углу тускло освещенного пустынного бара. Сегодня единственными посетителями, кроме него, здесь были какие-то двое уже изрядно подвыпивших приезжих, которые, заметно пошатываясь, с азартом играли в боулинг старого образца — вместо шайб они по очереди бросали на дорожку большие тяжелые шары. Но Берт настолько погрузился в свои собственные размышления о жизни, что ни громкий топот пьянчуг, ни их споры и ругань несколько не мешали ему сосредоточиться. Равно как и шум, производимый кеглями и шарами. Берт посасывал уже пятую порцию бурбона, методично запивая каждый глоток пивом.

Но вот особо яростный крик все же отвлек внимание Берта и, повернувшись в сторону игроков, он с удивлением увидел следующее: один из приятелей незаметно подкрался к другому как раз в ту секунду, когда тот собирался уже бросить свой шар, и ловким движением стянул с него штаны. Шар, разумеется, тут же грохнулся на пол, а незадачливый игрок, выпрямившись и еще не соображая, что происходит, тупо уставился на своего приятеля. Его жирные ягодицы в выцветших несве-

жих трусах противно покачивались над неоновыми лампами кегельбана.

— Эй, там! — окликнул их Слипи, бармен. — Вы, пара шутов гороховых! Может, вам невдомек, что здесь у нас полицейский? Вы что, хотите, чтобы он вас оштрафовал за все это свинство?

— А чего здесь, собственно говоря, такого уж свинского? — с трудом выговаривая слова, оскорбился игрок, натягивая штаны. — Моя задница ничуть не хуже любой другой, и я горжусь ей точно так же, как и ты своей.

— Ну как вам это нравится? — обратился Слипи к Берту. — Почему большинство моих посетителей — это законченные психи или кандидаты в психушку?

Берт ничего не ответил. Вместо этого он одним залпом осушил бурбон и тут же поднял кружку с пивом, давая Слипи понять, что он не склонен сейчас вести никаких бесед. Уловив намек, бармен снова наполнил Берту бокал и кружку, а сам удалился в другой конец бара, чтобы получше следить за игроками во избежание еще одной неприятности. Слипи хранил под стойкой увесистую бейсбольную битку, и сейчас готов был пустить ее в ход, если вдруг выяснится, что гости зашли слишком далеко и могут повредить кегельбан или физиономии друг другу.

Берт Джонсон, изучая свое отражение в высоком зеркале за стойкой бара, пробежал толстыми узловатыми пальцами по редющей каштановой шевелюре. Свою форменную полицейскую фуражку он положил на соседний стул. Револьвер и дубинка, пристегнутые к поясу, больно давили на живот, отчего Берт испытывал дополнительные неудобства. Он подтянул пояс, а потом сразу же отвернулся от зеркала — уж слишком непривлекательным был его вид, и это беспокоило Берта. Ведь он вынужден был признать, что уже не молод, успел обзавестись брюшком, лицо его потеряло прежний лоск, а глаза — задор. Нос же, и всегда казавшийся ему крупноватым, теперь, с полопавшимися от частого питья сосудами, выдавал в нем любителя спиртных напитков. Берт прекрасно понимал, что следует сократить потребление алкоголя, но никак не мог найти причину, которая побудила бы его сделать к этому хотя бы первый шаг.

Больше всего его расстраивал собственный брак. Его жена Гарриет, казавшаяся образцом красоты, очарования и женской грации еще в день их венчания — а было это шесть лет назад, — сразу после свадьбы начала дурнеть, с тех пор сильно постарела и набрала никак не меньше сорока фунтов веса. Берт чувствовал, что она попросту обманула его, не пообещав заранее постоянно следить за собой и не терять былой привлекательности. Он никогда бы не женился на ней, зная, что очень скоро не только перестанет гордиться ее внешностью, но ему станет противна даже мысль о физической близости с этой женщиной... Не то чтобы секс имел для Берта какое-то особенное значение, но все же где-то он слышал фразу, которую надолго запомнил: если брак распадается, то это начинается в постели. Любит ли его Гарриет до сих пор?.. Теперь он уже не был в этом уверен. А может быть, ее целью с самого начала было просто заманить в свои сети мужика, чтобы тот содержал ее и дочь, а сама она могла ничего не делать, валяться целыми днями в кровати, а остальное пустить ко всем чертям на самотек?..

Берту очень хотелось думать, что он пока все же не слишком стар — ведь ему только стукнуло сорок пять. Может, где-то еще ждет его настоящая женщина, ради которой он готов будет изменить привычки и начнет обращать побольше внимания и на свою собственную форму и внешний вид...

Однако мысль о разводе была ему неприятна. А точнее, просто пугала его. Берту вовсе не хотелось, чтобы Гарриет его бросила. Ведь до свадьбы он уже вдоволь нахлебался и одиночества, и сексуальной неудовлетворенности. До тридцати девяти лет он ни разу не был женат, редко встречался с девушками и считал, что не вправе обзаводиться собственной семьей до тех пор, пока не скончается его отец. Старик был инвалидом после катастрофы на мельнице и нуждался в постоянном уходе. А Берту и в голову не приходило, что может найтись женщина, которая, выходя за него замуж, согласится еще взять в нагрузку и семидесятилетнего калеку. А жизнь тем временем проходила... Он честно трудился, продвигался по службе, но все самое лучшее лишь мелькало мимо него, как в кино. Наверное, именно поэтому Берту и казалось вначале, что женитьба на Гарриет от-

кроет в его жизни совершенно новый, счастливый этап. Короче, первое время ему нравилось ощущать себя женатым человеком, но очень скоро от счастливых минут не осталось и воспоминаний. Ну почему же Гарриет не хочет ничего предпринять, чтобы все у них опять стало, как прежде?!

В падчерице Нэнси Берт видел то, что раньше обо-жал в самой Гарриет — энергию, молодость и... сексуальную привлекательность. Иногда он подолгу задерживал на ней пристальный взгляд, когда та ходила по дому в облегающих шортах и полупрозрачной кофточке, под которую даже не надевала бюстгалтера. Может, она это делала специально, чтобы подразнить его?.. Но и тут он не мог дать определенного ответа, хотя ему все чаще приходилось напоминать себе, что она все же — его приемная дочь, а не просто симпатичная девушка с улицы. Берту стыдно было признаваться себе, что временами он никак не может отделаться от навязчивого влечения к Нэнси.

Сейчас же, испытывая приятную истому, он вспомнил о недавнем происшествии во время ночного дежурства. В участок позвонил неизвестный и сообщил, что за школой кто-то в неположенном месте припарковал машину, и Берт отправился на патрульном автомобиле выяснить, не намечается ли там акта вандализма или попытки проникнуть внутрь здания.

— Скорее всего это какой-нибудь молодняк трахается,— предположил Эл Маккой, напарник Берта.

Но тем не менее им пришлось соблюсти все меры предосторожности: они подъехали к школе на небольшой скорости, с потушенными фарами, и Берт остановил машину за углом, чтобы раньше времени не привлечь к себе внимания нарушителей. Оба полицейских вышли из автомобиля и дальше двинулись уже пешком, с фонарями и оружием наготове, зная, что в любую секунду могут застигнуть преступников за работой.

Вспоминая это сейчас, Берт готов был поклясться, что в тот момент они с Элом подумали об одном и том же — как хорошо было бы встретить в качестве правонарушителя смазливую девицу со спущенными трусами.

Остановившись футах в двадцати от машины — а ею оказалась последняя модель «шевроле»,— они сразу же услышали звуки, которые ни с чем нельзя было перепу-

тать. А слышимость в тот вечер была прекрасной — спасаясь от жары, владелец машины опустил в ней все стекла, хотя и по раскачиванию корпуса на рессорах полицейские сразу смекнули, что происходит внутри.

Берт так и не понял, почему они с Элом не пристегнули тогда к ремням револьверы и так же тихо не ретировались, оставив этих детей развлекаться дальше. Ведь было совершенно очевидно, что приехали они сюда не с целью ограбить школу, а занимались своим делом и никому не собирались мешать.

Но, будто сговорившись, полицейские подошли к автомобилю и долго наблюдали за счастливой парочкой при свете луны — Берт, стоя у дверцы водителя, а Эл — с другой стороны. А молодые люди тем временем, забыв обо всем на свете, даже не подозревали, что на них внимательно смотрят.

И тут, как по сигналу, оба блюстителя порядка разом включили свои фонарики. От неожиданности юноша с воплем подскочил чуть не до самого потолка и тут же, повернувшись к свету, потерял эрекцию. Девушка завизжала. Она была очень хороша собой — длинные черные волосы мягкими волнами спадали на спину, совсем не закрывая крупных упругих грудей. На вид ей можно было дать лет пятнадцать, не больше. Парень стал судорожно искать одежду, схватил первое, что попало под руку — а это были ее красные брюки — и попробовал хоть как-то прикрыть свою наготу. Девушка в это время беспомощно озиралась по сторонам, пытаясь спрятаться за его телом. Наконец она замолчала и теперь выглядела, как перепуганная лань на шоссе, ослепленная неожиданным светом фар. Берт не мог оторвать взгляда от ее напряженных сосков, которые ей так и не удалось скрыть от его жаждущих глаз.

— А-а, легавые! — презрительно фыркнул юноша, всем своим видом желая показать, что ничуть не напуган столь внезапным появлением стражей закона. — Ну и какого рожна вам здесь надо?

Он был постарше девушки — лет двадцати с небольшим, и теперь, постепенно оправляясь от испуга, старался вести себя развязно и грубовато. Ему даже хватило наглости, чтобы хладнокровно натянуть свои джинсы, хотя лучи фонарей в это время до мелочей высвечивали дрожащую фигуру его подруги.

— Билли! Что ты делаешь? — взмолилась девушка, заметив, что лежит перед полицейскими, как на витрине.

Эл и Берт без зазрения совести рассматривали ее, жадно пожирая глазами.

— Мы не совершили ничего предосудительного, — объявил юноша. — И вы должны немедленно оставить нас в покое.

— Твоему спокойствию можно только позавидовать, — растягивая слова, ухмыльнулся Эл. — А тебе никогда раньше не приходилось слышать о развращении несовершеннолетних?.. Надо бы дать тебе по зубам прямо вот этим фонарем — а то, мне кажется, ты еще и не до конца понял, с кем разговариваешь!

— Одевайтесь, вы, оба — и поживее! — рявкнул Берт. Он чувствовал, что во рту у него пересохло, а это было первым признаком начинающейся нервозности. Но, к своему стыду, он ощущал, что у него развивается самая настоящая эрекция. Он намеренно не отводил луч фонаря от салона машины, давая этим понять, что молодым людям и в самом деле пора уже облачиться. Когда девушка нагнулась за брюками, Берт с тоской отметил про себя, насколько роскошно выглядели ее груди и бедра, когда она натягивала сначала трусы, а потом футболку.

Когда незадачливая парочка наконец полностью оделась, Эл не смог отказать себе в удовольствии прочесть им небольшую лекцию о том, как должны вести себя добропорядочные девушки и что скажут ее бедные родители, когда узнают, чем она занималась ночью в общественном месте. И, конечно, он не забыл добавить, что за соращение несовершеннолетних ее юный приятель может запросто хлопотать себе срок. Девушка расплакалась, а ее спутник мрачно смотрел на Эла, всем своим видом показывая, что эта проповедь несколько не пугает его, и он не только не раскаивается, но и слушает все это с чувством досады, тоски и уныния.

А Берт все это время продолжал думать о прекрасном манящем теле девчонки.

— Мы и сами могли бы ее трахнуть, — неожиданно заявил Эл, после того как машина с молодыми людьми уехала.

Берт задумчиво почесал щеку и молча завел мотор патрульного «форда».

— Я тебе говорю,— не унимался Эл,— мы запросто могли бы сейчас урвать и свой кусок лакомства. И ей, кстати, это тоже несколько бы не повредило!.. Если бы, разумеется, мы не были такими дубоголовыми и честными полицейскими.

— Я думаю, ее приятель вряд ли стоял бы тихо в сторонке, дожидаясь своей очереди.— Берт начинал раздражаться.

— Думаешь, нет? А ему-то что? Это не его задницы дело! Что-то не очень они похожи на влюбленных голубков. Тебе так не показалось?

— Послушай, хватит об этом, договорились?

— Ладно,— сплюнул Эл.— Просто я уверен, что у нас только что сорвалась неплохая разминка для наших старых костей.

— Да, девица была — что надо! — тоскливо произнес Берт.

— Вот и я про то же,— согласился Эл.— Мне такие всегда нравились. А как вспомню свою жену... Ведь это то же самое, что трахать старую самодовольную корову, пока она жует свою гнилую солому.

Берту сразу представилась Гарриет... и Нэнси.

Глава третья

Скользая рукой по гладкому поручню из красного дерева, Синтия поднялась наверх к комнате матери, для порядка постучалась и зашла. Как всегда, мама сидела в своем любимом кресле-качалке.

— Приближается Пасха,— сказала Синтия.— Пора бы уже собираться и нашим гостям... Судя по открыткам, на этот раз прихожан будет не меньше двухсот — кое-кто приедет даже из Калифорнии.

В последнее время мама была не слишком разговорчива, но Синтия научилась уже «читать» ее мысли и прекрасно знала, что та сейчас очень довольна. Ведь на праздник приедет так много народу!

— Льюк и Авраам уже украсили часовню, а Сайрус доделывает гробы. Тех, кто приедет пораньше, я пошлю за продуктами, а потом они помогут мне наготовить всего. Так что не волнуйся, тебе ни о чем не придется беспокоиться. Мы сами сделаем все, как ты нас учила.

Но все равно лицо матери почему-то показалось Синтии взволнованным и, чтобы успокоить ее, дочь добавила:

— Для ночных ритуалов будут три девушки. Льюк и Авраам уже поймали одну. А к Пасхе мы раздобудем и еще двух.

Эта новость явно обрадовала мать.

«Как было бы хорошо, если б и папа был сейчас с нами!» — чуть не вырвалось у Синтии, но она вовремя сдержалась, улыбнулась, а вслух произнесла:

— На службе будет много интересных людей.

Синтия часто вспоминала отца, но мать не любила разговаривать о нем и ни разу даже не упомянула его имени с тех пор, как ровно десять лет назад он их бросил.

— Все идет точно по плану, — заверила Синтия. — Тебе не о чем волноваться.

Глава четвертая

Нэнси Джонсон в одних трусиках и прозрачном лифчике сидела на кровати со скрещенными ногами и болтала по телефону со своей подружкой Патти. Она только что приняла душ и теперь расчесывала волосы, а трубку держала, зажав ее между ухом и плечом, чтобы руки оставались свободными. Оглушительная музыка из приемника нисколько ей не мешала. Ей нравилось быть дома одной, когда можно вытворять все, что взбредет на ум. А вот если бы мать оказалась сейчас поблизости, она обязательно заставила бы ее либо выключить радио, либо перестать болтать по телефону, чтобы не испортить слух и не начать носить специальный аппарат для тугоухих уже в ранней юности.

Патти только что сообщила подруге, что мальчик, который ей давно уже нравится, наконец-то пригласил ее на завтрашний школьный бал.

— Да ну! Ой, Патти, я за тебя очень рада! А что я тебе говорила: рано или поздно он обязательно созреет. Я же видела, какие взгляды он на тебя бросает... Он, наверное, просто малость застенчив. Но я все равно уверена, что вас объявят королем и королевой этого бала.

— Да, но я-то совсем не такая скромница!— отпарировала Патти, которая, вероятно, считала застенчивость отрицательной чертой для людей своего возраста.

— Ну, уж это я знаю. Вот твоя эксцентричность и будет компенсировать его скромность. Ты меня понимаешь? Противоположности ведь всегда тянутся друг к другу...

— Наверное, так оно и есть.— Патти не могла с этим не согласиться.

Нэнси закончила расчесывать волосы и теперь любовалась своим телом, разглядывая его в большое зеркало у двери и одновременно прикидывая, не слишком ли полна ее грудь и достаточно ли стройны ноги. А Патти тем временем с сожалением говорила подруге, что никак не сможет поехать с ней по магазинам, потому что ее мать («даже в субботу!») успела навесить на нее кучу домашних дел.

И в этот момент раздался звонок во входную дверь.

— Патти, подожди секундочку! Кажется, отчим вернулся,— попросила Нэнси.

Положив трубку на кровать, она наскоро накинула короткий халатик и заспешила на звонок, который трещал без умолку, будто отчиму до зарезу требовалось поскорей попасть в дом. Открыв ему дверь, Нэнси испуганно отшатнулась: Берт Джонсон стоял перед ней в стельку пьяный, ухватившись обеими руками за притолоку, чтобы не потерять равновесие и не грохнуться на пол прямо в прихожей. Девушка нахмурилась и отошла в сторону, давая ему беспрепятственно войти внутрь.

— Привет, папуля,— с явным неодобрением сказала она.

Развязным тоном, едва ворочая языком, Берт Джонсон тут же откликнулся:

— Здравствуй, радость моя! Как насчет хорошенького теплого поцелуйчика любимому папочке, а?

От изумления Нэнси застыла как вкопанная. Конечно, и раньше случалось, что он приходил домой подшофе, но никаких разговоров о «поцелуйчиках» ни разу до сих пор не было. Он всегда относился к ней довольно спокойно, если не сказать прохладно, и в общем так до конца и не заменил родного отца. Поэтому столь резкая перемена в его поведении была для Нэнси непонятной и неожиданной и заставила девушку насторожиться.

Нетвердой походкой Берт шагнул в прихожую и тут же буквально повис на плечах своей падчерицы, всем телом прижав девушку к стене и дыша ей в лицо густым перегаром.

— Папа! — взвизгнула Нэнси и отвернулась.

Он недоуменно отпрянул, но все же продолжал прижимать ее к стене широко расставленными руками. Теперь его голос стал тише, и в нем зазвучали даже какие-то просительные нотки:

— Нэнси, не надо каждый раз меня называть папой. Какой же я тебе отец? Я ведь твой отчим, и мы оба это прекрасно знаем... У нас нет с тобой кровного родства. А поэтому ничего дурного не случится, если время от времени между нами будет кое-что происходить... Ну так как же насчет поцелуйчика? — Неожиданно он притих и оглянулся по сторонам, будто прислушиваясь. — А где твоя мать? — почти шепотом спросил он.

Нэнси, пригнувшись, поднырнула под его руки и медленно попятилась по направлению к своей комнате.

— Она в парикмахерской. Ты что, забыл? — заговорила она на ходу. — А ты, кстати, обещал мне дать сегодня свою машину, чтобы я съездила за покупками. Можно? — Этими вопросами Нэнси втайне надеялась отвлечь похотливого отчима от его уже вполне очевидных намерений. Но, заметив в его глазах жадный блеск, испытала прилив удушливого страха и помимо воли начала заметно дрожать.

Бросив на банкетку в прихожей свою фуражку, Берт ловким движением поймал ее за запястье и притянул к себе.

— Конечно, милая, можешь взять мою машину, но сперва — обещанный поцелуй и жаркие объятия. Ну, чего ты меня боишься? Я ведь не кусаюсь.

Девушка отвернулась, а он слюнявыми губами поцеловал ее в щеку. Нэнси не пыталась вырваться, боясь разозлить отчима еще сильнее. Вместо этого она попробовала хоть как-то вразумить его:

— Ну, папа!.. Мне больно. Пожалуйста, отпусти меня. Я говорю сейчас с Патти по телефону. Она меня ждет. Она ждет, когда я снова возьму трубку. Я сказала ей, что только спущусь на секунду открыть тебе дверь...

Он немного ослабил хватку, и Нэнси, вывернувшись, бегом бросилась в свою спальню, тут же захлопнув за

собой дверь. Здесь она глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки, и только потом подняла трубку, которую всего пару минут назад оставила на постели.

— Патти, это я. Патти! Ты меня слышишь? Черт! Ты что, трубку повесила?

Берт Джонсон тяжело опустился на стул в коридоре второго этажа, не дойдя всего несколько шагов до спальни Нэнси. Его раздирали сейчас весьма противоречивые чувства — вина, стыд и сексуальное возбуждение. Но страшнее всего ему казалась перспектива, что эта попытка овладеть Нэнси так ничем и не кончится. Ведь кто ее знает — сохранит ли она все это в тайне или сегодня же нажалуется матери? А тогда уж Гарриет наверняка подаст на развод. Вот проклятие! Маленькая сучка! Ведь она каждый день щеголяла перед ним по дому почти раздетая, а теперь, когда он наконец отважился на первый шаг, притворяется, будто сильно испугалась. Чего она добивается? Чтобы ее долго упрашивали?

Нэнси повесила трубку и, посмотрев на дверь спальни, решила, что будет лучше запереть ее на замок. Но едва она собралась сделать это, как дверь неожиданно распахнулась и на пороге появился отчим. Он успел уже снять рубашку, и теперь его дряблый живот жирной складкой свисал на ремень форменных полицейских брюк.

— Ну, иди ко мне, Нэнси! Покажи, крошка, как ты умеешь любить, а то я уже забыл, как это делает твоя мамочка...

— Отстань от меня! — Нэнси отступила назад, хотя в голове ее промелькнула мысль, что, возможно, было бы правильное стоять и не шевелиться, показывая этим свою решимость не поддаваться ему. Хотя надо признаться, она мало что понимала в эту минуту.

— Ну позволь мне хоть посмотреть на тебя! Клянусь, я и пальцем тебя не трону, — взмолился Берт. — Ну сними, пожалуйста, свой халатик... Я хочу видеть тебя всю. Я только посмотрю — и сразу уйду... Если, конечно, ты сама ничего больше не захочешь.

— Да ты... ты просто спятил! Ты не соображаешь, что говоришь! Ты ведь мой отчим! Сейчас же убирайся отсюда, иначе я все расскажу матери!

— Ну, что ты... Я же понимаю — ты просто обязана поломаться немного, чтобы показать мне, как ты себя

ужасно. Но только не вздумай уверять меня, что ты еще девственница. Я прекрасно слышал, чем вы тут занимались по ночам со своим дружкой.

— Пошел к черту! — с отвращением выпалила девушка.

И тут Берт рванулся вперед с явным намерением схватить ее за грудь. Однако Нэнси в последний момент удалось увернуться, и она со всего размаху влепила ему звонкую пощечину. Отчим остановился и, бросив на нее гневный взгляд, тяжело задышал. А потом молниеносным движением руки рванул ее за ворот халата. Ткань затрещала, по полу запрыгали оторванные пуговицы. Нэнси заплакала, а он продолжал разрывать на ней одежду, пожирая девушку жадным взглядом.

Когда с халатом было покончено, отчим сгреб Нэнси в охапку и начал покрывать поцелуями, одновременно пытаясь стащить с нее лифчик. Но это ему никак не удавалось и Нэнси, отчаянно отбиваясь, почти уже выскользнула из его пьяных объятий. Но Берт успел просунуть колено между ее ног и, пользуясь своей силой, повалил девушку на кровать. Здесь она не могла больше ни изворачиваться, ни лягаться — слишком велик был его вес, под которым Нэнси чуть не лишилась сознания. Наконец рука Берта нащупала ее грудь, а другой он начал судорожно шарить по всему ее телу, то и дело норовя забраться в трусы. Но чрезмерное возбуждение и избыток алкогольных паров все же подвели его: сражаясь с трусами, Берт настолько погрузился в свои действия, что не заметил, как Нэнси, извернувшись, смогла-таки дотянуться до стоящего на ночном столике приемника, по-прежнему передающего рок-концерт. И в следующую секунду девушка изо всех сил обрушила увесистый аппарат на его лысеющую голову. На какой-то миг изумление в глазах Берта смешалось с испугом, а потом он разом обмяк и потерял сознание.

Не помня себя от ужаса, Нэнси выбралась из-под его грузного тела, натянула трусы и, увидев себя в зеркале почти голую, схватила с пола бюстгальтер, тут же как напаялив его.

Первой ее мыслью был страх, что этим ударом она убила его. Нэнси осторожно подняла руку отчима, нащупала пульс и успокоилась. Рука безвольно упала на простыню, и почти в ту же секунду Берт захрапел. Нэнси

никак не могла взять себя в руки. Еще какое-то время она стояла неподвижно, молча уставившись на него.

Что он будет делать, когда придет в себя? И как после этого они все втроем смогут уживаться здесь под одной крышей?..

Обойдя широкую кровать, девушка раскрыла шкаф и нашла в нем небольшой чемоданчик. Раздвинув на туалетном столике коробки с бижутерией и косметикой, она поставила на него чемоданчик, а потом, перерывая полку за полкой, стала наполнять его своей одеждой.

Берт Джонсон по-прежнему лежал на спине и громко храпел.

Нэнси была в смятении. Слишком уж неожиданно она оказалась отрезанной от целого мира, который привыкла считать своим и думать, что в нем царят спокойствие, мир и любовь. Но теперь она ясно понимала одно: надо немедленно бежать отсюда. В этом сомнений не было. Вот только куда она побежит — об этом Нэнси не имела ни малейшего представления.

Глава пятая

Синтия вспоминала те времена, когда они только начинали ставить капканы. Ее тогда еще удивляло, насколько хитроумно устроены эти штуковины, хотя занималась ими вовсе не она, а ее братья Льюк и Авраам. К сожалению, Сайрус, самый старший из братьев, был довольно бестолков в подобных вещах, и ему даже близко не позволялось подходить к ловушкам. Хотя, с другой стороны, Сайрусу не было равных в изготовлении крошечных гробиков для птичек и мышей. А у Льюка и Авраама было по три разных капкана, которые подарил им дядюшка Сэл.

Синтия хорошо помнила эти приспособления — их зазубренные острые челюсти, захлопывающиеся с помощью пружины и специальной петли, плоские металлические пластины, на которые помещалась приманка, стальные цепи и колья, которые вбивались глубоко в землю и как надежные якоря держали капканы на месте, не позволяя жертве сбежать. Хотя на самом деле началось все еще задолго до этих капканов. Сначала были бесконечные маминьы рассказы — давным-давно,

еще когда они жили в городе над маленьким магазинчиком, в котором мама торговала всевозможными средствами для магии и колдовства — там были разные травы и снадобья, амулеты и другие вещицы, а также толстые старинные книги с таинственными рисунками и непонятными заклинаниями. Но, наверное, другого такого магазинчика нигде не было, потому что покупатели приезжали к ним даже из Нью-Йорка и Филадельфии. Папа тоже тогда жил вместе с ними, и вот как-то на Пасху они всей семьей отправились навестить дядюшку Сэла и тетюшку Эдну.

Синтия устроилась на заднем сиденье, поджав под себя ноги. На ней было накрахмаленное розовое платье, а черные блестящие волосы мама аккуратно заплела в косички. Девочка смотрела на затылок отца и пыталась представить себе, о чем он сейчас думает. А еще ей была видна мамина накумявленная левая щека и кусочек ее плеча. Наконец Синтия не выдержала и встала, и перед ней сразу раскинулась широкая дорога, по которой они ехали, с бесконечными телеграфными столбами по обе стороны. Мать слегка придерживала ее, обернувшись с переднего сиденья. Но однообразный пейзаж шоссе вскоре утомил девочку, и она снова уселась на свое место.

— Синтия, лучше не вставай больше, — предупредила мать. — А то если мы наедем на какой-нибудь камень, или папе придется резко затормозить, то ты вылетишь прямо на дорогу.

Девочке это показалось невероятным. Тем более что все окна в машине были закрыты. Но мама, наверное, знала, что говорит, иначе зачем бы люди стали приезжать к ней со всех концов страны, чтобы купить амулет или послушать, что она расскажет им про их будущее?

Синтия и трое ее братьев, деливших с ней заднее сиденье, переглянулись и захихикали. Розовощекий Льюк с прилизанными лоснящимися волосами цвета соломы был одет в костюм моряка с длинными расклешенными брюками, а на голове имел настоящее накрахмаленное морское кепи. На Аврааме был «мундир» простого солдата и шорты. Сперва он обиделся, когда папа преподнес ему такой подарок, потому что раньше никогда не видел, чтобы солдаты ходили в шортах, но потом слегка успокоился, когда в комплекте одежды обнару-

жилась и настоящая офицерская фуражка — с золотой тесьмой и черным блестящим козырьком. Сайрус был самым крупным из всех, и на нем неуклюже болтались зеленые парусиновые брюки, какие носят обычно грузчики и водители автобусов, белая рубашка с короткими рукавами и серые подтяжки, которые и не давали спадать его нелепым штанам. Он почти всегда был одет в нечто подобное и от этого выглядел смехотворно, но мать никак не могла подобрать ему вещи, в которых он смотрелся бы более-менее прилично.

Синтия с сожалением вспоминала о пасхальной корзиночке со сладостями, которую мать не разрешила ей взять с собой, сказав, что этим она только испортит себе аппетит, а у дяди Сэла и тети Эдны наверняка найдет-ся для нее немало всяких вкусных сюрпризов.

Льюк и Авраам тоже оставили свои корзиночки дома, а Сайрусу почему-то разрешили взять гостинцы с собой, и теперь остальные только посмеивались над ним, потому что за время пути он успел съесть почти все, что находилось в его корзинке, причем ел он так неумело, что очень быстро перепачкал всю свою одежду мармеладом и пастилой. У него оставалось уже лишь несколько желтых мармеладных зайчиков, которых он припас напоследок, потому что любил их больше всего, как, впрочем, и Синтия. Они были мягкие, сладкие, липкие и тягучие, а когда их полностью засовываешь в рот, они начинают буквально таять там, как будто сделаны из сахарной пудры.

— Празднование Пасхи поначалу не имело к Христу никакого отношения, — поясняла мама. — Это был языческий праздник весны. Зайчики и яйца — это символы плодородия, отсюда и пошел традиционный пасхальный зайчик, несущий яйца. Теперь вам понятно?

Синтия, самая младшая, в свои семь лет не поняла ничего. Но до старших братьев, может быть, кое-что и дошло. Сайрус же, который в умственном развитии сильно отставал от остальных детей, кажется, вообще считал, что весь смысл Пасхи состоит в откусывании голов мармеладным зайцам.

Возле дома, когда они садились в машину, Синтия увидела, как несколько ее школьных товарищей направляются в церковь.

— А мы почему не ходим в церковь? — поинтересовалась она.

— Потому что мы не верим в то, что там происходит, — ответила мама. — Мы верим в вещи, которые гораздо древнее церкви и имеют намного большую силу и власть. А церковь создана для убогих и слабых. И поэтому нам там нечего делать. Она нам попросту не нужна, как никогда не была нужна ни вашему деду, ни прадеду.

— А расскажи нам про дедушку, — попросил Льюк, чтобы как-то скоротать время в дороге.

— Он был чародеем, — начала мама, — как и его отец — ваш прадед.

— А что это такое? — спросила Синтия, хотя мать уже много раз объясняла ей это.

— Чародей — это волшебник, — терпеливо повторила она. — Это значит, что он очень хитрый, умный и может делать то, что недоступно другим людям. Дедушка Барнс был очень мудрым. В Англии, в деревне, где он жил, все вокруг знали, что он волшебник. Он мог делать такие вещи, что у людей волосы вставали дыбом. И творил он самые настоящие чудеса. Поэтому его боялись и уважали, и у него было много последователей — целое общество учеников и поклонников. А все потому, что его магия была настоящей — не то что те фокусы, которые теперь частенько показывают по телевизору. Он знал все о демонах и имел над ними власть.

— А кто такие демоны? — спросил один из братьев.

— Они живут в аду, — объяснила мама. — И служат Сатане или тем, кто может вызывать их из ада с помощью волшебства.

— И дедушка знал, как это делается?

— Да, говорят, он умел это делать. А еще я слышала, будто он с помощью заклинаний мог убить человека.

Синтии было непонятно, как можно словами убить человека, но все равно прозвучало это весьма устрашающе.

— Не надо забивать детям головы всякой чепухой, — неожиданно вмешался отец.

— Но это же правда! — обиделась мать. — И к тому же ничуть не страшнее любых детских сказок — напри-

мер, про Ганса и Гретель, где злая ведьма сажает маленьких детей на противень, чтобы зажарить и съесть.

— Я с тобой не согласен, — коротко ответил отец.

Но то ли из чувства противоречия, то ли просто желая настоять на своем, мама продолжала рассказывать детям об их дедушке — чародее Льюке и прадеде-чародее Аврааме, в честь которых и были названы два из трех братьев. По ее словам выходило, что колдуны умеют летать по воздуху и незаметно проходить сквозь стены. А еще они могут предсказывать будущее, находить украденные или спрятанные сокровища и лечить людей и животных, порсто касаясь их своими руками и читая вслух заклинания.

Синтия и братья слушали все это, затаив дыхание. Многое из сказанного им было уже известно, но все равно каждый раз рассказы воспринимались, как новые, и интерес к ним не ослабевал. Особенно детям нравилась история о сражении дедушки Барнса с колдуньей из соседней английской деревни. Эта старая ведьма навела на дедушку порчу, и у него стали сильно болеть суставы. Тогда при помощи талисманов и одному ему известных молитв он обратился к своему волшебному зеркалу, и там появилось изображение его обидчицы. Теперь уж дедушка знал, что надо делать. Как-то ночью он пошел вслед за ней, когда старуха возвращалась домой, и в каждый ее след воткнул по ножу, читая при этом специальные заклинания и призывая на помощь демонов. И вот один могучий демон услышал его, и старуха умерла прямо на пороге своего дома, а болезнь дедушки сразу же прекратилась.

— Чушь все это! — возмутился отец.

На нем был изящный серый костюм с отливом и пепельно-серый галстук, и от него приятно пахло лосьоном. Один раз он побрызгал немного этого лосьона на лицо Синтии, чтобы она поняла, как сильно он щиплет и не пыталась тайком им душить. Еще на папе в тот день была сильно накрахмаленная белая рубашка, и узкий воротничок до красноты успел натереть ему сзади шею. Но все равно он выглядел очень элегантно, был гладко выбрит и аккуратно подстрижен, хотя его черные волосы уже начали редеть, и теперь на голове кое-где стала просвечивать кожа. Синтия могла так подробно рассказать об отце, потому что, к ее великому сожалению, ей

не так уж часто приходилось видеть его. Он то и дело уезжал в долгие командировки, но когда возвращался, всякий раз привозил им много подарков — нарядов для детей и украшений для мамы.

— Шелдон, не смей насмехаться над моими предками! — вспыхнула мать. — Я уверена, что их духи постоянно находятся рядом с нами и охраняют нашу семью.

— Странно, — удивлялся отец. — Ты вроде не религиозна, а во всю эту чушь почему-то веришь... Только не вздумай потом винить меня, если из наших детей вырастут безмозглые предрассудочные дурачки. А эти байки побереги лучше для своих клиентов — когда ты выколачиваешь из них доллары за подобные рассказы, я ничего не имею против: всему свое время и место.

Мама не стала отвечать ему, но очень рассердилась, и ее злость будто растеклась по всему салону автомобиля. Она запретила открывать окна в машине, чтобы ветром не растрепало ее новую прическу. Только в том окне, возле которого сидел Сайрус, она позволила оставить крошечную щелку, чтобы его не укачивало. Мама выглядела великолепно в своем новом ярко-синем костюме, который подарил ей отец на день рождения. Ради праздника она подкрасила губы и нарумянилась и теперь уже не казалась такой бледной, как когда разговаривала в магазинчике со своими клиентами или хлопотала по дому. Синтия видела перед собой одну из ее сережек и крошечный замочек на шее, которым было застегнуто жемчужное ожерелье. На плече у мамы красовалась огромная роза, и ее духи, сливаясь с ароматом цветка, казались в духоте машины чересчур приторными и резкими.

— Дети, выслушайте меня внимательно, — заговорила мать, когда ее гнев немного утих. — Во-первых, когда мы приедем, не забудьте сразу же поздравить с Пасхой ваших дядю и тетю. Во-вторых, они наверняка приготовили вам какие-то подарки. Помните, что вы обязательно должны сказать им спасибо. И в-третьих, я хочу, чтобы вы вспомнили, как вести себя за столом — я объясняла вам правила этикета, так что не забывайте о них. Это касается и тебя, Сайрус.

Наконец папа остановил машину на длинной гравийной дорожке перед домом дядюшки Сэла, и вся семья вышла на свежий воздух. При этом Сайрусу помогла

выбраться мать, так как ему очень мешалась пасхальная корзиночка.

Как всегда, посмотрев на огромное здание из красного кирпича с большой верандой и громадными белыми колоннами перед входом, Синтия была поражена и восхищена этим домом. Дядюшка Сэл рассказывал, что до Гражданской войны прежний владелец этого поместья имел много собственных рабов, а потом стал начальником над всеми батраками и фермерами, арендующими его землю. Большинство ферм сейчас было заброшено, но все-таки кое-кто еще остался жить здесь. Некоторые разводили сады и огороды, держали скот; но в основном зарабатывали на жизнь на ближайших угольных шахтах. Однако дядюшка Сэл не принадлежал ни к фермерам, ни к шахтерам — он был художником и приехал в эти места в поисках тишины и спокойствия. На территории его владений сохранилась и старая сельская часовня, выстроенная ярдах в ста от дома. Когда-то давным-давно здесь собирались фермеры и молились под чутким руководством своего босса. Теперь столетняя часовенка превратилась в студию дядюшки Сэла, где он писал маслом картины из жизни довоенного Юга, а потом продавал их в художественных салонах или отдавал на комиссию в магазины.

Синтии очень хотелось зайти в часовню и посмотреть на работы дядюшки, но сначала всем предстояло пройти в дом и перекусить. Так было всегда, когда они приезжали в это гостеприимное поместье. Синтия слушала, как хрустят мелкие камушки у нее под ногами, а иногда специально подпрыгивала, чтобы пыль от них осела на ее новеньких туфлях. Но мама, заметив это, опять рассердилась, схватила девочку за руку и поволокла за собой. Сайрус шел впереди с таким видом, будто ему было наплевать абсолютно на все в этом мире, и безмятежно размахивал своей корзинкой. Льюк и Авраам, в костюмах солдата и матроса, гордо вышагивали за папой, тоже чувствуя себя военными. Папа постучал костяшками пальцев в дверь и, не дожидаясь ответа, сам распахнул ее и повел всех через гостиную к кухне, откуда неслись вкусные запахи и раздавалось шкворчание сковороды.

Из соседней столовой тут же выскочила улыбающаяся тетюшка Эдна.

— Христос воскрес! — радостно выкрикнула она, рассмеялась и водрузила на нос очки. Ее белый фартук был весь заляпан соусами и вишневым соком. Синтия и мальчики тут же решили, что она, наверное, готовит вишневый пирог, а мама и тетушка в это время стали обниматься и целовать друг друга, как это бывало всегда на Пасху.

Вслед за тетушкой появился и дядюшка Сэл. Они с папой пожали друг другу руки и вежливо улыбнулись.

— Ну, пока сестрички милуются, — громко произнес дядюшка, — не хотите ли, Шелли, опрокинуть по стаканчику бурбона?

— Нет, Сэл, не сейчас. Может быть, чуть попозже. Кстати, с праздником вас. Я пока выпил бы пива, если можно.

— Христос воскрес, Синди! — радостно закричала тетушка Эдна и, обнимая Синтию, спросила: — Ну, какие подарки ты получила сегодня? — При этом она так сильно стиснула девочку, что ей даже стало немного больно. Вдобавок ко всему тетушка еще звонко чмокнула племянницу в щеку, тут же обсылаявив ее. То же самое она проделала потом и с мальчиками. Льюк и Авраам почувствовали себя неловко, а вот Сайрусу, похоже, все было безразлично. От этого поцелуя Синтия поежилась, потому что щеке сразу стало мокро и холодно, но она стеснялась вытираться при тетушке, поэтому ей ничего больше не оставалось, как только ждать, пока щека высохнет сама по себе.

Дядюшка Сэл по-мужски пожал всем мальчикам руки, а подойдя к Сайрусу, заглянул в его почти пустую корзиночку и заявил:

— Э-э, да ты, я вижу, настоящий сладкоежка! Корзиночка-то хороша, да вот в ней, похоже, ничего уже не осталось...

Сайрус протянул ему корзинку, и дядюшка сделал вид, что взял оттуда мармеладного зайчика, «разжевал» его и, довольно поглаживая себя по животу, пробурчал: «Да это просто деликатес!» — тем самым приведя Сайруса в бурный восторг.

Дядюшка Сэл был небольшого роста, аккуратно подстриженный и с длинными свисающими усами. В доме он всегда ходил в заляпанных краской джинсах, в них же работал и в своей мастерской. Вел он себя сво-

бодно и просто и всегда казался веселым, отчего дети питали к нему искреннюю симпатию.

— А у меня для вас приготовлено специальное угощение,— просияла тетушка Эдна.— Я могу вам показать его прямо сейчас, но вы должны пообещать, что есть будете только потом, после ужина, а то испортите себе аппетит. Можете дать мне честное слово?

— Да, тетя Эдна, обещаем! — хором закричали трое братьев и Синтия.

— Тогда перекреститесь.

Хихикая, дети исполнили и эту ее просьбу.

— Ну хорошо,— улыбнулась тетушка Эдна.— Тогда — сюрприз!

— Это уж точно,— со смехом подтвердил дядюшка Сэл.— Мы приготовили вам беременных зайчиков.

— Сэл! — укоризненно покачала головой тетушка Эдна.— Следи за своими словами! Это же дети...

— А что я такого сказал? Беременные, ну и что? Не вижу в этом ничего плохого,— с улыбкой оправдывался дядя Сэл.— А как, ты думаешь, они сами-то появились на свет?

— Все в порядке, Сэл,— успокоила его мама.— Я не воспитываю их ханжами; они должны знать о существовании и секса, и всего прочего.

— Да, но при этом ты все время пугаешь их своими идиотскими рассказами про колдунов,— заметил папа, наливая себе пиво в стакан.

Мать злобно сверкнула глазами, но он этого будто и не заметил.

Тетушка Эдна подошла к буфету, открыла его и потянулась к самой верхней полке. Оттуда она извлекла огромный поднос и опустила его так, чтобы он был хорошо виден всем детям. На подносе лежали четыре пряничных зайца с сахарными глазками, а вместо брюшка у каждого было вставлено раскрашенное яйцо. Дети в изумлении смотрели на столь необычное лакомство, а потом прищурились и весело рассмеялись.

— Спасибо, тетушка Эдна! Спасибо, дядюшка Сэл!

Только Сайрус, конечно же, забыл поблагодарить. Он раскрыл рот и с таким удивлением смотрел на зайчиков, будто боялся, что они сейчас оживут и убегут от него в лес прямо с подноса.

— Меня благодарить не надо, дети мои! — улыбнул-

ся дядюшка Сэл.— Я к кухне не имею никакого отношения, я только приношу в дом «капусту».— Он подмигнул, и все взрослые рассмеялись, хотя до детей его шутка так и не дошла.

Праздничный обед был роскошным.

Как и во время любого торжества, детям для аппетита разрешили выпить по маленькому стаканчику легкого домашнего вина. Синтия осторожно сделала первый глоток, но все равно глаза у нее тут же заслезились, а горло будто огнем обожгло. Однако она все же потихоньку продолжала пить и вскоре привыкла к вину, а когда оно кончилось, девочка почувствовала, что внутри у нее стало тепло, а на душе — как-то легко и необычно весело. Льюк и Авраам быстро расправились со своими стаканчиками, стараясь вести себя, как настоящие взрослые. А потом тетушка Эдна подала картофельное пюре с соусом и большими порциями индейки, маринованные овощи, оливки и редис, горячие тосты с маслом, зеленый горошек и еще много разных аппетитных закусок. А в самом конце торжественно внесла в столовую «гвоздь программы» — огромный пирог с вишнями, украшенный сверху ванильным мороженым.

Синтия и трое братьев сидели рядом. Сейчас они откинулись на спинки стульев и стали сравнивать, у кого стал больше живот.

— Да вы только гляньте! — изумился дядюшка Сэл.— Они раздулись, как четыре маленьких футбольных мячика! По-моему, в вас теперь запросто можно играть, как в настоящие мячи. Начнем, пожалуй, с тебя, Синтия.

— А спорим, Сайруса вам не поднять? — засмеялась девочка.— Из него получился довольно тяжелый мячик!

При этих словах взрослые переглянулись и, найдя ее замечание остроумным, весело рассмеялись. Сайрус тоже старался улыбаться, чувствуя, что каким-то образом стал центром всеобщего внимания.

— Эта девочка будет у вас в семье самой умной,— заключил дядя Сэл.

Синтия немного смутилась, но все же ей было очень приятно услышать от него такой комплимент.

— Но это еще не все,— с интригующей улыбкой продолжала тетушка Эдна, хитро посмотрев на детей.— У нас есть для вас и кое-что несъедобное...

С этими словами она встала из-за стола и пошла наверх. Как показалось ребятам, она оставалась там ужасно долго, но наконец ее каблуки застучали по ступенькам лестницы, и тетушка появилась в дверях, нагруженная подарочными свертками — по одному для каждого из детей.

Сайрус первым развернул свой подарок. Им оказалась добротная лопата с деревянной ручкой и сверкающим стальным лезвием. Сразу было видно, что лопата самая настоящая, и ею можно копать любой грунт, не опасаясь, что она погнется или сломается. Сайрус довольно улыбнулся.

Свертки для Льюка и Авраама оказались побольше: в них лежали капканы — по три на каждого мальчика. Еще в прошлом году дядюшка Сэл обещал научить их, как ставить такие ловушки, класть приманку и охотиться с их помощью на диких животных — кроликов, енотов и опоссумов. И он не забыл своего обещания.

— А может быть, вам повезет, и попадется такой вот пасхальный зайчик — кто знает! — улыбнулся он.

Синтия засмеялась, братья тоже повеселели, хотя сначала они были немного разочарованы, решив, что их не считают еще достаточно взрослыми, чтобы подарить настоящие охотничьи ружья. Льюку было десять лет, а Аврааму только исполнилось восемь.

Синтия открыла свой пакет и тоже увидела там лопату, похожую на ту, которой владел теперь Сайрус. Но ей всегда больше нравилось получать в подарок игрушки, нежели платья и другую одежду, и она была очень рада, что дядюшка Сэл и тетушка Эдна правильно догадались о ее вкусах. Девочка сразу решила, что этой лопатой она запросто сможет вырыть себе настоящую пиратскую пещеру, про которую читала, еще когда училась в первом классе. А может быть, если мама научит ее колдовству, ей удастся раскопать и какие-нибудь сокровища, как это умел делать дедушка Барнс, чародей.

— А бывают чародевочки? — тут же спросила Синтия. — Мне хотелось бы стать ею, когда я вырасту.

Все, кроме отца, засмеялись.

— Конечно, станешь, — пообещала мама. — Только это называется не чародевочка, а чародейка. Но одно-

го решения стать ею маловато; надо, чтобы твой дар был врожденным. Но, возможно, он перейдет к тебе через меня по наследству от дедушки.

— Черт побери, Мередит! — взорвался отец. — Если ты не перестанешь забивать детям голову своей ерундой, то в самом скором времени они отправятся прямым ходом в сумасшедший дом! — При этом он с такой силой ударил кулаком по столу, что все чашки и блюда на нем со звоном подпрыгнули.

Все сразу притихли, даже мама, потому что отец нечасто проявлял свои чувства с такой резкостью, особенно за столом и в гостях.

Но дети так и не смогли понять, что же все время так злит их отца. Они гордились, что в их роду был такой замечательный человек, как дедушка Барнс, — знаменитый и могущественный, хоть он и делал иногда ужасные вещи. В какой-то мере они и себя считали избранными, и уж, во всяком случае, не такими, как остальные ребята. А втайне каждый из них мечтал, что со временем станет столь же знаменитым и сильным и сможет нажить колдовством несметные богатства, если только унаследует его волшебный дар. И тогда, может быть, у них тоже появится множество собственных учеников и последователей — целая секта.

* * *

Когда Синтии исполнилось девять, отец уехал в очередную командировку и больше домой не вернулся. Мама еще долго говорила что-то о его письмах и даже вкратце пересказывала детям их содержание. Хотя на самом деле никаких писем от него не было.

Сама мать все больше времени стала проводить в своем магазинчике, изучая древние книги по колдовству и запоминая заклинания, чтобы вызывать духи умерших. Вероятно, с папой произошло что-то очень страшное и плохое — дети чувствовали это.

Денег у них почти не осталось. Покупателей было все меньше, потому что им не нравилось стоять у пустого прилавка и ждать, пока мать выйдет наконец из своей задней комнатки и займется ими. Она же все время была поглощена чтением и мало обращала внимания на

заходящих в магазин посетителей. Все чаще она оставляла для себя различные травы, снадобья и амулеты, необходимые для проведения магических ритуалов, вместо того, чтобы выгодно их продать. У отца была хорошая страховка, но семья могла получить ее только в том случае, если он будет признан умершим или пропавшим без вести, а для этого со дня его исчезновения должно было пройти ни много ни мало — целых семь лет.

Иногда по утрам или после школы Синтия замечала, что в доме пахнет какими-то благовониями и дымом. Мама стала все меньше времени посвящать своим детям и вообще перестала заниматься домашним хозяйством.

Друзей у них почти не было. К тому же соседские ребята теперь начали уже в открытую издеваться над бедным Сайрусом. Поэтому Синтия или кто-нибудь из братьев каждое утро провожали его до остановки, когда он уезжал в свою школу для умственно отсталых, а потом обязательно встречали, чтобы никто из мальчишек его не обидел.

Отчаявшись дожидаться помощи от матери, Синтия, Льюк и Авраам начали сами работать в магазине после школы и в выходные дни. Отчасти это происходило и потому, что они просто не знали, чем еще им заняться — они чувствовали себя изгоями в окружающем обществе. Многие называли их «ведьмиными детьми», кое-кто побаивался, но большинство открыто смеялось.

Работая в магазине, Синтия всерьез увлеклась старинными книгами по магии и волшебству. Из них она выяснила, что чародеи типа дедушки Барнса на самом деле были белыми магами, способными сражаться с силами Сатаны. Но в конце своей жизни дедушке пришлось встретиться с черным магом, у которого сил было гораздо больше. Мама рассказывала, что в старости с ним случился удар. А произошло это потому, что его соперник, более могущественный черный маг, завладел локоном дедушкиных волос и произнес над ними нужное заклинание. Дед знал, что сражаться с таким врагом ему не под силу, и предсказал свою смерть с точностью до часа и минуты. Размышляя над всем этим, Синтия впервые задумалась, что, возможно, черная магия на самом деле сильнее белой...

Теперь она ненавидела отца за то, что он бросил их. Но одновременно в глубине души продолжала по-своему любить его и не теряла надежды, что когда-нибудь он вернется. Она часто плакала по ночам, а когда в изнеможении засыпала, то мечтала о том, что, открыв утром глаза, увидит, как он склонился над ней с целой кучей подарков. Синтия не посещала церковь и не знала, что надо делать в подобных случаях, поэтому она начала «молиться» дедушке Барнсу, прося его о том, чтобы он вернул папу домой. И вот однажды дедушка Барнс явился ей во сне. Она хотела заговорить с ним, но он сразу исчез, и Синтия в тот же момент проснулась. Довольно долго размышляя об этом происшествии и пытаясь понять его суть, Синтия решила наконец, что дедушка хотел сообщить ей следующее: что сам он уже не в состоянии ей помочь, а у нее пока еще недостаточно духовных сил, чтобы держать с ним надежную связь.

И теперь, как только у нее выдавалась свободная минутка, Синтия тратила ее на то, чтобы лучше разобраться в маминых книгах о колдовстве. Поначалу многое было ей непонятно. Но постепенно ее знания углублялись, и вскоре эти занятия стали значить для нее больше, чем работа по дому и в магазине. Мама же, находившаяся в постоянной депрессии и отчаянии, даже не заметила, что ее дочь слишком увлеклась такими вещами, которые обычно мало интересуют девятилетних девочек. Появляясь в магазине, она проходила мимо дочери с таким отрешенным видом, словно даже не видела ее, прихватывала с собой очередную порцию книг и удалялась. А Синтия в это время читала рукописи прямо за прилавком, в перерывах обслуживая немногочисленных покупателей.

Но вскоре и Синтия перестала заниматься клиентами. Как и мать, она полностью углубилась в изучение книг, возилась с травами, различными амулетами и колдовскими снадобьями. Ее миром стали карты Таро, реторты, покрывала для алтарей и прочие магические принадлежности. Теперь с посетителями работали, как могли, только Льюк и Авраам. С Сайрусом проблем не было: он мог часами сидеть за каким-нибудь несложным делом, либо просто перебирать товары на полках и приносить новые, когда кончался запас.

Как-то поздно вечером Синтия внезапно проснулась. Приближалась полночь. В ее комнату проникал аромат благовоний, а из щели под дверью пробивался дрожащий отблеск свечей. Вскочив с постели, девочка услышала, как где-то в доме раздается монотонный голос матери, но слов разобрать не смогла. На цыпочках она вышла в холл и через открытую дверь увидела, что творится в столовой. Потом прошла в комнату к мальчикам и разбудила их, прижав палец к губам, чтобы они не шумели.

Все дети собрались вокруг стола, за которым сидела их мать. Та лишь мельком взглянула на них, не сказав при этом ни слова. Она была очень серьезна и сосредоточенна, а когда начала говорить, голос ее зазвучал резко и повелительно. На матери был длинный черный халат, золотой пояс, а на голове — черная шелковая повязка, на которой золотыми буквами было вышито: «Иегова». Из книг Синтия знала, что это имя Духа Вселенной, которое очень редко произносится вслух.

Большой круглый обеденный стол мама застелила черным бархатным покрывалом, на котором в самой середине был вышит золотом магический круг и разнообразные колдовские символы. Внутри этого круга рядом с медным кадилом на железной подставке стояла большая реторта, под которой горела свеча, и налитая в реторту жидкость кипела, наполняя столовую удушливыми парами. Тяжелый запах мочи или чего-то подобного разносился по всему помещению, хотя мама, судя по всему, пыталась заглушить его благовониями.

Вскоре Синтия поняла, что слова, которые произносит мать, уже встречались ей среди заклинаний в одной из средневековых рукописей. Она-то и лежала сейчас на столе, выполняющем роль магического алтаря.

— Я заклинаю тебя, Шелдон, муж мой и отец детей моих: явись передо мной внутри сего волшебного круга! — читала мать страшным загробным голосом. — Я заклинаю тебя Его именем, которому подвластны все существа — живые и мертвые, ибо при произнесении имени Его элементы меняют свой цвет, воздух сотрясается, море становится черным, огонь бушует и содрогаются недра земли. Имя Его — Иегова!

Я призываю и приказываю тебе, о Дух, сей же час явиться из любого места, где ты находишься, и дать ответы на все мои вопросы — ответы, которые соответствовали бы истине и были вразумительными. Явись же передо мной в плотском образе и говори так, чтобы я смогла понять значение твоих слов!

Предстань видимым внутри сего круга и будь покорен моим желаниям! Именем Его я заклинаю тебя и изгоняю оттуда, где ты сейчас находишься, чтобы ты явился передо мной и дал знать, где ты сейчас и где будешь пребывать в дальнейшем.

Если же ты не предстанешь передо мной или не будешь повиноваться моим желаниям, я прокляну тебя и лишу Его спасительного благословения, и ты будешь обречен на вечные муки в геенне огненной, оставаясь там до Судного Дня!

Вечный пламень станет твоим уделом!

Так явись же, Шелдон, дух моего супруга, в этом круге, чтобы повиноваться моей воле целиком и полностью!

Дети замерли, опустив головы в страхе перед тем, что сейчас может произойти. Но в то же время им не терпелось увидеть, как все это случится, как с помощью магии дух отца появится перед ними. Ожидание тянулось нескончаемо долго, и наконец их глаза устали настолько, что в полумраке наводненной парами комнаты уже начало казаться, будто сквозь дым от кадила проступают человеческие очертания. Потом померещилось, что и тени, пляшущие на стенах, тоже становятся похожими на отца. Но Синтия была убеждена, что колдовство наконец-то подействовало и с минуты на минуту начнется разговор с его блуждающим духом. Однако мальчикам все это быстро надоело, глаза их начинали слипаться, и они уже в открытую клевали носами. В конце концов их утомило это бессмысленное занятие матери, и они один за другим пошли спать. Мать не стала их останавливать. Синтия же продолжала стоять рядом с ней, терпеливо ожидая результатов сеанса.

— Почему же ничего не выходит? — спросила наконец девочка.

Когда мать заговорила, голос ее был тихим, но уверенным:

— Заклинания не всегда срабатывают так, как нам хотелось бы, ведь наша магия не всесильна... Есть и дру-

гие силы, которым принадлежит гораздо большая власть, и часто мы не можем ее преодолеть. Но я все же думаю, что мои старания не были напрасны: дух папы пытался войти с нами в контакт, только мы узнаем об этом позже — он должен подать какой-нибудь знак. Может быть, ему удастся прорваться сквозь паутину темных сил зла, которые преследуют нашу семью...

— Но почему именно нас?! — испуганно воскликнула Синтия.

— Я и сама не знаю, — горестно вздохнула мать. — Возможно, это как-то связано с дедушкой Барнсом. Может быть, тот колдун, который сгубил его, наложил проклятье не только на него самого, но и на всех его потомков...

Буквально через три дня, в воскресенье, в страшной автомобильной катастрофе погибли дядюшка Сэл и тетушка Эдна. Они ехали навестить Мередит и племянников, о чем предварительно договорились по телефону на следующее утро после неудавшегося сеанса. Во время разговора они очень тактично наметнули Мередит, что серьезно опасаются за ее душевное равновесие и способность реалистически воспринимать происходящее. Но по дороге им встретился огромный грузовик, у которого неожиданно отказали тормоза как раз на том месте, где дорога шла под уклон, и он на полном ходу врезался в их крохотный автомобиль, превратив его в груды искореженного металла. Сразу же последовал чудовищный взрыв, и в огне погибли все трое — Сэл, Эдна и водитель грузовика.

Сэла и Эдну хоронили в закрытых гробах, потому что во время катастрофы они сгорели почти дотла. Может быть, это как-то было связано с заклинаниями, которые все-таки подействовали, но невероятно искаженным образом — ведь вечное пламя Мередит грозила устроить не им, а духу своего мужа Шелдона.

Через неделю после трагедии адвокат вызвал Мередит к себе в контору для вскрытия завещания и последней воли погибших. Вся их недвижимость, вклады в банках и все остальное переходило в безраздельную собственность Мередит, то есть теперь она становилась вла-

делицей поместья в восьмидесяти милях от города, всего, что находится в доме, пятидесяти пяти акров земли, на которой располагалась и та самая знаменитая древняя часовня, а также всех непроданных картин Сэла, его контрактов и ценных бумаг. Кроме того, к ней переходили четырнадцать тысяч долларов сбережений и страховка на общую сумму в семьдесят пять тысяч долларов.

В течение следующей недели наследники решили закрыть магазин, за аренду которого платили немалые деньги, и переселиться из города в свои новые владения.

Богатое наследство и страховка дядюшки Сэла дали Мередит возможность целиком посвятить себя занятиям оккультными науками. Этих денег им вполне хватало, чтобы безбедно просуществовать до тех пор, когда пройдут положенные семь лет и Шелдон будет официально признан погибшим. А тогда семья автоматически получит еще одну кругленькую сумму в виде его страховки и пенсии за весь этот срок.

Все семейство носило фамилию отца — Брюстер. Но, переехав в поместье сестры, Мередит решила, что теперь им стоит взять фамилию Барнс, так как это была ее девичья фамилия, которую она носила еще в Англии, когда жила там вместе с отцом, магом и чародеем Льюком Барнсом.

— Этим именем вы должны гордиться, — назидательно говорила Мередит Барнс. — Принимая его, мы получаем прямую возможность унаследовать все его силы и способности.

Вскоре на чердаке своего нового дома мать обнаружила огромный сундук, в котором хранились рукописи по магии и дневники самого дедушки Барнса. Очевидно, когда он умер в Англии, все его вещи перевезли сюда, хотя Эдна никогда не рассказывала сестре, что владеет такими сокровищами. Наверное, она специально скрывала это от Мередит — ведь она всегда стеснялась своего предка и не одобряла действий сестры, когда та с головой ушла в мистику. Но как бы то ни было, открытие сильно взбудоражило и Мередит, и ее дочь, и теперь они дни напролет проводили за изучением вновь найденных материалов, а потом делились между собой впечатлениями. Почти все заметки и дневники были написаны дедушкиной рукой, и это вселяло в них еще большую уверенность в тех силах и возможностях, которые открывает

окультизм перед своими приверженцами. Авраам и Льюк тоже относились к магии с уважением, но всерьез заниматься ею не стали, хотя спокойно смотрели на столь необычное увлечение своей матери и сестры.

Сайрус, которому к моменту переезда в поместье уже исполнилось пятнадцать, очутившись на природе за городом, словно расцвел. Создавалось впечатление, будто свежий деревенский воздух и отсутствие многочисленных соседей, без конца дразнивших его, благоприятно сказались на развитии мальчика. Он выглядел теперь крепче и здоровее, а во взгляде появилось даже некое подобие одухотворенности. Его любимыми занятиями стали собирание цветов и ловля бабочек на полях. Но он никогда не мучил насекомых и, поймав, тут же отпускал их на волю. Как-то в лесу он нашел маленькую мертвую птичку и долго плакал над ней, пока Синтия, чтобы как-то утешить брата, не предложила ему устроить для птички похороны. Она разыскала несколько деревянных дощечек и показала Сайрусу, как можно изготовить из них крошечный гробик. Потом они зашли в часовню, служившую некогда студией дядюшки Сэла, и прочитали над птичкой пару молитв. После этого на семейном кладбище, принадлежавшем до войны первому владельцу поместья, они выкопали ямку и, связав вместе две палочки, соорудили перевернутый католический крест, используемый на похоронах у сатанистов, о которых Синтия успела вычитать в рукописях по оккультизму. После этого случая Сайрус специально бродил по округе, разыскивая мертвых птиц и мышей, которых еще не съели кошки. Ему нравилось изготавливать для них маленькие гробики, и он сколотил их сразу несколько штук, чтобы в случае необходимости они всегда были под рукой.

Синтия тоже всегда была рядом и помогала ему устраивать похороны — она читала молитвы и заклинания над свежими могилами несчастных животных.

За детьми теперь никто не следил, они были полностью предоставлены самим себе. Мередит все время сидела в своей комнате и читала дедушкины рукописи или же оплакивала свою несчастную судьбу. Питалась она крайне скудно и уже не подходила к плите, чтобы готовить еду для детей. Они заботились о пропитании сами, и в основном теперь жили на консервах и бутербродах.

Лишь изредка кто-нибудь из детей отправлялся на рынок, чтобы купить там свежих фруктов и овощей. А иногда им удавалось набрать в лесу ягод или орехов.

Мередит начала чахнуть, осунулась, похудела, цвет кожи у нее стал желтоватым, но дети уже успели привыкнуть к этому и не обращали внимания на ее изможденный вид. Однако Мередит и Синтия знали одно: то, что они почерпнули из дневников дедушки, надо было испытывать на деле. Правда, они не обсуждали этого между собой, но между ними развилось нечто вроде телепатического контакта. Девочке не терпелось проверить на практике свои знания и способности, хотя и было немного страшно — она почему-то всегда вспоминала неудачную попытку матери вызвать на связь дух отца. Это поражение, видимо, навсегда оставило след в ее детском мозгу.

Как-то раз Льюк и Авраам решили немного развлечься и, порывшись в старых вещах, извлекли оттуда капканы — те самые, которые подарил им два года назад дядюшка Сэл. Они поставили их в лесу и долго потом не могли заснуть, ожидая, когда же наконец наступит утро и они смогут проверить, что за дичь попала на их приманку.

Синтия и Сайрус тоже пошли в лес вместе с братьями — любопытство просто сжигало их. Один за другим были проверены все шесть капканов, но они оказались пусты. Льюк от досады пнул ногой ком рыхлой земли, а Авраам молча стоял в сторонке, грустно опустив голову.

— Интересно, а какую наживку вы туда клали? — полюбопытствовала Синтия.

— Хл б. Мы его смочили водой и сделали из мякиша маленькие шарики, — ответил Авраам.

— Ничего себе! Это кто же вас научил? — засмеялась сестра.

— Никто. То есть я как-то видел, что так удят рыбу.

Все дружно расхохотались, включая Сайруса.

— Вообще-то мне кажется, что рыбки в лесу не бегают, — улыбнулся Льюк.

— А почему бы не положить в капканы морковку? Глядишь, тогда, может, и кролик попадется... — предложила Синтия.

— Правильно! Как же мы раньше-то об этом не подумали? — обрадовался Авраам. — Кролики ведь очень любят морковь.

— А если мы поймем хоть одного, то у каждого из нас будет лапка на счастье, — возбужденно поддержал его Льюк. — Ведь есть же такой амулет, правда, Синтия?

После этого три дня подряд дети упорно ходили проверять ловушки, но никакой добычи по-прежнему не было, хотя каждый раз, направляясь в лес к заветным капканам, они встречали на пути множество кроликов и другой живности. Звери резвились на полянках, не обращая на них никакого внимания.

Льюк от обиды швырял в них камнями, но так ни разу и не попал.

— Что за черт! — возмущался Авраам. — Что же едят эти кролики в конце концов?

— Может быть, попробовать положить капусту? — предлагала сестра.

— Нет, надо продолжать с морковью, — решительно возражал упрямый Льюк.

— Послушайте, а почему бы мне не заколдовать один капкан? — выпалила вдруг Синтия. — Хотите, я прочту над ним заклинание?

Братья удивленно уставились на нее, но она уже встала на колени возле капкана и палочкой очертила вокруг него магический круг. Потом смочила пальцы росой и окропила ею свежую приманку. Затем, склонив голову и не решаясь встать в полный рост, девочка заговорила, вспоминая слова из дедушкиных записей:

— Пусть же слезы росы всемогущего Иеговы, создателя Вселенной, падут на благословенный инструмент охотника. И пусть духи леса даруют нам пищу к столу. Аминь.

— Но мы ведь не будем есть этого кролика! — удивился Авраам.

Синтия поднялась и отряхнула джинсы.

— Какой же ты глупый! Это не имеет никакого значения. Самое главное — правильно прочесть заклинание. А завтра посмотрим, как оно подействует.

Потом они обошли все остальные капканы, и над каждым Синтия произнесла те же слова. Мальчикам это занятие быстро надоело, но они терпеливо ждали, пока

сестра закончит свои ритуалы. Ей же очень хотелось проверить собственные силы. Ведь мама давно уже намекала дочери, что скорее всего именно она станет избранницей в их семье. На это указывало и то, что когда Синтия родилась, часть плаценты осталась у нее на лбу. Правда, девочка не совсем еще понимала, что такое эта «плацента», но знала, что если ребенок рождается «в рубашке», то, по поверьям белых магов, это означает, что ему дарованы Создателем огромные духовные силы, и таким образом ребенка благословляет сам Господь Бог. Мама даже высушила на солнце эту «рубашку» и держала ее в запертой деревянной шкатулке. Она говорила, что ее надо хранить очень бережно и ни в коем случае нельзя терять. Потому что если такое сокровище попадет в руки врага, то над всем семейством нависнет страшная угроза и начнутся нескончаемые беды.

На следующий день дети поймали кролика. Они еще издали заметили, что в капкане бьется зверек, и без омовения приступили к ловушке, а потом долго смотрели на несчастное создание, тяжело дыша и не решаясь что-либо предпринять. Сначала они обрадовались, что удача наконец-то улыбнулась им, однако вблизи зрелище оказалось не таким уж приятным. Животное совсем обессилело от потери крови, которой была забрызгана вся трава вокруг. Лапка зверька была раздавлена до костей, но тот все еще пытался вырваться из капкана.

— Бедняжка! — вздохнула Синтия, хотя в душе у нее все ликовало — ведь добычей братья были обязаны ей: это ее молитвы загнали кролика в западню.

Мальчики долго стояли молча, пораженные кровавой сценой.

— Хоронить, — пробормотал Сайрус. По его полным щекам текли слезы.

— Ну и что нам теперь с ним делать? — растерянно спросил Авраам, не расслышав предложения брата.

Этого не знал никто. Одно дело — мечтать о том, как поймашь кролика, и совсем другое — стоять возле умирающего зверька. Наконец Льюк нашел толстую палку и с размаху ударил животное по голове, желая скорее окончить его мучения. Но удар оказался недостаточно сильным, и кролик снова забился в капкане, тщетно пытаясь освободиться.

— Может, лучше отпустить его? — предложила Синтия как раз в тот момент, когда Льюк замахнулся во второй раз.

— Нет, его надо убить, чтобы он больше не мучился. Так ему будет лучше, — ответил Льюк.

Он взмахнул палкой и снова ударил по пушистому комочку, а потом принялся иступленно колотить животное, пока оно окончательно не затихло. Только после этого он присел на корточки и очень аккуратно, чтобы не запачкать брюки, раскрыл челюсти капкана.

Дети стояли над убитым кроликом и каждый по-своему переживали его смерть.

— Дай-ка мне твой перочинный ножик, — попросил Льюк Авраама

— Что еще ты задумал? — насторожился тот, послушно передавая старшему брату нож.

— Надо снять с него шкуру.

— Ты что, с ума сошел?

— Вовсе нет. — Льюк соорудил серьезную мину и важно вытащил лезвие, с видом победителя глядя на мертвое животное. — Вовсе я не сошел с ума. И ничего не боюсь... — Эту последнюю фразу Льюк адресовал самому себе, стараясь собрать все свое мужество и сосредоточиться.

— погоди-ка! — вдруг воскликнула Синтия. — Это же наш общий кролик, и теперь мне нужна его кровь!

— Зачем?

— Чтобы колдовать.

Льюк и Авраам терпеливо ждали, пока сестренка сбегает домой за ретортой, а Сайрус тем временем при-
волоком откуда-то большую коробку из-под обуви, которая должна была послужить гробом. Переполненные смесью страха и восхищения, дети смотрели, как Льюк перерезал кролику горло, чтобы Синтия смогла набрать крови в свою посудину. Потом девочка вытерла салфеткой лишнюю кровь со стекла, осторожно закупорила сосуд и спрятала его в карман. После этого Льюк принялся освежевывать кролика, но так как рядом не оказалось ни одного бывалого охотника вроде дядюшки Сэла, он страшно перепачкался, пытаясь содрать с него шкуру. Наконец с этим было покончено, и дети сложили остатки тушки в коробку, принесенную Сайрусом.

На маленьком кладбище у часовни Сайрус выкопал своей любимой лопатой очередную могилку.

После похорон на земляной холмик был поставлен традиционный перевернутый крест. Синтия опустилась на колени и начала молиться:

— О всемогущий Иегова! Мы молим тебя принять эту жертву, которую от чистого сердца предлагаем Тебе, чтобы Ты благословил нас. Благослови же все наши деяния, которые мы совершаем во имя Твое. Освяти кровь, которую Ты даровал нам сегодня, чтобы она смогла помочь нам в наших делах. Ибо мы просим только о том, чтобы служить Тебе во веки веков. Аминь.

Вечером перед ужином дети начали наперебой рассказывать матери о том, что произошло накануне, стараясь не упустить ни одной кровавой подробности. И хотя ребята беспрестанно перебивали друг друга, поскольку каждый хотел рассказать обо всем первым, мать была приятно удивлена, и у нее сразу поднялось настроение. По такому случаю она даже приготовила вкусный ужин, чего с ней не случалось уже очень давно, и испекла к чаю большой сладкий пирог. Правда, тесто она изготовила из порошка, но все равно получилось очень вкусно и сытно.

— Вот видишь, Синтия,— говорила мать.— Как я и думала, вся сила и власть оказались у тебя. Дедушка Барнс выбрал тебя, моя девочка, и передал тебе все свои силы, чтобы ты стала его наследницей. Но если ты произнесла над капканом заклинание, да еще окропила его, значит, тот, кто попался в него на другой день, был твоим врагом.

— Как же кролик может быть врагом? — изумился Авраам.

Мать строго посмотрела на него, глаза ее стали суровыми:

— Злые духи и демоны могут принимать любое обличье,— назидательно произнесла она, словно вела урок в школе.— И очень часто они выбирают для себя тела кроликов. Но они только с виду кажутся безобидными, а вы должны помнить, что все это козни дьявола, и не давать себя обмануть. Демонов надо уничтожать. Только так можно их одолеть.

В последующие недели дети с утроенным азартом ставили капканы, а потом мучили и убивали животных, ко-

торые в них попадались. В основном это были белки, еноты, опосумы и кролики, но иногда удавалось поймать и бездомную собаку или кошку. Среди детей даже началось своего рода соревнование: кто придумает самую страшную пытку и казнь для демонов. Они отрезали им головы и конечности, сжигали заживо, выкалывали глаза, всячески избивали и терзали живую плоть. Но ничто не могло считаться жестоким, потому что в безобидных с виду животных на самом деле таились злые духи — их заклятые враги. В основном убийством занимались Льюк и Авраам, Синтия выполняла все ритуалы, а Сайрус «командовал» похоронами.

И однажды случилось неизбежное: в капкан попал человек. Вернее, демон, который выглядел совсем как человек.

Гуляя около дома, дети услышали вдруг пронзительные вопли какого-то существа. Прислушавшись, они поняли, что звук доносится с поля, где накануне были поставлены сразу несколько самых крупных капканов. И судя по крикам, туда угодил самый большой демон, которого им когда-либо удавалось поймать. Испугавшись того, что может предстать сейчас перед их глазами, дети не торопились, но внутренне уже готовились достойно встретить врага. Синтия сразу же начала молиться, прося защиты и поддержки у Всемогущего Иеговы, а минуту спустя Льюк уже выхватил у Сайруса лопатку и первым бросился в сторону поля. Им пришлось проделывать немалый путь, продираясь сквозь заросли ковыля и репейника, но Льюк, не замедляя бега, буквально вгрызаясь в разросшиеся сорняки, прокладывая дорогу для Синтии и двух братьев. Позади всех пыхтел и отдувался Сайрус, едва поспевая за бегущей компанией.

И вот через несколько минут Льюк склонился над телом мальчика. Тот был сильно ранен и уже потерял сознание. Капкан чуть не отхватил ему ногу, и все вокруг было залито кровью. Не долго думая, Льюк поднялся и с размаху раскроил ему череп лопатой Сайруса.

— Он что... умер? — задыхаясь от бега, спросил подоспевший Авраам.

Льюк с трудом приходил в себя.

— Не знаю, — сказал он и громко сглотнул. — Кажется, нет. По-моему, он еще дышит.

С этими словами он еще раз размахнулся лопатой и обрушил на голову своей жертвы уже более уверенный и точный удар.

— Стой! — закричала Синтия. — Это же Джимми Петерсон!

Они подошли ближе к мальчику, стараясь рассмотреть его залитое кровью лицо. Джимми Петерсон был сыном владельца небольшого магазинчика, расположенного в нескольких милях от поместья Барнсов. Дети не очень-то любили Петерсонов, потому что и их отец, и сам Джимми, и даже его маленькая рыжая сестренка вечно дразнили Сайруса и издевались над ним, обзывая его дебилом или придурком. Однажды Льюк даже подрался с Джимми, но тот оказался сильнее и расквасил ему нос.

— Это точно он, — подтвердил Авраам.

Сайрус только кивнул, соглашаясь с братом без лишних слов.

— Интересно, как его сюда занесло? — удивился Авраам.

— Но ведь на самом-то деле это не он? — взволнованно спросил Льюк.

— Теперь это уже не имеет значения, — почти шепотом ответил Авраам. — Он перестал дышать.

И тут все увидели, что мальчик умер.

— Мы все знаем, что это был не он, — убежденно заговорила Синтия. — А теперь, когда он мертв, он даже перестал быть похожим на Джимми.

— И в самом деле, — согласился Авраам.

— Видать, его подослали к нам, как и всех остальных, — заключил Льюк, и они с прежней тщательностью устроили демону похороны, но на этот раз не стали закапывать его на своем кладбище у часовни, а вырыли могилу прямо в лесу. Синтия, как всегда, произнесла все положенные заклинания и молитвы, и останки «демона» были навечно преданы земле. Правда, Синтии и на этот раз понадобилась кровь, а также один передний зуб мальчика, так как в одной из своих книг она вычитала, что еще в средние века было известно, что для самых сложных ритуалов требуется зуб мертвого человека. Судя по древним текстам, этот предмет обладал какой-то сверхъестественной силой. К тому же и дедушка Барнс в своих заметках писал, что без зуба мертвого человека

многое оказывается не под силу даже самым опытным колдунам.

Вернувшись домой, дети рассказали обо всем матери. Разговор начал Льюк. Он с важным видом устроился за столом и гордо сообщил:

— А сегодня, мам, нам попался особенно крупный демон. Но мы позаботились о нем и сделали все в точности так, как ты нас учила.

* * *

Через несколько недель после этого в капкан угодил и второй демон в человеческом облике, причем на том же самом поле. Этот сильно напоминал младшую сестру Джимми Петерсона, и своим видом даже чуть не сбил с толку Барнсов. Но на сей раз рядом с ними бежала мать, а уж ее-то околдовать было невозможно — она сразу распознала в девочке злого духа.

— Убейте его! — кричала она. — Говорю вам, они могут принимать любой вид, какой только захотят. Убей его, Льюк! Если ты сейчас не убьешь его, он тебя победит!

Демон визжал и извивался, но Льюк с остервенением наносил удар за ударом по голове и лицу пойманного существа. А как только оно перестало кричать, Авраам присоединился к старшему брату, и вместе они быстро добились ненавистную тварь.

— Когда с «исчадьем ада» было покончено, оно уже совсем не походило на сестренку Джимми Петерсона.

Стараясь во всем следовать примеру братьев, Сайрус тоже взял лопату и разок ударил труп по раздробленной голове.

— Сегодня вы постарались на славу, — похвалила сыновей мать. — Ну, а теперь Сайрус сделает гроб, и мы устроим надлежащие похороны.

Когда тело закопали, Синтия произнесла над могилой:

— О Всемогущий Иегова! Молим Тебя о помощи в борьбе с Твоими и нашими же врагами, чтобы побеждать их всегда, как мы победили сегодня. Не оставь нас, ибо мы служим только Тебе — мы Твои верные слуги и рабы. И кого бы Ты ни послал нам во испытание, мы уничтожим их всех, зная, что такова воля Твоя. Аминь.

Глава шестая

Нэнси немного побаивалась ребят, которые посадили ее в свой автомобиль. Они казались ей странноватыми. А может, просто дурачились, желая произвести на девушку впечатление. Они представились «братьями по крови» из какого-то колледжа в Массачусетсе и объявили, что направляются на празднование Пасхи в Форт-Лодердейл, куда, по их словам, должна съехаться вся лучшая молодежь Америки, чтобы устроить там настоящую оргию. Том Райли, водитель и хозяин машины, показался Нэнси довольно симпатичным. Он был длинноволосый с прямым пробором и удлиненными бакенбардами, аккуратно подстриженными клином. Единственное, что его портило — это следы от прыщей вокруг губ и на подбородке. А его приятель Хэнк Беннет — высокий негр с грустными глазами — обладал невероятных размеров кадыком.

Нэнси почти не разговаривала в машине, давая этим понять, что она девушка строгих правил и не намерена с ними кокетничать. Хотя никакого особого разговора все равно бы не получилось, так как в салоне в полную мощность играл приемник, из которого неслись истошные вопли «Роллинг Стоунз». Нэнси и сама любила громкую музыку, но сейчас ей казалось, что она уже чувствует, как отчаянно вибрируют ее барабанные перепонки, точно травинки в поле под порывами ветра. Она даже вспомнила, что читала где-то, будто слишком громкая музыка может быстро испортить слух.

* * *

Уже больше часа Нэнси безнадежно голосовала, стоя у перекрестка на окраине города. Но машины проносились мимо нее, и каждый раз девушка боялась, что в следующей окажется либо ее мать, либо, — что еще хуже, — отчим. Она стыдливо выставляла вперед руку, чувствуя себя до крайности неловко, поскольку никогда еще в жизни ей не приходилось стоять так с протянутой рукой в буквальном смысле этого слова. У ее ног покоился небольшой чемоданчик и гитара в кожаном чехле.

— Глянь-ка, девица на гитаре играет! — удивился Том, проезжая мимо.

Вособще-то в школьном оркестре Нэнси играла на кларнете,— правда, без особого удовольствия. Гораздо больше она гордилась тем, что умеет исполнять под гитару народные песни и баллады. Всего пару недель назад она участвовала в музыкальном конкурсе для старшеклассников, на котором спела довольно длинную балладу, восхваляющую чистую искреннюю любовь и осуждающую секс без настоящих чувств. Нэнси старалась как могла и пела с таким пафосом, что никто из школьников и учителей ни за что бы не догадался, что самой ей уже довелось испытать любовь в ее чисто «физическом» варианте. Нэнси заняла на конкурсе второе место, и это было для нее дороже отличных оценок по любому предмету. А кроме того, она надеялась, что смысл этой песни дойдет и до ее приятеля, так подло бросившего ее.

Как быстро все изменилось!..

Теперь она даже не знала, куда ей податься и что вообще делать дальше. Стоя на перекрестке, она еле сдерживала подступающие слезы. Ведь сбегав из дома, она, таким образом, пропускает выпускные экзамены. А сможет ли она потом получить свой аттестат — это было ей неизвестно. Правда, у Нэнси была старшая сестра Терри, которая уже несколько лет назад уехала в Калифорнию, чтобы попытать счастья на театральных подмостках, и теперь работала там с какой-то труппой из Сан-Франциско. И Нэнси решила на попутках добратся до побережья, чтобы поплакаться сестре в жилетку. Боялась она только одного: что Терри неправильно поймет ее и еще, чего доброго, заставит вернуться домой. А Нэнси ни за что на свете не согласилась бы еще раз встретиться со своим отчимом. Но ведь она еще несовершеннолетняя!.. Что если полиция разыщет ее и заставит вернуться к матери, прежде чем ей исполнится восемнадцать? Ведь если такое произойдет, то придется рассказать о причине своего побега, а этим она лишь окончательно рассорит мать с отчимом, и их семья сразу же распадется.

Пока Нэнси стояла на перекрестке с этими невеселыми мыслями, к ней подкатил зеленый «кадиллак» последней модели, и водитель нажал внутри какую-то кнопку, отчего затемненное стекло в правой передней двери сразу же опустилось. За рулем оказался толстый лысеющий джентльмен в клетчатом костюме, какие но-

сят обычно бизнесмены, который тут же напомнил девушке отчима.

— Далеко едешь, красавица? — поинтересовался он хриплым голосом, и Нэнси сразу решила, что он, наверное, чересчур много курит.

— В К-калифорнию, — неуверенно произнесла она.

— Далековато. Ну и как же мы с тобой договоримся, если я подброшу тебя, скажем, миль на шестьсот?

— Я вас не понимаю.

— Только не надо пудрить мне мозги, детка. Если ты и впрямь не понимаешь, то я тебе сейчас все растолкую. Значит так: сегодня мы проезжаем триста миль, а потом ночуем в мотеле. Разумеется, в одном номере. Завтра — еще триста миль, и снова ночевка... А наутро прощаемся навсегда и забываем друг о друге. Вот таким образом ты со мной и расплатишься. К сожалению, я еду только до Детройта, но все равно ты окажешься намного ближе к своей цели. Ты в Лос-Анджелес собралась или в Сан-Франциско?

— В С-сан-Франциско... — Нэнси окончательно потерялась.

— А-а, готовишься стать звездой? Тогда приколи себе в волосы цветочек побольше, — посоветовал толстяк и хрипло рассмеялся над собственной шуткой.

— Послушайте, мистер, — наконец оправились Нэнси. — Валийте-ка отсюда, и поживее, пока я не позвала полицию. — А потом добавила: — Кстати, мой отчим как раз там и служит!

Водитель усмехнулся.

— Ну, тогда и ты послушай меня, раз ты такая умница. Если бы у меня волосы росли до задницы, а на шее болталось бы с килограмм разных побрякушек, то ты не раздумывая бросилась бы ко мне в машину, на ходу срывая с себя одежду. — С этими словами он резко дал газ и рванул вперед, оставив Нэнси на дороге одну, ошеломленную таким монологом.

* * *

Проехав до конца квартала, Том и Хэнк остановились у светофора. Том посмотрел в зеркальце заднего вида и сообщил:

— Кстати, Хэнк, та симпатяга так и стоит до сих пор у перекрестка. Видать, этот тип не захотел ее подвезти. Может, вернемся?

— О Господи! — взмолился Хэнк. — Да забудь ты про нее ради Бога! В Лодердейле таких навалом будет — только успевай отбиваться. А эта красotka наверняка начнет рвать на себе кофточку и вопить при первой же встрече с легавыми, что мы пытаемся ее изнасиловать, причем не заткнется, пока мы не выложим из своих бумажников все наши скудные запасы.

— По-моему, ты накрутил уже на целый детективный роман! А лично мне кажется, что это просто милая девушка, которой позарез надо куда-то добраться. И я...

— Ну-ну, бледнолицый! — усмехнулся Хэнк. — Мое дело — предупредить. Но в большинстве случаев, если такая милашка о чем-то просит, то скорее всего у нее крупные неприятности. Или же она доставит их тебе в самом ближайшем будущем. И чего тебе взбрело в голову ломать все наши планы?..

Зажегся зеленый свет, но Том, вместо того чтобы ехать прямо, резко развернулся в обратную сторону. Хэнк скорчил недовольную гримасу, но Том не обратил на это никакого внимания, заявив:

— Если мы не подвезем ее, то очень скоро ее сцапает какой-нибудь урод.

— Ладно, уговорил. В конце концов ты водитель — тебе и решать. Но я надеюсь, ты не наделаешь никаких глупостей...

Фургончик объехал вокруг квартала, а Нэнси так и продолжала стоять на своем прежнем месте, неуверенно вытянув вперед руку, робкая и беззащитная. Завидев ее, Том широко улыбнулся, но подъезжать вплотную не стал, а затормозил в нескольких ярдах, опасаясь, что Хэнк в самый неподходящий момент что-нибудь ляпнет и испортит ему все знакомство.

— Привет! — прокричал Том, пытаясь переорать музыку. — Тебя подбросить?

— По-моему, вы уже только что проезжали мимо меня, — тихо отозвалась Нэнси.

Том улыбнулся.

— Все верно. Я с самого начала хотел тебя подвезти, но потом мне показалось, что ты уже решила свою проблему без нас.

— Почти что. Но тот господин в «кадиллаке» пожелал, чтобы за проезд я провела с ним две ночи в мотеле. Может быть, и у вас то же самое на уме?

— Я ведь предупреждал тебя,—сердито заворчал Хэнк, обращаясь к приятелю.— От этой девицы у нас будут одни только неприятности.

Но его товарищ не отступал, искренне продолжая уговаривать Нэнси:

— Да ты только посмотри на нас с Хэнком! Разве мы похожи на каких-нибудь негодяев? Мы просто хотим тебя подвезти, причем совершенно бесплатно. А то у меня прямо мурашки бегут по коже, когда я представляю себе, как ты садишься к какому-нибудь типу вроде того, в «кадиллаке», вот и все. Мы, кстати, направляемся в Лодердейл.

— А мне нужно к сестре в Калифорнию,—разочарованно вздохнула Нэнси, чувствуя, что уже начинает дрожать от холода.

— Ну и все. Пусть едет своей дорогой, а мы — своей,—опять заворчал Хэнк.

— Да заткнись ты! — прошипел Том и, не сводя глаз с Нэнси, добавил: — А почему бы тебе перед этим не сгонять с нами во Флориду? Я обещаю — ты проведешь там несколько незабываемых дней. Там будет полно молодежи, студентов... А за праздники ты наверняка познакомишься и с кем-нибудь, кто ближе тебе по возрасту, а заодно найдешь водителя, который будет потом возвращаться на запад.

— Почему вы так в этом уверены? — нахмурилась Нэнси.

— Ну ведь все студенты поедут назад заканчивать семестр, верно? А перед этим у тебя будет несколько дней, чтобы подобрать себе достойного попутчика. Кстати, там будут и школьники... Тебе только надо будет как следует убедиться, что это нормальный парень. Ну, говорил?

— Я даже не знаю...—Нэнси колебалась, но в душе уже решила, что если эти двое и в самом деле приличные люди, то уж лучше быть в их компании, чем оставаться совершенно одной на произвол судьбы.

— Ну, соглашайся! — торопил ее Том.— Не кочевряжься!

Наконец Нэнси кивнула и забралась на заднее сиденье.

Берт Джонсон угрюмо сидел за кухонным столом и пил густой черный кофе, а его жена в это время без умолку распространялась по поводу своего посещения парикмахерской. Правда, все то, о чем она так проникновенно вещала, его сейчас очень мало заботило. Гораздо больше Берта беспокоило то, где теперь находится Нэнси и что она собирается предпринять. Конечно, не стоило ему так набрасываться на нее, даже если она и вправду пыталась его соблазнить, а это не было лишь плодом его развыгравшегося воображения. Вообще алкоголь в последнее время стал плохо действовать на него. И вот теперь он давал ему шанс лишиться сразу и семьи, и работы, и репутации. Стоит только Нэнси раскрыть рот и сообщить матери, что на самом деле между ними сегодня произошло...

Он наспех перебинтовал себе голову, чтобы скрыть синяк от удара приемником, и втайне надеялся, что причина его ранения, которую он еще не успел придумать, в ближайшее время не заинтересует его супругу. Если, конечно, она сама не предложит ему первая какой-нибудь подходящей версии.

Озабоченно поглядывая на себя в зеркало, Гарриет не переставала щебетать:

— Ты представляешь, сначала он обстриг меня почти что до плеч, потом уложил прическу не так, как я просила, а потом еще начал экономить на мне лак и покрыл им волосы гораздо слабее, чем в прошлый раз. Ну, конечно, не так слабо, как у Нэнси... А куда, кстати, она пропала? Мне помнится, она собиралась сегодня на твоей машине по магазинам.

— Насколько мне известно, туда она и поехала, — отозвался Берт. — Во всяком случае, когда я вернулся, ее уже дома не было. Наверное, ее успели подхватить какие-нибудь подружки.

Гарриет подошла к плите и налила себе кофе.

— Скорее всего она уехала с Патти. Кстати, у нее еще не появился новый приятель?

Берт пожал плечами:

— Откуда мне знать? Я не слежу за этой дикой толпой молодняка, с которым она вечно якшается.

Миссис Джонсон села напротив мужа, не забыв добавив себе в кофе двойную порцию сливок и три кусочка сахара.

— А я вот не считаю, что ее компания настолько уж дикая,— уверенно заявила она.— Наоборот, это очень милые молодые люди. Особенно по сравнению с большинством других подростков нашего округа.

— Не волнуйся, в некоторых вещах они разбираются не хуже нас с тобой! А то могли бы кое-чему и подучить...— возразил Берт, скорчив при этом гримасу омерзения.

— О чем это ты говоришь, Берт? — выразительно спросила Гарриет, слегка наклонив голову и подперев рукой подбородок, что могло означать лишь одно: заявление мужа заинтриговало ее и разожгло женское любопытство.

— Я не хочу это с тобой обсуждать,— отрезал он.

Но, как и следовало ожидать, супруга тут же недовольно нахмурилась, и Берт снова заговорил:

— Видишь ли... Нэнси совсем не такая, какой ты ее себе представляешь,— заявил он без тени сомнения в голосе.

— Тогда, я думаю, нам надо немедленно во всем этом разобраться,— сказала Гарриет, бросая мужу вызов на откровенный разговор.

— Знаешь, милая, меня долго мучили сомнения, стоит нам вообще обсуждать это или нет. Но теперь я уверен, что лучше тебе узнать всю правду. Дело в том, что когда ты дома, она ведет себя как настоящая пайника— такая невинность и чистота. Но все это сплошное прикрытие! Стоит тебе куда-нибудь отлучиться, как она начинает щеголять передо мной в своей прозрачной ночной рубашке и каждый раз при удобном случае пытается подойти поближе и коснуться меня. Я в такие минуты стараюсь всячески избегать ее, потому что никак не могу понять, что у нее все-таки на уме. Но в последнее время я начал думать, что ей просто хочется, чтобы мы с тобой разошлись.

В течение этого монолога недоверие на лице Гарриет постепенно сменялось выражением полного ужаса. И теперь она сидела в напряженном оцепенении, не представляя себе, что ответить и как вообще реагировать на

подобное сообщение. Когда же она открыла наконец рот, голос ее походил больше на шепот:

— Берт... Или я что-то не так поняла, или же ты пытаешься убедить меня, будто Нэнси хотела тебя соблазнить?!

Берт весьма умело обошел это щекотливое место, зная, что сейчас ни в коем случае нельзя ни в чем обвинять падчерицу, и поэтому лишь с сомнением покачал головой:

— Нет, я думаю, до этого она еще не дошла. Наверное, ей просто хотелось проверить на мне, насколько она привлекательна в сексуальном отношении, или что-нибудь в этом роде. Ну, ты же знаешь — у молодежи сейчас бывают самые разные закидоны... Хотя, я, например, ни на секунду не сомневаюсь, что она до сих пор еще девственница.

Однако на этот счет у Гарриет были другие сведения.

— К сожалению, это не так, — тяжело вздохнула она. — Когда тот негодяй бросил ее, у Нэнси ведь просто сердце разрывалось... И я совершенно случайно подслушала один их телефонный разговор, из которого мне стало ясно, что они спали вместе.

Берт грустно покачал головой.

— Но мне она так и не доверила своей тайны, — продолжала Гарриет. — Потому-то мне и пришлось узнать все самой из их разговора. Нет, я, конечно, и не рассчитывала, что Нэнси слишком надолго сохранит свою девственность — она ведь у нас такая симпатичная, а на дворе давно уже не девятнадцатый век, верно? Секс перестал быть чем-то недоступным, а дети взрослеют так быстро!.. Да и что я могла с ней сделать? Запереть ее на замок или пристегнуть к своей юбке?..

— И то и другое делать уже слишком поздно, — с сожалением вздохнул Берт. — Но, может быть, она просто не смогла до конца смириться с тем, что я ей не родной отец? Может, она задумала как-то спровоцировать или унижить меня, чтобы выгнать из семьи, а самой снова остаться вдвоем с тобой, Гарриет?

— Берт, не говори так! Я в эту чепуху ни за что не поверю! Ведь Нэнси — моя дочь. Моя плоть и кровь!

— Ладно, Гарриет. Если тебя так больше устраивает, можешь закрыть глаза на все наши проблемы и

спрятать голову в песок, считая, что с этим все заботы исчезнут. Но позволь только спросить тебя: как ты думаешь, почему я снова начал выпивать?.. Именно из-за твоей дочери! И еще потому, что никак не мог осмелиться первым начать с тобой этот разговор. Ведь я понимаю, как для тебя тяжело узнавать всю эту горькую правду... И вот я начал топить свои проблемы в вине. И старался как можно реже видаться с Нэнси. А сегодня, когда я вернулся домой, а ее не застал, я даже немного обрадовался.

Гарриет ничего не ответила. Она была в полном смятении. Неужели Нэнси действительно ведет себя так, как ей рассказывает об этом Берт?..

С первым мужем Гарриет сильно не повезло. Он изменял ей направо и налево, а она все пыталась закрывать на это глаза, даже когда самые прямые доказательства были уже налицо. Впрочем, она и раньше чувствовала, что она у него — далеко не единственная. Но Гарриет оказалась слишком доверчивой женщиной и слепо боготворила мужа, не желая никого слушать и рассчитывая на ответную искренность с его стороны... Впрочем, после развода она научилась не так сильно переживать подлость близких и относиться к этому немного спокойнее, даже когда жестокая правда вставала перед ней во всей своей неприглядности. Но ожидать такого от собственной дочери?! То, как она поступала с Бертом, было просто отвратительно, немыслимо и ужасно, хотя Гарриет лишь с большим трудом заставляла себя поверить, что муж говорит ей действительно правду.

Конечно, Гарриет всю жизнь приходилось работать, и часто она настолько была занята своими делами, что не могла уделять много времени дочери. Может быть, именно поэтому она что-то и упустила в ее воспитании?..

А если Нэнси расскажет ей совсем другое — кому она тогда должна верить? Ей или Берту?.. Но Гарриет боялась потерять мужа. До второго замужества одиночество и ежедневный труд ради жалкой зарплаты и так чуть не выбили ее из колен. Она начала уже терять и уверенность в своих силах, и элементарное самоуважение. Берт же был для нее и гарантией надежного благополучия и сейчас, и спасением от одиночества в старости. Ведь на отпрысков рассчитывать не приходилось; вот, например, Терри: преспокойненько живет себе в Ка-

лифорнии, а если и придет раз в полгода открытку, то и то лишь потому, что ей нужны деньги или что-то еще. По другим случаям она о матери не вспоминает. Вот тебе и благодарность за все труды и страдания, которые пришлось пережить Гарриет, воспитывая в одиночку двух дочерей.

Но в любом случае поговорить с Нэнси необходимо. Надо внимательно выслушать, что она поведает своей матери. В конце концов может быть, это просто какое-то недоразумение, и не стоит так уж отчаиваться...

Взглянув на мужа, Гарриет наконец-то обратила внимание на его перебинтованную голову и участливо спросила:

— Берт, ты на дежурстве поранился?

Счастливый оттого, что она первая заговорила об этом, Берт тут же подхватил ее версию, так как сам он все равно ничего более оригинального не придумал.

— Да, нам попался какой-то вдребезги пьяный панк, и произошла небольшая потасовка. Но тут ничего страшного. Мы с Элом его в два счета скрутили, надели наручники и отвезли в участок.

— А что с Элом? Он тоже ранен?

— Эл? Ты что, смеешься? Разве у Эла бывают такие неприятности? Он же у нас счастливчик! Как всегда — ни одной царапинки.

Гарриет протянула к мужу руку и положила ладонь ему на плечо.

— Берт... Мы с тобой в последнее время так мало занимались любовью, что, может быть, из-за этого ты сам начал приставать к Нэнси?

Как только это объяснение пришло ей на ум, Гарриет уцепилась за него, как за спасительную соломинку. Лучше уж верить в это, чем в то, что она больше не устраивает мужа в постели.

Но Берт сильно сжал ее пальцы и укоризненно посмотрел ей прямо в глаза.

— Как ты можешь говорить такое или даже думать об этом! Я люблю только тебя, милая, и страшно боюсь тебя потерять. Конечно, может быть, что очень скоро — в один из ближайших дней — Нэнси придет к тебе и начнет нести всякую чушь, пытаюсь свалить все на меня. Но я хочу, чтобы ты твердо знала: между мною и ей ничего подобного даже близко не может быть. Это

просто исключено! Конечно, мы должны отнестись к девочке с пониманием и впредь уделять ей побольше внимания. Но самое главное — нам нельзя расставаться.

Тронутая такой искренностью мужа, Гарриет аж прослезилась. Ведь даже если он и виноват где-то в том, что произошло, она не хотела терять ни его, ни свою дочь.

* * *

Тем временем Нэнси, Том и Хэнк уже миновали границу Пенсильвании и теперь катили по земле Западной Виргинии. Хэнк закурил сигарету. Нэнси с мрачным видом сидела сзади, погруженная в свои печальные мысли, и не реагировала на все старания Тома хоть как-то развеселить ее. Наконец он немного приглушил приемник и радостно воскликнул:

— Я просто тащусь от этих гор! Там ведь нет ни одного кустика или даже травиночки — вообще ничего зеленого, кроме сосен. Какая прелесть! Сегодня на ночь мы обязательно остановимся в Голубых горах, а если повезет — то и у самой реки Шенандоа. А ты, Нэнси, случайно не знаешь такой песни — «Шенандоа»? Может, споешь ее нам?.. А то завтра и послезавтра все вокруг будет только зеленеть с каждой милей... Чем дальше на юг... И так на всем нашем нелегком пути в прекрасную, сказочную Флориду.

— Где погода как раз соответствует моей одежде, — мрачно заметил Хэнк.

— А я там вообще буду день и ночь ходить в одних плавках! — в предвкушении солнца и тепла улыбнулся Том.

— Ну, а ты нам что-нибудь скажешь? — спросил Хэнк и повернулся к Нэнси, с интересом разглядывая эту странную девушку. — Мы тебя везем «на халяву», а ты молчишь всю дорогу и портишь нам праздничное настроение...

— Я очень устала, — извинилась Нэнси.

— Э-э, старушка, а ты представляешь себе, как ты вымотаешься, когда мы проедем еще хотя бы тысячу миль? — вызывающе скривился Хэнк.

— Что-то я, братцы, проголодался! — вдруг выпалил Том, резко меняя тему разговора

Он снизил скорость до тридцати пяти миль в час: они подъезжали к небольшому поселку в южной оконечности штата. Хэнк снова включил музыку на полную мощность, и все трое принялись осматривать этот сонный поселок с удивительным названием Вишневая Горка. Впрочем, в этой местности городков с такими странными именами было более чем достаточно — на дорожных указателях им попадались уже и Человек, и Ручей у Хижины, и Сотня, и даже Порох. В Вишневой Горке имелся небольшой универмаг, продовольственный магазин, несколько непривлекательных с виду забегаловок и оптовый магазинчик, торгующий оборудованием для шахт. Все население поселка, судя по одежде, состояло из фермеров, шахтеров и охотников. А во всех пикапах, в беспорядке припаркованных у магазинов и кабаков, через задние стекла в огромных количествах виднелись карабины, охотничьи ружья и обреза.

— Ну и ну! Вот так местечко! — покачал головой Том. — Здесь, пожалуй, придется быть поосторожнее.

— Это почему же? — фыркнул Хэнк.

— Потому что кое-кто из этих любителей пострелять может грохнуть нас из-за одного нашего нездешнего вида.

— Да ты, видать, насмотрелся разной фигни по телевизору! — усмехнулся Хэнк. — У меня вот все предки из Теннесси, и они всегда говорили мне, что южане — вовсе не такой народ, каким его частенько выставляют в книгах и фильмах. На самом деле они гораздо дружелюбнее.

— Но все равно мне кажется, что здесь нам лучше ничего даже не пробовать, — настаивал Том, и Нэнси сразу насторожилась при этих словах, с тревогой пытаясь разгадать, что задумали ее двое попутчиков.

— Ты знаешь, иногда ты мне кажешься обычной трусишкой, — заявил Хэнк. — Тебе это известно? Пора бы уже понять, что в таком захолустье никогда ничего не происходит. И если у тебя на плечах голова, а не что-либо другое, то при некоторой сноровке все обязательно пройдет нормально. Я уверен, что все обойдется.

Обеспокоенная такой беседой своих спутников, Нэнси наконец подала голос:

— А что, собственно, должно пройти нормально, а?

Мельком взглянув на нее, Хэнк бросил через плечо:
— ВСЕ должно пройти гладко. Я имею в виду...—
Тут он запнулся, помолчал немного, а потом обратился
уже к Тому:— Ты разве не знаешь, что в таких дырах
полиция после полуночи уже видит десятый сон?..

— Да что вы задумали? — потребовала объяснений
Нэнси.

И тогда заговорил Том. Он старался объяснять все
спокойно и не спеша, опасаясь, что девушка может не-
правильно понять его или сделать поспешные выводы
относительно их с Хэнком планов:

— Ну, наверное, тебе можно рассказать, раз ты пу-
тешествуешь вместе с нами. Мы с Хэнком... ну, словом,
не слишком богатые люди. Хэнк, правда, получает кое-
что за игру в футбольной команде, но этого ему едва
хватает на образование. А я живу на то, что перепадает
иногда от родителей плюс подрабатываю немного в сту-
денческой столовой. Поэтому, прежде чем уехать из ин-
ститута, мы с Хэнком сели и тщательно рассчитали весь
наш скудный бюджет. Получилось, что если мы платим
за бензин, то не хватает на еду, а если расплачиваемся
за питание — не остается денег на бензин. И поэтому
мы решили по пути немного обворовывать продуктовые
магазины, чтобы добраться из Массачусетса до Фло-
риды. Вот так мы и поступаем теперь каждый раз, ког-
да нам хочется есть. Но если после всего, что ты те-
перь знаешь о нас, ты не захочешь больше иметь с на-
ми дело — что ж, ты вольна поступать как тебе нра-
вится. Можешь подыскать и другую попутку...

— Ну да! Хорошо вам бросать меня одну, уговорив
уже ехать вместо Калифорнии во Флориду... — обиженно
пожаловалась Нэнси.

— Короче, сколько у тебя с собой бабок? — без пре-
дисловий начал Хэнк.

— Ну... четырнадцать долларов.

— Да-а... На еду даже для тебя одной до Сан-Фран-
циско этого вряд ли хватит.

— Я понимаю, но...

— Значит, придется воровать, — подытожил Том. —
Но если это мера вынужденная, то такое воровство — не
большой грех.

Хэнк потер руки и бодро обратился к Тому:

— Короче, ты здесь за все время хоть одного легавого заприметил?

— Не-а.

Нэнси сидела в машине, не шевелясь, и рассуждала, насколько убедительными оказались для нее доводы Тома. Ведь только-только эти ребята начали нравиться ей и Нэнси стала чувствовать себя в их компании легко и комфортно, как вдруг — такие сюрпризы! Правда, трезво поразмыслив, она все же решила, что раз уж все равно она сбежала из дома, то их предложение, видимо, сущая мелочь по сравнению с тем, что ей еще предстоит испытать во время путешествия через всю страну.

— А, кстати, вон я вижу неплохой универсамчик, который вполне можно обчистить, — заявил Хэнк и жадно сглотнул, показывая, как ему не терпится поскорее раздобыть продуктов и как следует отобедать. Он указал рукой вправо, и Том тут же подрулил ко входу в магазин, однако мотор выключать не стал.

— Да и ты могла бы нам помочь в этом деле, — обратился Хэнк к Нэнси.

— Нет, если тебе это не по душе, то дело хозяйское — сиди на месте, хотя... — Том запнулся, и Хэнк тут же закончил за него:

— Если ты откажешься помогать, но поедешь с нами дальше, тебе все равно придется есть ворованную пищу.

Через несколько минут Нэнси и Хэнк уже вышагивали по магазину, с гордым видом миновав кассу. Нэнси прикатила тележку, и они начали набирать продукты.

— Давай-ка устроим настоящий пикник! — предложил Хэнк, ухмыльнувшись и стал бросать в тележку разноцветные яркие упаковки. Нэнси поборола испуганное оцепенение и тоже подключилась к нему, неожиданно почувствовав даже некое облегчение от того, что смогла все же зайти вместе с ним в магазин. Вскоре они настолько вошли во вкус, что начали закидывать в тележку буквально все, что нравилось им на полках: мясо, крупу, какао, яйца, масло, хлеб, сыр, колбасу, картофельные чипсы — словом, все, что требовалось для хорошей пирушки. Нэнси и Хэнк до того разошлись, что даже стали перебрасываться друг с другом продуктами, беспрестанно смеясь и проталкивая тележку все дальше ко всеобщему удивлению постоянных покупателей.

Когда тележка наполнилась доверху, Хэнк и Нэнси вдвоем подкатали ее к кассе. Старая карга, восседающая за аппаратом, проверила все их покупки, выбила чек и, расставив продукты по пакетам, протянула руку за деньгами.

— Подождите секундочку, я отвезу тележку на место, — улыбнулась Нэнси.

В тот же миг Хэнк деловито взял два огромных пакета с едой и быстрым шагом направился с ними к выходу, а Нэнси развернула тележку так, что та на время загородила кассирше дорогу, после чего девушка схватила оставшийся пакет и вслед за Хэнком выбежала из магазина. Том уже поджидал их у дверей. Дверцы фургончика были открыты, мотор по-прежнему работал. Пока Нэнси и Хэнк удирали, кассирша издала пронзительный вопль и бросилась к конторке заведующего.

Они с разбегу заскочили в машину, забросив пакеты с продуктами на заднее сиденье. Фургон выехал на дорогу и начал быстро набирать скорость. И в ту же секунду завывала сирена — за ними уже мчался полицейский автомобиль.

— Полный вперед! — заорал Хэнк.

Нэнси сжалась на своем месте, дрожащими руками пытаясь пристегнуть ремень безопасности.

На скорости шестьдесят миль в час их фургончик покинул Вишневую Горку, пытаясь ехать еще быстрее, словно хотел удалиться со скоростью звука полицейской сирены.

Прямо перед ними начиналась узкая асфальтированная дорога, но Тому сразу же стало ясно, что она изобилует всевозможными ответвлениями и крутыми поворотами. Он не стал рисковать, и не успел Хэнк выкрикнуть «Осторожно!», как фургон уже свернул прямо на поле. Сначала машину так затрясло, что Нэнси забеспокоилась за целостность своих костей, но очень скоро Тому удалось обнаружить в поле проселочную дорогу, по которой он и помчался дальше, чем немного успокоил насмерть перепуганную девушку.

Полицейский автомобиль не прекращал преследования, и когда Том обнаружил его в зеркальце заднего вида, он еще прибавил оборотов. Хотя дорога, ведущая через поле, была достаточно ровной, все же и на ней оказалось немало ям и ухабов. Однако теперь Том не

обращал на них никакого внимания и больше ни разу не снизил скорости. Полицейский же, судя по всему, вел свою машину достаточно аккуратно, и очень скоро сирена стала медленно затихать.

Теперь дорога шла мимо отдельных фермерских домиков и других построек. Как в тумане, Нэнси едва успевала замечать некрашенные амбары, мелькающие сквозь густую листву деревьев, какие-то башни, канавы и старые покосившиеся заборы. Иногда деревья так близко подступали к дороге, что их ветви начинали нещадно хлестать по окнам фургончика. Но и это не волновало Тома, потому что главной задачей сейчас было скрыться от полиции, и для этого он использовал все свое водительское мастерство. Один раз им представился случай нырнуть в какой-то маленький лесной закоулок, но из-за слишком большой скорости Том не успел свернуть. Наконец он немного успокоился и поехал чуть медленнее. А когда впереди обозначился следующий поворот, он и вовсе рискнул притормозить у обочины, надеясь, что легавым надоело это преследование и они отстали. Однако, подобрав место для остановки, Том на всякий случай все же заехал в лес и так искусно спрятал машину за деревьями, что даже опытный полицейский не сразу смог бы определить, куда так неожиданно и бесследно исчез этот злосчастный фургон. И вот звук сирены действительно стал стихать. Снова выехав на дорогу, Том еще несколько минут продолжал на полном газу гнать вперед, а потом, перейдя наконец на нормальную скорость, победно взглянул на Хэнка и расхохотался. Хэнк и Нэнси дружно рассмеялись в ответ. И эта радость, этот смех показали Нэнси какими-то удивительно чистыми и искренними.

Чему же она так радовалась, отчего они все трое так ликовали?.. Оттого, что успешно ограбили магазин? Да, погоня была для нее на редкость страшной. И теперь, когда все это осталось позади, у Нэнси наступило нечто вроде нервной разрядки. Они хотели и никак не могли остановиться. Да никто из них и не хотел останавливаться. Немного придя в себя, Том лишь на мгновение перевел взгляд с дороги на своего приятеля и заявил:

— Ну и поездочка! Жаль, что меня еще в магазине с вами не было, а то бы я...

— Том! — взвизгнула вдруг Нэнси. — Берегись!

Том среагировал моментально и сразу же крутанул руль в сторону, чуть не сбив какого-то мужчину, внезапно появившегося на самом краю лесного проселка. Мужчина в грязном фермерском комбинезоне едва не угодил под колеса. В руках он держал какой-то длинный и, видимо, тяжелый сверток, прикрытый забрызганным грязью одеялом или мешком. Услышав скрип шин, незнакомец испуганно отшатнулся и тут же скрылся в лесу, из которого, очевидно, только что и вышел на эту дорогу. Но сквозь кусты он продолжал смотреть вслед уезжающему фургону, по-прежнему бережно держа в руках свою ношу.

— Черт! — ахнул Том. — Я чуть не сшиб этого парня. Фу ты! — Он отер ладонью пот со лба.

— Он чего-то тащил в руках, — сказал Хэнк. — Ты не обратил внимания?

Но Том только нервно усмехнулся.

— Слава Богу, что я хоть его самого заметил. Твой визг, Нэнси, кажется, только что спас человеческую жизнь.

Нэнси облизнула пересохшие губы и заговорила неожиданно тихо и в то же время взволнованно:

— А в нем было что-то очень страшное. Я потом обернулась и увидела, что он как-то злобно усмехается, хотя ты его только что чуть было не переехал. Я готова поклясться, что в этой улыбке было что-то дьявольское. И еще мне показалось, что из-под одеяла у него высовывалась женская туфля.

Нэнси даже передернуло, когда она представила, что и куда мог тащить этот незнакомец со злыми глазами и безумной ухмылкой.

Хэнк повернулся к девушке и от души рассмеялся:

— Да перестань ты! Обыкновенный фермер с мешком. Ты, старушка, слегка перенервничала после нашего приключения, вот тебе и мерещится всякая чертовщина. Ну, ничего — сейчас мы подыщем какое-нибудь уютное местечко для ночевки, курнем травки, и ты расслабишься.

Нэнси повернулась к окну, обдумывая это предложение. Как-то раз ей давали попробовать марихуану, но та не возымела на нее никакого действия: ей так и не удалось «словить кайф». Хотя, в принципе, она была не про-

тив попробовать это зелье еще разок. Правда, попробовать теперь придется в компании двух молодых людей... Интересно, до какой степени, они думают, она начнет расслабляться?

А мужчина с мешком все стоял и смотрел вслед удаляющемуся фургончику, поднявшему за собой клубы пыли. Но вот машина пошла на поворот и вскоре исчезла из виду. И тогда мужчина снова вышел на середину дороги. Это был настоящий великан — широкоплечий и мускулистый, а на губах по-прежнему играла застывшая злобная усмешка. Уголок грязного одеяла упал с его свертка, обнажив голень женской ноги в красной туфельке на высоком каблуке. Мужчина не шевелился. Он смотрел туда, где только что за поворотом скрылся фургон. По голени свисающей из свертка ноги струилась кровь и капала на дорогу, стекая по мыску красной лаковой туфельки.

Глава седьмая

Они остановились на живописной опушке у реки и решили заночевать прямо здесь. Потом не спеша вынули пакеты с едой и пришли в восторг от того, что наконец-то могут спокойно рассмотреть все, что удалось стащить из универсама.

— Ну, теперь нам не придется воровать дня четыре! — обрадовался Том, оценив внушительные запасы провизии.

Нэнси приятно было услышать такие слова. Она помогла Тому отобрать все скоропортящиеся продукты и переложить их в дорожный холодильник, который стоял у приятелей за задним сиденьем. Сгущались сумерки, и ребята быстро насобирали веток, чтобы соорудить костер. После этого все трое поужинали сандвичами с ветчиной и сыром и запили все это настоящим горячим какао.

Затем Хэнк сделал несколько «косяков», раскурил один, затанулся и, задерживая дым в легких, молча передал его Нэнси. Девушка слишком устала, чтобы начинать какие-то споры и, не заставив просить себя дважды, взяла из его рук необычное «угощение» и тоже глубоко затанулась. Заметив, что она все же немного колеблется, Том поинтересовался:

— А ты вообще раньше травку-то пробовала?

Задерживая дыхание, она лишь утвердительно кивнула Тому и передала дымящийся конус ему. Она не стала вдаваться в подробности и объяснять, что курила марихуану всего один раз, да и то не испытала никакого особого удовольствия. Потом Том снова передал эстафету Хэнку, и так продолжалось «по кругу» до тех пор, пока весь «косяк» не был выкурен. Хэнк немедленно зажег второй и со знанием дела заметил:

— Хорошая травка попалась.

Том не мог с ним не согласиться.

Неожиданно Нэнси расхохоталась и сразу же поняла, что наконец-то «пробрало» и ее.

Том и Хэнк понимающе посмотрели на девушку и тоже засмеялись.

— Как приятно посидеть вот так по-домашнему у камина и расслабиться после тяжелого дня, хождения за покупками и погони жадных тупых кредиторов,— задумчиво произнес Хэнк, и это замечание показалось всем троим настолько остроумным, что они с новой силой разразились безудержным хохотом.

Том смеялся так, что даже закашлялся и, не в силах остановиться, уступил свою порцию Нэнси. Но окурочек был уже настолько коротким, что обжигал ей пальцы.

— Надо достать держалочку,— вспомнил вдруг Хэнк и, выудив из кармана что-то наподобие пинцета, взял им окурочек так, что они снова смогли затягиваться им, пока он не сгорел почти полностью. Когда же бумага начала обжигать и губы, Хэнк поднес горящие остатки к носу и стал с упоением вдыхать терпкий дым. Наконец он разжег третий «косяк», и Нэнси, уже полностью одурманенная и счастливая от своего забытья, теперь легко и охотно принимала каждую новую дозу, когда подходила ее очередь.

— Что-то я серьезно проголодался,— весело произнес Хэнк, и его глаза игриво заблестели в багровых отсветах догорающего костра. Он многозначительно погладил себя по животу, скорчил людоедскую рожу и снова прыснул.

Марихуана, как и следовало ожидать, пробудила у всех троих аппетит. Они вернулись к фургончику, достали печенье, желе, сладкий сливочный крем, яблоки, бананы, картофельные чипсы и пиво, чтобы было чем все

это запить. Ели они долго и медленно, изобретая самые невероятные бутерброды из печенья с кремом и кусочками бананов, и даже намазывали желе на тонкие ломтики жареного картофеля и яблок. И так как все трое находились в сильном наркотическом опьянении, эти кушанья казались им самыми изысканными деликатесами, которые только может изобрести человечество.

Иногда Том или Хэнк вставали и подбрасывали в костер хвороста или шишек.

— Черт! Как подумаю, что скоро опять в институт — аж дурно становится, — вздохнул Хэнк. — Ведь сразу надо будет садиться и зубрить день и ночь перед выпускными экзаменами.

— Нашел время вспоминать об этом! — простонал Том, схватившись за сердце. — Я только начал как следует расслабляться...

— А на каком факультете вы учитесь? — поинтересовалась Нэнси.

— Инженерной психологии. Но я бы с радостью сменил эту тему, — тут же добавил Том. — Лучше спой нам что-нибудь, ладно?

Нэнси ничего не имела против. Она покорно пожала плечами, сходила за гитарой и исполнила негритянский спиричуэлс «Цена надежды». Тому очень понравилось ее пение, он внимательно наблюдал за выражением лица девушки, и она все сильнее восхищалась его своей искренностью и романтизмом. От Хэнка не ускользнул восторженный взгляд Тома, и это подействовало на него раздражающе. Ведь они с Томом ехали в Лодердейл не просто так, а на самую настоящую оргию. И в их планы не входило цепляться к какой-то одной-единственной малолетке. Хэнку стало очевидно, что если Том потеряет голову из-за этой девицы — а к этому все и шло, — то так прекрасно начавшееся путешествие просто пойдет коту под хвост: Хэнк останется один, без пары, и все свободное время будет вынужден бродить в одиночестве по пляжу и знакомиться с первыми попавшимися красотками. А в большинстве своем, что самое ужасное, все незнакомки окажутся, конечно же, белыми. И хотя Хэнк изо всех сил старался держать себя в руках, его просто бесило, что по какой-то нелепой случайности он может так вот запросто потерять своего лучшего друга.

Нежно перебирая струны гитары, Нэнси заканчивала последний куплет спиричуэлс:

«Кто назовет цену вере Христовой —
Бедных на смерть обречет:
Сразу богатые Божье Слово
Скупят на сто лет вперед...»

Голос Нэнси затих с последним аккордом, она приложила гитару к дереву и села к костру, весьма довольная собой. Теперь ее интересовало мнение слушателей. Она была абсолютно уверена, что Тому ее песня понравилась, но вот что скажет Хэнк — это еще вопрос...

— Нэнси... Ты пела просто восхитительно! — искренне признался Том.

Она улыбнулась и поблагодарила его, чувствуя, как гордость начинает распирает ее грудь.

— А я считаю, что ты не имеешь никакого права петь песни о р а б а х, — сердито буркнул Хэнк.

— Да перестань, Хэнк! — огрызнулся Том. — Не надо заражать нас своей паранойей.

Хэнк окинул Тома холодным взглядом и прикурил обычную сигарету вместо очередного «косяка».

— Это кто из нас страдает паранойей?.. Уж во всяком случае, не я. Я просто выразил свое мнение: белая девушка не должна петь песни чернокожих рабов. — Он пытался казаться хладнокровным и, запрокинув голову, выпустил подряд несколько колечек дыма. — Ведь не белые, а именно темнокожие страдали в свое время в этих местах. И вдруг белая девица, вроде твоей Нэнси, начинает делать вид, будто разбирается в чувствах, заложенных в нашей духовной музыке.

Том был не согласен с мнением своего друга.

— Да все это дерьмо собачье, Хэнк. И что вдруг на тебя нашло?.. Как только тебе начинает что-то не нравиться, ты сразу придумываешь какие-то идиотские теории. Я чувствую, в следующий раз ты объявишь мне, что итальянцы не имеют права исполнять ирландские баллады.

— Я тебе сразу не понравилась. Да, Хэнк? — напрямик спросила Нэнси.

Хэнк окинул ее оценивающим взглядом и, прищурившись, произнес:

— Вот что мне пришло в голову: скорее всего ты просто сбежала из дому. И если это так, то и я, и бедный невинный Том становимся соучастниками этого дерьмового дела. Кстати, сколько тебе лет, крошка?

— Девятнадцать.— Но она тут же решила не обманывать их.— Хотя, вообще-то, мне семнадцать... Ну, почти восемнадцать.

— А ты уверена, что тебе не шестнадцать или даже пятнадцать?

— Да оставь ты ее в покое, черт тебя раздери! — закричал Том.

— Заткнись-ка, бледножопый! Хотя бы один из нас должен иметь голову на плечах, чтобы понять, сколько неприятностей мы можем из-за нее огрести. Тебе что-нибудь известно о законе Манна?

— Прекрати немедленно! — взвился Том.

— Хорошо, я тебе вкратце напомним: перевозка малолетних через границы штатов без согласия родителей... А теперь, Том, хорошенько пораскинь мозгами: у нас на хвосте наверняка уже сидят ребята из ФБР.

— Да дерьмо это, Хэнк! Я прекрасно помню, что ты хотел поступать на юридический. Но этого почему-то не произошло... Так что давай лучше кончать с законами.— Том повернулся к Нэнси и, как бы извиняясь за друга, развел руками.— На Хэнка иногда находит нечто подобное. Особенно когда он «под кайфом». Но это не долго, ты не волнуйся.

Но Нэнси сама решила постоять за себя.

— Если ты так сильно настроен против меня, Хэнк, то можешь особенно не стараться — из-за меня вам не светит никаких неприятностей: утром мы можем спокойно расстаться.— Однако, произнося это, она, как ни старалась, не смогла сдержать слез и маленькая капелька заблестела на ее щеке в свете костра.

Том подошел к девушке и положил руку ей на плечо.

— Да нет, Нэнси. Хэнк вовсе не это имел в виду. Честно! Хэнк, черт тебя дери, скажи ей, что ты совсем другое хотел сказать!.. Ну вот, теперь ты ее вконец расстроил...

— Нет, я именно это имел в виду. Мы ведь ее совершенно не знаем! А я тебя, кажется, предупреждал насчет неприятностей...

Теперь Нэнси заплакала уже в открытую, встала и, не разбирая дороги, побрела в лес, почти не видя под ногами тропинки, скрытой от тусклого света луны густыми деревьями.

Том тут же вскочил и яростно заорал на Хэнка:

— Все неприятности у меня бывают только из-за тебя, Хэнк! Жаль, что ты так и не научился иногда держать свое огромное хлебало на замке. Завтра, когда весь кайф улетучится, ты даже не вспомнишь, что натворил...

С этими словами он бросился вслед за Нэнси. Она сидела у самой реки. Том остановился в нескольких футах от нее, но девушка даже не оглянулась.

— Можно я посижу рядом? — спросил он.

Нэнси кинула в воду камешек и стала молча наблюдать за расходящимися по поверхности кругами. Так и не получив никакого ответа, Том сделал несколько шагов и положил ладонь ей на плечо.

— Послушай, может быть, тебе станет легче, если ты расскажешь кому-нибудь о своих проблемах?

— А с чего ты взял, что они у меня есть? — невозмутимо ответила Нэнси.

— Ну, раз их нет, тогда и говорить о них нечего, — философски заключил Том и присел рядом. — Я просто хотел сказать тебе, что на самом деле Хэнк парень-то неплохой. Он согласится, чтобы ты осталась с нами — вот увидишь. Утром все будет по-другому.

— Я не хочу быть вам в тягость, — тихо, но решительно произнесла Нэнси. — Я просто собиралась в гости к сестре в Калифорнию. И лучше бы вы не попадались мне на пути — ни ты, ни твой приятель. Без меня вам было бы гораздо легче.

— Вот уж неправда, — не отступал Том. — Во-первых, ты нам помогла, и... и с тобой просто весело! Я хочу, чтобы ты осталась с нами, Нэнси.

Она не знала, что на это ответить. Так и не найдя подходящих слов, Нэнси снова расплакалась. Том собирался как-то утешить ее, но тут из леса раздался отчетливый странный звук, заставивший их обернуться.

— Хэнк, это ты? — крикнул Том.

Звук повторился. Казалось, будто кто-то ломится через кусты. Но вскоре шум так же неожиданно стих.

Слегка напуганные этими звуками, Том и Нэнси прислушались, и юноша снова позвал своего друга:

— Хэнк! Хэнк, это ты?

Но ему никто не ответил.

Вскочив на ноги, Том и Нэнси стали вглядываться в темноту. Слабый призрачный свет луны не проникал под деревья. Они напрягли зрение, вглядываясь в ту сторону, откуда только что доносился этот подозрительный шум... Но едва к ним вернулась уверенность, что в лесу стоит полная тишина, как вдруг низкий горловой хрип разнесся под кронами вековых сосен, заставив молодых людей вздрогнуть и прижаться друг к другу.

— Наверное, это какой-нибудь зверь,— предположил Том, изо всех сил стараясь придать своему голосу уверенность.— Может быть, гиена, если, конечно, они здесь водятся. Или это Хэнк решил подшутить над нами... Ну ладно, Нэнси, пошли обратно к костру — пора спать. Завтра мы должны тронуться ни свет ни заря. И я надеюсь, что ты все же решишь путешествовать вместе с нами. Мне нравится быть рядом с тобой — я говорю это вполне серьезно.

Все еще напуганная, Нэнси чувствовала, что сейчас ей как никогда нужна чья-то поддержка, и они тут же двинулись по тропинке назад, прочь от реки.

Спрятавшись в тени толстых деревьев, мужчина в рабочем комбинезоне наблюдал за ними со злобной усмешкой. Эта девушка ему очень понравилась. Она была на редкость симпатична, и ему не терпелось поскорее разглядеть ее вблизи, ощупать ее тело и прикоснуться к ее длинным светлым волосам.

* * *

Берт и Гарриет Джонсон долго не ложились спать, все сильнее беспокоясь за Нэнси, хотя причины для волнений у них были разные. Берту уже пора было собираться на ночное дежурство, и он оделся в полицейскую форму. Гарриет облачилась в пижаму и махровый халат, дождалась новостей в одиннадцать вечера, а потом обзвонила всех подруг Нэнси, каких только знала, но ни одна из них не смогла ее просветить, где до сих пор может быть ее дочь.

Берт взял бутерброды, приготовленные ему женой на работу, и подошел к Гарриет, чтобы поцеловать ее на прощание, когда она неожиданно заявила:

— Берт, а ведь что-то все-таки произошло сегодня между тобой и Нэнси. Разве не так? Ты ведь мне все наврал... И теперь я хочу знать зачем. И почему Нэнси до сих пор не вернулась домой.

Берт всегда был твердо уверен, что в ярости он просто неотразим, а его доводы приобретают сокрушительную убедительность, поэтому он буквально взорвался:

— Откуда, черт возьми, мне это знать?! Я уже, кажется, говорил тебе, что твое чадо не такое уж и невинное, как ты привыкла об этом думать... Может, она сейчас торчит с компанией у кого-нибудь на квартире или Бог знает где еще.

— Нет, ты же знаешь, она почти никогда так допоздна не задерживается и к тому же звонит обычно, если такое все же случается. Поэтому я очень волнуюсь, и мне начинает казаться, что ты скрываешь от меня часть правды.

Берт пытался казаться рассерженным и в крайней степени оскорбленным таким недоверием жены.

— Да упаси меня Господь! Твоему воображению просто предела нет. А мне, между прочим, давно уже пора отправляться на службу. Кстати, там я сразу же проверю все поступившие за день данные, если, конечно, тебе от этого будет легче. Во всяком случае, если с Нэнси что-то произошло и полиция в курсе дела, то я узнаю об этом первым. Но мне кажется, что когда я тебе позвоню, она уже будет преспокойно спать у себя в постели.

— Я тоже на это надеюсь,—немного смягчаясь, вздохнула Гарриет.

Берт поцеловал супругу, пожелал ей спокойной ночи и вышел из дома, громко хлопнув при этом дверью.

Гарриет подошла к бару, достала бутылку «бурбона», налила себе целый стакан и залпом выпила половину. Остатки она перенесла себе в спальню, села на край кровати и вдруг почувствовала, что страшно вымоталась за весь этот день. И еще ей показалось, что именно сейчас пришла пора выбирать: либо она останется с дочерью, либо с мужем. А такого решения Гарриет не в состоянии

была принять. По натуре она была женщиной слабой, и эмоциональное напряжение минувшего дня привело к тому, что она окончательно выбилась из сил. Гарриет осушила остатки «бурбона», поставила стакан на тумбочку и заметила рядом на полке пузырек со снотворным. Схватив упаковку, она вытряхнула на ладонь несколько капсул и сразу же проглотила, а потом легла поверх одеяла и закрыла глаза, даже не потушив ночник.

Из тяжелого глухого сна ее вырвал телефонный звонок. Гарриет схватила трубку и испуганно крикнула в нее:

— Алло! Нэнси, это ты?

Но голос на другом конце провода ответил:

— Нет, это я, Берт.

— А-а, Берт...— зевнула Гарриет, постепенно стряхивая остатки сна.— Какие новости?

— Мне только что звонила Нэнси,— ответил он.— Она сказала, что находится в гостях у одной из своих подруг и у нее же останется ночевать.

— У кого именно? — забеспокоилась Гарриет.

— Не знаю,— ответил Берт.— По-моему, она говорила что-то, но я не запомнил. Точнее, не расслышал. Ну как, милая, тебе теперь легче?

— Ну разумеется! Только почему она не позвонила мне сюда?

— Она сказала, что пыталась позвонить, но, наверное, набрала не тот номер. Хотя мне почему-то кажется, что никуда она не звонила, а просто хочет, чтобы мы думали, будто ей весь день не терпелось поскорее нас успокоить. Она небось сидит сейчас в какой-нибудь развеселой компании, и думать забыла, что мы тут места себе не находим... Ну, ты же знаешь эту молодежь — если у них какая-то вечеринка, они напрочь забывают о своих родителях.

— Ох, Берт... Пусть это будет хотя бы так — лишь бы не хуже. Спасибо, что позвонил. Извини, что я на тебя сегодня наорала.

— Ладно, не будем вспоминать об этом. Ну пока, милая. Увидимся утром.

Берт повесил трубку телефона-автомата, довольный тем, что его ложь хоть на какое-то время смогла успокоить жену. Скорее всего Нэнси просто сбежала из дому, потому что из квартиры исчез ее чемодан и кое-какие

вещи. Значит, если завтра она не вернется, он заявит, что ее вчерашний звонок был очередной уловкой, чтобы ни он, ни мать не вышли на ее след раньше времени, пока она не унесет подальше ноги. Ну, а к этому моменту Гарриет уже совсем успокоится и перестанет на него злиться. Если же Нэнси действительно осталась почевать у подруги и звонила ему, как он и сказал жене, тогда в его поступке и вовсе не было ничего предосудительного. Хотя оставалась еще одна проблема: вдруг Нэнси уже вернулась домой? Что тогда он скажет жене?.. Впрочем, тогда он сосредоточится и наврет такого, что Гарриет вконец запутается и окончательно перестанет понимать, кому из них верить.

Но Берт все же надеялся, что Нэнси не объявится слишком скоро и он еще какое-то время сможет чувствовать себя в относительной безопасности. Вспоминая все, что он сделал, Берт испытывал стыд, страх и ощущал себя тараканом, загнанным в угол. Ведь если Нэнси спустя даже годы выдвинет против него обвинение, то достаточно будет одного скандала и сплетен, чтобы навсегда погубить его полицейскую карьеру, пусть даже официально его оправдают.

* * *

Нэнси проснулась за несколько минут до рассвета. Она провела ночь, свернувшись калачиком в просторном спальном мешке, который ей любезно одолжил Том. Утро выдалось сырым и холодным, и нейлоновая оболочка мешка блестела от обильной росы. Том и Хэнк еще спали в двух других мешках возле потухшего костра.

Легко выбравшись из своего «кокона», Нэнси медленно побрела к лесу, с осторожностью ступая по высокой влажной траве. Довольно долго она искала нужную тропинку, но наконец все же вышла на берег реки, где они с Томом сидели накануне вечером. Зябко пожившись, девушка присела возле самой воды, рассматривая свое зыбкое призрачное отражение в ее поверхности. Волосы у нее были спутанные и отсыревшие, и больше всего ей сейчас хотелось принести сюда расческу, массажную щетку и полотенце, чтобы умыться и привести голову в божеский вид. Но она все еще так и не решила, оставаться ли ей с ребятами или продолжать путешествие в одиноч-

ку. И, задумавшись об этом, Нэнси стала медленно бросать в воду гладкие круглые камешки, которыми был усыпан пологий пустынный берег.

* * *

Тем временем Том и Хэнк все еще крепко спали у костровища и не слышали звука шагов, приближающихся к ним со стороны леса. Наконец от ударов тяжелыми коваными сапогами по ребрам они проснулись, дернулись в застегнутых до подбородка спальных мешках и с ужасом увидели над собой зияющие дула крупнокалиберных полицейских револьверов. Оказывается, их сладкий сон был нарушен двумя блюстителями порядка, не придумавшими ничего умнее, чем сразу тыкать в лицо оружием.

— Спокойно, щенки! — рявкнул один из них. — Никаких резких движений! И держите руки у нас на виду.

— Если любой из вас попытается достать что-нибудь из спального мешка, — добавил второй, — я не буду ждать и любопытствовать, что это, а тут же разнесу вам обоим головы. Вы меня поняли?

— А в чем, собственно, дело? — дрожащим голосом спросил Том. Он решил уже, что речь идет, скорее всего, об украденных из магазина продуктах.

— Заткнись, ублюдок! — прорычал первый полицейский и угрожающе ткнул ему в шею стволом револьвера.

Неожиданно второй полицейский резко ударил Хэнка носком сапога в живот, отчего тот вскрикнул и согнулся пополам, задыхаясь от боли. Оба «стража закона» разразились довольным хриплым хохотом.

— Вот и раздавили клопа! — ухмыльнулся один из них, что вызвало у его напарника еще больший прилив веселья.

Том, не мигая, смотрел на них широко раскрытыми от страха глазами. Тот полицейский, что стоял над его головой, был высок, крепкого телосложения, а выражение его злых маленьких глазок и плотно сжатые тонкие губы не сулили ничего хорошего. Второй казался пониже и постоянно хмурился. На обоих были песочного цвета летняя форма, короткие сапоги и широкополые шляпы. У высокого на рукаве Том заметил сержантские нашивки, у второго — капральские.

— Где девчонка? — прорычал капрал. — Вы убили ее?

— Ну, держитесь, садисты! — с угрозой в голосе мстительно прищурился сержант.

Коротышка капрал размахнулся и что есть силы ударил Тома ногой по ребрам. Том взвыл от нестерпимой боли, а Хэнк теперь лишь тихо стонал, с трудом веря в реальность происходящего.

Сержант поставил ногу Тому на грудь и направил дуло револьвера прямо ему между глаз. Том продолжал стонать от боли в сломанных ребрах.

— Заткнись, гаденыш! — потребовал полицейский. — А то я не буду долго ждать и засажу тебе пулю прямо в лоб, чтоб твои ослиные мозги разлетелись во все стороны.

Кaprал тихо засмеялся.

— А может, они потом вздумают обвинить местную полицию в жестокости?.. Я слышал, что негры очень любят такие штучки, правда? — С этими словами он еще раз лягнул Хэнка по больному боку.

— Да эти скоты и не заслуживают другого обращения, — махнул рукой сержант. Не убирая ноги с груди Тома, он еще сильнее придавил его к земле сапогом. — Ты, маньяк! Что вы сделали с девчонкой? Где ее тело? — Он все крепче давил на грудь юноши и теперь уже фактически стоял на нем, навалившись всем весом. Том изо всех сил стиснул зубы, чтобы не закричать, но не смог сдержаться и едва слышный стон все же донесся до ушей сержанта. — Заткнись, мразь! Я кому говорю?! Не то сейчас все мозги тебе вышибу! — Он приставил револьвер ко лбу Тома, готовый в любую секунду спустить курок.

— Послушай, а может, имеет смысл затащить их дальше в лес и там как следует допросить по отдельности? — злобно ухмыльнулся капрал.

— Неплохая идея. С кого начнем? Может, бросим монетку? — Сержант не спеша переводил револьвер с Тома на Хэнка. — Мне кажется, что черномазый...

— Пойдите! — вдруг истошно закричал Хэнк. — Неужели нельзя спокойно поговорить?.. Мы никого не убивали! Да, с нами была одна девушка, но она куда-то ушла. Наверное, еще ночью.

— Все, в чем мы можем признаться, так это в краже продуктов из магазина — подхватил Том.

Это почему-то развеселило капрала:

— Ничего себе! Вот так признание! И вы рассчитываете, что мы поверим будто вы такие невинные овечки? Ничего у вас, ребятишки, не получится. Нас вам за нос не провести. Верно, сержант?

Сержант в задумчивости сжал губы, словно напряженно пытался что-то решить и, наконец, быстро заговорил:

— Короче, хватит нам тут заливать. Мы точно знаем, что вы виновны. Ваш фургон видели возле того места, где обнаружили расчлененный труп изнасилованной девушки. И никак вам от этого не отвертеться. Так что придется ответить за все, причем нам не особенно важно, живыми или мертвыми мы вас доставим в участок.

— Но нас должны судить! — Хэнк схватился за последнюю спасительную соломинку. — Мы же ни в чем не виновны! — Он уже догадывался, почему они так к нему прицепились. Правда, оставалось непонятным, за что страдает белокожий Том.

Капрал нетерпеливо махнул рукой.

— В общем, выбирайтесь из своих мешков, да поживее! С которого начнем, а, сержант?..

И тут Том вспомнил еще кое-что.

— Подождите! Я забыл вам сказать: вчера нам недалеко отсюда встретился крупный мужчина в комбинезоне — в таких обычно фермеры ходят... Я его чуть не сбил машиной — он стоял прямо посередине дороги. А в руках держал большой сверток. Возможно, там и было спрятано тело. Скорее всего он положил туда труп, а потом стал валить все на нас. Это он рассказал вам про наш фургон? Если так, то он решил просто снять с себя подозрение, вот и все. Послушайте, мой отец — адвокат в Бостоне. Он...

Но полицейские, похоже, не поверили ни единому слову в этой истории, потому что и сержант, и капрал тут же начали дружно хихикать. Потом этот смех перерос в раскаты безудержного громового хохота, когда оба юноши вылезли из спальных мешков и теперь, растерянные и беззащитные, стояли над потухшим костром.

К тому времени Нэнси уже вернулась с реки и, спрятавшись в кустах ярдах в пятидесяти от фургона, молча

наблюдала за происходящим. Поначалу ее просто привлекли громкие голоса, доносившиеся со стороны их стоянки. Но, увидев в лагере двух полицейских, она не на шутку перепугалась, так как сразу решила, что они явились за ней, чтобы немедленно арестовать и отправить домой.

Поэтому она не торопилась выходить из кустов, намереваясь сначала выяснить, о чем беседуют полицейские с Томом и Хэнком и чего они хотят от нее. Но, к своему изумлению, она увидела, что на обоих ее спутников уже надели наручники.

Потом капрал одной рукой схватил Хэнка за запястья, а другой вцепился в званую оплеуху. Ничего не понимая, Хэнк задрожал, все еще рассчитывая на здравый смысл представителей власти. Но вскоре, явно теряя надежду, начал паниковать. Улучив момент, он неожиданно отпрыгнул назад и бросился бежать в сторону леса. Капрал пригнулся, прицелился и выстрелил два раза подряд. Хэнк покачнулся и упал вниз лицом, последний раз дернулся и затих навсегда.

— Ты же убил его, фараон поганый, — позабыв всякий страх, ошалело заорал Том. — Зачем ты это сделал? Я же повторяю, ни в чем мы не виновны! Невиновны!!

Его лицо исказилось от ярости, но, стоя между двумя полицейскими, он был совершенно беспомощен, и только горькие слезы отчаяния струились по его щекам. Том хотел было подойти к расprostертому на траве Хэнку, но сержант остановил его, грубо ткнув поддых стволом револьвера.

Вразвалку приблизившись к телу Хэнка, капрал довольно улыбнулся, повернул голову и безо всякого сожаления посмотрел на Тома. Потом аккуратно прицелился Хэнку в висок и нажал спусковой крючок. Громкий выстрел заглушил отчаянный вопль Тома, а потом наступила полная тишина.

— Я ведь предупреждал черномазого, что расшибу ему башку к е...ной матери. А он, кажется, не поверил мне. Так ему и надо, свинья поганая.

Том почувствовал, что все плывет у него перед глазами и понял, что близок к самому настоящему обмороку.

— Да вы, наверное, сошли с ума... — только и смог сказать он.

— Заткнись! — заорал на него сержант. Да так, что Том даже удивился, как у него не лопнули голосовые связки. — Твой приятель оказал сопротивление при аресте. А ты не хочешь последовать его примеру?.. А то могу заверить тебя, дружок, что все кончится точно так же, как и с этим ублюдком. Ну что? Теперь ты готов сознаться в изнасиловании и убийстве той девушки? Я ведь лично ее знал... И всю ее семью тоже. И поэтому не останавлиюсь ни перед чем, чтобы рассчитаться с убийцами за ее смерть. А народ в нашем городке ради такого случая специально закроет глаза на некоторые формальности. Ведь это все делается ради их же благополучия и безопасности.

— Но я же говорю вам — я ни в чем не виноват!.. — чуть ли не взвизгнул Том. — Какие у вас есть доказательства? Да это какое-то безумие! Я ничего не понимаю. Что происходит? Вы должны разрешить мне пригласить адвоката. Я прошу вас! Уже одна невинная жизнь оборвалась: вам что, этого мало?

Все еще прячась в кустах, Нэнси с ужасом наблюдала за происходящим, не в силах отвести глаз от жуткой картины. Она будто окаменела и не могла даже пошевелиться. Ей очень хотелось как-нибудь помочь Тому, но она прекрасно понимала, что совершенно беспомощна в данной ситуации. К тому же голоса говоривших доносились издали, и она толком не могла разобрать, о чем у них идет речь и что намерена предпринять полиция.

Капрап подошел к Тому вплотную и с силой ткнул его пистолетом в живот.

— Ну так что: ты будешь сознаваться, или нам придется выколачивать из тебя признание? — рявкнул он.

Том понял, что на самом деле никакого выбора у него нет.

— Вы ведь все равно собираетесь меня убить... И хотели сделать это с самого начала. Я угадал? — еле слышно прошептал он.

— Мы твердо уверены в твоей виновности, — грозно произнес сержант. — Поэтому твое признание — вопрос чисто формальный. А так как твой дружок пытался улизнуть от нас, то последний твой шанс оправдаться лопнул вместе с его безмозглой башкой. А мы с капрапом привыкли не жалеть сил для поддержания порядка

в нашем районе. Надо же оправдывать доверие налогоплательщиков...

— Вот именно, — поддакнул капрал. Он приставил дуло револьвера к груди Тома и надавил с такой силой, что юноша задохнулся от боли. — Чего же ты не пытаешься драпать? — провокаторским тоном осведомился полицейский. — Интересно, долго ты еще выдержишь, прежде чем тоже рискнешь бежать?..

Но тут сержант поднял свой револьвер и обратился к капралу:

— Отойди-ка лучше в сторонку, я хочу хорошенько прицелиться.

Том задрожал и закрыл глаза. Без дальнейших комментариев сержант выстрелил ему в грудь. Юноша упал на колени. Потом прогремел еще один выстрел, а вслед за ним — третий. Том рухнул на землю рядом с Хэнком. Оба трупа теперь являли собой сплошное кровавое месиво.

И тогда из кустов раздался пронзительный крик. Не выдержав, Нэнси вскочила на ноги и сломя голову бросилась бежать прочь от этого жуткого места. Оба полицейских повернулись и сразу увидели ее. Капрал, не мешкая, присел и начал целиться, но сержант тут же закрычал на него.

— Ты что, спятил?! Она нужна нам только живая. Живая, понял? Не дай ей уйти. Быстро за ней!

Полицейские кинулись вслед за Нэнси. Добежав до опушки, девушка нырнула в лес и, не разбирая дороги, помчалась так быстро, как только могли нести ее ноги. Преследователи шли по пятам, но не слишком спешили, будто наперед знали, что теперь ей никуда от них все равно не деться. Они будто играли с ней, не догоняя, но и не теряя из виду, словно хотели, чтобы девушка поскорее выбилась из сил. Всякий раз, когда Нэнси оборачивалась, она видела их широкие шляпы. Сержант с капралом в точности повторяли ее маршрут, и как она ни старалась запутать следы и сбить их с толку, все было совершенно бесполезно.

Наконец, выскочив из леса, Нэнси очутилась на проселочной дороге — той самой, по которой еще вчера проезжал их фургон. Она бросилась вперед по этой дороге, не переставая время от времени оглядываться и прикидывать, насколько отстали ее преследователи, но, зави-

дев их, поняла, что уйти шансов нет, и стала кричать о помощи, одновременно ища глазами место, где можно было бы укрыться и получить защиту.

Выбежав на дорогу, полицейские сперва подумали, что девчонке удалось все же их перехитрить. Но это было не так: просто Нэнси успела скрыться за ближайшим поворотом уходящей вдаль лесной просеки. Замешкавшись, они стали судорожно соображать, в каком направлении могла двинуться их жертва. Придя к заключению, что вправо она никак не могла побежать, иначе была бы еще в поле зрения, они, не сговариваясь, ринулись к повороту по левую сторону. Выйдя на дорогу, мужчины прибавили ходу, чтобы наверстать упущенное расстояние. И хотя оба уже начинали задыхаться от быстрого бега, ни один из них все же не сбавил набранной скорости.

Наконец Нэнси заметила вдалеке большой старый дом из красного кирпича с высокими белыми колоннами перед входом и свернула на ведущую к нему укатанную дорожку, надеясь найти здесь убежище и защиту. Подбежав к парадному входу, девушка стала отчаянно колотить в дверь и дергать за ручку. Все это время она не переставала громко кричать, рассчитывая, что хозяева услышат ее, откроют и пустят внутрь. Но никакого ответа не было. Хозяева не появлялись. Тогда Нэнси оббежала вокруг дома и стала ломиться в заднюю дверь. И хотя та, по всей вероятности, тоже была заперта, под усилиями рук и ног Нэнси она в конце концов подалась и раскрылась настежь. Нэнси влетела внутрь и, захлопнув за собой дверь, тут же закрыла ее на замок и огромную медную задвижку.

Оглядевшись, девушка поняла, что находится в кухне. Тяжело дыша, она испуганно озиралась по сторонам, пораженная невероятными размерами этой кухни и особенно громадным мраморным камином в колониальном стиле, зачем-то построенном здесь в самом углу. Потом ее взгляд упал на большущий буфет в противоположном конце помещения. Сделав несколько торопливых шагов, она очутилась возле буфета и попыталась открыть верхний ящик, но, очевидно, сделала это слишком резко. Ящик выдвинулся на всю длину и, упав на пол, с грохотом перевернулся. Все содержимое — а здесь было в основном столовое серебро — с оглушительным звоном

рассыпалось по полу, больно ударив Нэнси по ногам. Она присела на корточки и, роясь в столовых приборах, стала искать среди них ножи, однако, к своему великому разочарованию, обнаружила, что их там нет. Все предметы, рассыпанные по кухне, оказались вилками и ложками разных размеров. Это несколько удивило Нэнси, хотя времени на обдумывание столь странного факта у нее сейчас совсем не было. Ей необходимо было срочно найти предмет, которым она могла бы обороняться, если преследовали ворвутся в дом.

Резко повернувшись, Нэнси выбежала из кухни и, переступив порог, очутилась в столовой еще больших размеров. Посередине комнаты за обеденным столом сидела женщина в белом платье и сама с собой играла в карты. Эта довольно странная молодая женщина, лишь ненамного старше Нэнси, продолжала невозмутимо перекладывать карты, будто и не замечала присутствия в доме постороннего человека. Ее черные волосы были собраны в аккуратный тугой пучок. Наконец она повернула к незнакомке свое красивое спокойное лицо и одновременно выложила на стол еще одну карту.

Нэнси была поражена таким равнодушным безразличием хозяйки дома.

— Я... я думала, что здесь никого нет,— запинаясь, проговорила она.— Я же стучалась к вам и просила о помощи! Вы разве не слышали меня?.. У вас тут есть телефон?

Но молодая женщина не ответила ни на один из этих вопросов, а лишь отвернулась и продолжила с прежним безразличием раскладывать карты.

— Вы что, глухая? — изумилась Нэнси.

Так и не получив ответа, девушка заглянула в соседнюю комнату, дверь которой была распахнута настежь, и в тот же миг отпрянула с пронзительным воплем. Там с идущих крест-накрест балок под потолком свисали два изуродованных трупа. Это были мужчины, одетые в одно лишь заляптое кровью нижнее белье. Из тела каждого несчастного торчало по несколько ножей, что и объясняло их отсутствие в кухне в ящике со столовым серебром.

Напуганная жутким зрелищем, Нэнси и не заметила, что в той же комнате, чуть правее свисающих трупов, стоит уже знакомый ей урод в фермерском комбинезоне.

В руках он держал огромный нож для разделки мяса и методично точил его на длинном бруске. Увидев Нэнси, урод злобно усмехнулся, а девушка, едва не лишаясь чувств от ужаса, продолжала истошно кричать.

Молодая женщина в столовой по-прежнему меланхолично играла, аккуратно складывая карты одну на другую, будто ничего странного или необычного в ее доме не происходило.

* * *

Нэнси покачнулась и бросилась наутек, великан с кухонным ножом сделал несколько шагов вслед за ней и остановился. Девушка опрометью кинулась в кухню, открыла засов и замок и выскочила на задний дворик, тут же налетев там на гнавшихся за ней полицейских. Они немедленно сбили девушку с ног и заломили ей руки за спину. Пока полицейские возились с Нэнси, чья-то мощная рука захлопнула кухонную дверь, однако из дома никто не вышел.

Полицейские дружно подняли Нэнси на ноги, а она, все еще не понимая сути происходящего, в это время пыталась как-то их вразумить:

— Я прошу вас, отпустите меня!.. Вы убили моих друзей — а они ни в чем не виновны! Настоящие убийцы здесь, в этом доме! — Она уставилась на закрытую кухонную дверь, яростно сверкая глазами.

— Правда? — усмехнулся сержант. — Ну что ж, давай проверим. Надо довести дело до конца. — Он подмигнул своему напарнику. — Вдруг эта юная леди говорит правду?..

Вместе с капралом сержант начал тащить Нэнси к двери, она же отчаянно упиралась и сопротивлялась из последних сил.

— Нет! — кричала девушка. — Не надо! Я не пойду туда больше!

— Да, по-моему, она просто ненормальная, — фыркнул капрал. — Чего это она не хочет идти с нами, раз это докажет ее невиновность? Может, она нам лапшу на уши вешает?

Наконец полицейские совместными усилиями все же затащили Нэнси внутрь страшного дома. На крыльце

она уцепилась за дверной косяк, но они спокойно отодрали ее пальцы и поволокли дальше. В конце концов им, видимо, надоело ее упорство; тогда капрал снова сбил ее с ног, и теперь они волокли Нэнси просто по полу за лодыжки через кухню и столовую, где странная женщина даже не взглянула на них, и дальше, в гостиную, где с потолка свисали изуродованные трупы двух рослых мужчин.

Урод в фермерском комбинезоне радостно усмехнулся, заметив, как по ковру тащат девушку, которую ему столь ловко удалось выследить вчера вечером. В дальнем углу комнаты стояли три большие проволочные клетки, похожие на те, в которых возят собак на выставки. В одной из клеток сидела полуобнаженная женщина и дико озиралась по сторонам, украдкой наблюдая, как двое полицейских грубо волокут по полу Нэнси. Две других клетки были пока пустыми.

Великан в комбинезоне опять рассмеялся и открыл одну из этих пустых клеток, а полицейские стали запикивать туда Нэнси. Но перед этим один из них — капрал, — смеясь, оседлал девушку и начал снимать с нее куртку и кофточку. Нэнси стала сопротивляться, и тогда он с размаху ударил ее кулаком в лицо. Великан в комбинезоне не переставал злорадно ухмыляться, все время вертя своим громадным ножом возле самой шеи несчастной Нэнси.

Вторая девушка еще сильнее сжалась в своей клетке и беззвучно заплакала, глядя, как эти трое, избив Нэнси, раздели ее до лифчика и трусов, в беспорядке разбросав остальную одежду по всей комнате. После этого Нэнси запикнули в клетку и закрыли на всякий замок. Урод в комбинезоне начал радостно прыгать вокруг, норовя просунуть свой нож между проволочными прутьями и уколоть им Нэнси. Она едва успевала уворачиваться от этих уколов. Двое же полицейских, судя по всему, от души наслаждались этим зрелищем, довольно посмеивались и время от времени возбужденно пихали друг друга локтями в ребра.

Но наконец заговорил сержант — видимо, старший среди всех троих:

— Ну, хватит, Сайрус! Достаточно! Посмотри, какой погром ты устроил в комнате.— И он, по-отечески

укоряя урода, указал на повешенные трупы:— В доме все должно быть чисто. Маме не нравится такой бардак. Ты же знаешь, как она любит чистоту и порядок.

Полисмены вытолкнули урода из комнаты, и Нэнси в ужасе устала на них, забившись в самый угол своей клетки. Только теперь она заметила на форменных рубашках дыры от пуля и запекшуюся кровь, стекавшую когда-то из этих отверстий. Она догадалась, что настоящие полицейские убиты этими психами и сейчас как раз свисают перед ней с потолка. Положение казалось безнадежным. Она попала в лапы самых настоящих маньяков-убийц. Разрыдавшись, девушка кинулась на пыльный пол клетки и, не в силах выдержать напряжения, потеряла сознание. Последним, о чем она успела подумать, была ужасная участь ее друзей — Тома и Хэнка.

Девушка в соседней клетке молча наблюдала за Нэнси.

А тем временем в столовой Льюк Барнс, все еще одетый в полицейскую форму, стоял перед своей сестрой Синтией.

С тех пор, как они убили первого демона, прошло уже десять лет.

Синтия, стройная, красивая и удивительно белокожая, что подчеркивалось еще и большим аккуратным пучком угольно-черных волос, подняла глаза от колоды карт.

— Ты не поможешь нам убраться в доме? — попросил ее Льюк. — Ради мамы. Иначе она будет очень недовольна...

Синтия бросила на брата сердитый взгляд.

— Ты лучше иди-ка к ней наверх и поговори сам, Льюк. Я думаю, она задаст тебе хорошую взбучку за то, что вы убили ту девушку раньше времени. Мама, похоже, совершенно ясно сказала, что на Пасху у нас их должно быть три, не меньше.

— В пятницу я поймаю еще одну, — пообещал Льюк. — Я не допущу, чтобы церемония была испорчена.

— Если бы ты был чуть-чуть поумнее, нам не пришлось бы уже никого искать! — раздраженно выговарива-

ла Синтия.— Будьто ты не знаешь, как это опасно!.. С каждым разом люди становятся все умнее, и ты, так же как и Сайрус с Авраамом, должны это осознать. Сколько раз мама повторяла вам это?!

— Как только мы уберем комнату,— виновато пообещал Льюк,— я поднимусь к маме и обязательно поговорю с ней. Но пока ведь у нас нет никаких неприятностей... Она не будет на меня слишком сердиться — вот увидишь!

* * *

Придя в себя, Нэнси медленно открыла глаза и тут же в ужасе содрогнулась, вспомнив, где находится. Она повернулась и увидела, что девушка в соседней клетке пристально и с сожалением рассматривает ее.

— Меня зовут Гвен Дэвис,— прошептала она.— Они убили мою сестру.

Гвен с трудом сдерживала слезы и все время всхлипывала. На вид ей было лет двадцать пять и ее без натяжки можно было бы назвать красавицей, если бы не запуганный взгляд и многочисленные синяки на всем теле и лице. Темно-каштановые волосы Гвен были разделены прямым пробором и заплетены в две косички, что несколько молодило ее и не позволяло сразу догадаться о ее истинном возрасте. Одна косичка была стянута вплетенной в нее красной ленточкой, но другая лента уже потерялась, очевидно, в результате общения с «полицейскими», и поэтому вторая коса начала расплетаться...

— Те двое полицейских... настоящих,— продолжала Гвен,— наверное, могли бы как-то помочь нам, но теперь и они мертвы... Значит, нам с тобой надо держаться вместе и придумать, как выпутаться из всего этого... пока они и нас не убили.

— Что мы теперь можем сделать? — безнадежно махнула рукой Нэнси и, зарывав, уткнулась в грязное одеяло, брошенное на пол клетки.

В это время Сайрус, Льюк и Авраам с громким топотом вошли в комнату. Нэнси закрыла глаза руками и мечтала еще заткнуть уши, чтобы не слышать, как они срезают трупы и вытаскивают их из гостиной.

На этот раз Льюк и Авраам были в джинсах и рубашках.

Льюк вывел из гаража старый «пикап» и поставил его перед самым крыльцом парадного входа. Авраам и Сайрус тут же вынесли завернутый в одеяло труп и швырнули его в кузов. Потом вернулись в дом за вторым убитым. После этого Авраам с Сайрусом втиснулись в кабину, Льюк завел мотор, и машина отъехала.

Синтия, стоя на крыльце, наблюдала, как машина, поднимая клубы пыли, скрылась за поворотом. Потом медленно вошла в дом и захлопнула за собой дверь. Взяв в чулане ведро и тряпку, она начала молча убирать гостиную, время от времени строго поглядывая на девушек.

— Отпустите нас! — взмолилась вдруг Гвен.

Но Синтия лишь рассмеялась в ответ.

— Вы ведь такая же, как и мы — молодая женщина... — не унималась Гвен. — Не может быть, чтобы вы не испытывали отвращения перед тем, что должно с нами произойти и всем, что мы ощущаем сейчас. Вы бы и сами не вынесли таких мук и... этого заключения в собачьей клетке.

Синтия подошла к Гвен поближе. Теперь Гвен могла как следует разглядеть ее. Девушка была на редкость красива — высокая, стройная, дышащая юностью, и Гвен показалось невероятным, что она может быть такой же извращенной и злой, как и ее братья. И только адский блеск темных глаз Синтии, делавших кожу ее лица еще бледнее, подсказывал Гвен, что, к сожалению, все это именно так. Глядя на Гвен сверху вниз, Синтия процедила сквозь зубы:

— Я вовсе не такая, как вы. И никогда больше даже не заикайся об этом. Мне даны сила и власть. И у меня есть свое собственное общество. Они верят в меня. И очень скоро ты сама во всем этом убедишься — когда настанет пятница. Ровно в полночь.

— А может быть, я тоже начну верить в вашу силу и власть?.. — осторожно спросила Гвен. — Можно и мне стать членом вашего общества? — Она попыталась завязать разговор, чтобы хоть как-то расположить Синтию к себе, и тогда, может быть, у нее и Нэнси появится хоть слабый шанс снова вырваться на свободу.

— Вам уже ничего не поможет,— убежденно заявила Синтия.— Вы обречены. И все ваши лживые заверения в преданности не обманут меня и не заставят сойти с истинного пути.

* * *

«Пикап» выехал на опушку, где утром были застрелены Том Райли и Хэнк Беннет. Их белый фургончик стоял на прежнем месте, спальные мешки валялись возле потухшего костра. Льюк, Сайрус и Авраам выбрались из машины, оттащили трупы полицейских к костровищу и бросили их на остывшие угли.

— А неплохое местечко они выбрали,— засмеялся Льюк.— Миленькое и безлюдное. Лучшего и нам не найти.

— Сожжем их и закопаем останки,— объявил Авраам.— Сайрус, начинай копать могилу! — приказал он брату.

Льюк и Авраам подтащили тела Тома и Хэнка и, положив их поверх полицейских, соорудили нечто вроде поленницы из мертвецов. Сверху они побросали одеяла, спальные мешки и все горючее, что удалось обнаружить в фургончике. Последними в кучу полетели полицейские формы. Наконец Льюк облил все бензином, не пожалев для этого целой канистры, поднес спичку и стал наблюдать, как разгорается грандиозный погребальный костер. Потом к нему присоединились и два других брата, и радостные лица всех троих осветил рычащий столб яркого рыжего огня.

Глава восьмая

Лежа на кровати, Синтия читала избранные места из книги «Притяжение колдовства», написанной доктором Морганом Дреем, профессором антропологии из Нью-Йорка:

«...Неудивительно и то, что дьявол с древних времен изображался в виде зверя с раздвоенными копытами и языком в форме ветвящегося пениса. Известно, что санизм является одной из форм сексуального извращения, а вера в колдовство— признаком сексуально подавленного общества. Таким образом, подобным извращением

страдают и ведьма, и инквизитор. Недаром церковь и государство постоянно твердят, что ведьмы на самом деле существуют как пособники дьявола на земле и их надо всячески наказывать и убивать.

И вот в результате индивидуум становится либо ведьмой, либо охотником на ведьм, ибо только так он может реализовать свое извращенно мотивированное поведение. Признавая утверждения «Я — ведьма (или колдун)», человек полностью погружается во всевозможные сексуальные аномалии, граничащие с садизмом или переходящие в него. Утверждая противоположное, а именно: «Я преследую ведьм и колдунов», человек оправдывает садистское обращение с другими людьми. И в любом случае все сводится к тому, что люди начинают мучить и всячески истязать друг друга, а нередко даже и убивать во имя светлых или темных сил, и так происходит до тех пор, пока обе стороны медали не сольются воедино, то есть пока и инквизиторы, и колдуны не начнут вести себя совершенно одинаково, основываясь на садизме...

...Такая торжественность и дуализм «святого» и «дьявольского» в полной мере проявились у Жилья де Ре, рыцаря-защитника и любовника Жанны д'Арк. В 1429 году, когда их триумфальные победы на полях сражений закончились коронацией Карла II, Жанну провозгласили святой, а Жилья назначили маршалом Франции. Ему в то время было всего двадцать пять лет, но он уже успел унаследовать огромное состояние. Этот человек увлекался чтением, любил музыку и поэзию и отличался исключительной красотой. Он был весьма популярен в высшем свете и при дворе. Говоря сегодняшним языком, Жиль был настоящим баловнем судьбы. Он вернулся с войны победителем и намеревался остаток своих дней провести в собственном доме, утопая в роскоши и одновременно предаваясь любимым занятиям и развлечениям, как всякий истинный аристократ.

Но уже в 1431 году в результате предательства Жанна д'Арк была объявлена ведьмой и сожжена на костре. Это событие переплелось с неудовлетворенностью Жилья своими достижениями «на личном фронте», что, вероятно, и послужило решающим толчком к его сумасшествию. Он бросил жену и объявил любую связь между мужчиной и женщиной абсолютно неприемлемой и даже

преступной. Удалившись в свой фамильный замок, он сразу же окружил себя целой армией палачей, психопатов, гомосексуалистов и прочих извращенцев исключительно мужского пола. Но там он прожил недолго и вскоре начал путешествовать по стране в сопровождении вооруженных до зубов охранников, тратя напропалую свои несметные богатства. По пути Жиль не забывал в каждом городе жертвовать огромные суммы на развитие разного рода публичных зрелищ, которые по своей жестокости не уступали самым кровавым выдумкам римских императоров.

Жиль открыто восхищался наиболее извращенными и кровожадными императорами—Нероном и Калигулой, и сам стремился во всем походить на них. Он мог часами рассматривать в своей роскошной библиотеке гравюры, изображающие все те зверства и извращения, которым предавались его кумиры. Смакование всевозможных пыток, насилия и жестокости занимало все свободное время Жилиа.

Но постепенно его состояние таяло, и в один прекрасный день Жиль нанял предсказателя и алхимика Франческо Прелатти, чтобы тот помог ему превратить свинец в золото. Известно, что многие алхимики лишь прикрывались поисками философского камня, в действительности занимаясь не чем иным, как все теми же извращениями. И Прелатти не составил счастливого исключения. После нескольких неудачных опытов он смог убедить Жилиа, что ни одна попытка не будет успешной, если тот не заключит сделку с дьяволом...

...И тогда Жиль заманил в свой замок юношу, изнасиловал его, а потом вырвал ему глаза, искромсал гениталии и в заключение вырезал сердце и легкие. Используя юношу для удовлетворения своих половых нужд, он отдал Прелатти его органы и кровь для алхимических опытов. С этого момента и началось то страшное время, когда Жиль под чутким руководством Прелатти начал насиловать, пытать, убивать и расчленять целые сотни юношей и детей. В конце концов спустя восемь лет его арестовали и приговорили к смертной казни через повешение с последующим сожжением трупа. Когда же судья спросил Жилиа, что побудило его встать на путь столь кровавых злодеяний, тот, не задумываясь, ответил: «У меня не было иных мотивов, кроме удовле-

ния собственной страсти». Это признание оказалось удивительно честным с его стороны, тем более что Жиль до последнего дня искренне верил в необходимость убивать мальчиков, дабы их кровь и органы были использованы в алхимических опытах по получению золота из свинца...

...В большинстве случаев столь ненормальное поведение требует от человека хоть какого-то формального обоснования. Так, например, религиозный фанатизм порождает веру в колдовство, превращая подсознательный страх в реального дьявола, разгуливающего по земле и захватывающего души людей. Как было сказано однажды, «ничто так не укрепляет религию, как искренняя и слепая вера в вездесущего Сатану».

Да и какой священник даже в наши дни не мечтает втайне встретить дьявола наяву, чтобы вочию убедиться, что Князь Тьмы действительно существует и что пожизненная преданность церковной профессии не является пустой тратой времени и энергии?..»

* * *

Дойдя до конца главы, Синтия отложила книгу в сторону и задумалась, вспомнив автора этого трактата, доктора Моргана Дрея, с которым она познакомилась в своем новом магазинчике в Гринвич-Вилледж. Он как-то зашел туда в поисках материалов для своих научных исследований, надеясь отыскать среди продающихся у Синтии старинных книг какие-нибудь иллюстрации, которые можно было бы переснять и использовать в качестве наглядного материала в монографии «Притяжение колдовства». Через несколько недель этот труд был опубликован, и тогда доктор еще раз заглянул к Синтии, подарил ей экземпляр со своим автографом и пригласил пообедать вместе. К своему изумлению, Синтия не отказалась.

Правда, она открывала магазин вовсе не для того, чтобы встречаться с неверующими и тем более завязывать с ними тесные знакомства. Ей просто хотелось иметь в Нью-Йорке собственное «представительство», где она могла бы спокойно общаться с единомышленниками, продавая многочисленным оккультистам всевозможные колдовские амулеты, травы и снадобья, как это было рань-

ше в магазине у мамы. Ведь таким образом ей удалось бы сблизиться с людьми своего круга и обрести их доверие и поддержку. А скептики, вроде этого Морган Дрей, совсем не занимали девушку, и на них она тратит время была не намерена. Ей хотелось через магазин собрать вокруг себя побольше верных людей, чтобы и у нее самой наконец появилось собственное мистическое братство. И за четыре года Синтии удалось сплотить таким образом почти двести ведьм и колдунов даже из самых отдаленных штатов страны. Каждый год перед Пасхой ровно в полночь она проводила службы в своем поместье. Причем не одну, а три ночи подряд — на пятницу, субботу и непосредственно в канун Пасхи. И все приглашенные с нетерпением ждали проведения самых заветных и рискованных ритуалов. Со временем многие члены ее братства начали приобретать и своих собственных прихожан, основав похожие общества в других городах. Но все равно на празднование Пасхи все неукошнительно съезжались к Барнсам, потому что их службы считались самыми важными и содержательными.

Морган Дрей взял у Синтии интервью для своей следующей книги. Она довольно откровенно говорила с ним, не касаясь, разумеется, тех аспектов, где разумная осторожность не позволяла ей особенно вдаваться в подробности. Синтия даже с гордостью поведала профессору, что имеет своих собственных прихожан и что ежегодно на Пасху к ней съезжаются десятки единомышленников со всей страны. Они пили вино в итальянском ресторанчике, куда пригласил ее Морган, и, выслушав рассказ девушки, он как бы невзначай бросил:

— Ну, вы-то сами, разумеется, не верите во всю эту чепуху. Я, конечно, понимаю ваш живой интерес ко всему таинственному и то, что вам приходится изображать из себя чуть ли не ведьму, чтобы привлечь в магазин клиентов... Но передо мной вполне можно снять маску. Расскажите, что вы на самом деле думаете обо всем этом?

Синтия удивленно посмотрела на своего собеседника. Он был довольно миловидным мужчиной лет тридцати, если не моложе, и выглядел, как настоящий ученый. Особенно Синтия отметила его высокий лоб, что, безусловно, свидетельствовало о незаурядных интеллектуальных способностях. А еще у него были светло-русые волосы,

умные и внимательные глаза, аккуратно подстриженные усы и совершенно не вязавшаяся с ними жиденькая козлиная бородка.

— То, что я думаю, я вам уже рассказала,— жестко произнесла Синтия.— Я верю в свою силу и власть.

— Какую еще силу? — вызываясь усмехнулся Морган.— Какие у вас могут быть доказательства того, что вы действительно одарены сверхъестественными силами?

Синтия стиснула зубы, глаза ее яростно засверкали, однако девушка довольно быстро справилась с нахлынувшими эмоциями и с гордым спокойствием заявила:

— Этого я вам сказать не могу.

— Значит, вы подтверждаете, что таких доказательств у вас просто нет,— победно улыбнулся профессор.

— Нет, я лишь подтверждаю, что не могу вам о них рассказать,— холодно произнесла Синтия.— О таких вещах нельзя распространяться. Особенно перед неверующими... Для меня же все это вполне серьезно.

— А вы знаете, вам даже к лицу сердиться! — неожиданно заметил Морган, меняя тему и продолжая пристально смотреть на Синтию.

Девушка почувствовала, что она нравится этому самоуверенному молодому человеку. Более того, он, видимо, не прочь поухаживать за ней; и это показалось ей приятным и пугающим одновременно. Морган протянул к Синтии руку и взял ее за ладонь, но она тут же отдернула ее, словно обожглась, а щеки ее моментально залила краска смущения.

— Что с вами? — Морган был обескуражен столь пуританским поведением.

— Ничего. Просто...

— Вы так боитесь мужчин?

— Нет.

— Может быть, у вас уже есть приятель... или даже жених?

— Ну, разумеется, нет.

— Почему же «разумеется»? — засмеялся он.— Вы так говорите, словно не могли бы и допустить подобного...

Синтия ничего не ответила, потому что этим замечанием профессор моментально сбил ее с толку и серьезно смутил.

— Синтия, я бы посоветовал вам быть поосторожнее с вашей верой,— предупредил он.— Иначе в самом ближайшем будущем вы можете стать просто одержимой некоторыми весьма опасными идеями. Вы достаточно симпатичны и молоды, чтобы жить полноценной жизнью; не надо бы вам наворачивать на мозги то, в чем нет острой необходимости. Вам гораздо лучше влюбиться, выйти замуж и рожать детей... Как любой нормальной женщине.

— Никогда! — в запале выкрикнула она.— У меня есть другие дела, поважнее.

— Позвольте мне еще раз встретиться с вами,— ответил на это Морган.— Не скрою, вы мне очень понравились. И возможно, мне все-таки удастся переубедить вас и доказать, что все, о чем вы тут говорили, в корне неверно. Мне кажется, на вас просто слишком сильное влияние оказала в этом отношении ваша мать. Я понимаю, вы искренне любите ее, но дело в том, что она с детства вбила вам в голову просто нечто не соответствующее истине, вот и все... А что касается такой ненависти к мужчинам, то это скорее всего происходит только потому, что вы не можете простить своего отца за то, что он бросил вас еще десять лет назад и так и не вернулся в семью.

Синтия разозлилась. Слова этого нахала даже слегка поколебали ее уверенность в себе. Да как он посмел!.. И хватило же у него наглости быть таким назойливым со своими выводами!.. Ну уж нет — она ни за что на свете не позволит ему подорвать свой душевный покой. Ведь все братство буквально боготворит ее! Они просто обожают ее, потому что она унаследовала такие удивительные способности от своих деда и прадеда. Как-никак, родилась она «в рубашке», а уж это — точная метка самого Иеговы. И он избрал ее, чтобы она стала даже более могущественной, чем ее великие предки-чароден.

— Я буду вам весьма признательна, если вы никогда больше не заглянете в мой магазинчик,— ледяным тоном ответила она Моргану Дрею.

Тот моментально растерялся, смутился, и вся его напыщенность разом сошла. Ведь сейчас именно она сумела больно уязвить его, а вовсе не наоборот, как он рассчитывал. И теперь Синтия по праву торжествовала.

Вдобавок ко всему она еще мило улыбнулась, чем окончательно испортила ему настроение. Теперь надо было навсегда вычеркнуть его из своей жизни, чтобы спокойно заняться делами религиозного братства. Этот человек — просто глупец, притом ни во что не верящий. И как раз ей-то он совсем ни к чему. Ведь сколько вокруг достойных людей, умеющих ценить ее удивительные способности... И если вдруг наступит такая пора, что ей понадобится мужчина, то уж она, разумеется, выберет его из своих ярких приверженцев.

И вообще, кто он такой, этот Морган Дрей?.. Книга его — чушь собачья, сплошное дилетантство, одна пустопорожняя болтовня... Интересно, что было бы, если бы ему хоть раз посчастливилось присутствовать при настоящих магических ритуалах?.. Да он бы, наверное, просто обалдел, а все его теории показались бы ему самому недостойными и плевка, настолько величественное зрелище открылось бы его глазу...

И тут в голову Синтии пришла прямо-таки безумная мысль: а что если попробовать обратить его в свою веру?.. Да, это щекотало нервы... Она успела заметить, что нравится ему. Но, может быть, он нарочно чего-то недоговаривает? Ведь чем черт не шутит: вдруг он не такой скептик, как кажется?.. Чего стоят все эти занюханые трактаты о Жиле де Ре, Джеке-потрошителе и маркизе де Саде? Может, он просто хочет выскочить из собственной шкуры, с которой на самом деле давно уже сросся... Кстати, из скептиков получаются самые убежденные сектанты, если, конечно, показать им всю прелесть настоящих обрядов... А если судить по его собственной книге, Морган прямо-таки без ума от Елизаветы Батори, венгерской графини шестнадцатого века, которая заточила в подземельях своего замка сотни девушек, приковав их цепями, чтобы время от времени восстанавливать свою красоту и утолять похоть, перерезая им артерии и принимая ванны из их крови. Что если бы доктор вдруг узнал, что подобные процедуры происходят и у Синтии, а начнутся они уже через два дня, в страстную пятницу, когда к ней в поместье съедется все ее религиозное братство!...

Синтия отложила книгу, закрыла глаза и попробовала выкинуть Моргана из головы. Теперь ей вспомнились девушки там, внизу, которым, помимо их собственной во-

ли, предстояло стать участниками ее кровавых ритуалов. Чем они занимались в жизни? Были ли у них любовники? А может быть, в отношении секса они были какими-нибудь извращенками?..

Из коридора до Синтии доносился приглушенный голос Льюка, разговаривающего с матерью. Он не стал входить в ее спальню, а говорил с порога через открытую дверь:

— Мама... Ты не думай, что я во всем виноват. Мы, правда, не хотели, чтобы та девушка умерла. Но она так сильно ударила Сайруса!.. А ты же сама всегда говорила, что с ним надо бережно обращаться... Так что это ее вина. А я и Авраам... Мы найдем завтра другую девушку. Мы уже достали фургон — это чужой фургон... Нас никто в нем не сможет выследить. Завтра утром мы выедем на дорогу и найдем еще одну девушку, я обещаю. Может быть, она будет еще моложе и красивее, чем та... Может быть, даже девственница. Так что ты не волнуйся, пожалуйста! Мы с Авраамом... мы не позволим разочаровывать наше братство.

Мать ничего не ответила. Она сидела в своем кресле-качалке лицом к окну. Льюк не знал, сердится она на него или нет, но надеялся, что мать понимает и одобряет его, хотя она и не сказала этого прямо. Он тихонько закрыл дверь спальни, а затем направился по коридору к своей комнате и стал раздеваться ко сну.

Внизу Нэнси и Гвен тихо разговаривали, сидя в клетках. Гвен изо всех сил старалась держаться спокойно, объясняя Нэнси, как ее поймали:

— Мы с сестрой ехали по проселочной дороге, и... — Она с трудом сдерживала рыдания. — И Салли... Ей всегда нравилось посещать старинные кладбища... И чем древнее кладбище, тем ей было интересней... Она любила фотографировать памятники, надгробья, оттирать всякие надписи на них... И вот по дороге она увидела чье-то старое семейное кладбище за полем и решила остановиться, чтобы посмотреть его. Но она не могла пойти туда без разрешения хозяев. Поэтому мы вышли из машины прямо к стоявшему напротив дому... Поднялись на крыльцо, чтобы постучать — тут все и случилось... Дверь вдруг открылась, оттуда выскочили трое мужчин — эти самые братья — и бросились на нас. Это было ужасно!.. Ужасно... Я даже не пыталась сопротивлять-

ся... Я стояла как вкопанная, а Салли, наоборот, кусалась и царапалась, и им здорово от нее досталось. Она еще врезала ногой по яйцам этому чокнутому Сайрусу, и он завыл, как медведь в капкане... А потом пырнул ее несколько раз ножом... Я чуть не сошла с ума, когда оказалась в этой клетке. Я...—Гвен закрыла лицо руками и разрыдалась.

Нэнси дрожала, не зная, как успокоить свою соседку.

— Гвен, мне очень жаль, что все так случилось...— начала она.— Но пожалуйста, не надо больше говорить об этом.

Однако Гвен продолжала говорить, словно надеясь, что, когда она выговорится, ей удастся забыть обо всем. Будто весь этот кошмар мог исчезнуть, если она расскажет о нем до конца, во всех жутких подробностях, которые ее разум просто отказывался осознать.

— Потом к дому подошли два полицейских. Я сама слышала, как они разговаривали у крыльца. Они сказали, что преследовали белый фургончик с ребятами, ограбившими продуктовый магазин в городе. Но Льюк, как мне показалось, был чем-то напуган и не очень-то им доверил. Потом полицейские объяснили, что повредили свою машину, пока гнались за преступниками. Тогда Льюк предложил им выпить горячего кофе и вынес на крыльцо большой кофейник. Мне страшно захотелось закричать, но все это время Авраам держал меня на прицеле. Скорее всего кофе был отравлен, потому что уже через несколько минут полицейских притащили сюда, связанных веревками... и без сознания. Их долго пытали, а потом зарезали. И все это мне пришлось видеть собственными глазами!.. Хотя я старалась просто закрыть глаза... Мне помнится, я орала, билась в истерику и колотила руками по этой проклятой клетке.—Как бы в подтверждение этого Гвен продемонстрировала свои ладони—они распухли и посинели от огромных кровоподтеков.

— Господи!—вдруг отчаянно вскрикнула Нэнси.— Но почему?! Почему все это происходит?..

— Я думаю, это никому не ведомо,—грустно покачала головой Гвен.—Мне помнится, мой дед частенько говаривал: «Человеческой жестокости нет предела». Он сидел в немецком концлагере во время второй мировой

войны. Но это все же была война... А вот как объяснить то, что сейчас происходит здесь?..

И только теперь Нэнси поняла: все, что случилось с этими двумя полицейскими, произошло и по ее вине. Ее собственной, а еще — Тома и Хэнка. Ведь если бы они не погнались за машиной, в которой сидели грабители, обворовавшие тот злосчастный магазин... А как она радовалась поначалу! Ну, а уж смыться от «легалых» — вообще дело восхитительное. Сколько азарта! И ни одному из них троих не пришло тогда в голову, что оторвались они от погони только лишь потому, что полицейская машина просто сломалась. Ах, как они были счастливы! И вот теперь, когда наконец весь ужас случившегося дошел до Нэнси, слезы раскаяния хлынули по ее щекам.

— Будь проклят мой отчим! — неожиданно в сердцах крикнула она.

Гвен пригнулась в своей клетке, и глаза ее заблестели от возбуждения:

— Нам с тобой надо во что бы то ни стало попытаться выбраться отсюда! Надо сбежать от них! Ты что, не понимаешь, что они собрались и нас тоже убить? Тут же вся семья чокнутая! Они считают себя какими-то колдунами или вампирами, или уж не знаю кем!..

— Тихо! — шепнула Нэнси. Она испугалась, что их могут услышать — слишком уж громко говорила ее новая подруга по несчастью.

Но Гвен, слегка сбавив тон, продолжала:

— Я сижу здесь уже вторые сутки... И я слышала, что они задумали... У меня просто мурашки пошли по телу, когда я узнала, что они собираются с нами сделать... Самая главная у них мать, и она в курсе всех их дьявольских дел. Правда, ее-то саму я ни разу еще не видела. Она живет где-то на втором этаже. Она вроде бы, ведьма — по крайней мере так считают ее драгоценные детки... И сейчас они готовятся проводить черную мессу. Это просто жуткий ритуал! И мы с тобой и еще одна девушка должны стать жертвами на этом адском пиру!

Нэнси совсем не хотелось слушать то, что ей рассказывала сейчас Гвен. Ей все это казалось полной бессмыслицей. Такого просто не может быть! Человеческий разум не способен на это!.. Поэтому девушка забилась

в дальний угол своей клетки и там испуганно сжалась в комочек. Она была уже не способна сопротивляться. Все ее чувства перепутались, и теперь больше всего ей хотелось попросту умереть. А еще Нэнси подумала, что вполне заслужила смерть, ведь именно по ее вине погибли те двое ни в чем не повинных полицейских.

— Пусть же Всемилостивый Боже будет к ним добр,— пробормотала она, закрывая глаза.— А также к Тому и Хэнку.

Но Гвен всем телом прижалась к металлическим прутьям своей клетки и не отставала от Нэнси:

— Послушай, девочка! Мы должны найти способ вырваться отсюда. Не раскисай!.. Если мы потеряем надежду, то обе просто погибнем. С нами разделяются самым жестоким образом. Поэтому надо думать и разрабатывать какой-то план.

Нэнси еле слышно проговорила сквозь слезы:

— А что мы с тобой можем придумать, Гвен? Все бесполезно.. Мы же в клетках!.. Если бы мы были заперты хотя бы в комнате, тогда, может быть... А так...— И она разразилась безудержным громким плачем.

— Послушай-ка,— отвечала Гвен.— Перво-наперво надо взять себя в руки. Не так уж и безнадежны наши дела. Утром Льюк и Авраам откроют клетки, дадут нам поесть, а потом выведут в поле, чтобы мы могли справиться нужду. И если все получится, у нас будет возможность слиться из этого поганого места.

— Неужели ты хочешь бежать от них?! — в ужасе воскликнула Нэнси, вспомнив, как убили Тома и Хэнка

— Нет. У меня на уме кое-что другое. Я попытаюсь соблазнить одного из братьев. А если получится, то и обоим сразу. И тогда, если мне удастся дотянуться хотя бы до одного из их пистолетов, я просто без зазрения совести пристрелю их как бешеных псов.

Нэнси обдумала сей необычный план, все сильнее пугаясь того, чем эта затея может закончиться.

— Но и ты, Нэнси, тоже должна быть готовой действовать. Постарайся присмотреть на поле какой-нибудь камень потяжелее или хотя бы палку.

— Я боюсь, Гвен,— чуть слышно прошептала девушка.

— Я тоже,— призналась старшая.— Но если у тебя есть другие соображения, я их с радостью выслушаю.

— Может быть, кто-то придет сюда и спасет нас,— робко предположила Нэнси.

— Интересно, кто же? — горько усмехнулась Гвен.

— Ну... например, кто будет разыскивать исчезнувших полицейских.

— Нет, на это никак нельзя рассчитывать. И потом, откуда им знать, что их товарищей надо искать именно здесь? Послушай, Нэнси, что я тебе скажу: сейчас для нас самое главное — постараться как следует выспаться. Завтра надо быть со свежей головой и ничего не бояться. Они пока не убьют нас без крайней необходимости. Мы сейчас представляем для них огромную ценность — им нужны к Пасхе заранее приготовленные человеческие жертвы. И мне кажется, что нам надо держаться и действовать вместе.

Нэнси и Гвен закутались в грязное тряпье, лежащее на дне их клеток, и мысленно пожелали друг другу спокойного отдыха. После этого Нэнси не переставала молиться, покада ее не свалил сон от бесконечного повторения одних и тех же фраз. Спала она плохо, постанывая и все время переворачиваясь с боку на бок.

Гвен лежала с широко раскрытыми глазами и сквозь решетку рассматривала потолок. Комната была ярко освещена, даже чересчур ярко — похитители почему-то остерегались оставлять девушек в темноте. Гвен старалась не думать сейчас ни о Салли, ни о тех кошмарах, которые ей пришлось пережить. Теперь она любыми силами должна была выжить, и вдохновлял ее на это пример собственного, уже покойного ныне, деда. В свое время он много рассказывал внучке о немецких концлагерях, но она тогда лишь часть из его историй могла понять. Теперь же, когда весь ужас приближающейся лютой смерти предстал перед ней, Гвен особенно хотелось позаимствовать у деда хоть каплю мужества. Из его рассказов она твердо усвоила одно: там, в концлагерях, удавалось выжить только хитростью и изобретательностью. Те же, кто лишь молился, не получили ничего от своих призывов к милости Божьей, и участь таких людей была очень печальной. Поэтому Гвен понимала, что надо собрать всю решимость и силу воли, чтобы появилась надежда выбраться из этого ада.

Сейчас Гвен со всей ясностью осознала, как сильно ей хочется существовать в этом мире. И то, что ей уго-

тована смерть по какой-то прихоти безумных мракобесов, еще сильнее подстегивало ее желание выжить.

Почти целый год понадобился Гвен, чтобы прийти в себя после развода. Ее бывший муж Уоррен работал инженером на крупном металлургическом комбинате. Он успел быстро сделать себе неплохую карьеру, добившись успеха благодаря ряду внесенных им рацпредложений, которые кое-кто из начальства считал даже «гениальными». Среди коллег Уоррен пользовался уважением, и многим казался образцом не только на службе, но и в быту.

Это наполняло его чувством гордости и сознанием огромной важности своей персоны, особенно после свадьбы. Уоррен чувствовал себя настоящим супругом, выполняющим свои обязанности от начала и до конца. Еще бы: он ведь хорошо зарабатывает, не жалеет сил ради благополучия своей семьи... Естественно, он ожидал, что Гвен будет прекрасно готовить и ухаживать за ним, как это делали его мать и стареющая незамужняя тетушка, когда он был еще холостым. Гвен вышла замуж за Уоррена Дэвиса, когда оба они учились на последнем курсе университета в штате Западная Виргиния, что в Моргантауне. Гвен должна была стать учительницей начальной школы, а он, разумеется, готовился к поприщу инженера. Оба получали кое-какую материальную помощь от родителей, небольшую стипендию, но все равно, чтобы свести концы с концами, им приходилось брать ссуды в студенческой кассе, а во время летних каникул подыскивать себе какую-нибудь работенку. Поэтому Гвен всегда смотрела на их брачный союз, как на равный. И ее вклад в семейный бюджет был поначалу ничуть не меньше того, что вносил в него Уоррен. Но чуть не с самых первых дней их совместной жизни Уоррен ясно дал Гвен понять, что в доме главным должен быть мужчина. Тем более что полученное образование и дальнейшая успешная карьера, по мнению Уоррена, автоматически давали ему право на превосходство во всем. В начале их романа и совместной жизни Гвен даже не пыталась с ним спорить, решив отложить борьбу за свои права на потом, если, конечно, в этом будет острая необходимость. Между тем заниматься домашним хозяйством ей ничто не мешало: на ее плечи легла и готовка, и мытье посуды, стирка, уборка и все прочее, чем занима-

ются обычно домохозяйки. А ведь она, кроме того, должна была продолжать и заканчивать образование, а потом искать работу и учить детей в школе. Уоррен же и пальцем не прикасался к домашней работе. Его оценки в университете были выше, чем у Гвен, к тому же все прекрасно понимали, что инженеры зарабатывают куда больше учителей начальных школ. Может, именно поэтому Гвен так подавляла в себе любые сомнения насчет их совместной жизни и не думала даже перечить его главенству в семье.

Вскоре после выпускных экзаменов Гвен забеременела, и это поставило точку на ее учительской карьере. Правда, она не оставляла попыток подыскать себе место хотя бы на время, но все было безрезультатно. И следующей весной у нее родилась дочка, которую назвали Эми. К этому времени Уоррен уже работал на металлургическом комбинате, и его жизненные интересы все сильнее замыкались на служебных обязанностях. Гвен же беспрестанно хлопотала по дому и была так занята малышкой, что, к сожалению, слишком поздно заметила перемены в муже. Может быть, ей и не стоило так торопиться с первенцем, но она считала, что ребенок только укрепит их союз. К тому же Уоррен и сам настаивал, чтобы она ни в коем случае не шла на аборт. Слишком поздно осознала Гвен, что в ее возрасте рановато обременять себя ролью матери, а для ее бурной и кипучей натуры пока больше подошла бы ежедневная работа в школе, постоянное общение с людьми, дружеские вечера, походы в театры и кино.

Нет, Уоррен, конечно, был без ума от своей девочки. Слава Богу, хоть с этим проблем не возникло. Но с каждым днем его поведение все сильнее настораживало молодую мать и супругу. Муж становился угрюмым, эгоистичным, чересчур требовательным и неуступчивым. Уоррен беспрестанно хвастался перед ней и их общими знакомыми своими выдающимися научными достижениями и быстрым продвижением по службе. И чем дальше, тем больше. Вскоре он окончательно перестал считать ее равной. Конечно, это чувствовалось и раньше. Но теперь его отношение к жене, как к низшей по положению, стало принимать прямо-таки угрожающий размах. Когда же наконец Гвен пришлось сознаться себе в этом, она решилась на неожиданный выход — пол-

ностью погрузиться в домашнюю рутину. Увлечься походами по магазинам, готовкой, стиркой, развлечением его приятелей и сослуживцев и, конечно, все свободное время отдавать дочери. Правда, Уоррен, надо признать, был довольно сносным отцом; и когда он находился дома и не был занят своими делами, он мог какое-то время даже посидеть с Эми. Но и это стало постепенно тревожить Гвен. Потому что теперь ей начало мерещиться, будто, проводя часы или даже минуты с дочерью, он тем самым просто избегает общения с самой Гвен.

Снова подозрения, сомнения... А вдруг ей все это просто кажется? Может, это ее излишняя мнительность начинает проступать наружу в столь извращенной форме?.. Неужели так должна заканчиваться любая супружеская жизнь? Или все дело тут в ней самой — может быть, не стоило так торопиться с браком, да еще сразу рожать?

И все же ни ее опасения, ни подозрения и сомнения никогда не обсуждались супругами открыто. Хотя каждый из них чувствовал, что семейная жизнь начинает давать трещину, всем друзьям они по-прежнему казались счастливой парой, и каждый переживал назревающий раскол в одиночку. Все чаще и чаще по вечерам они просто говорили друг другу «спокойной ночи», и не только не занимались больше любовью, но перестали даже просто целовать друг друга перед сном. Все бывшее тепло и сердечность постепенно переросли в набор обычных жестов вежливости. Пока Эми подрастала, они старались как можно чаще говорить о ней, о ее развитии и способностях, только бы разговор не перекинулся случайно на их собственные взаимоотношения. Когда же пришло время развода, для всех приятелей и знакомых это было как снег на голову — ни один из них не мог даже заподозрить неладное в столь благополучной с виду семье. Гвен сильно переживала разрыв. Как-никак, они прожили вместе шесть лет, а Эми уже исполнилось четыре...

Годы, проведенные в сомнениях, хорьша ли она, как хозяйка, жена, мать и даже просто как человек, привели к тому, что ее уверенность в себе была теперь вконец подорвана. Однако жизнь есть жизнь — ей все равно надо оставаться доброй и любящей матерью для Эми,

искать себе подходящее место и продолжать существовать в этом мире...

И вот примерно год назад ей удалось найти довольно приличную работу в небольшом городке в Западной Виргинии, где Гвен предложили учить детей пятых классов. Сначала ее взяли на время, из-за того что внезапно захворала штатная учительница. Но болезнь ее затянулась и, когда выяснилось, что это рак мозга, с Гвен сразу же продлили контракт. Она довела класс до летних каникул и благодаря отличным результатам ее учеников, Гвен решили оставить в школе еще на одно полугодие. Но уже к осени по понятным причинам место окончательно освободилось, и Гвен тут же заняла открывшуюся вакансию.

Впервые входя в класс, Гвен тряслась как осиновый лист, будто не она была здесь главная у детей, а им предстояло командовать ею. Но мало-помалу она освоилась и уже через пару месяцев поняла, что справляется с обязанностями вполне успешно. Дети полюбили ее, и к женщине понемногу стала возвращаться былая уверенность в своих силах. Прошли те трудные дни, когда ребята традиционно «в штыки» принимали новую «училку», ведь детское сердце всегда открыто к доброте и пониманию, и Гвен довольно быстро удалось найти с ними общий язык.

Однажды после занятий к ней в класс зашел Джонни Адамс, один из самых «трудных» учеников, и заявил, что, конечно, хотел бы не провалиться на экзаменах и перейти в шестой класс, но даже если этого не произойдет, он не будет сильно расстраиваться, потому что Гвен в таком случае станет учить его еще целый год. А к той «злюке», которая ведет шестые классы, ему не больно-то и хочется попадать. Естественно, такие слова были сущим бальзамом для учительского сердца. И хотя Гвен заметила мальчику: «Не надо называть миссис Вилкс злюкой, она замечательный педагог, вот увидишь», — и пыталась держаться с ним строго, в душе у нее все просто пело от такого незатейливого мальчишеского комплимента.

На эту Пасху Уоррен забрал Эми к себе, чтобы Гвен могла немного передохнуть и съездить к своей младшей сестре Салли, которая еще училась в колледже. И вот буквально два дня назад они сели с сестрой в машину в

надежде провести несколько праздничных дней в отдыхе и покое.

Теперь, когда Гвен наконец полностью оправилась после развода и снова твердо стояла на ногах, она могла открыто и ничего не утаивая обсуждать с сестрой любые проблемы семейной жизни, наставлять ее и предупреждать об опасностях, которые таятся почти в каждом современном браке. Ведь на ошибках учатся!..

И вот Салли уже нет... Но теперь Гвен как никогда была полна решимости выжить, чего бы ей это ни стоило, ведь у нее еще оставалась дочь... Она надеялась, что любовь к жизни и инстинкт самосохранения, сидящий в каждом из нас, подскажут ей выход и сэберегут от непоправимого.

Гвен закрыла глаза, но даже во сне чувствовала гнетущее присутствие вокруг металлических прутьев, густое сплетение которых теперь больше напоминало ей гроб, нежели клетку.

Глава девятая

Приближались пасхальные каникулы. Профессор Морган Дрей заканчивал последнюю лекцию на вечернем отделении своего нью-йоркского колледжа такими словами:

— И вот еще что отличает человека от прочих животных... Кстати, возможно, что это и есть его самая главная отличительная черта — способность к сублимации. Благодаря высокоразвитому интеллекту человек научился одерживать верх над своими инстинктами. Однако этой замечательной способности мы обязаны не только величайшими достижениями человечества, но и самыми гнусными извращениями.

Животное, называемое человеком, может быть благородным и заискивающим, трусливым и храбрым, жалким и смехотворным. Некоторые его побуждения достойны всяческого восхищения и подражания, другие, наоборот, вызывают лишь отвращение или жалость. Его можно обучать, можно обманывать, можно заменить кинжал на секс, а нацистские марши на нежнейшие строки высокой поэзии; можно поменять мимолетное чувство короткой страсти на долгие годы искренней преданности и

любви... А во имя религии человек способен как на невероятную жестокость, так и на самые гуманные поступки и чувства.

Морган замолчал, давая студентам время обдумать его последние слова, а потом произнес:

— Ну, молодые люди, на сегодня, я думаю, хватит. Это занятие мы закончим на десять минут раньше, как я вам и обещал. Поздравляю всех с наступающим праздником.— И начал собирать с кафедры свои конспекты и книги.

Несколько студентов остались в аудитории, чтобы задать после лекции пару вопросов, другие, пожелав профессору веселой Пасхи, тут же кинулись к выходу. Он уходил последним и почему-то сразу почувствовал себя мучительно одиноким. В коридоре не было ни души, и его собственные шаги отдавались в тишине гулким эхом. В соседних аудиториях свет уже не горел. Колледж опустел.

Сойдя с серых каменных ступеней подъезда, Морган поднял руку и поймал такси. Сначала он хотел поехать, домой, но вместо этого почему-то сказал водителю: «На Вашингтон-сквер». Это было как раз то место, где находился злополучный магазинчик Синтии. Расплатившись с шофером, Морган вышел на тротуар и задумчиво зашагал вперед. Эта девушка не выходила у него из головы — такая упрямая и неисправимая в своих заблуждениях... Но может быть, его просто задело, что она отказалась еще раз с ним встретиться?.. Нет, он никак не мог перестать о ней думать. А особенно вспоминались ее блестящие черные волосы и темные сверкающие глаза.

Магазинчик оказался закрытым. Ставни были опущены, а на двери красовалась табличка «Закрыто по случаю Пасхи». Однако Морган не торопился уходить, надеясь, что, возможно, внутри еще остался кто-нибудь из служащих, а может быть, и сама хозяйка, задержавшаяся по каким-то своим делам

Спустя минут двадцать, так никого и не дождавшись, он зашел в соседний бар и взял пива. Но даже отхлебывая густую янтарную жидкость, Морган не переставал думать о Синтии. При этом прекрасно понимая, насколько глупо с его стороны так увлечься этой юной чу-

дачкой. Ведь по трезвому размышлению, было совершенно понятно, что девица просто нуждается в помощи психиатра. Однако было в ней нечто неуловимое, что тянуло его, словно магнитом.

Тут Моргану пришлось впервые признаться себе, что он скорее всего действительно всерьез увлекся ею. Иначе рассудок уже заставил бы его не сидеть здесь впустую, а ехать домой и забыть обо всем как можно быстрее. Но почему-то умные мысли не посещали его сегодня. Инстинкты оказывались сильнее. Ему все больше хотелось встретиться с этой девушкой и даже — чего греха таить! — просто переспать с ней, хотя бы она и обладала всеми пороками мира, вместе взятыми.

А с другой стороны, вдруг он сможет чем-то помочь ей? Ведь все ее извращенные понятия методично прививались ей с самого детства. И может быть, он и есть тот единственный в мире парень, который сумеет все-таки вправить ей мозги и доказать, как глубоко она неправа в своих представлениях... Пусть даже их отношения и не получат развития, такой разговор все равно вряд ли ей повредит. Хотя, возможно, что Синтия наконец серьезно задумается над своими убеждениями. А это уже прогресс...

Он допил пиво и тут же попросил бармена налить еще одну кружку.

Моргану вспомнилось, как Синтия рассказывала ему о своих службах. Они проводились как раз на Пасху — это он хорошо помнил. Правда, именно об этих собраниях она почему-то не особенно распространялась, и теперь профессор пытался восстановить в памяти все, что ему стало известно о совершаемых там ритуалах. Неожиданно всплыло и название заштатного городишки, близ которого находится ее поместье: Вишневая Горка. Никаких особых планов на выходные у Моргана не было, и ему в голову пришла вдруг безумная идея: он вооружится фотоаппаратом, картой, отыщет ее и попросит разрешения сделать несколько снимков этих служб для своей будущей книги. Если это разозлит Синтию и она укажет ему на дверь — что ж, так тому и быть: он молча проглотит обиду и отправится восвояси, навсегда выкинув ее из головы. Но вдруг она все же снизойдет до него и позволит ему остаться? Рискнуть, пожалуй, стоит.

Однако что же такое на него нашло? Боже Всемогу-щий, как все это объяснить?... Теперь он сам себе казался зеленым юнцом, который по уши втюрился в свою одноклассницу и подстерегает ее после уроков, чтобы хоть одним глазком взглянуть на предмет своей страсти. Нет, он никак не походил сейчас на солидного тридцатилетнего ученого, уважаемого и любимого студентами и профессорами...

Ладно. Тогда сегодня он просто в стельку напьется. А завтра, глядишь, похмелье до такой степени выбьет его из колеи, что отпадет последняя охота ехать на край света в какую-то Богом забытую Вишневу Горку, чтобы предстать там в роли шута горохового. С такими мыслями он заказал третью кружку пива, а потом подумал и добавил к нему еще двойную порцию виски.

Глава десятая

Нэнси очнулась в четыре утра и больше заснуть ей уже не удалось. Она обдумывала предложенный Гвен план побега. Он мучил ее и не давал покоя, представляясь одновременно и страшным, и вполне осуществимым. Только бы у них все получилось!.. Но, наверное, как всегда, ничего не выйдет. Хотя вдруг все же получится?..

Но, сидя взаперти в грязной клетке, Нэнси физически не могла сейчас представить себе свободы. Все образы почему-то расплывались и не удерживались в голове. Но надо крепиться, чтобы совсем не расклеиться... Иначе, если она падет духом, с ней все будет кончено. Однако мысли текли вяло и медленно, никакие эпизоды из жизни не вспыхивали яркими видениями, как это бывает обычно у людей перед смертью. Может быть, это значит, что ей все же удастся выжить?..

Итак, Гвен попытается соблазнить одного из братьев— Льюка или Авраама. А интересно, будет ли это в такой ситуации смертным грехом?.. Впрочем, даже если и будет, этот грех ляжет на душу Гвен, а Нэнси все равно останется чистой. Хотя польза от такого «грехопадения» и для нее была вполне очевидной. Во всяком случае, девушка рассчитывала на успех, хоть и не реши-

ла еще, что предпочтительнее — отдать свое тело на поругание или позволить просто убить себя.

Потом ей вспомнилась последняя исповедь. Как хорошо, что она все же отважилась сходить к священнику и очистить свою душу от греха, лежавшего на ней целых два года!.. Теперь она чиста перед Господом, если, конечно, не учитывать ту кражу продуктов из сельского магазинчика. Но ведь это, в сущности, небольшой грешок...

А может быть, Господь вдохновил ее на исповедь, чтобы подготовить к смерти?.. Но все равно, даже с сознанием, что она попадет теперь прямо в рай, Нэнси было страшно умирать.

Она попыталась отбросить все мрачные мысли, как это советовала ей Гвен. Но, сидя в клетке, это было почти невозможно. Ее то и дело охватывала паника, страх ожидания и неизвестности. Либо отсюда и в самом деле нет выхода, либо страх просто так крепко овладел ее сознанием, что ситуация казалась уже безнадежной. Во всяком случае, ни одного плана, ни малейшей мысли, как отсюда сбежать, у Нэнси не возникало.

Внезапно она услышала чьи-то мягкие шаги на ступеньках лестницы и невольно напряглась. В комнату вошла Синтия. Она приблизилась к клетке, где томилась Нэнси, и как бы невзначай потрогала прутья рукой. Нэнси в ужасе широко раскрыла глаза, с трепетом ожидая, что будет дальше. На девушке был красивый длинный халат из дорогого розового шелка. Она, вероятно, неплохо выпалась и прекрасно выглядела. Вид у нее был такой, словно в ее доме не происходило ничего странного. Она даже улыбнулась, поприветствовав свою пленницу:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — с трудом выговорила Нэнси и не узнала собственного голоса. Ответила она чисто автоматически, ведь пожелание доброго утра звучало сейчас прямо-таки издевательски.

— Завтрак скоро будет готов, — тем же певучим мелодичным голосом проворковала Синтия. После этого она гордо выпрямилась и удалилась через столовую в кухню, откуда сразу же послышался тихий звон кастрюлек и сковородок.

— Вот сука проклятая! — неожиданно с ненавистью прошипела Гвен, и этот шепот заставил Нэнси вздрогнуть.

— А я и не знала, что ты уже проснулась! — виновато и как бы оправдывая свой испуг, улыбнулась Нэнси.

— Очень скоро до тебя начнут доноситься весьма приятные запахи яичницы, жареных тостов и чудесного кофе, — продолжала Гвен. — Но только нам ничего из этого не перепадет. Потом в столовую спустятся уже известные тебе братья и вместе с сестричкой неплохо позавтракают за милой семейной беседой. А после этого кинут нам по куску хлеба и, может быть, добавят немного кислого домашнего сыра. Но вовсе не по какой-то милости, а чтобы мы не подохли. Мы им нужны живые... Потом братья выведут нас на улицу, чтобы мы справили там нужду. Вот тут-то и наступит самый ответственный момент. Вчера еще мне почему-то было страшно пробовать свой план в одиночку. Но теперь я надеюсь, что ты мне поможешь... Одна из нас обязательно должна успеть вырваться отсюда, а если все произойдет, как я задумала, — тогда мы спасемся обе.

— Но я боюсь, — призналась Нэнси. — И вообще слабо представляю себе, что мне надо будет делать.

Гвен строго взглянула на нее полными решимости глазами.

— Когда почувствуешь, что настал подходящий момент, — действуй без колебаний. Хватай палку или камень — короче, что под руку попадется. А если ты уже заранее начнешь заигрывать с одним из братьев, то наши шансы еще больше возрастут — тогда можно будет попробовать завладеть их оружием.

— Нет, я, наверное, не выдержу, если они хоть пальцем меня коснутся, — вздохнула Нэнси.

— Ты что же, предпочитаешь ждать, пока они сделают с тобой нечто гораздо худшее, так что ли? — с досадой в голосе спросила Гвен.

Тут сверху послышались тяжелые громкие шаги — братья спускались к завтраку. Льюк с Авраамом прямиком прошли к столу и заняли свои места, а Сайрус держался около клеток. Он хихикал, строил девушкам рожи и пытался просунуть свои толстые пальцы между прутьев, чтобы ущипнуть то одну из них, то другую

К счастью, на этот раз он забыл прихватить с собой нож.

— Сайрус! — раздался из кухни нетерпеливый голос Синтии. — Иди к столу, завтрак стынет!

Урод еще несколько раз попытался ушипнуть Нэнси, ухмыльнулся напоследок и, шаркая ногами, потащился в столовую.

— Сегодня вместо яичницы она приготовила оладьи, — зашептала Гвен. — Никак не пойму: к чему только не прикоснется эта чертова сучка, все у нее начинается так здорово пахнуть!.. Вот ведь скотина, а? — Ругая Синтию, Гвен таким образом подбадривала и саму себя, и пыталась вселить уверенность в Нэнси.

Нэнси лежала на спине, невидящими глазами уставившись сквозь решетку в потолок, и старалась прийти в себя после встречи с этим мерзким дебилом. Ее даже передернуло, когда она вспомнила его жадный взгляд и толстые пальцы, ищущие ее тело.

— Послушай, Гвен, а этому идиоту они никогда ключи не дают, ты не знаешь? — наконец спросила она.

— Не помню. Кажется, нет. А что?

— Мне кажется, его-то было бы проще всех одурачить.

— Я думаю, это им известно не хуже нашего, — печально вздохнула Гвен.

В столовой велась непринужденная утренняя беседа. Нэнси и Гвен хорошо слышали каждое слово, но их клетки были повернуты так, что они не видели участников разговора и могли лишь по голосам судить, кому принадлежит та или иная фраза. Чтобы разглядеть хоть какую-то часть столовой, им приходилось по-змейному изгибаться, но все равно мебель загораживала почти весь обзор. Однако, услышав женский голос, девушки сразу поняли, что сейчас заговорила именно Синтия. Она принялась наставлять братьев, а те притихли, внимая ее приказам.

— Когда управитесь с теми двумя, в комнате, вы, Льюк и Авраам, поедете и добудете третью, где хотите. Кстати, и этим станет, наверное, повеселее. Мама хочет, чтобы их было трое. А тебе, Сайрус, совсем не обязательно ехать с мальчиками. У тебя и здесь хватит работы — надо подмести хорошенько часовню и вытереть пыль со скамей. И делай все на совесть, не филоны!

Завтра уже приедут первые гости, так что все должно быть в полном порядке. Они привыкли, что у нас все проходит на самом высоком уровне, понимаете? Конечно, большинство гостей остановится в мотелях поблизости, но самые избранные будут жить с нами здесь. И они должны чувствовать себя в доме комфортно, а мы — быть самыми гостеприимными хозяевами и всячески им угодать. Так сказала мама.

— Кстати, она совсем не сердилась на меня вчера, — сообщил Льюк. — Ведь то, что произошло с той второй девчонкой, было не по нашей вине. Она сама...

— Будем считать так, — согласилась Синтия. — Но все равно нужно, чтобы их было трое, причем завтра же. Понял?

Послышался шум отодвигаемых стульев, и из столовой показались Льюк и Авраам, которые сразу же направились к клеткам. Сайрус хотел было последовать за братьями, но Синтия прикрикнула на него и велела немедленно брать метлу и идти подметать часовню. В руках у Льюка и Авраама были револьверы убитых полицейских. Льюк достал из кармана большое кольцо с ключами и объявил девушкам:

— Сейчас мы отведем вас в поле, чтобы вы сделали там все свои дела. Потому что здесь ничего нельзя пачкать. А потом — снова в клетки, и вам дадут чего-нибудь перекусить. И ведите себя тихо — никаких выходов!.. Иначе вообще сегодня еды не получите.

— А почему нельзя воспользоваться вашим домашним туалетом? — удивилась Нэнси.

Гвен гневно сверкнула на нее глазами, мысленно умоляя девушку заткнуться. Ведь если им не позволят выйти из дома, то пропадает последняя надежда сбежать отсюда.

— Мы не можем разрешить вам пользоваться нашей ванной, потому что там полно всяких опасных предметов — зеркала, бритвы и так далее, — пояснил, усмехаясь, Льюк. — Вдруг вам взбредет в голову прихватить с собой что-нибудь остренькое или, того хуже, прямо там перепилить себе вены... — С этими словами он отпер обе клетки и подождал, пока девушки выйдут, не сводя с них нацеленного оружия. Авраам тоже держал револьвер наготове. Оба брата внимательно следили за пленницами, чтобы больше не случилось никаких промашек.

за которые можно получить взбучку от Синтии или мамы.

Нэнси и Гвен не спеша вылезли из своего заточения, и, с наслаждением распрямившись, стали потягиваться, разминая затекшие конечности.

— Ну-ка поживей! — гаркнул на них Авраам. — Вон туда. К черному ходу.

Подталкиваемые в спины дулами револьверов, девушки прошли через столовую, заметив на тарелках недоеденные остатки завтрака, потом миновали кухню и, наконец, спустившись с крыльца, оказались на улице. Гвен то и дело искоса поглядывала на Нэнси, как бы говоря ей: будь храброй, ничего не бойся и у нас обязательно все получится.

Утро выдалось прохладным, на траве лежала роса. Девушки тут же покрылись мурашками: ведь на них не было ничего, кроме нижнего белья. Они осторожно ступали босыми ногами по влажной холодной траве. Мимо часовни и какой-то пристройки их вывели в поле. Нэнси показалось, что Сайрус, который занимался сейчас уборкой территории, может подглядывать за ними, и от этого ей сразу стало не по себе.

— А куда мы идем? — спросила она, притворяясь, будто так и не поняла, зачем их выпустили из клеток.

— А тебе какая разница? — огрызнулся Авраам.

— Можете хоть здесь устраиваться, чтобы мы на вас полюбовались, если вам так не терпится, — усмехнулся Льюк.

— Ну, для любования и других удовольствий я могла бы предложить вам и кое-что поинтересней... — игриво промурлыкала Гвен и, остановившись, повернулась к братьям, ослепительно улыбаясь. — Давайте лучше пойдем все четвером прямо в лес, — вдруг предложила она. — И кстати, Синтии об этом совершенно не обязательно докладывать.

Льюк лишь пренебрежительно усмехнулся, зато Авраама эта затея, кажется, сразу заинтересовала:

— А что? Раз уж они все равно не девственницы, то какая разница? Можно и побаловаться немного... — обратился он к брату.

— Они что-то задумали, — буркнул Льюк.

— Интересно, что же? — с вызовом спросила Гвен. — У вас ведь пистолеты! Да и куда нам деваться из этих

мест?.. Мы с Нэнси вечерком как раз разговаривали об этом и решили, что если уж мы вам так понравились, так, может, и вы доставите нам удовольствие?

— А почему бы и нет? — сразу ухватился за предложение Авраам. — Почему мы не можем позволить себе слегка поразвлечься, а, Льюк? Тогда, если они хорошенько постараются, можно будет и подумать, как помочь этим крошкам...

— Ну... я даже не знаю, — с сомнением в голосе произнес старший брат. Но тем не менее и он уже начал возбуждаться. Поразмыслив немного, Льюк заключил, что они ничем особенно не рискуют, раз эти девчонки сами решили отдаться им за те мнимые услуги, на которые только что намекнул Авраам. Конечно, у них и в мыслях не было помогать этим красавицам, но ведь они об этом не будут знать... А как приятно было бы сейчас поваляться с девчонкой, которая будет из кожи вон лезть, лишь бы доставить тебе наслаждение! И никакого насилия — сплошное удовольствие. — Ну, хорошо. Если вы как следует постараетесь, то, так и быть, мы вас отпустим и отловим где-нибудь еще двоих, — «сдался» Льюк.

Нэнси почувствовала, что начинает серьезно нервничать. По плану Гвен выходило, что теперь они обе должны будут отдаться этим жутким братьям или хотя бы сделать к тому первый шаг. А если весь план сорвется и им не удастся сбежать?.. Впрочем, не лучше и другой вариант: их отпустят, а взамен две другие невинные души попадут в лапы этой дьявольской секты. Вот уж где точно смертный грех! Нельзя ради спасения собственной шкуры подставлять чужую жизнь.

— Ну что ж, я полна решимости показать, на что я способна. Уверяю, мальчики, вы этого никогда не забудете, — обворожительно улыбнулась Гвен и расстегнула бюстгалтер.

Авраам и Льюк так и пожирали глазами ее крупные упругие груди. Следуя ее примеру, Нэнси, как в тумане, тоже начала раздеваться. Теперь глаза у братьев буквально засветились от похоти; они жадно облизывали взглядом то одну девушку, то другую. У Нэнси же глаза широко раскрылись от ужаса, но это вполне можно было принять за признак нестерпимого желания поскорее отдаться.

— Идите вон туда, за деревья,— приказал Льюк, указав в сторону дулом пистолета.

Он лишь на мгновение обернулся, чтобы удостовериться, что из дома за ними никто не смотрит, но когда снова повернул голову к девушкам, с изумлением обнаружил, что Авраам уже беззастенчиво тискает грудь Гвен, а пистолет болтается у него на поясе.

И тут Льюку показалось, будто все происходит, как в замедленном кино: он увидел, как рука Гвен тянется к револьверу, как она хватается за его рукоятку, и только в самый последний момент успел подскочить и выбить оружие из этой руки. Нэнси заметила, куда упал пистолет, но замешкалась всего на долю секунды, и этого оказалось достаточно, чтобы братья мигом пришли в себя и сумели ее опередить. Льюк ударом ноги отбросил оружие подальше в траву, а потом с такой силой рубанул ребром ладони по шее девушки, что Нэнси тут же распласталась у его ног, едва не потеряв сознание. Авраам совсем озверел и теперь в ярости избивал Гвен, колотя ее кулаками по лицу, груди, а потом, когда и она упала, начал пинать ногами в живот, заставляя корчиться и кричать от нестерпимой боли. Когда же она попыталась встать на четвереньки, подбежал Льюк и сапогом ударил ее по ребрам. Гвен застонала и снова повалилась на траву. Льюк подобрал револьвер и сунул его в руки Аврааму.

— Вот грязные потаскушки! — заорал он. — Что, решились из нас дураков сделать, да не вышло?

Льюк и Авраам грубо подняли девушек на ноги, затащили в кусты и там внимательно смотрели, как те оправляются, чтобы больше уж не случилось никаких неприятностей. Потом, подталкивая обеих револьверами в спины, привели их назад в дом и, затолкав в клетки, заперли на замок.

— Сегодня еды не получите! — гаркнул Льюк и затопал в столовую, где Синтия как раз убирала со стола остатки пищи.

— Они пытались бежать,— коротко сообщил он сестре.

Гвен и Нэнси, переполненные страхом и отчаянием, молча лежали в своих клетках. Их план провалился, и теперь уже вряд ли будет второй случай для побега.

Из столовой доносились приказания Синтии:

— Льюк, завтра их можно будет перевести в часовню. Вечером там надо разжечь огонь, чтобы и гости не замерзли, и эти не успели у нас подохнуть от воспаления легких. А потом мы запрем их там, и они уже больше не доставят нам никаких хлопот.

— А я думал, в часовне должна быть только одна девушка, да и то лишь во время церемонии, когда с ней будут работать,— удивился Авраам.— Так же было всегда...

— Вы запрете их в кабинете дядюшки Сэла,— пояснила свое распоряжение Синтия.— Таким образом, они ничего не увидят и не узнают, пока не наступит их очередь.— И, как вы понимаете, они по-прежнему должны быть закрыты в клетках. И надежно заперты.

— Да, я уж успел догадаться об этом,— мрачно проворчал Льюк.

Этот разговор потушил последний лучик надежды, все еще теплившийся в измученном сознании Гвен. До сих пор ей почему-то казалось, что теперь их должны запереть в комнате, где будет побольше свободы, чем в тесных клетках, и, может быть, удастся что-нибудь предпринять. Теперь же, когда надежда пропала, она ощутила резкую боль в боку, куда ее со всей силы ударил сапогом Льюк, и минуту спустя, уже окончательно сломавшись, Гвен лишь печально думала о том, что никогда больше не увидит своей маленькой дочери.

Сидя в клетке и укутавшись в гнилое ветхое одеяло, больше напоминавшее половую тряпку, Нэнси начала вслух молиться. Льюк и Авраам, проходя мимо нее на улицу, только выругались. Потом она услышала, как из гаража за домом вывели машину, ворота гаража закрылись, братья сели в кабину, и машина отъехала. В комнату вошла Синтия, внимательно осмотрела девушек и обратилась к Нэнси:

— Зачем ты молишься? Тебе это не поможет.

— А разве вы не верите в Бога? — тихо спросила Нэнси, дочитав молитву до конца и только после этого переведя взгляд на Синтию.

Но та лишь снисходительно усмехнулась:

— Вот ты, наверное, считаешь, что твой Бог добр и милостив. Тогда как же он смог допустить, чтобы с тобой все это случилось?

Нэнси нервно сглотнула. Во рту у нее пересохло, но она все же нашла в себе силы ответить:

— Нас учили не сомневаться в его мудрости и не ставить ее под сомнение. Ведь Он послал на землю Своего единственного Сына. И тот принял смерть за наши грехи. Может быть, Он хочет, чтобы и я тоже выпила свою чашу страданий, ради спасения моей бессмертной души.

— Неужели ты такая страшная грешница? — изумилась Синтия.

Нэнси опустила глаза. В соседней клетке, укутавшись в одеяло и держась за больные ребра, Гвен с ненавистью смотрела на Синтию.

— Даже некоторые из ваших святых и монахов не так безропотно сносили боль, как это делаешь теперь ты, — заговорила Синтия, с интересом глядя на Нэнси. — Позволь, я немного просвещу тебя. Тебе когда-нибудь приходилось слышать о кровавой охоте на ведьм, которую устроили в свое время во имя Твоего Господа Бога?.. Это весьма увлекательная и поучительная история, смею тебя уверить. Например, в шестнадцатом веке некоего священника пытали до тех пор, пока не вынудили сознаться, что он заключил сделку с дьяволом — инквизиторы были просто уверены в его связи с Сатаной. Причем только лишь потому, что этот священник долго изучал целебные травы и с их помощью в своей деревне смог ставить на ноги, казалось бы, безнадежных больных. В те времена считалось, что все необычное — будь то талант, красота или особый дар — все это исходит от Сатаны. Ценились только серость и послушание, а тех, кто обладал чем-нибудь необычным — например, умственными способностями и талантом исследователя — тут же приговаривали к смерти. Итак, того несчастного священника привязали к столбу, вывернули ему руки и прибили их гвоздями, так что кровь хлынула из ладоней ручьями и даже забрызгала стену в пяти футах от висевшего. Но все это время он не переставал молиться своему Богу, точно так же, как ты сейчас. Он не мог поверить, что его милосердный Бог не сжалятся над ним — ведь Господу-то наверняка было известно, что этот человек ни в чем не виновен. Так вот, он не терял надежды, что Господь услышит его и избавит от несчастного наказания. Но Бог и не думал вмешивать-

ся — небеса не разверзлись и Христос не явился перед ним в луче света. И вскоре набожный священник умер страшной смертью на столбе, а его вера рухнула в тот момент, когда он испускал дух.

Понимаешь, часто бывают такие времена, когда Зло торжествует, но ни Бог, ни его ангелы даже не пытаются этому помешать. Зло оказывается сильнее добра, а Бог спокойно восседает на своем троне и лишь забавляется, глядя, как его верные рабы извиваются и корчатся в муках, словно марионетки с перерезанными нитями. Так почему же ты не хочешь поверить, что он и пальцем не шевельнет, чтобы хоть как-то помочь тебе? Ведь ты, наверное, хорошо помнишь, что даже Его собственный Сын, и тот выкрикнул на кресте в предсмертной агонии: «Почему Ты оставил меня?»

Нэнси ничего не смогла ей ответить. Но ее вера ни сколько не поколебалась после всей этой бесовской тирарды. К тому же девушке совсем не хотелось спорить с человеком, который находится в неравном с ней положении. Ведь Синтия была сейчас в своем доме, в полной безопасности, и уж ей-то смерть никак не грозила. Поэтому спорить с ней было бессмысленно и бесполезно.

— С этого момента я запрещаю тебе молиться вслух, — объявила Синтия. — Если тебе угодно, можешь повторять весь этот бред про себя. Но в конце концов ты все равно поймешь, что Бог бросил тебя, и твоя властительница — только я одна.

— Пошла вон, сука! — выкрикнула вдруг Гвен, вкладывая в свое проклятье всю энергию беспомощной ненависти. От этого крика у нее так заломило в груди, что она чуть не задохнулась от боли.

Но Синтия лишь тихо рассмеялась и, повернувшись, степенно вышла из комнаты, даже не оглядываясь на своих пленниц.

Через несколько минут Нэнси снова стала читать молитвы, не обращая никакого внимания на запрет и угрозы Синтии. При этом она считала количество прочитанных молитв, мысленно перебирая невидимые четки.

На магазинне все еще висела старая табличка «Лавка Петерсона», хотя мистер Петерсон уже давно не был владельцем этого заведения. Он уехал из Виргинии десять лет назад, не выдержав постигшего его горя, когда друг за другом бесследно пропали его маленький сын, а потом и дочка. Теперь здесь работала пожилая пара — мистер и миссис Джэмисон. И хотя в магазин почти никто не заглядывал, он все же давал им небольшой доход в дополнение к пенсии. Миссис Джэмисон сидела за прилавком в скрипучем кресле-качалке и вязала мужу красный свитер, временами поглядывая на свою единственную за весь день покупательницу — любопытную пятнадцатилетнюю Шарон Кеннеди. Девочка с интересом разглядывала товары, переходя от одной полки к другой.

Шарон нравилось рассматривать вещи, выставленные в магазинчике Джэмисонов, ведь, кроме таких важных продуктов, как соль, масло, мясо, куры, молоко, яйца и хлеб, здесь всегда почему-то продавали и разную ерунду — например, собачьи ошейники, носовые платки, охотничьи патроны, винтовки, пистолеты, а также сумки всех сортов, зонтики, гробы и, конечно, игрушки. Помимо этого, в магазинчике можно было обзавестись нижним бельем, зубной пастой и даже простенькими лекарствами, на которые не требовался специальный рецепт врача. Ну, абсолютно все здесь можно было купить, кроме, разумеется, именно того, что сейчас больше всего хотела достать Шарон.

— А у вас есть краска, чтобы покрасить яйца на Пасху? — наконец осмелилась спросить девочка.

— Надо вспомнить... — отозвалась миссис Джэмисон и в задумчивости подняла глаза к потолку. — По-моему, совсем недавно я ее где-то видела... Ну да — ко мне приходила миссис Каспер со своей ребятней! Да-да, Шарон, посмотри-ка на третьей полке, за зубочистками.

Вынув пакетик с краской, девочка недоверчиво повертела его в руках и поинтересовалась:

— Скажите, а эта краска еще не испортилась?

Уж слишком выцветшим показался ей этот кулек, да и цена стояла совсем небольшая — всего двадцать центов. Видимо, он пролежал здесь Бог знает сколько лет.

Так частенько бывает в сельских магазинах — вещи могут долгие годы лежать на прилавке, пока, наконец, не найдут своего покупателя, а цена на них остается прежней, еще со старых времен.

— Что ты! Такие вещи никогда не портятся, и у них не бывает срока годности! — радостно воскликнула миссис Джэмисон.

Шарон углубилась в изучение инструкции, пытаюсь выяснить, сколько же таких пакетиков ей придется купить, чтобы нарисовать яйца для своих братьев и сестренки. В этом году папа не смог купить им подарочные корзиночки со сладостями, так что эта забота легла теперь на плечи Шарон — она была старшей среди детей, и ей хотелось, чтобы каждому брату и сестре досталось хотя бы по паре крашенных яиц.

Яйца она решила красить ночью, когда детвора заснет, чтобы в воскресенье для них был сюрприз. Краску она спрячет пока в карман, чтобы папа не заметил, а ему принесет аспирин, который он просил ее купить у Джэмисонов. Кстати, деньги на краску и яйца она взяла из тех, что подарила ей на день рождения тетушка.

— Когда же, наконец, она выйдет оттуда? — нетерпеливо нахмурился Авраам.

Они с Льюком припарковали свой фургончик рядом с магазином, почти у самой бензоколонки. Им и так пришлось ехать сюда несколько миль, а теперь еще надо было ждать невесть сколько эту паршивую девчонку.

Мистер Джэмисон, завидев фургончик, тут же подошел к нему, и братьям пришлось вдобавок заправиться, чтобы не вызвать у старика подозрений. Старый хрыч не спешил уходить. Он неторопливо заполнил бак, повесил шланг на крючок, и медленно завернул крышку заливной горловины. Потом подошел к машине и от нечего делать заговорил с Льюком:

— Неплохая установилась погодка, а? Видать, на Пасху солнышко нас порадует. Я вот только боюсь, как бы зима опять не вернулась, а то у меня в холода кости болят. — Старик усмехнулся. — Ну, ничего; надеюсь, на этот раз обойдется.

— Наверное, — буркнул Льюк.

Засмеявшись, словно он удачно сострил, Джэмисон добавил:

— Я тут залил почти полный бак. С вас десять долларов.

Льюк уже приготовил бумажник, и как только старик назвал цену, он без дальнейших разговоров протянул ему десятидолларовую бумажку.

— Спасибо вам, джентльмены,— заулыбался мистер Джэмисон.— Всего хорошего, доброго вам пути.

— Вот именно, старый пердун,— тихо просипел Авраам, чтобы его смог услышать только старший брат.

Но Льюк не торопился отъезжать. Он не спеша достал ключи, которые зачем-то перед этим вынул из замка зажигания, завел мотор и медленно тронулся с места. Вместе с братом они молча наблюдали, как старик заковылял к магазину. И как раз, когда он открывал уже дверь, навстречу ему оттуда выпорхнула Шарон со своими покупками.

Старик Джэмисон расплылся в улыбке:

— До свидания, Шарон. Передавай папочке привет и скажи, что мы с Мартой за него очень волнуемся и желаем ему скорее выздороветь.

— Спасибо, мистер Джэмисон. Обязательно передам. До свидания.

Шарон быстро пересекла небольшую стоянку перед бензocolонкой и на перекрестке свернула налево. Из фургона за ней внимательно следили Льюк и Авраам, невольно восхищаясь ее изящной походкой, длинными каштановыми волосами, стройными ногами и соблазнительной круглой попкой, затянутой в тугие джинсы.

— Вот как раз то, что надо, а, братишка? — подмигнул Льюк.

Авраам аж сглотнул:

— Точно... Мама очень обрадуется.

И он почувствовал, что начинает возбуждаться. Но, кроме похоти, в нем разгорался и чисто охотничий инстинкт, поэтому перед тем как поймать девочку, они решились малость поиграть с ней в кошки-мышки.

Фургончик медленно удалился от магазина, а затем свернул на шоссе вслед за Шарон, и стал постепенно нагонять ее. Завидев машину, девочка остановилась и нахмурилась, но почти сразу же успокоилась, так как автомобиль с двумя совершенно равнодушными, как ей показалось, пассажирами, проехал мимо нее и скрылся за поворотом.

— Она, поди, уже думает, что мы больше не встретимся,— не смог сдержать смешка Авраам.

Льюк выбрал на дороге подходящее место и притормозил у обочины. Выключив мотор, братья стали ждать Шарон.

Девочка всегда боялась одна ходить в магазин — даже днем, когда было совсем светло. От дома, где Шарон жила с отцом и четырьмя младшими братьями и сестрами, до магазина было почти три мили, а она прекрасно знала, что иногда случается с девочками, которые путешествуют в одиночку по пустынным дорогам. В газетах и по телевизору часто рассказывали о грабежах и изнасилованиях и даже убийствах. И она каждый раз ловила себя на мысли, что просто не в состоянии понять, отчего люди могут быть такими жестокими. Это казалось ей непостижимым. Однако газеты и телевидение без устали предупреждали: будьте осторожны! — и вновь рассказывали про ужасные случаи с девушками. Отец тоже всегда наставлял ее: «Будь бдительна, никому не доверяйся, даже товарищам по школе и учителям». Вот и сегодня он был против, чтобы она пошла в магазин, но идти, кроме нее, все равно было некому: сам отец сильно загрипповал, и ему срочно нужен был аспирин.

Выйдя на поворот шоссе, Шарон вновь увидела тот самый белый фургон и в нерешительности остановилась. Почему они не поехали дальше?.. Ведь рядом нет ни одного дома, нет даже других машин... На секунду у нее мелькнула здравая мысль: надо срочно вернуться в магазин, позвонить оттуда отцу и попросить, чтобы он ее встретил. Но Шарон тут же отвергла этот план. Как такое могло прийти ей в голову! Он же болен, а она своим глупым звонком из-за всей этой чепухи только расстроит его. Тем более что те двое в машине, кажется, не обращали на нее никакого внимания. Наоборот, они были всецело поглощены своей весьма оживленной беседой. Может, они просто заблудились в дороге и теперь ждут кого-нибудь, кто мог бы рассказать им, как проехать к городу?.. Шарон снова двинулась в путь, на этот раз заметно прибавив шагу, чтобы по возможности скорее миновать этот странный фургончик и забыть с ним.

Но когда она приблизилась к машине, парни вдруг замолчали и стали с любопытством разглядывать ее. При этом оба злобно усмехались, а глаза у них были такие, словно своими взглядами они хотели раздеть ее

догола. Девочка опустила голову, пытаясь не думать о них, но в душе у нее все трепетало и сжималось от страха. Она судорожно вцепилась в бумажный пакет с покупками, стараясь идти по-старушечьи неуклюже, чтобы выглядеть как можно менее привлекательной. Тогда, наверное, они сразу поймут, что для секса она совсем не годится, и, возможно, оставят ее в покое.

Когда девочка почти вплотную подошла к фургончику, Льюк неожиданно громко просигналил, отчего сердце у Шарон ушло в пятки и, чуть не выронив свой пакет, она крепко прижала его к груди. Девочка обернулась, в любую секунду ожидая нападения. Но вместо этого водитель включил мотор и, обдав ее градом мелких камушков, пронесся мимо, а тот, что сидел рядом с ним, дико захохотал, когда машина поравнялась с девочкой. Фургончик снова скрылся из виду.

— Дураки! — громко выкрикнула Шарон им вслед, и страх начал понемногу отпускать ее. Она была очень рада, что эти идиоты, наконец, уехали. В апрельском небе нещадно палило солнце, но не оно было причиной тому, что девочка успела уже изрядно вспотеть. Она остановилась, перевела дух и, раскрыв пакет, осмотрела яйца, только что купленные в магазине. Два из них раскололись, когда она, видимо, слишком сильно прижала пакет к себе. Девочка вынула разбитые яйца, положила их на траву, а затем об нее же вытерла пальцы. Потом перебрала все остальные яйца, чтобы убедиться, что потеря больше нет, и снова зашагала вперед, проклиная свой поход в магазин, который превратился теперь в настоящую пытку.

Спустя несколько минут Шарон приблизилась к тому участку шоссе, где лес вплотную подходил к самой дороге, и волнение ее усилилось. Но другого выхода не было — путь домой лежал только через этот страшный участок. И как раз здесь Льюк с Авраамом поджидали ее. Выпрыгнув из кустов, они вдвоем накинулись на девочку и тут же сбили ее с ног. Свою машину они припарковали немного дальше, среди деревьев, чтобы Шарон не заметила ее раньше времени, а они могли использовать фактор внезапности. Расчет их был верным: неожиданное нападение настолько ошеломило Шарон, что она потеряла всякую способность сопротивляться, а тем более пытаться бежать от них. Братья стояли над ле-

жащей на дороге девочкой и зловеще скалились, наслаждаясь ее беспомощностью и наблюдая, как она пытается подняться на четвереньки и хотя бы немного отползти в сторону. Все яйца высыпались на асфальт и перекололись. Шарон задыхалась от ужаса, к тому же она сильно ударилась при падении головой и чуть не потеряла сознание. Видя, что девочка уже встает на колени, Авраам не спеша подошел к ней и ударил ее сапогом по ребрам, отчего она тут же упала лицом на асфальт, при этом сильно процарапав себе правую щеку. Авраам снова занес над ней сапог, намереваясь нанести следующий удар.

— Эй, полегче! — прикрикнул на него Льюк. — Не вздумай убить и эту, а то матушка нам так задаст, что не обрадуешься.

Авраам достал из кармана брюк моток толстой капроновой веревки, и они перевернули Шарон на спину, чтобы удобнее было связывать. В бреду девочка продолжала поскуливать и стонать, совершенно оставив все попытки как-либо сопротивляться. Братья надежно скрутили ей запястья и лодыжки, а потом подтащили к фургончику, открыли заднюю дверь и закинули девочку в установленную за сиденьями большую собачью клетку. Нагнувшись, Льюк достал из «бардачка» приготовленную заранее изоленту и плотно заклеил ей рот, чтобы пленница не смогла по дороге издать ни звука. Потом дверцу клетки заперли на замок. Но всего этого она уже не видела, поскольку за несколько минут до того все же успела потерять сознание.

Льюк сел за руль, Авраам закрыл створки широкой задней двери фургона и присоединился к брату, развалившись справа от него в мягком кресле. Фургончик выехал из укрытия и как ни в чем не бывало покатил по шоссе.

— Надо было ее изнасиловать, — с сожалением произнес Авраам. Ему все еще вспоминалась неудачная утренняя попытка овладеть Гвен или Нэнси.

— Ни в коем случае! — возразил Льюк. — Как раз эта может оказаться девственницей, как и хотели мама и Синтия.

— А как же мы? — обиделся Авраам. — Мы, что ли, не в счет?

Льюк ничего ему не ответил, а только резко нажал на газ, и машина понеслась вперед по залитой солнцем дороге.

Глава двенадцатая

В страстную пятницу Нэнси, Гвен и Шарон забрали из дома Барнсов. Льюк и Авраам прямо в клетках погрузили их в свой «пикап» и перевезли через поле к часовне. Там одну за другой их поместили в просторной комнате, служившей некогда студией дядюшки Сэла. Она была отделена от основного помещения церкви. Но десять лет назад в этом кабинете дядюшка Сэл занимался в основном не живописью — его главная мастерская находилась все же в самой часовне. А тут он любил отдыхать в окружении своих лучших работ. Здесь же он встречался с покупателями картин, читал, вел переписку и подсчитывал доходы от проданных произведений. Сейчас эта комната была в запустении. В углу возвышалась целая груда незаконченных картин, эскизов, набросков, альбомов и карандашных зарисовок с сюжетами из довоенного прошлого Америки. Здесь же стояли дядюшкины этюдники и мольберты. Огромный письменный стол из красного дерева и все шкафы теперь были сдвинуты к одной стене. С противоположной стороны установили клетки, в которых томились сейчас три пленницы — Нэнси, Гвен и Шарон. Пыхтя от усталости, Льюк и Авраам, наконец, вышли из кабинета, закрыли за собой дверь, и девушки услышали, как в замке поворачивается ключ.

Они начали разглядывать свое новое «жилище». В кабинете имелось всего лишь одно окно. Но клетки были настолько низкими, что ни одной из девушек не удалось выглянуть через него наружу. Им были видны лишь кроны деревьев с набухающими почками и голубое, безоблачное небо над ними.

Приближался полдень, солнце беспощадно палило, нагревая крышу часовни, в ярких лучах, проникавших в комнату через единственное окно, весело плясали пылинки. На одной из стен Сэл когда-то начертил мелом прямоугольник, видимо, собираясь в будущем прорезать в комнате и второе окно, потому что в жаркие солнечные дни воздух здесь прогревался настолько, что ста-

новилось просто невозможно дышать. Девушки не находили себе места от духоты, беспокойно вертятся в тесных клетках и тяжело отдуваясь. При этом каждая из них пыталась найти для себя самую удобную позу, чтобы не слишком беспокоили ушибы и ссадины. Страшные условия этого зверского заточения еще сильнее подрывали их душевные силы.

— Что они с нами собираются делать? — с нескрываемым страхом спросила Шарон.

Как и две ее подруги по несчастью, она была разделена до нижнего белья. На боку девочки проступил огромный синяк от удара ногой, нижняя губа распухла и на ней запеклась кровь. Левый глаз закрылся и совсем заплыл. Всю ночь она пробыла без сознания, а теперь у нее страшно раскалывалась голова, заставляя предположить, что при падении она получила сотрясение мозга.

Гвен стало нестерпимо жаль эту несчастную малышку. То же самое к Шарон испытывала сейчас и Нэнси.

— Мы должны во что бы то ни стало попытаться отсюда выбраться, — опять решительно заявила Гвен. Несмотря ни на что, перемена обстановки вселила в эту энергичную женщину новую надежду: вдруг братья о чем-то забыли, что-то упустили из виду, и это даст им шанс вырваться на свободу?..

— Ты, наверное, начинаешь сходить с ума, — грустно покачала головой Нэнси. — Нет отсюда никакого выхода.

— Все равно нам нельзя отчаиваться! — не уступала Гвен. Она обшаривала глазами всю комнату, надеясь зацепиться хоть за что-нибудь, что может помочь их побегу. Плохо было то, что время неумолимо шло вперед, а оно сейчас работало против них. Ведь подумать только: скольким людям удалось сбежать из заточения в самых страшных тюрьмах, и все лишь потому, что у них были целые годы, чтобы сделать подкоп или перепилить стальные решетки... А что можно успеть за один день?

— Зачем они держат нас здесь? И почему мы сидим в клетках? — не унималась Шарон, умоляющими глазами смотря на девушек, словно судьба ее была целиком в их руках.

— Они собираются нас убить,— напрямик рубанула Гвен.— Вот почему мы должны постараться сделать все возможное и невозможное, чтобы выбраться отсюда. Они уже убили мою сестру и двух друзей Нэнси.

— Боже мой! — ахнула Шарон, отказываясь верить своим ушам.

— Почему ты так решила, Гвен? — поморщилась Нэнси.— Совсем не обязательно они нас убьют. Мы же не знаем точно, в чем суть их ритуалов...

— Дай-ка я тебе кое-что объясню, девочка,— строго произнесла Гвен.— Мой дед был в нацистском концлагере, но ему удалось выжить. А шесть миллионов человек погибли там в газовых камерах, потому что просто послушно шли туда, куда вели их фашисты. И эти несчастные до последней минуты верили, что идут принимать душ. Они не желали признать, что их ведут убивать, и поэтому умирали, не оказав даже ни малейшего сопротивления. А эсэсовским палачам только это и нужно было... Синтия и ее безумные братья вознамерились убить нас после того, как закончат «официальную» часть своих дьявольских обрядов. В этом я ни секунды не сомневаюсь. Так что собери лучше всю свою волю и любовь к жизни, иначе просто пропадешь ни за грош, веря, что в конце концов они отпустят тебя.

— Но почему это все происходит? — закричала Шарон и горько расплакалась. Слезы ручьями хлынули у нее из обоих глаз — даже из распухшего, который совсем закрылся, так что казалось просто удивительным, как слезы пробивают себе дорогу через невидимую щель между веками.

— Потому что они безумцы! — страстно заговорила Гвен.— Других причин я не вижу. И поэтому давайте все вместе думать, как нам отсюда выбраться.

— Это Господь Бог наказывает нас,— выпалила вдруг Нэнси.

Гвен посмотрела на нее, как на чокнутую.

— Да! Иисус показал нам, что за грехи надо плачаться страданиями,— заговорила Нэнси, и глаза ее заблестели.— Еще недавно я считала, что исповедаться очень сложно... Но все оказалось намного проще, чем я думала. И тогда я решила уже, что моя душа очищена. Но оказывается, мне суждено понести более тяжкое наказание за мои грехи. Теперь я осознала это

и готова принять его. И я не стану похожей на того священника, о котором рассказывала нам Синтия,— того, что не вынес пыток, отказался перед самой смертью от веры и попал прямо в ад!

— Господи Боже мой! — всплеснула руками Гвен.— Послушай, Нэнси, милая! Ты, я думаю, не всегда была настолько религиозной. А теперь просто попала в такое положение, что готова уцепиться за любое объяснение; тебе подойдет сейчас любая самая невероятная теория, потому что ты отчаялась и теперь хочешь найти хоть какое-нибудь оправдание своим мучениям. Но у них нет ни причин, ни оправдания. Ты хочешь подставить вторую щеку? Это не поможет тебе! А твоим врагам будет только на руку — ведь им как раз очень хочется, чтобы ты сломалась, безропотно отдалась им и стала очередной жертвенной овечкой. И теперь ты уже почти там. куда они тебя и ведут — ты полностью в их власти!

Нэнси не стала с ней спорить. Она сжалась в комочек на полу своей клетки и отвернулась в сторону, противоположную той, где сидела Гвен, давая этим понять, что не желает больше вести таких разговоров. Можно было подумать, что не семейство Барнсов, а мысли Гвен для нее сейчас страшнее всего и могут пагубно сказаться на спасении ее души.

— Даже некоторые нацисты, осужденные в Нюрнберге за свои зверства, и то перед повешением неожиданно становились религиозными,— продолжала Гвен.— Такое внезапное обращение к вере вообще характерно для людей, оказавшихся в стрессовой ситуации.

— А я тоже верю в Бога,— вмешалась вдруг Шарон, будто испугавшись, что Господь сейчас подслушивает весь их разговор.— Я вовсе не атеистка, как ты, Гвен. Но я не собираюсь отчаиваться и тихо ждать своей участи. Может быть, отец начнет разыскивать меня и пойдет к шерифу... Или еще что-нибудь придумает. Ну, а пока и правда надо поразмыслить, что мы сами можем здесь предпринять.

— Честно говоря, я даже ума не приложу, что нам делать,— со вздохом призналась Гвен.— Давайте еще раз внимательно осмотрим всю комнату. Вдруг на глаза попадется все же какая-нибудь вещь, которую мы сможем использовать. Ну-ка, Нэнси, не смей раскисать! Я хочу снова видеть свою маленькую дочку Эми. А у

тебя, кроме отчима, есть еще мать, которая по-прежнему любит и ждет тебя. Ты не забыла о ней?

Но Нэнси ничего не ответила. Вместо этого она снова начала молиться, но теперь, чтобы не досаждать Гвен, делала это молча, даже не шевеля губами. Постынное повторение одних и тех же слов отвлекало ее от окружающего мира, и ей даже начало казаться, что умирать не так уж и страшно, потому что никому она особенно не нужна, и никто не позаботится о том, чтобы она выжила. Все потрясения последних дней окончательно сломили ее.

— Послушайте, а там под стулом случайно не шпатель валяется? — вдруг встрепенулась Шарон.

Они с Гвен придвинулись к краям своих клеток и начали жадно всматриваться туда, куда указывала сейчас самая младшая из девушек. Нэнси даже не шевельнулась.

— По-моему, так и есть, — убежденно произнесла Шарон, разглядев инструмент здоровым глазом. Ее клетка стояла к нему ближе всех остальных.

— Снимай бюстгальтер! — приказала Гвен и, заметив на лице Шарон недоумение, тут же пояснила: — А я сниму свой и передам тебе. Ты свяжешь их вместе и попытаешься выудить ими шпатель из-под стула и подтащить его ближе, чтобы можно было дотянуться рукой. Поняла?

Шарон все еще сомневалась.

— Он далеко лежит? — нетерпеливо спросила Гвен.

— Футов пять, а может, четыре... Но я могу ошибаться, потому что не очень хорошо вижу одним глазом.

— Пожалуй, ты права, — с сожалением вздохнула Гвен. — Не меньше четырех футов. Нужно что-нибудь длинное и желательно жесткое. Но все равно попробовать не мешает — мы ведь при этом ничего не теряем.

Девушки быстро сняли бюстгальтеры, и Гвен со второй попытки просунула свой в клетку Шарон. Та связала их вместе и сделала на одном конце что-то вроде петли. Но прутья клетки были настолько частыми, что между ними едва проходили пальцы, и это сильно затрудняло движения, поэтому высунуть свое приспособление наружу Шарон удалось далеко не сразу. Но наконец лифчики оказались на полу рядом с клеткой, и она принялась изо всех сил дуть на них, чтобы пододвинуть

поближе к шпателю. Однако ткань была достаточно плотной, и как ни старалась бедная девушка, ее попытки оказались тщетными.

— Вот проклятье! — выругалась она и в изнеможении спустилась на пол клетки, совершенно выбившись из сил.

— Ну, ничего. По крайней мере ты хоть что-то попробовала, — успокаивала ее Гвен, лихорадочно соображая, что можно еще придумать, чтобы добраться до заветного шпателя.

И вдруг раздался страшный стук в подоконник. Шарон оглянулась и отчаянно завизжала. У Гвен тоже от неожиданности чуть не вырвался вопль. Она увидела эдугловатое красное лицо Сайруса, прижатое снаружи к пыльному стеклу их окна. Он кривлялся и хихикал, наслаждаясь видом полубнаженных девушек. Они сразу же набросили на плечи свои ветхие одеяла. Но Сайрус еще долго стоял у окна, колотя в стекло и указывая на них пальцем. При этом он перепачкал себе все лицо, так как постоянно жался к невымытому Бог знает сколько стеклу.

— Он сюда не войдет, — подумав немного, сказала Гвен. — Скорее всего ключи ему просто не доверяют.

Сайрус не отводил взгляда от девушек, а из открытого рта у него капала густая слюна, оставляя грязные разводы на стекле.

Нэнси не переставала молиться, надеясь этим хоть как-то заглушить свой панический страх. За все это время она даже не пошевелилась.

— Он такой страшный! — испуганно прошептала Шарон, и ее всю передернуло от отвращения. Девушка отвернулась от окна в надежде, что когда урод поймет, что на него не обращают внимания, ему надоест так стоять, и он удалится. Гвен сделала то же самое, и это возымело на Сайруса действие. Когда, наконец, девушки осмелились вновь взглянуть на окно, их ожидания оправдались: страшное лицо исчезло.

Шарон просунула Гвен назад ее лифчик, и они снова оделись. Теперь в полной тишине каждая из них искала про себя выход, напряженно думая, как еще можно ухитриться победить безнадёжность их положения. Время от времени они с тоской посматривали на спальный шпатель, лежащий на каменном полу всего в

каких-то четырех футах от крайней клетки. Кроме этого инструмента, ничего подходящего в комнате, кажется, не было. Хотя и он был для них почти бесполезен.

«В конце концов это же не оружие!» — решила про себя Шарон.

Но Гвен и не собиралась им защищаться или тем более нападать, если бы удалось его все же достать. Она считала, что с помощью шпателя можно попробовать расшатать замки клеток.

* * *

Следующие два часа до них непрерывно доносились снаружи звуки топора и пилы. Сайрус трудился в поте лица: ему предстояло сколотить целых три гроба.

Глава тринадцатая

Около полудня в пятницу Мэрган Дрей уже въезжал в тихий маленький городок под названием Вишневая Горка. Здесь он сбавил скорость и начал озираться по сторонам в поисках какого-нибудь кафе и мотеля. В двух предыдущих он выяснил, что свободные номера давно уже забронированы, а все прочие заведения, включая рестораны и бары, были закрыты с двенадцати до трех часов в честь того, что две тысячи лет назад как раз в это время распинали Христа. Этот город, судя по всему, был настоящим оазисом поклонников Библии.

В тщетных поисках теперь уже хоть какой-нибудь открытой забегаловки профессор промучился почти до двух часов. Пешеходов на улицах было мало, зато Морган успел заметить в городке весьма значительное количество машин с номерами из самых разных штатов страны. Сначала все это показалось ему довольно странным, но, поразмыслив немного, Дрей решил, что, очевидно, рассказы Синтии о ее «службах» не были совсем пустой болтовней. Об этом говорили и забытые до отказа гостиницы, где номера заказывались уже за несколько дней, и все эти неездешние машины, которые явно не случайно приехали в это Богом забытое селение. Просто так здесь не могло появиться сразу столько туристов, решил Морган. Видимо, не зря Синтия так гордилась своими ежегодными сборищами.

Уже на выезде из городка, он приметил захудалый

мотель под названием «Боб и Дот», представляющий собой десяток нелепых хижин, выстроенных вдоль дороги в каком-то совершенно неведомом профессору архитектурном стиле. По соседству с мотелем располагался небольшой бар с тем же названием. Никакой конторки поблизости видно не было, и Морган решил, что гости записываются здесь прямо у бармена. Возле шести домиков, уже стояли машины, причем четыре из них — из других штатов, но в остальных коттеджах вполне могли найтись свободные места. Чтобы окончательно выяснить это, Морган вышел из машины и направился в бар. Посмотрев на часы, он с тоской отметил, что ему придется ждать еще почти целый час, прежде чем он сможет съесть пару гамбургеров и выпить чашку крепкого черного кофе, если, конечно, эти Боб и Дот тоже строгих правил и соблюдают все обычаи страстной пятницы.

Внутри не оказалось никого, кроме бармена, — сердитого старика с кислой миной и в майке с изображением развеселого Мики-Мауса. Бармен читал за стойкой газету и казалось, что больше ничего в этом мире его не интересует. Как только Морган вошел в бар, тот взглянул на большие настенные часы и, буркнув: «До трех не обслуживаем», — окинул профессора таким презрительным взглядом, словно тот решился на смертный грех, задумав поесть в неурочный час.

— Я бы хотел снять у вас номер, — робко произнес Дрей, боясь еще сильнее рассердить бармена и не желая вступать с ним в конфликт. — Если, конечно, это возможно...

Мужчина фыркнул.

— А что же тут невозможного? — Он скривился. — Вы что, когда подъезжали, не видели табличку, что есть свободные места? — И он с досадой хлопнул ладонью по стойке.

— Да, я заметил ее, но, к сожалению, такие вывески иногда не совсем соответствуют действительности... — попытался оправдаться Морган.

— Десять долларов в сутки, мистер, — мрачно произнес бармен. — А не нравится — валите дальше.

— Меня это устраивает, — тут же согласился профессор и, выложив деньги, получил взамен ключ от шестого номера.

Он хотел было спросить, можно ли здесь потом будет пообедать и заказать кофе, но передумал, решив поскорее избавиться от общества этого сердитого старикана. Заметив на стене меню, он вычитал в нем названия нескольких вполне аппетитных блюд, вроде свиного рагу и жареных цыплят, и решил оставить себе надежду, что после трех все это можно будет отведать.

Морган припарковал машину возле шестого коттеджа и, отперев дверь, к своему удивлению, обнаружил, что внутри домик вполне прилично обставлен. Кровать была застлана чистым накрахмаленным бельем, а рядом на тумбочке даже стоял цветной телевизор. В ванной имелось большое зеркало и душ, который сейчас интересовал Моргана сильнее всего.

Закинув чемодан на кровать, он разделся и долго стоял под струями горячей воды. Все это время он опять думал о Синтии. Теперь, когда он оказался возле самого ее поместья, все путешествие до Вишневой Горки казалось Моргану полной дичью и сущим мальчишеством с его стороны. Наверное, теперь ему следует пообедать, отдохнуть здесь, переночевать, раз уж он все равно заплатил вперед, да и смыться себе тихонько назад в Нью-Йорк, и никому никогда не рассказывать об этой идиотской поездке. А про Синтию забыть раз и навсегда. Ведь узнай кто об этом — его бы просто на смех подняли. И в первую очередь, сама Синтия, если бы им вдруг пришлось все же встретиться. И чего он вообще ожидает? Что она без памяти влюбится в него?.. Такое бывает только в кино. А в реальной жизни столь безнадежные увлечения оказываются полным разочарованием, разбитым сердцем и глубокой депрессией. А своровать невесту прямо у алтаря может только Дастин Хоффман в известной киноленте «Выпускник». Но в то же время Морган прекрасно понимал, что никуда уже он отсюда так просто не уедет. Он привык пробовать все до конца, чтобы потом можно было со стопроцентной уверенностью сказать себе, что затея была абсолютно невозможной. Но для этого сперва надо перебрать все средства. Все-таки он был ученым, любил докапываться до мелочей, подвергать все сомнению и размышлять логически. Хотя в личной жизни он частенько оказывался в плену страстей, не поддающихся никаким разумным объяснениям. И бороться с ними он не умел. Иногда он оправды-

вал это тем, что такие порывы как раз и свойственны всякому нормальному человеку, пусть даже не идеальному, а с недостатками, каким ему, собственно, и полагается быть... Его не очень-то привлекали люди, которые всегда мыслят трезво и не способны ни на какие авантюры.

Пару дней назад он, как и собирался, напился до свинского состояния в баре возле магазинчика Синтии, а потом зачем-то уступил уговорам первой попавшейся проститутки, решив, что это только пойдет ему на пользу в качестве своеобразной психотерапии. Он провел с ней всю ночь, а затем, мертвецки пьяный, так и заснул в ее кровати, считая, что тем самым ему удастся искоренить свою безумную страсть или хотя бы заглушить нелепое желание проделать шестьсот миль до поместья Синтии, куда она его, собственно, никогда и не приглашала. Проснувшись, он обнаружил, что проститутка уже ушла, а он остался в гостиничном номере наедине со своим похмельем и все тем же желанием увидеть Синтию. Убедившись в бесполезности борьбы с собой, он наспех набил желудок блинчиками, пришел в себя с помощью пинты крепчайшего кофе и к вечеру уже проехал всю Пенсильванию.

Прошлую ночь он провел уже в одном из отелей Западной Виргинии, а сегодня преодолел последние двести миль до Вишневой Горки. Морган настолько измотался в дороге, что нервы его были уже на пределе, да еще, как назло, снова стали мучить сомнения, чем может закончиться вся эта безумная затея. К тому же он так и не сумел выяснить точное расположение поместья Синтии. В одной из солидных гостиниц, где он тщетно пытался взять номер, ему удалось отыскать старый телефонный справочник. Однако ее фамилии он там не обнаружил. Значит, оставался последний путь: дожидаться трех часов, хорошенько освежившись пока под душем, а потом плотно перекусить и начать спрашивать о ней местных жителей, полицейских, торговцев и владельцев ресторанов.

Он лег на кровать прямо в майке и шортах, включил телевизор и тут же задремал, а когда проснулся, обнаружил, что времени прошло уже больше, чем он хотел — стрелка приближалась к четырем. Морган быстро натянул свитер и брюки, тщательно причесался и направил-

ся в бар, который был уже битком набит посетителями. Внутри приятно пахло кофе, дыплятами-гриль и жареным картофелем. Старого бармена, который вручил ему ключи от номера, теперь не было видно, а за стойкой возвышался совсем молоденький парень, к которому уже выстроилась очередь из шести человек. Почти все столы и кабинеты были заняты, а из автомата неслась оглушительная музыка в стиле «кантри»

Морган устроился за стойкой бара между двумя благообразными джентльменами, рассчитывая, что хотя бы с одним из них сумеет завести разговор и расспросить его обо всем, что ему нужно. Тем более что оба мужчины никак не походили на местных жителей. Скорее всего они приехали сюда на службу Синтии и тоже были из ее секты. Ну а коли так, уж они-то наверняка знают, как добраться до поместья Барнс.

К Моргану подошел бармен и принял у него заказ на дыпленик с картофелем и черный кофе. Конечно, этого было многовато — профессор не привык есть так плотно, но он рассчитывал, что если долго просидит в этом баре, то ему может повезти хоть краем уха услышать что-нибудь насчет предстоящей службы у Синтии и, таким образом, побольше узнать о ней. Пытаясь вести себя как можно скромнее и не привлекать внимания, он начал незаметно для окружающих рассматривать посетителей бара. С виду все они казались обыкновенными людьми, если не вспоминать, что по крайней мере половина из них в душе считает себя колдунами и ведьмами и слепо верит во всякую чепуху. Хотя возможно, что эти фантазии у них зашли еще не слишком далеко и пока вполне безобидны. Но так могло казаться лишь на первый, самый поверхностный взгляд. У Моргана же на этот счет было совсем другое мнение: он считал, что все подобные измышления весьма опасны как для самих этих «колдунов», так и для окружающих. Потому что подобная вера вела как минимум к развитию невроза, а в худших случаях превращала человека в больного тяжелой шизофренией. Потому-то он и боялся, что Синтия слишком далеко зайдет в своих заблуждениях и спасти ее будет не под силу даже самым опытным специалистам.

Когда бармен наконец вернулся с подносом, Морган спросил его нарочито громко, чтобы это было слышно хотя бы двоим его соседям за стойкой:

— Послушайте, приятель, а вы, случайно, не знаете здесь молодую симпатичную женщину по имени Синтия Барнс?

— Нет, а что? — невозмутимо ответил бармен.

Молодой человек ответил настолько спокойно и искренне, что Морган даже не усомнился: этот не врет. Зато ему показалось, что разговор за соседними столиками стих, словно все, кто услышал его вполне невинный вопрос, сразу насторожились.

— Видите ли, я еду издалека и не знаю точно, как добраться до ее дома, — продолжал профессор все так же громко.

— Что-то я не припомню в городе ни одного Барнса, — задумчиво произнес бармен. — Хотя, возможно, я и ошибаюсь. Фамилия-то довольно незатейливая. Но ничего на ум не приходит. Городок наш маленький, и я тут, в общем-то, многих знаю. У нас же здесь, как в деревне — все со всеми знакомы...

— А может быть, это где-нибудь за городом? — не отставал Морган.

— Не исключено. Но боюсь, что ничем не смогу вам помочь... Может быть, желаете еще чашечку кофе?

Морган утвердительно кивнул, и бармен наполнил его чашку дымящимся ароматным напитком. И снова профессору показалось, что хотя разговор между посетителями бара идет своим чередом, все они будто слегка притихли и теперь ведут себя как-то натянуто. Конечно, Моргану с трудом верилось, что его вопросы могут вызвать в зале такую реакцию, но все же... Хотя, может быть, у него просто разыгралось воображение? Он ведь сейчас взведен до предела, так что может померещиться что угодно, и доверять своим чувствам в таком состоянии никак нельзя. Он не спеша размазал масло по булочке, откусил кусочек, а потом взял вилку и принялся за цыпленка.

— Простите, сэр, — неожиданно обратился к нему сосед справа. — А можно мне поинтересоваться, как вам удалось познакомиться с Синтией Барнс?

Повернувшись, Морган увидел возле себя худощавого невысокого человека с усталыми глазами, аккуратно подстриженными усиками и идеально уложенными волосами, зачесанными на косой пробор. Он был в белоснеж-

ных брюках, такой же рубашке и белых лаковых туфлях. Поверх рубашки на мужчине был накинут голубой спортивный пиджак. Морган заметил, что на одной руке у него красуются дорогие золотые часы, а на другой — огромный и тоже золотой браслет. Весь его вид показывал, что это весьма состоятельный господин, умеющий одеваться не только дорого, но и с большим вкусом. Он походил на актера или врача, а может быть, просто играл врачей в телесериалах. Но на среднем пальце правой руки Морган, к своему удивлению, заметил у джентльмена необычный перстень в виде черепа, в глазницы которого были вставлены крошечные рубины.

— Я познакомился с Синтией в Нью-Йорке, — сообщил Морган. — Мы несколько раз встречались, подружились, и она рассказала мне, что у нее тут происходит кое-что интересное, а потом пригласила заехать.

— Интересно, тогда почему же вы не знаете ее адреса? — Мужчина улыбнулся, но Морган почувствовал, что этот господин шутить не намерен.

Напротив, он весь изогнулся и самым тщательным образом изучал теперь Моргана, будто пытался прочесть его мысли.

Но так как профессор уже соврал, сообщив, что приглашен на Пасху к Синтии, он решил, что лучше всего будет продолжать врать и дальше:

— Она дала мне свой адрес как раз перед тем, как закрыть на праздники свой магазинчик в Гринвич-Вилледж. Понятия не имею, как меня угораздило потерять этот драгоценный листочек. А номера ее телефона я даже не спрашивал, хотя потом оказалось, что в справочнике его нет. Но я все равно решил приехать. Мне не хочется ничего пропускать. Она все так красочно мне описывала!..

— Значит, вы бывали у нее в магазине?

— И не один раз.

Джентльмен снова улыбнулся.

— Так, стало быть, вам приходилось покупать у нее реторту? — спросил он, но с такой странной интонацией, будто ответ не имел для него никакого значения, а вопрос был задан просто из вежливости.

— Нет, Синтия разрешила мне сфотографировать некоторые из них, не обязывая покупать, — пояснил Морган. — Для моей книги.

Сосед обдумал и этот ответ, а потом, наконец, протянул Моргану руку:

— Меня зовут Гарви Бронсон. А это мой приятель Джон Logan. Мы оба — хиропрактики из Огайо.

— Очень приятно, Морган Дрей. Антрополог.

Джон Logan оказался коренастым мужчиной небольшого роста. Его нельзя было назвать толстым, хотя сложен он был весьма плотно и одет так же роскошно, как и его друг Гарви Бронсон. Пожимая Моргану руку, Logan улыбнулся.

— Я думаю, вы простите нашу осторожность. Теперь мы знаем, что вы наш друг и единомышленник, и с удовольствием проводим вас до поместья Барнсов. Поездка вам понравится: тут прекрасные места, и ехать совсем недалеко — миль пятнадцать, не больше.

— О, ну раз это не совсем рядом, я лучше поеду за вами на своей машине, — спохватился Морган, решив про себя, что так ему будет гораздо удобнее. Если Синтия не захочет его присутствия в своем доме, то он сможет тут же спокойно уехать.

— Да, пожалуй, вы правы. Так будет удобней, — согласился Бронсон. Потом он позвал бармена, заказал коктейли себе и приятелю и предложил Моргану присоединиться к ним, но тот отказался, заверив новых знакомых, что ему вполне достаточно черного кофе.

— Страдаете похмельем? — догадался Logan и понимающе улыбнулся.

— Вы просто ясновидящий! — польстил ему Морган и попытался улыбнуться в ответ.

Бармен подал коктейли, и Бронсон тут же расплатился с ним, вынув из толстого бумажника несколько банкнот.

— Простите, мне надо отлучиться, — сказал Logan и ловко спрыгнул с высокого табурета у стойки. Пружинистой походкой он двинулся через танцплощадку к большому круглому кабинету в дальнем конце бара, где расположилась целая компания каких-то веселых приезжих. Морган не сводил с него глаз, а Бронсон тем временем успел рассчитаться с барменом, оставив ему приличные чаевые. Logan подошел к седовласому господину, который, очевидно, в этой компании был за главного, о чем свидетельствовала его уверенная посадка и независимый гордый вид. При приближении Logana ста-

рик кивнул, таким образом здороваясь с ним, а потом Логан наклонился к нему и о чем-то быстро заговорил. Старик отвечал, но они находились слишком далеко от Моргана, чтобы тот смог догадаться, о чем идет речь. Когда Логан высказался, старик снова стал что-то говорить, и теперь по выражению его лица Моргану показалось, будто тот отдает Логану какие-то приказы. Взгляд у старика был такой, словно он даже не сомневался, что все, о чем он сейчас повелевает, будет выполнено беспрекословно.

— Те люди в кабинете — тоже наши друзья, — пояснил Гарви Бронсон. — Вы с ними познакомитесь немного позже... — При этих словах глаза его заблестели. — А тот человек, с которым сейчас разговаривал Джон — совершенно необыкновенный! Это владелец похоронного бюро Стэнфорд Слэйтер. Он из Сан-Франциско. Наверняка вы о нем уже слышали.

— Что-то не припомню такого имени, — скромно признался Морган, втайне надеясь, что такой ответ не был роковой ошибкой.

Бронсон продолжал не спеша попивать свой коктейль, а тем временем Логан уже вернулся к стойке и снова взгромоздился на табурет.

После этого, казалось бы, вполне обыденного происшествия у Моргана возникло чувство, что его и впрямь окружают сплошные ведьмы и колдуны. И даже подумалось, что Американская ассоциация хиропрактиков, имея в своих рядах таких членов, как Логан и Бронсон, с их фантазиями о колдовстве, становится похожей на группу ядерных физиков, которые возомнили себя алхимиками и теперь ищут философский камень с помощью атомной бомбы.

Наконец Морган покончил с дыпленком, картофелем и уже остывшим кофе. Повернувшись к Бронсону, он как бы невзначай спросил:

— А когда мы выезжаем?

— Я уже готов, — ответил Бронсон. — А ты, Джон?

— Сразу, как только допью вот это. — Он указал на свой коктейль.

Морган бросил взгляд в дальний угол бара и заметил, что глава группы, владелец похоронного бюро Стэнфорд Слэйтер и вся его свита уже встают из-за столиков.

— А они тоже приедут к Синтии? — поинтересовался он.

— Разумеется, — бодро ответил Бронсон. — Мы все туда едем!

— Ну и толпа же там соберется — не продохнуть! — попытался пошутить Морган.

— А вы, наверное, и впрямь считаете, что все это довольно глупо?.. — ответил Бронсон и оценивающе посмотрел на своего собеседника.

Это был одновременно и вопрос, и обвинение, и Морган не смог найти нужных слов, чтобы ответить ему.

— Да вы не беспокойтесь, — дружелюбно улыбнулся Бронсон. — Некоторые из нас тоже не воспринимают это всерьез. Но все равно зрелище потрясающее, верно? Это напоминает мне средневековую терапию, когда всего раз в году организм человека очищался сразу от всей грязи, что успела накопиться за прошедшее время. Нам нужны такие эмоциональные взрывы... Ну по крайней мере некоторым из нас. Ведь двадцатый век заставляет каждого быть рациональным, сдержанным и всегда держать себя в рамках всяких ограничений. Возьмем, к примеру, хотя бы меня: вы даже не представляете, сколько пациентов мне приходится принимать в течение года; и иногда у меня просто возникает желание сломать им шею.

— Да, я с вами вполне согласен. Зрелище предстоит действительно незабываемое, — ответил Морган, с недобрим предчувствием вообразив себе, что за ужасы ему придется созерцать.

— Ну, конечно, вы знаете, что Синтия считает себя верховной жрицей, — вмешался в разговор Логан. — А мы будто бы ее почитатели и верные послушные ученики... Но на самом деле именно мы вдохновляем ее на новые подвиги. Ведь как раз из-за таких, как мы, она смогла полностью подчинить себе своих же собственных братьев.

— Некоторые из нашей компании действительно не верят в ее фантазии, — подхватил Бронсон. — Но самое главное, что в это верит сама Синтия. И большинство из тех, кто будет присутствовать на службе. А остальные просто позволяют себе расслабиться раз в году и понаблюдать этот грандиозный спектакль. Ну, это что-то вроде такой банальной ситуации, когда верная жена-

домохозяйка вдрызг напивается, чтобы потом изменить мужу с молочником.

— Держу пари, что этот уик-энд вам надолго запомнится,— заключил Логан, вставая из-за стойки.— Это уже чувствуется прямо в воздухе. Я тоже ни за что бы не отказался пропустить такое.

— А где ваша машина? — поинтересовался Бронсон.

— На стоянке у шестого коттеджа,— сообщил Морган.

— Ну что ж, я думаю, вы уже решили погостить с нами у Синтии? Она возражать не станет... Вы будете готовы ехать через полчаса?

Морган ответил утвердительно. Ему приятно было узнать от Логана о возможности остаться в доме Синтии. Это вселяло надежду, что, может быть, он поступил правильно, решив все же проделать столь неблизкий путь в это место. Ну, а если его романтические ожидания не оправдаются, он по крайней мере наберет отличного материала для своей будущей книги.

* * *

Следуя почти вплотную за серебристым «кадиллаком» Бронсона, Морган Дрей въехал, наконец, на гравиевую дорожку, ведущую прямо в поместье Барисов. Перед домом уже стояло несколько дорогих автомобилей, самых престижных последних моделей. Захлопнув дверцу своего старенького потрепанного «плимута», он с удивлением стал рассматривать дом. Моргану даже в голову не приходило, что Синтия может обитать в таком замке. Но вот на пороге показалась и сама хозяйка. Она стояла неподвижно, и по лицу ее Дрей никак не мог определить, рада она его видеть или, наоборот, сердится, что к ней явился незванный гость. На Синтии было великолепное белое платье, и смотрелась она, как настоящая волшебница у белоснежных колонн своего дворца.

— Привет! — тихо произнес Морган, будто Синтия была каким-то призраком и могла в любой момент раствориться, если звук его голоса станет чуть громче.

— А, это вы, Морган... — безразлично кивнула Синтия и протянула ему свою нежную изящную руку, когда он, точно на крыльях, взлетел по лестнице к парад-

ному входу. За открытыми дверями Морган увидел хорошо освещенный холл и сразу понял, что его приезд не был для Синтии полной неожиданностью. В доме уже находился Стэнфорд Слэйтер, очевидно, успевший перекинуться с хозяйкой парой слов и сообщить ей, что в их компании ожидается пополнение в лице профессора Дрея.

После этого она поздоровалась с Бронсоном и Логаном и пригласила всех внутрь.

— Проходите, пожалуйста, располагайтесь и присоединяйтесь к остальным,— вежливо предложила Синтия.— Отдохните с дороги и попробуйте моего вина.

Моргану почему-то сразу показалось, что с двумя хиропрактиками она была намного вежливей и ласковее. Видимо, их приезд обрадовал Синтию куда больше, чем появление здесь самого Дрея. Но вскоре он выкинул из головы эти мысли, вновь сославшись на свое не в меру разыгравшееся воображение. А может быть, он просто начал уже ревновать ее ко всем гостям...

Проходя в гостиную, он снова встретился с ней взглядом, пытаясь определить, насколько точно ему удалось разгадать чувства Синтии по поводу его приезда. Но лицо ее оставалось непроницаемым и бесстрастным, и он снова не сумел ничего понять. После этого настроение Моргана сразу резко упало. Может быть, она и вправду не рада его приезду, но вдруг ей все-таки просто хочется немного помучить его, как это часто делают симпатичные молодые женщины?..

Морган терялся в догадках. Синтия вела себя уверенно и сразу дала ему почувствовать, что она и есть настоящая хозяйка этого дома и глава всей собравшейся здесь компании, к которой он — Морган Дрей — не имеет ни малейшего отношения и является тут, в сущности, чужаком. Она даже не потрудилась представить его остальным гостям. Правда, через пару минут к нему все же подошел высокий красивый мужчина в голубой «тройке» и предложил стакан легкого красного вина.

— Меня зовут Льюк Барнс,— представился он.— Я старший брат Синтии.

— Очень приятно познакомиться,— обрадовался профессор, счастливый от того, что его одиночество нарушил хоть один внимательный человек из этого странного сборища.— А я — Морган Дрей.

— А-а, ну как же! — весело протянул Льюк. — Вы, очевидно, и есть тот самый джентльмен, который до безумия влюблен в мою сестру, верно? — И на лице Льюка появилась злорадная усмешка, как у школьника, которому удалось подшутить над одноклассником. Теперь его лицо показалось Моргану уже не красивым, а скорее дьявольским.

Не ожидая таких слов от этого вежливого с виду господина, Морган растерялся, не в силах найти достойного ответа, а ухмылка Льюка становилась тем временем все шире. В конце концов, заметив крайнее недоумение на лице профессора, старший брат Синтии разразился громовым хохотом.

А потом неожиданно развернулся и зашагал прочь, оставив Моргана посреди комнаты в окружении совершенно незнакомых ему людей. Теперь несчастному профессору оставалось только догадываться, насколько громко была произнесена эта злая шутка, и все ли присутствующие ее расслышали.

Стараясь не показывать своего смущения, Морган направился в другой конец комнаты, чтобы не стать ненароком объектом еще какого-нибудь издевательства. Здесь он выпил сразу полстакана вина, рассчитывая на то, что если немного опьянеет и сумеет расслабиться, то подобные замечания перестанут казаться ему настолько обидными.

Бронсон и Логан, видимо, хорошо были знакомы с остальными — они непринужденно переходили от одной группы беседующих к другой, и везде их принимали весьма приветливо. Словом, эти двое здесь чувствовали себя, как рыба в воде. Синтия разговаривала о чем-то с владельцем похоронного бюро, который величественно восседал сейчас в огромном кресле, обитом бархатом с веселым цветочным рисунком. Складывалось такое общее впечатление, что здесь собрались на вечеринку старые добрые друзья, ведущие непринужденные разговоры на самые обыденные темы. И только интуиция подсказывала Моргану, что это далеко не так — в воздухе сгустилась тяжелая зловещая аура, но понять до конца сущность этого зла он никак не мог, хотя и старался. И вновь профессор отбросил прочь эти мысли, считая, что становится чересчур уж мнительным, видя в каждом присутствующем злодея и сумасшедшего. Един-

ственное, чего ему хотелось сейчас больше всего, это остаться каким-нибудь образом наедине с Синтией и поговорить с нею с глаза на глаза. Может быть, тогда его подозрения рассеются и все встанет на свои места.

Но, как известно, под лежащий камень вода не течет. Поэтому Морган поднялся со стула, на котором успел уже удобно устроиться, и двинулся в гущу гостей с твердым намерением начать знакомиться с ними первым и постараться найти общий язык. Потягивая вино, он уверенно направился через всю комнату туда, где Синтия беседовала сейчас со Стэнфордом Слэйтером. Правда, к ним уже успели присоединиться и еще несколько гостей. Но тут, как назло, на полпути его остановил Гарви Бронсон, который был уже изрядно «под мухой».

— Вы не находите, что местность здесь просто великолепная? — заплетающимся языком спросил он.

— Да, действительно, воздух прямо-таки божественный, — не смог не согласиться с ним Морган.

— Да нет, я совсем не про то, — сердито буркнул в ответ Бронсон. — Я хотел сказать, что отсутствие цивилизации благотворно действует на нервную систему. Да и свободы гораздо больше. Тут можно запросто совершить убийство, и вас никто не найдет... Позвольте, Морган, я налью вам еще вина. — Он достал из буфета большой хрустальный графин, наполнил стакан Моргана почти до краев и, даже не извинившись, удалился в другой конец комнаты, приветливо улыбаясь молоденькой девушке, которая успела уже занять стул, освободившийся после Дрея.

Морган застыл на месте, обескураженный столь странным заявлением Бронсона, и продолжал наблюдать за гостями, мучительно стараясь понять, что за безумную компанию собрала у себя Синтия. В какой-то момент ему захотелось даже потрясти головой и сбросить с себя все это дьявольское наваждение — мысль о том, что здесь сейчас собрались люди, вообразившие себя ведьмами и колдунами, была для Моргана просто убийственной. Ведь все это происходило не где-нибудь, а в самой что ни на есть цивилизованной стране мира. И в большинстве своем собравшиеся были весьма respectable и состоятельными господами. Одетые по по-

следней моде, воспитанные и, судя по разговорам, с приличным образованием — почему они обратились к колдовству?! Это казалось профессору чистым безумием, и он не мог найти ему объяснения.

Сейчас гости вели друг с другом милые беседы за сигаретами и легким вином — кто о политике, кто об искусстве, спорте, путешествиях и даже о проблемах борьбы с инфляцией в странах третьего мира. Правда, все разговоры были довольно серьезными, никто почему-то не шутил, и смех здесь почти невозможно было услышать. А если кто-то и хихикал время от времени, то этот смех казался Моргану злым и неестественным — вроде того, что он слышал от Льюка, когда тот так «удачно» подшутил над профессором.

Как же ему вытащить Синтию из этого болота, которое засасывает ее все глубже с каждым часом?..

И тут, будто догадавшись, что Морган думает сейчас о ней, Синтия, закончив, наконец, свой разговор со Стэнфордом Слэйтером, дружелюбно улыбаясь, направилась прямо к Дрею. Он надеялся, что она уже простила его за то, что он так некстати появился в их дружной компании и второй раз извиняться за это ему не придется. Конечно, Моргану хотелось побыть с ней наедине, но при таком скоплении гостей это вряд ли было возможно. Но хотя бы на то, что никто третий не подойдет к ним и не станет вмешиваться в их разговор, он все же надеялся.

— Извините, что я обошлась с вами немного прохладно, — прошептала Синтия, — но я ведь не приглашала вас... И даже ума не приложу, почему вы все-таки отважились навестить меня.

— Я просто хотел вас видеть, — без околичностей признался профессор. — И у меня не было никаких планов на выходные. А потом мне пришло в голову, что вы, возможно, разрешите мне сфотографировать ваши службы, о которых с такой гордостью рассказывали в Нью-Йорке. — Он улыбнулся, пытаясь завоевать ее доверие и не казаться назойливым.

— К сожалению, мама этого ни за что не разрешит, — покачав головой, твердо произнесла Синтия. — А если уж говорить начистоту, то она не позволила бы вам и приезжать сюда, если бы знала об этом заранее. Ведь вы для нас не единомышленник, а чужой. Зачем

вам понадобилось сюда ехать? Чтобы осквернить нашу веру?

— Как это — осквернить? — изумился Морган.

Тут вся напыщенность и хладнокровие разом покинули Синтию, и их место заняла самая настоящая ярость.

— Разумеется, осквернить! — выпалила она. — А как, по-вашему, это еще можно назвать?!

Он протянул к ней руку, но Синтия резко отпрянула, гневно сверкая полными ненависти глазами. Морган хотел было высказать свое удивление столь неожиданной вспышкой злобы, но потом передумал и промолчал. Зато теперь ему стало ясно, что будет очень непросто пошатнуть ее ложную веру, раз уж она зашла в своих заблуждениях так далеко. Единственный способ сделать это — ни в коем случае не торопиться, а действовать постепенно, шаг за шагом... Может быть, даже прикинуться, что он тоже начинает верить в ее сверхъестественные силы и возможности... А там, глядишь, она и сама возьмется за ум. Ведь девушка была неглупая и при определенных обстоятельствах вполне может поставить под сомнение все эти вымышленные чудеса, которые она якобы совершает. Пожалуй, это самый правильный путь, решил Морган.

— Пожалуйста, простите меня, — дипломатично начал он. — Но я вовсе не хотел оскорблять вас или тем более переубеждать. Это было бы просто нелепо с моей стороны! Может быть, мне следует постараться понять вас, посмотреть на вещи вашими глазами, и тогда мне многое откроется? Я действительно хочу этого, но и вы должны мне помочь...

— Дело не во мне, — все еще с досадой в голосе ответила Синтия. — А в моей маме.

— А можно мне лично поговорить с ней и попросить разрешения остаться на службу? — с робким видом спросил Морган.

Как показалось Моргану, Синтия обдумывала это предложение явно дольше, чем оно того заслуживало, но наконец произнесла:

— Ну, хорошо. Я провожу вас к ней. Это наверху.

Вслед за Синтией профессор двинулся мимо многочисленных гостей к огромной лестнице с широкими гладкими перилами. Все взгляды собравшихся были устрем-

лены сейчас на них, а разговоры в гостиной мгновенно стихли. Когда они оказались на верхней площадке, у Моргана даже возникло ощущение, что внизу никого нет и дом совершенно пуст — такая тишина вдруг воцарилась в людной гостиной. Единственным звуком был скрип половиц, пока они шли по ступенькам, а потом дальше — по коридору второго этажа.

Синтия подошла к одной из комнат и, взявшись за ручку двери, толкнула ее.

— Мама, тебя хочет видеть один джентльмен, — сказала она и жестом пригласила Моргана войти внутрь.

Сделав всего один шаг по ворсистому ковру спальни матери, Морган неожиданно остановился. Глаза его расширились от ужаса, а из горла вырвался нечеловеческий вопль, удививший даже его самого: ведь до этого он никогда в жизни не кричал так пронзительно. Ничто, казалось, не могло до такой степени вывести его из себя. А Синтия в это время громко расхохоталась все тем же злобещим смехом, которым уже приветствовал сегодня Моргана ее старший брат Льюк. Этот смех подхватили оставшиеся внизу гости, и он волнами покатился по всему огромному дому.

Мерedit Барнс, мать Синтии, была мертва. Она сидела в кресле-качалке с раскрытыми глазами, и ее набальзамированное тело пребывало в состоянии глубокой восковой мумификации. Морган никак не мог сдержать своего дикого вопля ужаса — такой эффект произвело на него сделанное им жуткое открытие, состоящее в том, что мать Синтии была мертва уже несколько лет, и это окончательно подтверждало полное безумие ее дочери и всех собравшихся.

На лестнице раздались чьи-то шаги. Морган с огромным трудом заставил себя замолчать и бросился прочь из кошмарной комнаты. Он закашлялся и почувствовал подступающую тошноту. Теперь ему уже не хотелось быть рядом с Синтией — его пугало ее лицо, искаженное хищным зверским оскалом. Сейчас перед ним была одна цель — поскорее унести отсюда ноги: вырваться на свежий воздух, добежать до машины и гнать без оглядки из этого дьявольского поместья. Но в коридоре его тут же схватили сильные руки Льюка Барнса, за которыми стояли и двое других братьев Синтии — Сайрус и Авраам. Морган попытался сопротивляться, но это лишь

развеселило Барнсов. Они заломили ему руки за спину и, беспомощного и задыхающегося от ужаса, привели к Синтии, которая никак не могла остановиться от смеха.

Гости стали по одному подниматься вверх, и даже сам Стэнфорд Слэйтер, зловеще ухмыляясь и потирая руки, удосужился преодолеть высокую лестницу, чтобы лично заглянуть Моргану в глаза. Тут только Морган понял, что это именно Слэйтер сделал из мертвого тела миссис Барнс мумию.

— Ты, извращенец проклятый! — заорал на него Морган.

Ничего не ответив, Слэйтер размахнулся и влепил несчастному профессору звонкую оплеуху.

Рядом появились оба хиропрактика — Гарви Бронсон и Джон Логан со стаканами вина в руках.

— А я ведь так и знал, что его сюда не приглашали, — хвастливо сообщил Бронсон. — Он не ответил на пароль. Я спросил его, покупал ли он в магазинчике реторту, и уж не помню, что он там наплел мне в ответ, но, во всяком случае, совсем не то, что требовалось.

— Вот видите? — усмехнулся в лицо Моргану Стэнфорд Слэйтер. — Мы даже подыграли вам. Вы ведь хотели попасть к нам, если не ошибаюсь? Что ж: вот вы у нас в руках... Правда, теперь вам придется горько пожалеть о том, что вы явились туда, где вас никто не ждал.

Морган почувствовал на своем лице отвратительное дыхание Льюка, когда тот крепко ухватил его за горло.

— Ну, а теперь води себя тихо! — приказал Льюк. — И для тебя все покажется почти безболезненным. У нас хорошие специалисты, они все сделают очень быстро.

Джон Логан, невысокий мускулистый хиропрактик, выступил вперед:

— Положите его на пол, — велел он. — На живот. И держите покрепче.

Моргану ударили под колени, и он рухнул на пол, больно стукнувшись затылком, а трое братьев Барнс перевернули его на живот и стали держать, как это приказал им Логан. Морган почти не мог дышать и уж тем более двигаться: Барнсы навалились на него всей своей тяжестью — на руки, на ноги и даже на спину, словно

пригвоздив его тело к полу. Рядом сгрудились любопытные гости, начав перешептываться в ожидании расплаты за наглое вторжение профессора в их тесный круг.

«Неужели они сейчас убьют меня?» — промелькнуло в голове Моргана Синтию он не видел, так как братья крепко удерживали его голову, уткнув лицом в пыльный ковер.

Джон Логан поставил полупустой стакан на перила лестничной площадки и присел на корточки рядом с Морганом. Профессор почувствовал, как крепкие руки схватили его за голову, а потом Логан рывком крутанул ему шею, и Дрея пронзила страшная боль, которая, однако, почти сразу прошла, и за это он был благодарен хиропрактику. Потому что если бы эта боль продлилась хотя бы несколько секунд еще, он наверняка не выдержал бы и потерял сознание.

Правда, теперь Морган осознал, что потерял вообще всякую чувствительность ниже шейных позвонков.

Очевидно, у него наступил временный паралич. Льюк, Сайрус и Авраам перекатили его на спину, и он увидел их всех: Синтию, Слэйтера, Бронсона и других гостей. Все они злобно усмехались.

И только тогда до него дошло, что они сотворили с его телом. Осознав это, Морган чуть не лишился рассудка. Избыток адреналина бушевал в его крови, мысли путались, и он никак не мог сосредоточиться. А тело лежало совершенно неподвижно, как мешок с мусором, приготовленный для выноса на помойку.

Он знал, что паралич, который способен устроить настоящий хиропрактик, — не временный — это навсегда. И понял, что никогда больше не сможет пошевелить ни туловищем, ни конечностями.

— Ну вот, теперь все в порядке. Мама разрешает вам присутствовать на наших службах, — сладчайшим голосом пропела Синтия. — Вам будет предоставлено место в самом лучшем ряду, в специальном кресле, потому что теперь мы можем быть твердо уверены, что вы никуда уж не сбежите, чтобы рассказать, что у нас здесь происходило.

Морган чувствовал, как по щекам его текут горячие слезы. Но больше нигде он не ощущал своего тела: ни рук, ни ног, ни даже кончиков пальцев.

Глава четырнадцатая

Перед самым заходом солнца Сайрус и Авраам направились через поле к часовне, чтобы как следует протопить ее. Основная часть церкви, где и происходили все службы, обогревалась большой старинной чугунной печью. А наверху, в бывшем кабинете дядюшки Сэла, где томились теперь три девушки, имелся небольшой электрический камин, который хоть и незначительно, но все же повышал температуру в комнате.

Авраам уже порядочно выпил, и теперь ему не терпелось поскорее вернуться в дом, где полным ходом шла вечеринка. Он открыл дверь часовни и пропустил внутрь Сайруса, который тащил в руках огромную охапку дров. Сайрус не решался пока подходить близко к клеткам с девушками, а любовался ими издалека, злобно ухмыляясь и поджидая, пока брат включит в их комнате электрокамин.

— Ну все, Сайрус, пошли отсюда, — наконец скомандовал Авраам. — Мне не очень-то хочется здесь задерживаться. — Он похлопал брата по плечу и вытолкал из кабинета, после чего они спустились в самую церковь растапливать печь.

— Что они собираются делать? — трепеща от ужаса, тихо спросила Шарон, с трудом приходя в себя после короткого визита братьев в их комнату.

— Наверное, будут печку топить, — прошептала Гвен. — Во всяком случае, я на это очень надеюсь, иначе мы все тут просто от холода околеем.

Нэнси ничего не ответила, хотя сейчас она не спала. Ей было холодно и страшно, и от этого никак не удавалось заснуть. Она укуталась в одеяло и поджала под себя ноги. Гвен и Шарон, тоже завернувшись в свои ветхие тряпки, сидели и смотрели друг на друга.

— Я очень боюсь этого большого уроды, — призналась Шарон.

* * *

Авраам раскрыл дверцу старой печи, и она противно скрипнула. Сайрус освободился от своей ноши, свалив все дрова на пол, а потом стал выбирать из кучи щепки помельче, чтобы легче было развести огонь.

— Нечего их разбирать, кидай все подряд! — потопрапливал его Авраам. — Мне тут некогда ждать, пока ты будешь возиться. Как получится — так и получится — ничего с нашими девицами не случится, если немного и померзнут. Все равно им недолго осталось ждать

Авраам предусмотрительно прихватил с собой небольшую канистру с бензином и теперь облил им дрова, которые Сайрус послушно заложил в топку. Дерево сразу же занялось. Помещение озарилось рыжими сполохами. Авраам нетерпеливо переминался с ноги на ногу — ему страшно хотелось поскорее опять очутиться в доме. Сайрус же смотрел на пламя как замороженный, и пляшущие огоньки отражались в его безумных глазах.

Наконец Авраам не выдержал:

— Ну ладно, Сайрус, ты тут оставайся и проследи, чтобы печка хорошо протопилась. К полуночи здесь должно быть уже тепло. Если огонь вдруг почему-то потухнет, иди за мной. Я буду в доме. Если все будет нормально, можешь запирать дверь и возвращаться. Я могу доверить тебе такое несложное дело?

Сайрус важно кивнул, давая этим понять брату, что он обязательно справится. Тут и волноваться нечего.

— Хорошо, — подытожил Авраам. — Но вообще, если тебе еще понадобится моя помощь, то постарайся, чтобы ни Синтия, ни Льюк об этом не узнали. Ты меня понял?

Сайрус послушно закивал головой. А потом снова устоялся на огонь и стал ждать, пока брат, уверенный, что Сайрус сделает все правильно, выйдет наконец из часовни. Вспомнив о запертых в кабинете девушках, дебил радостно улыбнулся.

* * *

Увидев в дверях Сайруса, приоткрывшего рот в предвкушении удовольствия, Шарон пронзительно завизжала.

— А ну-ка, убирайся отсюда! — прикрикнула на него Гвен. — Пошел вон! Кому говорю!

Сайрус слегка пригнулся, не ожидая встретить от пленницы такого отпора, и на лице его отразилась нере-

шительность и даже сомнение, стоит ли ему вообще с ними связываться. И вдруг внимание его привлек какой-то блестящий предмет на полу. Им оказался шпатель дялюшки Сэла. А Сайрус так любил все острое! Ведь ножи, топоры и лопаты были его неизменными игрушками с самого детства. Такого шанса он упустить просто не мог и, глупо хихикнув, смело шагнул в кабинет.

Гвен и Шарон в ужасе наблюдали, как кряхтя и отдуваясь, он нагнулся и схватил шпатель своими толстыми короткими пальцами.

— Нэнси! Проснись! — взвизгнула Гвен.

Но Нэнси прекрасно видела, что происходит, поэтому на всякий случай заблаговременно привстала и передвинулась в дальний угол своей клетки. Сайрус подошел ближе и попытался ткнуть ее лезвием. Нэнси отстранилась, но он снова просунул шпатель между прутьями клетки. И опять ей удалось увернуться, правда, на этот раз он чуть не задел ее.

Потерпев неудачу с Нэнси, Сайрус приблизился к клетке, где сидела Шарон, и попытался достать ее. Однако лезвие было слишком коротким, и в своих тщетных попытках он только больно вывернул себе запястье. Шпатель выпал из его руки прямо в клетку к Шарон. Сайрус отскочил назад и потер занывшую кисть. А потом, чуть не плача от досады и жалости к самому себе, снова вернулся к клетке и начал с такой страшной силой пинать ее ногами, что металлическое сооружение затряслось, а девушка стала биться головой о прутья. Наконец, немного успокоившись и всласть наиздевавшись над Шарон, он лягнул на прощанье по нескольку раз и две другие клетки. И только после этого, полностью позабыв о потерянном шпателе, ушел из кабинета с обиженным видом, словно ребенок, которому не дали любимую игрушку.

Все три девушки, затаив дыхание, в страхе ждали, что он изменит свое решение и вернется к ним продолжить свои безумные развлечения. Но вскоре они услышали, как внизу хлопнула входная дверь часовни, и Сайрус запер ее на ключ.

— Шарон, теперь у нас есть инструмент! — радостно воскликнула Гвен, которая первой пришла в себя после ухода Сайруса.

— Ну и что? Как он нам поможет?

— Что значит «как»? — удивилась Гвен. — Надо попробовать расшатать им замки на клетках, чтобы выбраться отсюда.

— Да, но ты, наверное, забыла, что часовня тоже заперта на замок, а на окне — решетка.

Гвен тяжело вздохнула, все еще не теряя надежды и ожидая, что и это препятствие они как-нибудь одолеют.

— Не надо паниковать. Мы теперь шаг за шагом приближаемся к свободе. И теперь ни в коем случае нельзя отчаиваться! Нам бы только выбраться из клеток, а уж из часовни мы как-нибудь улизнем. А если ничего не придумаем, то как только они снова войдут сюда, надо будет броситься в открытую дверь и бежать отсюда, куда глаза глядят. Не раздумывая.

— Хорошо, — согласилась Шарон, но в голосе ее звучало сомнение и уже слышались нотки отчаяния. — Ладно. Раз уж шпатель у меня, я и начну со своего замка.

— А теперь молись за нас, Нэнси, — тихо добавила Гвен.

Глава пятнадцатая

Берт Джонсон закрыл машину, вошел в полицейский участок Вишневой Горки и поздоровался с шерифом Уэйном Каннингемом. Сидя за старым, выдавшим виды конторским столом, шериф предложил Берту стул возле стены, а потом поинтересовался:

— Чем могу помочь, мистер Джонсон? Как я понимаю, мы с вами в некотором роде, коллеги, верно?

Голос у шерифа был высоким, скрипучим и немного гнусавым, как у всех коренных жителей Западной Виргинии. Когда он пожимал Берту руку, у того сложилось впечатление, что работа шерифа не мешает ему в свободное время копать землю или пахать. Он был невысокого роста, держался спокойно и уверенно, брови у него росли густыми пучками, а в волосах уже проступила благородная седина.

— Да, я тоже служу в полиции, — подтвердил Берт, счастливый от того, что смог хоть как-то завязать разговор. — Видите ли, шериф, я разыскиваю свою падче-

риду Нэнси. Ей семнадцать лет, и она сбежала из дому. А я боюсь, как бы с ней не произошло каких неприятностей. Да и потом... в ее побеге я отчасти сам виноват. Она бросила нас, потому что мы с ней... ну, коротко, не совсем правильно друг друга поняли. Вот я и прошу вас помочь мне разыскать ее и убедить вернуться домой. Я обещал ее матери, что все будет хорошо.

На самом деле после исчезновения Нэнси Гарриет стала просто несносной. Берт так и не хватило мужества признаться ей, что на самом деле произошло между ним и падчерицей, но Гарриет интуитивно чувствовала, что виноват во всем именно он, и не переставала грызть его и днем, и ночью. Скандалы происходили непрерывно, и очень скоро Берт понял, что если не начнет действовать, то может потерять и жену. Обдумывая возможный разговор с Нэнси, он готов был пойти на любые унижения — извиняться перед ней, стоять на коленях, лишь бы она согласилась опять вернуться домой. Но важно было не только уговорить ее поехать вместе с ним назад, а еще и упротить не говорить ничего матери о случившемся в ту субботу.

Шериф Каннингем внимательно выслушал Берта и постарался успокоить его:

— Я думаю, мистер Джонсон, вам не следует так сильно убиваться и винить себя в ее побеге. Вы даже не представляете, сколько подростков убегает сегодня из дому и ведет себя самым возмутительным образом. Но виноваты в этом только они сами, а не их родные или приемные родители.

Берт лишь скромно пожал плечами. Он-то знал, кто повинен в этой истории, и теперь пытался предстать перед шерифом заботливым отчимом, отчаявшимся в своем горе.

— А почему вы думаете, что я смогу вам как-то помочь? — поинтересовался Каннингем. — Ведь если я не ошибаюсь, вы не из наших мест?

— Это верно. Мы живем в Льюистауне, на юго-западе Пенсильвании. А дело было так: Нэнси ушла из дома три дня назад, и ее видели мои помощники из патрульной машины. Она стояла на дороге и голосовала в вашу сторону. Они хотели подъехать к ней, чтобы спросить, не нужно ли ее куда-нибудь подвезти, но пока они развернулись, было уже поздно: Нэнси как раз сяди-

лась в белый фургончик к каким-то двум молодым парням. Они записали на всякий случай номер автомобиля, но преследовать их не стали, потому что для этого не было никакого повода.

Шерифа, казалось, это начало заинтересовывать, и он весь подался вперед:

— И что же, вы хотите сказать, что смогли проследить путь этого фургончика до нашего городка? Простите, но ведь до Льюистауна отсюда никак не меньше двухсот миль!

— Это действительно так,— вздохнул Берт.— Но после этого я сразу проверил номер машины в полиции штата и в соседних. И именно в вашем городке про нее уже успели услышать. Мне сообщили, что какие-то молодые люди ограбили у вас продуктовый магазин, а потом скрылись в белом фургоне именно с этими номерными знаками.

— Вот это да! — изумился шериф, одобрительно кивнув Джонсону,— вы, наверное, неплохой полицейский.

— Благодарю вас, шериф. К сожалению, Нэнси скорее всего тоже участвовала в этой краже. Но я не сомневаюсь, что она во всем сознается, как только я ее отыщу. И, уверяю вас, что до этого у нее никогда не было никаких конфликтов с законом. Она очень послушная девочка. Вероятно, эти ребята подбили ее на такой проступок.

Шериф сложил губы трубочкой и в задумчивости откинулся на спинку кресла, отчего то жалобно заскрипело.

— Мне очень неприятно сообщать вам это,— наконец сказал он,— но мне кажется, мистер Джонсон, что ваша Нэнси сейчас в гораздо худшем положении, чем вы думаете.

— А что случилось? — заволновался Берт.

— Понимаете, за тем фургончиком, о котором вы только что говорили, сразу же поехала наша патрульная машина с двумя полицейскими из моего участка. Машину мы обнаружили потом в лесу с пробитым радиатором, а вот капрала с сержантом нигде не оказалось. И мы до сих пор тщетно пытаемся выяснить, что с ними произошло. Видите ли, у меня, к сожалению, очень маленький штат, и я не могу организовать широкие поиски. Но сдается мне, что дело тут серьезное. Люди, которые

живут здесь на фермах и в лесу, не очень-то любят полицию и редко вступают с нами в контакт. Многие делают самогон на старых заброшенных шахтах, и далеко не все дружат с законом. А просить помощи у федеральных властей тоже не имеет смысла. Уже бывало, что и их люди бесследно исчезали в наших местах. Точно так же, как и эти двое моих помощников, во всяком случае, пока мы не можем даже предположить, куда они делись. Вот так, мистер Джонсон.

— Вы позволите мне присоединиться к вашей поисковой группе? — попросил Берт.

Шериф снова задумался и устало потер лоб ладонью.

— Конечно, я не вправе вас останавливать. И, наоборот, ваша помощь нам действительно может понадобиться. Вы по крайней мере профессиональный полицейский, а не простой бедолага, разыскивающий свою неразумную падчерицу... Но должен вас еще раз предупредить: будьте предельно осторожны, если решите путешествовать по нашим местам в одиночку. Единственное, чем я могу пока вам помочь — это указать на карте точное место, где была найдена сломанная полицейская машина.

— А мне больше ничего и не надо, шериф. Спасибо вам за содействие.

Оба мужчины поднялись, подошли к большой карте, висевшей на стене, и Берт стал внимательно изучать то место, куда указывал ему шериф Каннингем.

Глава шестнадцатая

Уже второй час Шарон и Гвен то и дело передавали друг другу шпатель, стараясь расшатать им замки своих клеток. Единственным источником света в их комнате был слабый отблеск электрического камина, который включил Авраам, чтобы девушки не замерзли насмерть. Шарон и Гвен уже изрядно намучились, порезав себе пальцы и ободрав кожу на руках, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Замки оказались намного крепче, чем рассчитывали девушки.

Неожиданно снаружи часовни послышался какой-то шум, и работа над замками была тут же прекращена. Дверь отперли, и в церковь стали заходить люди, сте-

пенно рассаживаясь на отполированные деревянные скамьи. Шарон сразу спрятала шпатель под свое рваное одеяло. Из кабинета, где стояли клетки, девушки не могли видеть происходящего внизу, в главном помещении церкви. Но было ясно одно: сюда идет довольно многочисленная группа людей и некоторые из них, очевидно, несут зажженные свечи. Теперь в их свете можно было разглядеть, что почти на всех одеты длинные черные хитоны с капюшонами. Потом послышалось легкое покашливание, сдержанные голоса вошедших и приглушенные смехи.

Нэнси приподнялась в своей клетке и, съездившись от страха, отползла в ее дальний угол, прижавшись всем телом к тугой проволоочной сетке. Какое-то внутреннее чутье подсказывало ей, что очень скоро здесь должно произойти нечто ужасное и потрясающее. Нечто противное человеческому естеству. Какой-то смертный грех вот-вот должен был случиться где-то совсем рядом.

Наконец члены религиозного братства расселись по скамьям, и разговоры стихли. После этого все три брата Барнс вошли в комнату к девушкам. Авраам отпер клетку, в которой сидела Шарон, и, усмехнувшись, заметил: — Ну что ж, теперь последняя будет первой...

Шарон отпрянула в глубь клетки, сжимая под одеялом свое орудие.

— Что это у нее там в руке? — вдруг забеспокоился Льюк, как только Сайрус сделал шаг вперед, чтобы вытащить девушку.

В тот же миг она размахнулась, намереваясь ударить шпателем по мясистой руке Сайруса, но промахнулась всего на дюйм. Урод успел отскочить назад и в ярости ударил по клетке кулаком, чуть не разбив себе при этом костяшки пальцев.

— Осторожней! — закричал Льюк.

Шарон сама выбралась наружу и начала отчаянно размахивать инструментом, пытаясь пробить себе дорогу к выходу. Но Авраам подставил ей ножку и она тут же упала, беспомощно распластавшись на полу. Льюк с силой ударил ее по голове рукояткой пистолета, который ловко извлек из-под полы своего длинного хитона. Девушка потеряла сознание, пальцы ее разжались, и шпатель со звоном покатился по полу. Льюк тут же поднял его и сунул себе в карман.

— Какого черта у нее оказалась эта штуковина? Кто допустил?! — закричал он, гневно сверкая глазами и обращаясь непосредственно к Сайрусу.

Но тот лишь заскулил в ответ, испуганно моргая и почесывая ушибленные пальцы.

— Так тебе и надо, — поддакнул Авраам. — И не дождешься теперь от нас никакой жалости.

Пока Гвен и Нэнси трепетали от ужаса в своих клетках, Льюк и Авраам подхватили с двух сторон легкую и беспомощную Шарон и поволокли ее в основную часть церкви к сгорающим от нетерпения религиозным братьям. Сайрус неуклюже поплелся за ними, бросив последний обвиняющий взгляд на оставшихся в кабинете девушкишек.

— Что они собираются с ней делать? — дрожащим голосом спросила Нэнси.

Гвен понимала, что ожидает бедную Шарон, но слова застряли у нее в горле и она не нашла в себе сил сказать соседке страшную правду. Вместо этого она изо всех сил напрягла слух, готовясь удостовериться, что же ошиблась, и то, что сейчас произойдет в церкви, лишь подтвердит ее самые страшные опасения, Гвен хорошо слышала шаги братьев, волокущих по ступеням бесчувственное тело Шарон. И вдруг внизу раздался восхищенный шепот собравшихся, а потом кто-то торжественно произнес:

— Предлагаю тебе, о Синтия, эту юную красавицу и нашу почетную гостью!

Звук шаркающих шагов прекратился, и снова до ушей Гвен донеслись смешки и приглушенные голоса, комментирующие столь необычное представление Шарон. Гвен повернула голову и через проволочную сетку посмотрела на Нэнси, которая испуганно сжалась в глубине клетки с расширенными от ужаса глазами, став похожей на загнанного зверька. Она дрожала всем телом и, казалось, вот-вот лишится чувств.

Девушка вся покрылась холодным потом и теперь зябко ежилась под грязным сырým одеялом.

А из церкви уже неся высокий призывный голос Синтии:

— О Люцифер! Молим тебя принять в жертву это юное дитя в обмен на твое благословение и защиту. Благослови же нас на новые подвиги, которые мы вершим

от твоего великого имени, и освяти сию кровь, которую мы нижайше предлагаем тебе, а потом будем пить, дабы слиться с тобой в едином причастии, о всемогущий Бог адал

Нэнси никак не могла унять все усиливающуюся дрожь. Она сложила вместе ладони, сжав пальцы с такой силой, что те побелели, и в форме шпиля вознесла руки вверх, к небесам. Застыв в такой позе, девушка стала истово молиться:

— О Господи! Прости меня за то, что я посмела оскорбить тебя. Я каюсь во всех своих грехах, ибо страшусь навсегда потерять свою бессмертную душу и очутиться в аду. Но больше всего я каюсь в том, что...

— Да никакие твои молитвы уже не помогут! — выпалила вдруг Гвен. — Ты, оказывается, даже глупее, чем те, кто собрался там, внизу!

И тут им в уши ударил жуткий вопль, от которого кровь застыла в жилах у обеих девушек. Но крик не прекращался, а, наоборот, стал расти, набирать силу, делаясь все громче и отчаянней. И стены кабинета будто задрожали в ответ на этот адский вопль умирающей девушки. Гвен содрогнулась, поняв, что это кричит их недавняя подруга, юная Шарон. Наверное, для несчастной девушки было бы лучше так никогда и не прийти больше в себя, чем осознать перед смертью весь ужас происходящего с ней.

А Нэнси все не прекращала молиться, но теперь ей казалось, что ладони ее не вознесены к небесам, а плотно зажимают уши, отключив слух настолько, что душевнораздирающие вопли снизу больше не доходят до ее сознания.

— Я каюсь, что посмела оскорбить тебя, о мой Господь! Тебя, единственно заслуживающего любви...

Крики Шарон все продолжались, и Гвен не выдержала, начав в истерике биться о металлическую решетку клетки. Ей хотелось сейчас уменьшиться и исчезнуть, зарыться с головой в тряпье, но она была уже не в силах удержать себя на одном месте. Гвен сжимала руками голову, но крики не прекращались. Она не сомневалась, что если это продлится еще хотя бы минуту, то она просто потеряет рассудок. Когда же, вконец обессилев, Гвен беспомощно опустила руки, до нее донесся торжествующий голос Синтии:

— О всемогущий Господь Сатана! Мы, твои скромные рабы, боготворим и славим тебя, и клянемся, что будем и впредь беспрекословно подчиняться воле твоей, верно служить тебе и исполнять все твои желания и приказы. Мы помним, что ты — наш создатель, наш благодетель, господин и хозяин. И вера наша несокрушима...

Тем временем пронзительные крики Шарон почти уже стихли.

Нэнси заговорила громче, стараясь утопить в своей молитве эту страшную клятву в верности Сатане, которая отчетливо доносилась снизу.

— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

Но вот крики Шарон почти совсем прекратились, и теперь Гвен слышала лишь протяжные мученические стоны, постепенно переходящие в предсмертный хрип. Очевидно, девушка уже сорвала себе голос и просто не могла больше кричать. Гвен, почти ничего не соображая, прижалась лбом к прутьям клетки, замотавшись в грязное одеяло. До нее никак не могло дойти, почему ни один из собравшихся там, внизу, не внял голосу разума, не сжалился и не стал хотя бы раз в жизни милосердным по отношению к такому же существу, как он сам... Что же за страшные люди собрались в этом мрачном поместье?! И вообще, люди ли они после этого? И как могло получиться, что в одном месте собралось сразу столько безнадежно больных, извращенных сумасшедших?..

Перед лицом такого страшного, вездесущего непобедимого зла молитвы Нэнси казались Гвен каким-то жалким и бессмысленным набором звуков, не способных что-либо изменить. А Синтия продолжала торжествовать:

— О Люцифер! Молим тебя благословить сию жертву как источник нашего святого причастия. И пусть же ее кровь вольет в нас новые силы и укрепит нашу веру в тебя. Аминь.

В церкви наступила полная тишина, которая показала Гвен жуткой и неестественной. Длилась она целую вечность. А потом Шарон вскрикнула в последний раз, но ее жалкий молящий вопль сразу же оборвался, и до девушек донесся страшный булькающий звук. Все присутствующие на месте застонали в экстазе, а бульканье все продолжалось. Но вот стих и этот ужасный звук, и

под сводами церкви разнесся радостный крик, будто сотни людей одновременно испытали бурный оргазм.

— Боже мой! — зарыдала Гвен. — Они убили ее! Они же убили ее!! — Она бросилась на дно своей клетки и в отчаянии забила по нему кулаками.

Глава семнадцатая

Субботним утром Берт Джонсон неспеша подъехал к тому самому месту, где, по словам шерифа Каннингема, была обнаружена брошенной сломанная машина пропавших без вести полицейских. Берт стал внимательно оглядываться по сторонам, надеясь приметить где-нибудь или белый фургончик, или хоть что-то, что могло бы подсказать ему направление дальнейших поисков. Если, конечно, еще есть что искать... В душе он не очень-то верил, что его старания принесут положительный результат. Скорее всего этот фургончик уже где-нибудь в другом конце страны. С какой стати эти парни должны оставаться на месте преступления, если они действительно причастны не только к ограблению магазина, но и к исчезновению двух полицейских?

Берт поехал дальше, но не успел он миновать поворот, как был вынужден резко притормозить, не веря своим глазам. Невдалеке в раздуваемом ветром облачке пыли мчал тот самый злосчастный белый фургончик. «Нет, это просто невозможно, — решил Джонсон. — Да и мало ли таких фургонов колесит по Виргинии?»

И тем не менее он нажал педаль газа, чтобы приблизиться к машине и рассмотреть номерные знаки. Но потом сразу же передумал и не стал догонять фургон, чтобы не вызвать подозрений и не спугнуть сидящих внутри.

Через пару миль фургон снизил скорость, словно водитель намеревался куда-то съехать с дороги. Тут только Берт позволил себе подобраться немного ближе, сделав вид, что он очень торопится и ни за что не хочет тормозить из-за едущей впереди машины. Теперь он прекрасно рассмотрел номера, и его предположение подтвердилось: именно автомобиль с этим номером так тщетно разыскивал шериф Каннингем со своей опергруппой.

Но вот фургончик свернул на узкую лесную просеку; куда Берт не решился за ним последовать. Вместо этого он как ни в чем не бывало проехал дальше вперед, краем глаза все же успев заметить, что в кабине фургона сидят двое мужчин.

Осторожно петляя между глубокими рытвинами на узкой лесной дороге, Льюк обратился к Аврааму, сидящему рядом:

— Посмотри-ка, эта скотина еще плетется за нами?

— Нет. Да и с какой стати мы бы ему понадобились? Не дергайся. Давай лучше быстренько все закончим — и назад.

Они остановили машину на небольшой скрытой лесом поляне и выключили мотор. Посреди поляны стоял Сайрус в своем любимом комбинезоне и радостно улыбался. Он уже закончил копать могилу и теперь любовался результатом своего труда. Заметив братьев, Сайрус опустил лопату, ухмыльнулся и вытер пот с низкого лба.

— Что за черт! — взорвался Льюк, поворачиваясь к Аврааму. — Я же сказал, чтобы ты велел ему копать под деревьями, а не на открытом месте.

— Я все прекрасно помню, — оправдывался Авраам. — Я показал ему точное место, где надо рыть. Но помоему, у него с каждым днем крыша съезжает все больше и больше. Тебе так не кажется?

— Я в этом никогда не сомневался, — недовольно буркнул Льюк.

— Да ладно, и так сойдет! Все равно сюда никто не сунется, — уговаривал Авраам. — Хотя можно, конечно, закопать эту яму и подыскать место получше.

— Нет. Это слишком долго, — решил старший брат.

Припарковав машину между деревьями, чтобы ее было не так заметно с дороги, Берт Джонсон достал из «бардачка» револьвер, сунул его за пояс под куртку, а потом осторожно открыл дверь и выбрался из автомобиля. Он старался идти пригнувшись и выбирал самые тенистые места, приближаясь к повороту на лесную просеку, куда поехали двое в фургоне.

Льюк и Авраам, открыв заднюю дверцу своего большого «катафалка», извлекли оттуда труп Шарон Кенне-

ди, завернутый в окровавленное одеяло, которое совсем недавно еще лежало в ее клетке. Скинув тело девушки в яму, словно это был никому не нужный хлам, они отправились назад к машине, а Сайрус принялся забрасывать могилу землей.

Берт Джонсон внимательно наблюдал за всем этим, спрятавшись за деревьями у края поляны. Он видел, как двое приехавших на фургоне достали из багажника лопаты и начали активно помогать своему товарищу в фермерском комбинезоне. Довольно быстро яма была засыпана до краев. Потом все трое аккуратно уложили сверху предварительно снятый дерн и накидали прошлогодних листьев и веток, чтобы полностью скрыть все следы. Когда работа была закончена, мрачная тройца с лопатами без единого слова погрузилась в фургон, и тот тронулся в обратном направлении, а с того места, где прятался Берт, уже никто не смог бы определить, что земля на поляне потревожена и в ней что-то зарыто.

Берт не шевелился еще несколько минут, дав возможность машине с могильщиками окончательно скрыться из виду. Сжимая влажной рукой револьвер, он напряженно раздумывал, кого бы они могли закопать в таком диком безлюдном месте... Во всяком случае, если это и Нэнси, то она никогда уже не вернется домой и не сможет устроить ему никаких неприятностей. А значит, и за его отношения с Гарриет тоже можно будет не волноваться.

Осторожно высунувшись из-за толстого дерева, Берт проследил, как фургон выехал из леса и свернул на дорогу в ту сторону, откуда перед этим приехал.

Берт подбежал к своему автомобилю, завел мотор и поехал вслед за фургончиком, соблюдая прежнюю осторожность, чтобы, не приведи Господь, его не заметили эти трое. На повороте он чуть не потерял их, но как раз вовремя успел заметить, что фургон уходит вправо на другую дорогу. Подождав немного, Джонсон двинулся туда же и вскоре заметил впереди пыльный шлейф.

Но через несколько минут фургончик, ехавший впереди него всего в четверти мили, почему-то резко свернул налево. Берт подумал было, что водитель начал петлять, заметив преследование, но вскоре понял, что фургон просто съехал на гравиевую дорожку, ведущую к простор-

ной стоянке, где скопилось уже немало других машин — в основном, самых дорогих последних моделей. Фургон проехал мимо них прямо в гараж, рядом с которым возвышался красивый старинный дом из красного кирпича с белыми колоннами перед входом.

Не ожидав встретить в этой глуши такой дворец, Берт решил даже не тормозить возле него, чтобы не привлечь к себе внимания людей, которые, судя по всему, специально собрались там по какому-то случаю. Но отъехав по дороге на добрых полмили, он все же остановился, хотя мотор выключать не стал, а выждал некоторое время с револьвером в руке, желая удостовериться, что никто не гонится за ним из этого поместья. Но никого видно не было. Тогда Берт выключил, наконец, двигатель, и все так же осторожно, озираясь по сторонам, вышел из машины, направляясь к дому с белыми колоннами через лес, стоящий по левую сторону от дороги. Когда вдали показалось высокое кирпичное здание, Берт пригнулся, прячась в разросшихся сорняках. Трое могильщиков уже вышли из гаража и теперь непринужденно беседовали между собой. Они находились на таком расстоянии от него, что Берт без труда мог слышать весь их разговор.

— По-моему, надо срочно отделаться от фургончика,— сказал Льюк.— А то еще кто-нибудь нагрянет сюда в поисках его владельцев...

— Да, завтра этим и займемся,— поддержал его Авраам.— Откатим его подальше, обольем бензином и подожжем.

Льюк похлопал Сайруса по могучему плечу.

— Ты тоже можешь поехать с нами и посмотреть на костерчик,— подмигнул он приунывшему брату.— Мне помнится, ты у нас обожаешь такие вришища, правда?

— Огонь! — тупо произнес Сайрус и расплылся в улыбку.

— А сейчас вы двое идите в дом и узнайте у Синтии, не нужна ли ей ваша помощь,— приказал Льюк братьям.— А я проверю пока девочек в часовне — все ли у них там в порядке. А то еще задумают опять какую-нибудь глупость... Лично мне было совсем не до смеха, когда я увидел у той мерзавки шпатель в руке.

— Я тут не при чем,— тут же ответил Авраам.— Может, я тоже пройду с тобой до часовни и немного побалуюсь с девочками?..

— Я не собираюсь там ни с кем баловаться! — огрызнулся Льюк.— А вы — живо в дом и делайте то, что я говорю. Оба! А ну, пошевеливайтесь!

— Да, Льюк, так я тебе и поверил... — обиделся Авраам.— Ты всегда получаешь все самое сладкое, а мне остается только облизываться.

Но Льюк ничего не стал отвечать, а только смерил обоих братьев сердитым взглядом и дождался, пока они выполняют его приказ. Понурившись, Авраам и Сайрус вошли в дом и захлопнули за собой дверь.

Берт не двигался, наблюдая за Льюком. Тот прошел мимо гаража и направился через свежескошенное поле к постройке, с виду напоминавшей старинную церковь. Дождавшись, пока Льюк отпрет дверь и скроется внутри, Берт выбрался из своего укрытия и поспешил к дороге, стараясь держаться в тени деревьев, чтобы случайно не попасться на глаза кому-нибудь из обитателей этого странного поместья. Потом, сделав огромный круг по лесу, он подошел к церкви с другой стороны и, найдя возле самой ее стены огромный валун, спрятался за ним. Несколько минут он сидел там, пригнувшись, и переводил дыхание. В это время Берт размышлял, стоит ли ему вообще пробовать подобраться к церкви поближе, или лучше бросить все и быстрее уносить отсюда ноги, как вдруг услышал звук отворяемой двери и вздрогнул от неожиданности.

Высунувшись из своего укрытия с револьвером наготове, Берт увидел, что из церкви не спеша вышел Льюк, тщательно запер и подергал дверь, а потом, убедившись, что замок прочно держит ее, зашагал в сторону дома. Берт терпеливо ждал, пока Льюк доберется до своего жилища, поднимется по ступенькам черного хода и скроется внутри.

В окне рядом с дверью, куда вошел Льюк, вскоре зажегся свет, затем снова потух и вся задняя часть дома погрузилась в темноту. Скорее всего Льюк не собирался больше выходить оттуда в ближайшее время. Тогда Берт осторожно начал карабкаться по валуну возле задней стены церкви и наконец добрался до окна верхнего

этажа. Тут он вытянул шею и краем глаза заглянул внутрь помещения, где сразу увидел Нэнси, сидящую в собачьей клетке. Она о чем-то беседовала с другой девушкой, заключенной в такую же клетку по соседству. Нэнси выглядела измученной, усталой и... как будто избитой. Равно как и та, вторая девушка. Берт не слышал слов и не знал, о чем идет разговор. Вероятно, девушки говорили шепотом, но по тому, как шевелились их губы, Берту почему-то показалось, что они горячо спорят о чем-то. Наконец вторая девушка произнесла последнее слово и резко отвернулась. В ее глазах Берт без труда прочел глубокое отчаяние. Нэнси поправила на плечах какую-то грязную тряпку, отдаленно напоминающую одеяло, и завернулась в нее поплотнее. Берт заметил бретельки ее бюстгальтера и понял, что эти двое сидят здесь в одном белье. Неожиданно Нэнси повернула голову к окну, и Берт тут же пригнулся, чтобы она его не заметила.

Он осторожно спустился с камня и, снова описав огромный круг, чтобы быть подальше от дома, выбрался наконец к дороге. Направляясь к своей машине, он старался все время держаться в тени деревьев, но и это казалось ему недостаточной мерой предосторожности — он то и дело оборачивался и прислушивался, проверяя, не преследует ли его кто-нибудь из этого дома.

Открыв дверцу машины, Берт грузно опустился за руль, а револьвер положил рядом с собой на переднем сиденье. Он изрядно вспотел и тяжело дышал, потрясенный всем увиденным за этот день. Пытаясь открыть «бардачок», Берт заметил, что руки у него сильно трясутся, а потом почувствовал, что и рот перекошен от ужаса. Из «бардачка» он вытащил непечатую бутылку виски, открыл пробку и сразу же осушил сосуд почти что на треть. Потом, вытерев ладонью рот, резко выдохнул и снова приложился к горлышку. Наконец он слегка успокоился, закрутил пробку и, уложив бутылку рядом с револьвером, завел мотор, сразу же испугавшись, что наделал этим лишнего шума. Потом он медленно повернулся в ту сторону, где за лесом в старинной церкви сидела в клетке полуголая Нэнси, и долго не мог отвести взгляда.

А потом включил скорость и поехал.

Глава восемнадцатая

В субботу, ближе к полуночи, Льюк и Авраам явились за Гвен. Братья уже успели облачиться в свои ритуальные черные хитоны. Остальные почитатели Синтии тоже собрались в церкви и с нетерпением ждали начала службы.

— Нет! Заберите лучше меня!— закричала Нэнси, увидев, как Льюк отпирает клетку Гвен.

— Ни за что. Ты у нас припасена на самую Пасху,— улыбнулся Льюк.

— И должна этим гордиться,— добавил Авраам.— Тебе оказана такая честь!.

— Скоты, паразиты, мерзавцы!— зашипела на них Гвен и забилась в глубь клетки, как беспомощный зверек, попавший в капкан.

— Ну-ка потише!— прикрикнул на нее Авраам.— И чтобы никаких фокусов!.. Давай вылезай!

Гвен проворно выскочила из клетки, чего никак не мог ожидать от нее Льюк, и с силой ударила его по лодыжке, отчего он, громко взыв, распластался на полу, тут же запутавшись в своем длинном одеянии. А Гвен была уже на полпути к спасительной двери. Авраам кинулся за ней, споткнулся о лежащего брата, но все же успел в прыжке настичь девушку и, ухватив ее за плечо, резко дернуть назад. Его пальцы уцепились за бретельку лифчика, но он сразу же слетел с Гвен. Льюк отчаянно закричал, призывая на помощь, а Гвен уже рванула дверь, распахнула ее и с ходу врезалась в широкую грудь стоявшего на лестнице Сайруса. Он поднял правую руку, размахнулся и отвесил ей такую оплеуху, что девушка не смогла удержаться на ногах и свалилась на пол. Из-за всех сил стараясь не потерять сознания от этого внезапного удара, она попыталась отползти в сторону, но Сайрус поставил ей на спину свою огромную ногу и пригвоздил к полу, нелепо посмеиваясь, пока Гвен извивалась, пытаясь выбраться из-под его сапога.

Авраам и Льюк уже успели прийти в себя, а снизу им на помощь спешили еще несколько человек со свечами в руках. Сайрус и Авраам схватили Гвен за волосы и подняли на ноги.

— А ну марш назад, сука вонючая!— заорал Льюк.

Незнакомые люди со свечами шли впереди, за ними следовали братья, которые волокли вниз по лестнице упирающуюся девушку. Последним из кабинета вышел Авраам и с силой захлопнул за собой дверь.

Нэнси опять стала молиться, не обращая внимания на все происходящее вокруг нее и стараясь не думать о том, что случится сейчас с ее недавней соседкой. Гвен же продолжала сопротивляться, и тогда Авраам с такой силой ударил ее в живот, что девушка потеряла вообще всякую способность двигаться. Она безвольно обмякла в руках своих палачей, и они просто поволокли ее по центральному проходу церкви. В ушах Гвен звенело, голова кружилась, и теперь ей самой уже хотелось поскорее навсегда потерять сознание. Сквозь волны боли и тошноты она как в тумане различала вокруг злое рожи сектантов, их фигуры, закутанные в черные бархатные одежды, и чувствовала запах каких-то горящих трав. Повсюду трепетало пламя свечей. Потом перед глазами Гвен все поплыло, и она окончательно лишилась чувств.

Когда девушка все же очнулась, она увидела, что перед ней стоит Синтия, облаченная в длинную белую робу, — совсем близко, всего в двух-трех футах. Зрачки у Синтии были расширены. Видимо, она искренне упивалась этим моментом, чувствуя себя настоящей верховной жрицей.

— Добро пожаловать, — мелодично пропела Синтия. — Сегодня ты будешь у нас самой главной гостьей на празднике.

Со всех сторон послышался одобрительный шепот и возгласы восхищения.

— Да ты просто рехнулась, безумная сучка! — выкрикнула Гвен ей прямо в лицо со всей ненавистью и достоинством, которые только смогла собрать.

В тот же миг Авраам ударил ее кулаком в грудь, и когда ноги у Гвен подкосились, братья ловко подхватили ее и усадили на заранее приготовленный стул, по своим размерам и конструкции весьма напоминающий электрический. Так же проворно они пристегнули ее запястья и лодыжки кожаными ремнями, а потом и голову закрепили специальным ремешком, приделанным к высокой спинке стула, чтобы девушка сидела прямо и не могла даже пошевелиться.

— Разденьте ее! — приказала Синтия.

Льюк выхватил нож и в миг разрезал тонкие трусики Гвен, отбросив их в сторону. Теперь она была абсолютно беспомощна и унижена до предела.

А секунду спустя Синтия отступила в сторону, и Гвен издала страшный вопль, увидев, что сидит прямо напротив кресла, в которое безумное семейство усадило пожилую, давно умершую женщину, превращенную в подобие мумии.

— Познакомься с моей мамой, — бесстрастно произнесла Синтия.

Но Гвен до того уже ослабла от многочисленных побоев и издевательств, что тут же снова потеряла сознание. Сначала подступила тошнота, все завертелось перед ее глазами, а потом и вовсе исчезло. Тело девушки стало ватным, и голова расслабленно наклонилась вперед, удерживаемая теперь одной лишь кожаной лентой.

Братство зашевелилось, подогреваемое безумной жадной крови, слышались стоны нетерпения. На всех собравшихся не было надето ничего, кроме этих длинных черных хитонов, и грубые складки ткани терлись о соски женщин и члены мужчин. Некоторые уже запустили руки под хитоны к себе или к соседям по скамьям, начав жадно тискать влажную плоть.

Неожиданно дверь церкви распахнулась, и в инвалидном кресле в зал ввезли Моргана Дрея. Оба хиропрактика, Гарви Бронсон и Джон Логан, важно шествовали по бокам коляски. Позади них вышагивал Стэнфорд Слэйтер. Закрыв входную дверь, он проследовал вдоль прохода за Морганом, которого тоже привязали к креслу, чтобы он не мог двигаться, хотя это было уже явно лишним. Правда, теперь ему поудобнее устроили голову, чтобы он мог наблюдать за всем своими собственными глазами, не поворачиваясь на сиденье. Ниже шеи Морган уже не чувствовал ничего, а Логан — тот самый врач, который превратил его в паралитика, — с важным видом катил кресло дальше, продвигаясь мимо скамей ближе к первым рядам.

Льюк, Сайрус, Авраам, Синтия и их покойная мать восседали на стульях вокруг алтаря, имевшего форму пятиконечной звезды. В мерцающих отблесках желтого пламени свечей их лица казались дьявольски бледными и

зловещими, словно все пятеро уже были мертвы. На конце каждого луча звезды был установлен человеческий череп с воткнутой в него красной свечой, и оплывающий воск создавал впечатление, что черепа покрываются свежей кровью, и кровь же вытекает из провалов пустых глазниц. В самом центре алтаря расположилась огромная красно-черная статуя фантастического чудовища, напоминающего козла с закрученными рогами и когтистыми лапами, в одной из которых монстр держал серебряный кинжал, а в другой — искусно выполненный кубок из серебра. На стене за алтарем, прямо над мумией миссис Барнс, висело перевернутое распятие, освещенное шестью свечами в бронзовых канделябрах.

Морган в оцепенении смотрел на все это, пока хиропрактики везли его к алтарю. И вот коляска остановилась всего в нескольких футах от ужасной скульптуры.

— Вот видите, у вас самое почетное место. В первом ряду, как и было обещано, — усмехнулся Слэйтер.

С трудом повернув голову всего на несколько дюймов, Морган заметил рядом измученную девушку, которая сидела связанная на странном высоком стуле и, судя по всему, была без сознания. Ему стало жаль ее, но еще больше он жалел сейчас самого себя. Он не хотел больше жить в этом беспомощном состоянии вечного и неизлечимого инвалида. Теперь он боялся лишь одного: вдруг его оставят в живых?.. Страшное бледное лицо Синтии, ее злобная усмешка, воспоминания об их встречах теперь казались профессору лишь небольшими фрагментами того грандиозного ужаса, который сковал сейчас все его существо. Он посмотрел на Синтию и увидел, как торжествующе она улыбается, сознавая свою победу над ним.

И вдруг Морган не поверил собственным ушам: ему послышалось, будто кто-то молится совсем рядом, прямо здесь, в этом дьявольском храме:

— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя...

И тут же сектанты начали нараспев повторять свои дьявольские заклинания, заглушая ими светлый призыв к Господу Богу. Они пели не то по-латыни, не то на древнегреческом — это Морган уже не мог разобрать. На-

конец Синтия поднялась со своего места и торжественно вознесла над головой серебряный кубок, взяв его из лапы скульптурного монстра. А через секунду ее пронзительный голос уже перекрывал общее пение сатанистов:

— О Люцифер! Молим тебя принять в жертву это юное дитя в обмен на твое благословение и защиту. Благослови же нас на новые подвиги, которые мы вершим от твоего великого имени, и освяти сию кровь, которую мы нижайше предлагаем тебе, а потом будем пить, дабы слиться с тобой в едином причастии, о всемогущий Бог ада!

Все, что Моргану доводилось читать о современных ведьмах, колдунах и их ритуалах, не шло ни в какое сравнение с тем, что он созерцал сейчас своими собственными глазами. И в отчаянной беспомощности он с горечью осознал, что единственным оставшимся у него желанием было скрыться подальше от этих безумцев, от их невнятного бормотания и от Синтии, громко читающей оскорбляющие слух и разум молитвы дьяволу:

— О всемогущий Господь Сатана! Мы, твои скромные рабы, боготворим и славим тебя, и клянемся, что будем и впредь беспрекословно подчиняться воле твоей, верно служить тебе и исполнять все твои желания и приказы. Мы помним, что ты — наш создатель, наш благодетель, господин и хозяин. И вера наша несокрушима. Мы отвергаем Иегову, его сына Иисуса Христа и все их деяния. И мы клянемся тебе, о господин наш Сатана, что не имеем другого желания, кроме как верно служить тебе во веки веков.

Все притихли. На церковь словно опустился невидимый колокол ожидания чего-то важного. И тут снова Морган отчетливо услышал молящуюся где-то неподалеку девушку:

— ...Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое...

Девушка молилась с явным отчаянием обреченности в голосе. Скорее всего она тоже попала в плен к этим безумцам. «Но почему она вместо того, чтобы так вот молиться, не попытается просто сбежать от них?» — изумился Морган, и тут же нашел ответ: очевидно, она в таком же безнадежном положении, как и он сам. И поэтому все, что у нее остается, это молитвы.

Голос девушки все громче звенел под сводами церкви:

— ...Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему...

«Боже, как это несправедливо! — пронеслось в голове у Моргана. — Какие же проступки могла совершить эта бедная девушка, чтобы заслужить такие мучения?..»

Глава девятнадцатая

Берт Джонсон открыл дверь парадного входа, и на встречу ему тут же бросилась взволнованная, заплаканная Гарриет. Берт опустил голову. Он выглядел сейчас очень усталым, и сразу было件нятно, что ничего утешительного своей супруге он сообщить не может. И в тот же миг надежда в ее глазах погасла.

— Прости меня, дорогая, — только и смог выговорить Берт.

— Берт, милый! — вырвалось из груди Гарриет, и она кинулась в объятия мужа, давась подступающими к горлу рыданиями.

— Надеюсь, она знала, что делала, когда решила сбежать из дома, — заговорил Берт. — Может быть, ей так будет лучше... Но если она не поехала к Терри в Калифорнию и не вернется через несколько дней, то я уж даже и не знаю, где ее еще можно искать.

Гарриет всхлипывала, всем телом прижавшись к мужу. Если уж ей суждено было потерять Нэнси, то теперь больше всего на свете она боялась лишиться и Берта. Этого она просто не вынесла бы.

Берт был к ней очень внимателен и все время старался успокоить:

— Мне кажется, с ней все будет в порядке, дорогая. Она уже не маленькая и вполне может позаботиться о себе сама... Мы же со своей стороны сделали все, чтобы воспитать ее честной и доброй. А если вдруг у нее кончатся деньги или она заболит, или просто почувствует себя одинокой — она тут же обязательно вернется к нам: приползет как миленькая с тысячью извинений, будто

этим сможет заставить нас забыть, как жестоко она обошлась с нами и какую боль причинила и тебе, и мне. Но мы, конечно же, простим ее, и все у нас снова пойдет на лад...

— Ах, Берт! — только и всхлипнула Гарриет, заходясь в беззвучных рыданиях.

Глава двадцатая

Какой-то неосознанный, но сильный внутренний импульс внезапно пробудил Гвен. Она поняла, что сейчас с ней должно произойти нечто очень и очень важное. Девушка широко раскрыла глаза, и ее опухшее от слез лицо исказилось гримасой ужаса, когда она вспомнила, где находится, и ощутила боль от всех пыток и издевательств. Привязанная к стулу, она лишь беспомощно застонала. И тут ее глаза заблестели от слез — она услышала невдалеке кроткую, но страстную молитву Нэнси:

— ...И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу — всегда: ныне и после, и во веки веков. Аминь.

Поднялся Льюк, взял с алтаря две человеческие кости, связанные крестом, и поднес их к губам Гвен, как священник, благословляющий прихожан после мессы. Повернув голову немного в сторону, Гвен испустила пронзительный вопль: Авраам взял из лапы бутафорского Вельзевула серебряный кинжал и приблизился к ней вплотную, встав с другой стороны от ее стула. Теперь уже оба брата склонились над беззащитной девушкой.

Сектанты возобновили свои песнопения, заглушая ту единственную обращенную к Богу молитву, которая по-прежнему доносилась сверху. И вновь послышался голос Синтии:

— О Люцифер! Молим тебя благословить сию жертву как источник нашего святого причастия. И пусть же ее кровь вольет в нас новые силы и укрепит нашу веру в тебя...

Льюк подошел к алтарю, положил кости на жертвенник и взял в руки кубок. Авраам приставил кинжал

к горлу Гвен, готовый в любой момент перерезать ей сонную артерию, чтобы Льюк смог набрать в кубок крови.

Гвен последний раз вскрикнула и сразу же смокла — кинжал полоснул ее по горлу, и жизнь вытекла из девушки под бульканье крови, наполняющей ритуальный сосуд.

А под сводами церкви вновь звучала молитва Нэнси:

— ...Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя...

Но молитва тут же утонула в садистских подвываниях и экстатических столах, разнесшихся над головами сектантов. Они вконец обезумели, со звериным вождением в глазах наблюдая, как льется в кубок живая человеческая кровь.

А в клетке наверху Нэнси молила Бога, не щадя голосовых связок, чтобы перекрыть жуткий гул, царящий внизу:

— Упокой, Господи, душу ее и души всех невинно убиенных во Царствии своем...

Гвен сидела у алтаря уже мертвая, обвиснув на залитых кровью ремнях. Теперь кожа ее стала бледной, как у Синтии, а струйки крови, переполнив кубок, стекали по груди девушки прямо на пол. К этому моменту уже все без исключения члены братства чувствовали сильное сексуальное возбуждение. А Стэнфорд Слэйтер, владелец похоронного бюро, даже успел испытать оргазм, наблюдая, как умирает Гвен. В порыве безудержного экстаза многие прихожане Синтии посрывали с себя черные одеяния, и теперь, покрывшись потом, тяжело дышали в предвкушении общей оргии и дрожали от нетерпения поскорее отдаться друг другу.

Не в состоянии контролировать свое тело, Морган Дрей сидел в луже собственной мочи, которую он, впрочем, тоже не чувствовал.

А сквозь прутья тесной собачьей клетки Нэнси отчаянно выкрикивала:

— Прости их, Господи! Они не ведают, что творят.

Набрав кубок крови до самых краев, Льюк передал его Синтии, и та двумя руками подняла сосуд над головой.

— И этой кровью даруй же, о Господь Сатана, вечную жизнь нашей возлюбленной матери! Чтобы она, верная и покорная раба твоя, смогла во веки веков пребывать вместе с нами!

Морган Дрей с ужасом наблюдал, как Синтия приблизилась к мумии своей матери, поднесла кубок к ее мертвым губам и дала ей «выпить» дымящейся крови. Алые струйки потекли по подбородку мертвой старушки.

А Синтия уже взяла в руки серебряный кинжал и повернулась к Моргану.

— Спасибо,— чуть слышно прошептал он, когда кинжал по рукоять вошел в его тело. Он не чувствовал боли, и лишь по звуку смог догадаться, что нож вонзился ему в пах, и теперь, очевидно, из него хлынула целая лавина крови. Но он почему-то не умирал. Хотя уже безумно хотел скорее встретиться со своей смертью. «Видимо, я слишком рано поблагодарил ее»,— промелькнуло у него в голове. И снова в воздухе блеснуло лезвие, проткнув его тело — и опять Морган не смог умереть... И лишь при третьем ударе, когда Синтия направила смертоносный металл ему прямо в солнечное сплетение, а оттуда — в сердце, Морган Дрей вздохнул с облегчением.

Потом Синтия, наклонившись над мертвым профессором, привычным движением перерезала ему сонную артерию. Вдох восхищения пронесся по рядам сектантов. Все молча наблюдали, как Синтия набирает «освященную» кровь и сама делает первый глоток.

Потом к ней подошел Стэнфорд Слэйтер и, приняв кубок из ее рук, тоже поднял его к губам. И тогда все «ведьмы» и «колдуны» повскакивали со своих мест, тесной толпой сгрудившись у алтаря — каждый ждал своей очереди, чтобы отведать жертвенной крови.

Наконец Синтия сняла свою запачканную кровью белую робу. Соски ее затвердели, и она вся трепетала в предвкушении близкого секса. Братья смотрели на сестру с нескрываемой похотью. А минуту спустя возле тропов Гвен и Моргана уже началась безумная оргия.

Запертая в клетке среди воплей, стонов и улюлюканья сумасшедших фанатиков, Нэнси тихо молилась, и слова ее шли из самой глубины души:

— Верую во единого Бога-Отца, вседержителя, творца Неба и Земли, видимого же всем и невидимого; во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия...

Закончив молитву, она перекрестилась и убежденно добавила:

— Я никогда не буду служить ложному богу!

Голос девушки звучал твердо и решительно, и весь был словно пропитан несокрушимой верой. Она уже не чувствовала прутьев, сковавших ее свободу. И смерть перестала страшить ее. Дух Нэнси ликовал. А сжатые вместе ладони и пальцы были устремлены вверх, к небесам, где, как считала Нэнси, ее ждет Господь Бог.

Содержание

Джефри Конвиц

СТРАЖ

*Перевод с английского
Е. Севастьянова*

7

Джон Руссо

ПОЛНОЧЬ

*Перевод с английского
С. Алукард и В. Терещенко*

253

Конвиц Дж. Страж. Руссо Дж. Полночь.
К 64 («Библиотека остросюжетной мистики».) Вып. 7:
Перев. с англ. / Сост. Т. Чичиной; Ил. В. Лосева — М.: Компания «Ключ-С», 1993.—432, с., ил.
ISBN 5—253—432

На страницах этого выпуска вас ждет первая встреча с героями знаменитой дилогии Джеффри Конвица «Страж» и продолжение знакомства с кровавым миром рукотворного Зла в триллере Джона Руссо «Полночь».

Острый детективно-мистический сюжет «Стража» развивается вокруг апокалипсической истории смены часовых у врат Ада. На грани вселенской катастрофы в чудовищном водовороте людских судеб сплетаются отчаяние и глубокая вера, надежда и героическое самопожертвование. Но полным драматизма романом автор не просто щекочет нервы жадного до развлечений читателя; напряженное повествование вновь напоминает нам о роли и ответственности человека в извечной борьбе сил Света и Тьмы.

Верный своей излюбленной теме исследования многоликого земного Зла, Джон Руссо в «Полночи» знакомит нас с еще одной его разновидностью. «Во имя религии или ссылаясь на нее, человек способен на самые жестокие и безрассудные действия»,— говорит один из героев повести, и его слова звучат мрачным пророчеством: для религиозных фанатиков из Западной Виргинии коротким оказывается путь от невинных колдовских опытов до изощренных ритуальных убийств. Панорама кровавого мракобесия держит читателя в постоянном напряжении с первых страниц и, даже лишенная авторского комментария, не оставляет сомнений в путях истинного спасения человеческой души.

Литературно-художественное издание
Библиотека остросюжетной мистики

В ы п у с к 7

Джефри Конвиц

СТРАЖ

Джон Руссо

ПОЛНОЧЬ

Составитель-редактор
Чичина Тамара Васильевна

Оформление художника
Л. В. Брылева

Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 24.06 93 Подписано к печати 20.08 93.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,68 Усл. кр. отт. 22,73. Уч.-изд. л. 23,75.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 503. Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства
«Пресса» 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

